

ДОРОГАМИ
СКАЗОК

ДОРОГАМИ СКАЗОК

Сказки народов СССР

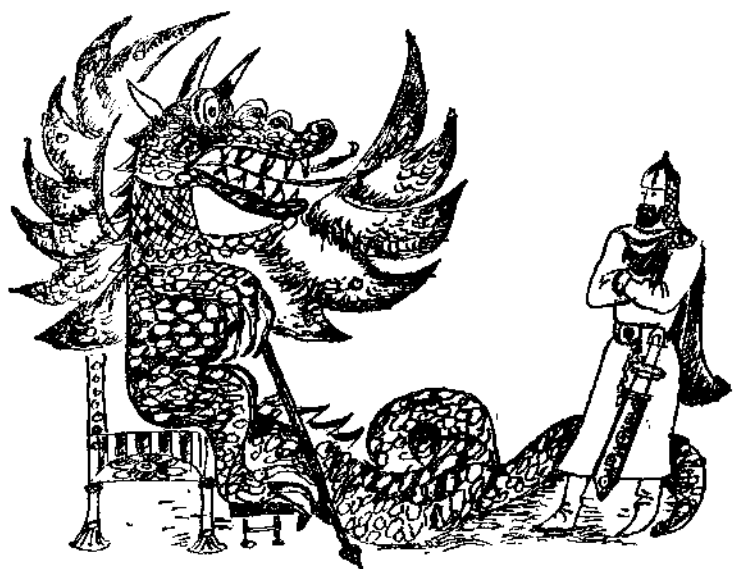

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1987

Составитель И. Баранова

С $\frac{4803000000-58}{356 (04)-87}$ 141—87

© Издательство «Ёш гвардия», 1987. Составление. Оформление.

ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Русская сказка

Жили-были старик со старухой. Старик птицу да зверя промышлял — тем и кормились. Много годов они прожили, а добра не нажили. Тужит старуха, сетует:

— Век свой промаялись, сладко не едали, не пивали, цветного платья не нашивали и детей у нас нет — кто нашу старость покоить будет?

— Не горюй, старуха, — утешает старик, — пока руки гнутся да ноги носят, сыты будем, а вперед не станем заглядывать.

С тем старик и ушел на охоту.

Ходил, ходил старик по лесу с утра до вечера, не привелось ему добыть ни птицу, ни зверя. Не хотелось

без добычи домой идти — да что станешь делать? Солнышко на закате, надо домой возвращаться.

Только тронулся, как вдруг совсем рядом захлопала крыльями и поднялась из-под куста большая птица невиданной красоты.

Пока старик ружье прилаживал, улетела птица.

— Видно, и та не моя была.

Заглянул под куст, откуда птица поднялась, а там в гнезде — тридцать три яйца.

— Попользуюсь хоть этим добром, — подумал старик.

Подтянул кушак, положил все тридцать три яйца за пазуху и пошел домой. Шел он, шел, живот у него от голода так подвело, что стали яйца из-за пазухи одно за другим выпадать.

Как яйцо выпадет, так молодец выскочит. Тридцать два яйца выпали, тридцать два молодца выскочили.

В то время старик кушак подтянул, и осталось тридцать третье яйцо за пазухой. Сам оглянулся — и глазам не верит: идут следом тридцать два молодца. Все в одно лицо, рост в рост, волос в волос. И заговорили все в один голос:

— Коли сумел нас найти — ты теперь наш отец, а мы твои дети, веди нас домой.

«Не было у нас со старухой никого, — думает старик, — а тут сразу тридцать два сына».

Пришли домой, старик говорит:

— Все ты, старуха, горевала да плакала, что детей нет. Вот тебе тридцать два сына-младца.

И рассказал ей, как детей нашел.

Старуха стоит — слова вымолвить не может. Постояла, постояла, руками всплеснула и кинулась стол накрывать.

А старик кушак распоясал, стал кафтан снимать. Выпало из-за пазухи тридцать третье яйцо, и выскочил тридцать третий молодец.

— Ты откуда взялся?

— Я тоже твой сын — Иван меньшой.

Вспомнил старик:

— А и правда, ведь было в гнезде тридцать три яйца. Садись, Иван меньшой, ужинать.

Не успели тридцать три молодца за стол сесть, как все старухины запасы съели и вышли из-за стола ни сыты, ни голодны.

Ночь переночевали, поутру говорит Иван меньшой:

— Сумел ты, отец, нас найти, сумеи и работу дать.

— Да какую я, ребятушки, работу вам дам? Мы со старухой не сеем, не пашем, ни лошади у нас, ни сохи — никакого обзаведенья у нас нет.

— Ну, на нет и суда нет, — отвечает Иван меньшой. — Пойдем в люди работу искать. Ты, отец, в кузницу поди — закажи тридцать три косы.

Покуда старик в кузнице был, косы ковал, Иван меньшой с братьями сделали тридцать три окося — длинные палки-держалки для них — и грабли — тоже тридцать три.

Отец воротился из кузницы. Иван меньшой раздал братьям косы да грабли.

— Пойдем на работу наниматься. Денег заработаем, станем свое хозяйство заводить да отца с матерью поковать.

Простились братья с родителями и отправились в путь-дорогу. Шли они близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — показался впереди большой город. Едет из того города царский дворецкий. Поравнялся с ними и спрашивает:

— Эй, молодцы, с работы вы или на работу? Коли на работу, пойдем со мной, дело дам.

— А что это у тебя за дело? — спрашивает Иван меньшой.

— Дело нехитрое, крестьянское, — отвечает дворецкий. — Надо траву на царских заповедниках выкосить, высушить, в конны сгрести да в стога сметать. Кто тут у вас за старшего?

Все молчат. Вышел Иван меньшой:

— Веди, показывай работу.

Привел их дворецкий на царские заповедные луга.

— Управитесь ли в три недели?

Ответил Иван меньшой:

— Дождика не будет, и в три дня справимся.

Обрадовался дворецкий.

— Приступайте, молодцы, к делу! Платой не обижу, а харчи какие надо, такие и стану давать.

Иван меньшой говорит:

— Изжарь нам только тридцать три быка, вина поставь тридцать три ведра да хлеба дай по калачику на брата, а больше нам ничего не надо.

Царский дворецкий уехал. Братья косы наточили и

так принялись ими помахивать, только свист стоит. Пошло дело споро: к вечеру всю траву скосили.

Тем временем из царской поварни привезли тридцать три быка жареных, тридцать три калача да тридцать три ведра зелена вина. Братья по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели и повалялись отдыхать.

На другой день, как только солнышко пригрело, стали траву сушить да в копны сгребать, а к вечеру все сено в стога пометали. Опять по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели. Послал Иван меньшой одного брата на царский двор:

— Скажи, пусть идут работу принимать.

Воротился брат, за ним дворецкий идет, а вслед и сам царь приехал на заповедные луга. Стога царь пересчитал, по лугам походил — нигде стоячей травинки не нашел. И говорит:

— Ну, ребяташки, сумели вы скоро и хорошо мои заповедные луга выкосить, траву высушить да сено в стога сметать — за это хвалю и сверх того жалую сто рублей денег да бочку-сороковку вина. А теперь сумеете сено устеречь. Повадился кто-то каждый год сено на этих лугах поедать, и никак того вора уследить не можем.

Иван меньшой говорит:

— Отпусти, царское величество, моих братьев домой, а сено я и один укараулю.

Царь перечить не стал. Братья пошли на царский двор, деньги за работу получили, поужинали и отправились домой.

Иван меньшой воротился на царские заповедные луга. По ночам не спит — сено караулит, а днем на царскую поварню пить, есть ходит, там и отдыхает.

Осень пришла, стали ночи длинные да темные. Иван меньшой с вечера в стог забрался, в сено зарылся, лежит — не спит. В самую полночь все кругом осветилось, будто солнышко засияло. Вскинул Иван меньшой глаза и видит: выскочила из моря кобылица-златогривница.

Кинулась кобылица прямо к стогу. Бежит, под ней земля дрожит, золотая грива развевается, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит.

Прибежала и стала сено поедать. Караульный изловчился и вскочил ей на спину. Кинулась кобылица-

златогривица прочь от сена и понеслась по царским заповедным лугам.

Спит Иван меньшей, левой рукой за гриву держится, а в правой у него ременная плеть. Той плетью кобылицу-златогривицу подстегивает и правит во мхи да в болота.

Носилась, носилась кобылица по мхам, по болотам, по брюхо в топи увязла и остановилась, заговорила:

— Ну, Иван меньшей, умел ты меня поймать, умел на мне усидеть да умел и укротить. Не бей меня, не мучь больше — стану тебе верно служить.

Привел ее Иван на царский двор, запер в конюшню, а сам пошел на поварню, поел и спать повалился. На другой день говорит царю:

— Ваше царское величество, я узнал, кто на твоих заповедных лугах сено поедал, и вора изловил. Пойдем, погляди.

Увидел царь кобылицу-златогривицу, обрадовался.

— Ну, Иван, хоть ты и меньшей, да разумом большой. А за верную службу жалую тебя старшим конюхом.

Заступил он на царскую конюшню. Ночей не спит — коней холит. Стали царские кони тельные, гладкие, шерсть, как шелк, блестит, гривы да хвосты расчесанные, пушистые: любо-дорого посмотреть.

Царь хвалит — не нахвалится:

— Молодец, Иван меньшей — разумом большой, эдакого конюха у меня вовек не бывало.

А старым конюхам завидно:

— Поставили над нами мужика-деревенщину. Ему ли на царской конюшне старшим быть?

И стали худое замышлять. А Иван меньшей — разумом большой свое дело делает, беды над собой не чувствует.

В ту пору забрел на царский двор старый ярыга — полицейский забулдыга, кабацкий дух, просит конюхов:

— Поднесите, ребяташки, опохмелиться, со вчерашнего вечера голова болит. Я за это вас на ум наставляю, как старшего конюха извести.

Конюхи с радостью поднесли ему стаканчик винца. Опохмелился ярыга и говорит:

— Нашему царю до смерти охота достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Много доб-

рых молодцев ездило волей, а больше того — неволей, чтобы те диковины добыть, да никто назад не воротился. Вот и скажите царю: хвалился-де Иван меньшой — разумом большой, будто это дело ему нипочем сделать.

Конюхи ярыгу поблагодарили, поднесли ему еще стаканчик винца и пошли к царскому красному крыльцу. Стоят под окнами, переговариваются. Царь их увидел, вышел из покоев и спрашивает:

— О чем, молодцы, разговариваете? Что вам нужно?

— Да вот, царь-государь, старший конюх Иван меньшой — разумом большой похвывается: «Знаю я, как достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да котаягруна». Мы тут и спорим: кто говорит достанет, а кто говорит, что он попусту похвывается.

Как услышал царь такие речи, весь с лица сменился. Руки, ноги дрожат, сам думает: «Как бы мне эти редкости заполучить, все бы цари стали мне завидовать. Сколько народу посылал, никто назад не воротился».

И сию же минуту приказал старшего конюха кликнуть. Увидел его и сразу кричит:

— Не мешкай, поезжай, привези гусли-самоигры, гусака-плясуна да котаягруна.

Отвечает Иван меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество, я про них и слыхом не слыхал! Куда я поеду?

Рассердился царь, ногой топнул:

— Ты что тут надумал разговоры разговаривать, моему слову супротивиться?! Езжай немедленно. Коли доставешь — награжу, а не доставешь — на себя пеняй: голова твоя с плеч.

Пошел Иван меньшой — разумом большой от царя невесел, буйную голову повесил. Стал седлать кобылицу-златогривицу. Она спрашивает:

— Что, хозяин, печальный? Или беда какая приключилась?

— Как же мне веселому быть? — отвечает. — Царь велел добыть гусли-самоигры, гусака-плясуна да котаягруна, а я про них и слыхом не слыхивал.

— Ну, то небольшая беда, — говорит златогривица, — садись да поедem к яге-ягишне, узнаем, где те диковины.

Иван меньшей — разумом большой скоро в дорогу собрался. Только и видели, как он на кобылицу-златогривицу садился. А уж никто не видел, как добрый молодец со двора укатился.

Ехал он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли и заехал в глухой лес, такой темный — свету белого не видать. Кобылица-златогривица отошала, и сам притомился. Выехал на поляну и видит: стоит избушка на курьей лапке, на веретеной пятке, с востока на запад поворачивается.

Подъехал ближе и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом. Мне не век вековать — одну ночку переночевать.

Избушка повернулась к нему передом. Привязал кобылицу, на крыльцо взбежал, дверь настежь распахнул.

Сидит в избушке баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос, возле ступа да пест стоят.

Увидала яга-ягишна гостя и говорит:

— Давно русского духу не слыхала, а тут русский дух сам ко мне пожаловал. Сказывай, молодец, зачем приехал?

— Что же ты, бабушка, неласково гостя встречаешь — выпрашиваешь у холодного да у голодного? У нас на Руси дорожного человека сперва накормят, напоят, в бане выпарят да спать уложат, а уж после спрашивают.

Тут баба-яга спохватилась:

— Ой, добрый молодец, не взыщи — у нас не у вас, прости меня, старуху! Все дело справим, как надобно.

И принялась хлопотать. На стол собрала, накормила, напоила гостя, потом баньку вытопила. Напарился, намылся Иван меньшей — разумом большой. Баба-яга постель постелила, уложила его, а сама села к изголовью, стала спрашивать:

— Скажи, добрый молодец, по доброй воле сюда заехал или неволя тебя пригнала, и куда путь держишь?

Отвечает гость по-честному все, как есть:

— Вселел мне царь достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Кабы ты, бабушка, сказала мне, где их найти, век бы твое добро помнить стал.

— Ох, дитятко, знаю я, где те диковины. Да взять

их трудно. Много туда добрых молодцев езживало, да назад ни один не воротился.

— Ну, бабушка, чему быть, того не миновать, а ты пособи моему горю — расскажи, куда мне ехать?

— Жалко мне тебя, дитя, да делать нечего, надо тебе пособить. Ты свою кобылицу-златогривицу у меня оставь, будет она в сохранности. И вот тебе клубочек. Завтра, как выйдешь, кинь его наземь — куда клубочек покатится, туда и ты ступай. Приведет он тебя к моей средней сестре. Ты клубочек покажи, и она тебе все расскажет, переправит к старшей сестре и всем, чем может, пособи.

На другой день разбудила гостя ни свет, ни заря, накормила, напоила, на двор проводила. Иван меньшой — разумом большой поблагодарил бабу-ягу, распрощился и отправился в путь-дорогу, которую ему бабкин клубок показал.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а клубок все вперед да вперед катится, вслед за ним молодец поспешает.

Шел день и другой, на третий день клубок подкатился к избушке на воробьиной лапке, на веретенной пятке и тут остановился.

— Повернись, избушка, ко мне передом, а к лесу задом.

Избушка повернулась, и поднялся молодец на крыльцо. Дверь отворил, встретила его хозяйка неласково:

— Давно я русского духу не слыхала, человечьего мяса не едала, а тут человек сам ко мне пришел. Чего тебе надо, говори?

Подал ей Иван меньшой — разумом большой клубок. Баба-яга взглянула на него, руками всплеснула:

— Ох, да ты не чужой, а гость дорогой — тебя моя меньшая сестра ко мне отправила! Так бы и сказал.

И забегала, захлопотала. Стол накрыла, кушаний да питья наставила, стала гостя потчевать:

— Ешь, пей досыта да ложись отдохни, а потом и о деле станем толковать.

Иван напился, наелся, повалился отдыхать, а баба-яга, средняя сестра, села к изголовью, стала выпрашивать. Рассказал ей гость, кто он да откуда и по какому делу идет путем-дорогой. Баба-яга говорит:

— Путь тебе не дальний, да не знаю, как ты жив останешься. Гусли-самоигры, гусак-плясун да кот-игрун у нашего племянника Змея Горыныча. Много туда добрых молодцев прошло, да назад никто не воротился — всех погубил Змей Горыныч. Он сын нашей старшей сестры. Надо попросить, чтобы она тебе помогла, а то живому тебе не быть. Пошлю к ней сегодня ворона — птицу вещую, пусть сестру предупредит. А ты пока спи, отдыхай, завтра рано разбужу.

Ночь добрый молодец проспал, поутру раненько встал, умылся. Покормила его баба-яга и дала красный шерстяной клубочек. Вывела на тропинку, и тут они распрощались. Клубок покатился, Иван вслед пошел.

Вот он идет и идет — от утренней зари до вечерней, от вечерней до утренней. Притомится — возьмет клубок в руки, посидит, съест сухарик, воды ключевой напьется и снова в путь-дорогу.

На третий день к вечеру остановился клубок у большого дома. Стоит тот дом на двенадцати столбах, на двенадцати камнях. Вокруг дома высокий ча-стокол.

Пес залаял, и выбежала из дома баба-яга, старшая сестра. Пса уняла, сама говорит:

— Знаю, все знаю про тебя, добрый молодец, прилетел ко мне от средней сестры ворон — птица вещая. Как-нибудь твоему горю-нужде постараюсь помочь. Проходи в горницу да садись с дороги попить-поесть.

Накормила гостя, напоила.

— Теперь тебе надо ухорониться. Скоро мой сынок Змей Горыныч прилетит, голодный да сердитый. Как бы он тебя не сглотнул.

Отворила погребницу:

— Полезай в подпол, сиди там, покуда не позову.

Только успела подпол закрыть, как все кругом зашумело, загремело. Двери распахнулись, и влетел Змей Горыныч — весь дом ходуном заходил.

— Чую, русским духом пахнет!

— Что ты, сынок, откуда тут русскому духу быть — уж сколько годов даже серый волк не прорыскивал, ясный сокол не пролетывал. Сам ты по свету летал, там русского духу и набрался.

А сама хлопчет, на стол собирает. Вытянула из печи жареного быка-трехлетка, поставила ведро вина,

Выпил Змей Горыныч вино, быком закусил, стал повеселее.

— Эх, мать, с кем бы мне позабавиться? Хоть в карты в дурака сыграть?

— Нашла бы, сынок, с кем тебе позабавиться, в дурака сыграть, да боюсь, как бы ты чего худого не сделал.

— Зови, мать, не бойся, никому вреда не сделаю. До смерти охота мне потешиться, поиграть.

— Ну, сынок, помни свое обещание,— молвила баба-яга и отворила погреб.— Подымись, Иван меньшей — разумом большой, уважь хозяина, поиграй в карты.

Сели за стол. Говорит Змей Горыныч:

— Станем играть так: кто кого обыграет, тот того и съест.

Всю ночь играли. Баба-яга гостю помогала, и к утру к свету Иван обыграл Змея Горыныча, оставил в дураках.

Стал тот просить:

— Погости, молодец, у нас, вечером, как вернусь домой, еще поиграем — хочу я отыграться.

Змей Горыныч улетел, а Иван меньшей — разумом большой выспался вволю. Баба-яга накормила его, напоила.

Вечером Змей Горыныч воротился, съел трехлетка-быка жареного, выпил вина полтора ведра и говорит:

— Ну, теперь сядем играть, стану отыгрываться.

Сидят, играют. А Змей Горыныч ту ночь не спал, день по свету летал — притомился, нашла на него дремота. Иван да баба-яга опять его обыграли, другой раз оставили в дураках. Говорит Змей Горыныч:

— Надо мне сейчас лететь, свои дела справлять, а вечером третий раз сыграем.

Иван снова хорошо отдохнул, а Змей Горыныч две ночи не спал, весь свет облетал, усталый вернулся. Съел жареного быка, выпил два ведра вина, зовет гостя:

— Садись, молодец, стану отыгрываться.

А сам усталый сидит, дремлет. И скоро его добрый молодец в третий раз обыграл, в дураках оставил.

Перепугался Змей Горыныч, что съест его Иван, как уговаривались, пал на колени, взмолился:

— Ох, добрый молодец, не губи, не ешь меня! Я тебе какую хочешь службу сослужу!

И матери в ноги повалился:

— Мать, уговори гостя меня в живых оставить!

А Ивану только того и надо:

— Ладно, Змей Горыныч, обыграл-я тебя три раза, и коли отдашь мне три диковинки: гусли-самоигры, гусака-плясуна да кот-игруна, на том мы и поладим.

Змей Горыныч засмеялся, кинулся обнимать гостя да бабу-ягу.

— С радостью отдам все три диковины, я себе еще лучше вперед достану.

Задал пир, на том пиру доброго молодца потчевал, братом называл. Потом сам вызвался:

— Чем тебе, гостенек, пешим добираться да гусли-самоигры, гусака-плясуна и кот-игруна нести, я тебя в одночасье куда надо доставлю.

— Вот, сынок, хорошо! — говорит баба-яга. — Отнеси гостя к моей младшей сестре, твоей тетке, а на обратном пути среднюю сестру проведай, давно ты у них не бывал.

Пир отпировали. Взял Иван меньшей — разумом большой свои диковинки, с бабой-ягой простился. Подхватил его Змей Горыныч, взвился под облака. Часу не прошло, как спустились возле избушки младшей бабы-яги. Хозяйка на крыльцо выбежала, с радостью гостей встретила.

Иван здесь мешкать не стал. Оседлал свою кобылицу-златогривицу, с младшей бабой-ягой да Змеем Горынычем распрощался и подался в свое государство.

Привез все диковинки в целости-сохранности. А у царя в ту пору сидели в гостях три царя с царевичами, три короля иноземных с королевичами да министры с боярами. Добрый молодец зашел в горницу и подал царю гусли-самоигры, гусака-плясуна да кот-игруна.

Обрадовался царь:

— Ну, Иван меньшей — разумом большой, сумел ты мне этакую службу сослужить! Хвалю за то и жалую: был ты старшим конюхом, а теперь тебе быть моим царским советником.

Бояре да министры поморщились, промеж себя перемолвились:

— Сидеть рядом с конюхом — нашей чести великая поруха. Эко царь выдумал!

Тут гусли-самоигры заиграли, кот-игрун стал тоненько подыгрывать, а гусак-плясун приплясывать. И такое пошло веселье — на месте усидеть нельзя. Все именитые гости ударились в пляс.

Время идет, а все пляшут и пляшут. У царей да у королей короны сбились набекрень, царевичи да королевичи каруселью в присядке носятся. Министры да бояре потом обливаются, поойкивают, а остановиться никто не может. Царь рукой машет:

— Ох, Иван меньшой — разумом большой, останови забаву: совсем упарились.

Добрый молодец все три диковины в мешок положил, разом все стихло.

Гости кто куда повалились, отдуваются:

— Ну, и потеха, ну, и забава, эдакой век не видывали!

Иноземные гости завидуют. Царь рад-радехонек:

— Теперь все цари-короли узнают и от зависти изведутся. Ни у кого таких редкостей нет!

А бояре с министрами переговариваются:

— Эдак скоро мужик-деревенщина станет первым человеком в царстве и всю свою мужицкую родню на должности поставит. А нам, именитой знати, на свете не житье будет, коли мы от него не избавимся.

На другой день собрались министры с боярами. Сидят — думают, как нового царского советника извести. Один старый князь присоветовал:

— Позовите ярыгу-пьяницу, он на эти дела мастер.

Пришел ярыга — полицейский забулдыга, поклонился:

— Знаю, господа министры да бояре, зачем я понадобился. Коли полведра вина поставите, научу, как от нового царского советника избавиться.

— Сказывай, за полведром дело не станет.

Поднесли для первости чарочку. Выпил ярыга и говорит:

— Сорок годов прошло с тех пор, как наш царь овдовел. И с той поры много раз сватал Алену, прекрасную царевну, да высватать не мог. Три раза войной ходил на то царство, сколько войска погубил, а и силой не взял. Пусть пошлет нового советника, чтобы

привез Алену, прекрасную царевну. Туда уедет, назад не вернется.

Бояре да министры повеселели. Наутро пошли к царю:

— С умом ты, царь-государь, нового царского советника сыскал. Эдакие диковины достал и теперь похвастается, что может Алену, прекрасную царевну, похитить да сюда привезти.

Как услышал царь про Алену, прекрасную царевну, не мог на месте усидеть, с трона соскочил:

— А и правда, совсем из головы выскочило! Вот кого надо послать за Аленой, прекрасной царевной.

Позвал своего нового советника и говорит:

— Поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство — привези мне невесту Алену, прекрасную царевну.

Иван меньшой — разумом большой отвечает:

— Ваше царское величество, Алена, прекрасная царевна — не гусли-самоигры, не гусак-плясун и не котигрун: в мешок царевну не сунешь. Да она, может, и ехать не захочет сюда.

Царь ногами затопал, руками замахал, бородой затряс:

— Не перечь мне! Знать ничего не знаю, как умеешь, так и доставай мне невесту. Привезешь Алену, прекрасную царевну, дам тебе город с пригородом и министром поставлю. А не привезешь, велю голову отрубить.

Вышел от царя Иван меньшой в печали, в большом раздумье. Стал кобылицу-златогривицу седлать, а она спрашивает:

— Что, хозяин, задумался, какая над тобой беда-невзгода?

— Беда или не беда, да и радоваться нечему. Посылает царь меня доставать ему невесту Алену, прекрасную царевну. Сам три года сватался, не высватал, три раза войной ходил — достать не мог, а меня одного посылает.

— Не печалься, большой беды тут нет, — говорит кобылица-златогривица. — Я тебе помогу, как-нибудь дело справится.

Иван снаряжался недолго, скорее того в дорогу отправился. Только и видели, как в седло садился, никто не увидел, как со двора молодец укатился.

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — и приехал в тридесатое царство. Стоит на пути высокая ограда. Златогривица легко через ограду перескочила, и очутился молодец в царском заповедном саду. Говорит кобылица-златогривица:

— Я обернусь яблоней с золотыми яблоками, а ты возле меня схоронись. Завтра выйдет Алена, прекрасная царевна, в сад погулять, и захочется ей золотое яблочко сорвать. Подойдет близко, ты не зевай — хватай царевну, а я буду наготове. Ни минуты не мешкай, садись с царевной на меня. Коли оплошаешь, в живых ни тебе, ни мне не быть.

На другой день утром вышла Алена, прекрасная царевна, в заповедный сад погулять. Увидала яблоню с золотыми яблоками и крикнула своим мамкам, нянькам да санным девушкам:

— Ах, какая яблоня красивая! И яблоки золотые! Стойте тут, ждите меня — я сбегаю, хоть одно яблочко сорву.

Только подбежала, откуда ни возьмись, выскочил Иван меньшей — разумом большей, ухватил Алену, прекрасную царевну, за руки. И в ту же минуту яблоня обернулась кобылицей-златогривицей. Бьет она копытами, торопит. Вскочил молодец в седло и Алену, прекрасную царевну, подхватил — только их мамки, няньки да санные девушки и видели.

Подняли они крик. Сбежались караульные, а Алены, прекрасной царевны, и след простыл. Царь-отец узнал, нарядил погоню: во все стороны верховых послал. На другой день воротились все с пустыми руками, только коней загнали. Похитителя никто и в глаза не видел.

Иван той порой много земель проехал, много рек да озер позади себя оставил.

Первое время Алена, прекрасная царевна, отбивалась, потом затихла, заплакала. Поплачет да на доброго молодца взглянет, поплачет да взглянет. На другой день заговорила:

— Сказывай, кто ты есть? Из какой земли, из какой орды? Чьих ты родов сын и как тебя звать-величать?

— Зовут меня Иваном, прозывают меньшим, да разумом большим. Сам я из царева царства, крестьянский сын.

— Скажи, Иван меньшей — разумом большой, для себя ты меня похитил или по чьему приказу?

— Велел мне достать тебя наш царь.

Алена, прекрасная царевна, руки заломила и крикнула:

— Да ни в жизнь я за такого старого дурака замуж не пойду! Он три года сватал — не высватал, три раза наше царство воевал — ничего не добился, только войско потерял. И теперь не видать ему меня, как своих ушей.

Доброму молодцу те речи по душе пришлись. Ничего ей не сказал, а про себя подумал: «Вот бы мне такая жена досталась!»

А в скором времени показалась своя земля. Старый царь все дни от окна не отходил, на дорогу поглядывал, ждал, когда на ней покажется Иван меньшей — разумом большой.

Молодец еще к городу подъезжал, а царь уж не утерпел — на красном крыльце дожидался. И не успел еще Иван на царский двор заехать, как сбежал царь с крыльца, Алену, прекрасную царевну, с седла снимал, за белые руки брал. Сам говорит:

— Сколько годов я сватов засылал и сам свататься приходил, все отказывалась, а теперь уж придется со мной под венец идти.

Усмехнулась Алена, прекрасная царевна:

— Ты бы, царское величество, мне с дороги хоть отдохнуть дал, а уж потом о свадьбе разговор завел.

Царь засуетился, захлопотал, позвал мамок, нянек да сенных девушек:

— Готов ли терем для дорогой гостьи?

— Все давно приготовлено, — говорят.

— Ну, вот, принимайте свою будущую царицу. Все, что скажет, исполняйте, чтобы ни в чем ей отказу не было! — приказал царь.

Мамки, няньки да сенные девушки увели Алену, прекрасную царевну, в терем. А царь говорит Ивану меньшому — разумом большому:

— Молодец, Ваня! За эдакую службу быть тебе моим главным министром и жалую тебе еще три города с пригородками.

День ли, два ли прошло, не терпится старому царю. Охота поскорее свадьбу сыграть. Спрашивает у Алены, прекрасной царевны:

— На какой день станем гостей звать, когда поедем венчаться?

Отвечает царевна:

— Как я стану венчаться, коли нет моего обручального перстня да свадебной кареты?

— Ну, за этим дело не станет,— говорит царь.— Колецо да карет в нашем царстве хоть отбавляй. Выбери, какие хочешь, а если уж по нраву ничего не найдешь, пошлем гонца в заморские страны, оттуда привезем.

— Нет, царское величество, ни в какой карете, кроме своей, я под венец не поеду и никаким перстнем, кроме своего, обручаться не буду,— отвечала Алена, прекрасная царевна.

Царь спрашивает:

— А где твой перстень и твоя свадебная карета?

— Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. И откуда не достанешь, о свадьбе со мной не заговаривай.

Царь корону снял, в затылке почесал:

— Как же твою карету со дна моря-океана достать?

— Это забота не моя,— сказала царевна,— как знаешь, так и доставай!

И ушла в свой терем.

Остался царь один.

Думал он, думал — ничего не придумал и вспомнил про Ивана меньшого — разумом большого.

— Вот кто мне перстень да карету достанет!

Позвал Ивана меньшого и говорит:

— Ну, мой верный слуга Иван меньшой — разумом большой, только ты один и мог сыскать гусли-самоигры, гусака-плясуна и кота-игруна. Ты мне достал и невесту Алену, прекрасную царевну. Сослужи еще третью службу — привези обручальный перстень да свадебную карету. Перстень царевнин в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Коли привезешь перстень да карету, я тебе треть царства отпишу.

Говорит Иван меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество, ведь я не рыба-кит! Как я стану на дне морском перстень да карету искать?

Царь рассердился, ногами затопал, закричал:

— Знать ничего не знаю и ведать не ведаю. Мое царское дело — приказывать, а твое — слушаться. Привезешь перстень да карету — награжу по-царски, не привезешь — голову на плахе отсеку.

Пошел добрый молодец на конюшню, стал кобылицу-златогривицу седлать. Спрашивает она:

— Куда, хозяин, собрался?

— И сам еще не знаю, куда, а ехать надобно: велел царь обручальный перстень царевны да свадебную карету достать. Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Вот и поедем доставать.

Кобылица-златогривица говорит:

— Эта служба потруднее всех будет. Хоть дорога и недалняя, да может статься — печальная. Знаю, где карета, а достать нелегко. Я спущусь на дно моря-океана, запрягусь и привезу карету на берег, если меня морские кони не увидят. А уж коли увидят морские кони, загрызут насмерть. Век тебе не видать ни меня, ни кареты.

Иван меньшей — разумом большой задумался.

Думал, думал и придумал. Пошел к царю:

— Дай мне, царское величество, двенадцать воловьих кож, дай двенадцать пудов просмоленной бечевы, двенадцать пудов смолы да котел.

— Этого добра бери сколько надо да торопись службу исполнять.

Нагрузил кожи, бечеву да котел на телегу, запряг кобылицу-златогривицу и отправился в путь-дорогу.

Приехал на царские заповедные луга, на морской берег.

Стал молодец кобылицу-златогривицу кожами укрывать, бечевой просмоленной увязывать.

— Если кони морские увидят и накинутся, нескоро до тебя зубами доберутся.

Двенадцать кож умотал, двенадцать пудов бечевы просмоленной увязал. Потом стал смолу разогревать да той смолой заливать. Двенадцать пудов смолы на кожи да на бечеву вылил.

— Вот теперь мне кони морские не страшны, — говорит кобылица-златогривица. — Сиди на лугах и ожидай меня три дня, в гусли играй, а глаз не смыкай.

Тут она кинулась в море и скрылась под водой. Остался Иван меньшей — разумом большой один на

морском берегу. День прошел и другой прошел, не спит молодец, в гусельцы поигрывает, на море поглядывает. На третий день напала маета, стало ко сну клонить, и гусельцы его не развлекают. Крепился, крепился и не мог удержаться — задремал.

Много ли, мало ли времени подремал, услышал сквозь сон конский топот. Взглянул и видит: выскочила на берег кобылица-златогривица с каретой. Шесть морских коней златогривых висят по бокам.

Иван меньшой — разумом большой кинулся навстречу. Говорит кобылица-златогривица:

— Не укрыл бы ты меня воловьими шкурами, не увязал бы бечевой да не залил бы смолой, век бы не дождался. Целым табуном напали на меня морские кони, девять кож начисто порвали да две крепко попортили, а эти шесть коней так увязли в смоле да в веревках зубами, оторваться не могли. Ну да ладно, тебе они пригодятся.

Добрый молодец слутал поги морским коням, схватил ременную плетъ и стал их учить уму-разуму. Бьет да приговаривает:

— Будете слушаться, хозяином меня признавать? А не станете слушаться — насмерть забью и волкам скормлю!

Пали кони на колени, взмолились:

— Не мучь, не бей, добрый молодец, будем тебя слушаться и станем верно служить. Настанет беда, выручим тебя.

Кинул плетъ, запряг всех коней в телегу и поехал домой.

Подкатил семериком к царскому красному крыльцу. Кобылицу-златогривицу да коней морских в конюшню поставил, а сам пошел к царю:

— Бери, царское величество, карету со всем приданым — у крыльца стоит.

Царь ему и спасибо не сказал. Скорым-скоро побежал, достал укладку и понес Алене, прекрасной царевне.

— Я тебя, Алена, прекрасная царевна, потешил: все твои желанья исполнил, укладку и перстень достал, а свадебная карета у окна стоит. Сказывай, когда будем свадьбу играть, на какой день гостей звать?

Отвечает прекрасная царевна:

— Повенчаться-то я согласна, и свадьбу можно

скоро сыграть. Да не хочется мне, чтобы ты такой старый да седой со мной под венец шел. Станут люди судить-рядить, над тобой смеяться, скажут: «Старый да седой молодую взял. А у старого и седого молодая жена — чужая корысть». На людской роток ведь не накинешь платок. Вот как бы ты помолодился перед свадьбой, все бы у нас ладно было.

Спрашивает царь:

— Научи, как из старого молодым стать? Помолодиться-то куда бы лучше, да у нас еще эдакого не слыхано.

Алена, прекрасная царевна, говорит:

— Надо найти три больших медных котла. В первый дополна цельного молока налить, в другой и третий — студеной ключевой воды. Котел с молоком да один котел с водой нагреть. А закипит ключом молоко да вода, кидайся сперва в молоко, потом в горячую воду, а уж потом в студеную. Как окунешься с головой во всех трех котлах, выйдешь молодым да пригожим, будто двадцати годов.

— А не обожгусь ли? — спросил царь.

— У нас в царстве совсем стариков нету, — говорит прекрасная царевна, — все так молодятся и никто не обжигался.

Пошел царь и велел приготовить все так, как Алена, прекрасная царевна, научила.

А как закипели ключом молоко да вода, задумался. Боязно стало, ходил вокруг котлов, хлопнул себя по лбу:

— Чего долго раздумывать? Пусть Иван меньшой — разумом большой сперва попробует искупаться, а я погляжу: коли хорошо, и сам выкупаюсь. А Иванко сгорит, плакать некому; кони мне достанутся, и треть царства обещанную отписывать не надо будет.

И велел кликнуть Ивана меньшого — разумом большого.

— Зачем, царское величество, звал меня? Ведь я еще с дороги отдохнуть не успел.

— Сейчас тебя отпущу, — говорит царь. — Выкупайся в этих трех котлах и поди отдыхай.

Поглядел молодец в котлы: молоко да вода ключом кипят, только в третьем вода спокойная.

— Ты что, царское величество, задумал меня живь-

ем сварить? За всю мою верную службу хочешь так наградить?

— Да нет, Ваня! Кто во всех трех котлах выкупается, тот из старого молодым станет да красивым.

— Я и так не старый, ваше величество, и мне незачем молодиться.

Царь сердиться стал:

— Что ты такой супротивный? Всегда мне перечишь! Добром не станешь купаться, силком заставляю.

В ту пору Алена, прекрасная царевна, прибежала из своего терема. Улучила минутку и шепнула доброму молодцу незаметно от царя:

— Перед тем, как в котел нырнуть, дай знать кобылице-златогривнице да морским коням, а потом купайся без опаски.

А царю она говорит:

— Пришла узнать, все ли тебе приготовили, как я сказывала.

Обошла котлы кругом, поглядела и говорит:

— Все, как надобно быть. Ты, царское величество, купайся, а я побегу к свадьбе готовиться.

И ушла в свой терем. Иван меньшей — разумом большой поглядел на царя.

— Ладно, потешу тебя в последний раз. Все равно двум смертям не бывать, а одной не миновать. Позволь только взглянуть один раз на кобылицу-златогривницу. Много мы с ней странствовали, поди знай, может быть, больше и не увидать.

Позволил царь:

— Ступай да не мешкай там!

Пошел Иван меньшей — разумом большой на конюшню, кобылице-златогривнице да морским коням все рассказал, а те ему говорят:

— Как услышишь, мы вместе всхрапнем до трех раз, смело ныряй и ничего не бойся.

Воротился Иван к царю.

— Ну, я теперь со всем справился, ваше величество, сейчас буду нырять.

И вот слышит — кони всхрапнули раз, другой и третий. Тут добрый молодец бултых в котел с молоком, вынырнул да из первого котла прямо в котел с кипятком кинулся, а потом в студеной ключевой воде окунулся и вышел из третьего котла таким пригожим

да красивым, что нельзя описать — только в сказке рассказать.

Царь, глядя на него, больше раздумывать не стал, кое-как вскарабкался на помост, зал в котел с молоком, да там и сварился.

Тут Алена, прекрасная царевна, скорым-скоро с крутого крылечка сбегала, Ивана меньшого — разумом большого за белые руки брала, обручальный перстень ему на палец надела. Сама усмехнулась и промолвила:

— Похитил ты меня по царскому указанию, а теперь нет царя в живых. Воля у тебя своя: хочешь, назад вези, а хочешь — у себя оставь.

Иван меньшой — разумом большой прекрасную царевну за руки взял, суженой назвал и надел ей на палец свое колечко.

Потом послал посыльных отца с матерью да братьев из деревни на свадебный пир звать.

В скором времени отец с матерью да тридцать два брата, тридцать два молодца, приехали на царский двор.

Свадьбу сыграли, пир отпировали. Иван меньшой — разумом большой со своей женой Аленой, прекрасной царевной, стали жить-поживать да отца с матерью почитать.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Русская сказка

Шел солдат со службы. Прослужил он царю двадцать пять лет, да не выслужил и двадцати пяти реп. Только и дали ему на дорогу — три сухаря.

Шел он, шел, два сухаря съел, и остался у него только один сухарь. А до дому еще далеко идти.

Той порой повстречался ему нищий и стал просить:

— Подай, служивый, милостыньку убогому!

Вынул солдат свой последний сухарь и отдал старику. «Сам-то как-нибудь обойдусь, — думает, — мое дело солдатское. А старому человеку где взять?»

Подумал так, трубку набил, закурил и снова тронулся в путь.

Шел, шел и видит возле дороги озеро. У самого берега дикие гуси плавают. Подкрался солдат, изловчился и убил палкой трех гусей.

«Теперь будет чем пообедать!»

Вышел на дорогу и скоро пришел в город. Разыскал постоянный двор, подал всех трех гусей хозяину:

— Вот тебе три гуся. Одного для меня зажарь, другого возьми себе за хлопоты, третьим угости своих постояльцев.

Покуда солдат амуницию снимал да располагался на отдых — и обед поспел.

Подали ему жареного гуся. Сидит солдат, угощается: худо ли!

Не торопится солдат, у хозяина спрашивает:

— Чьи там через улицу новые хоромы видать?

Тот отвечает:

— Самый что ни есть богатый купец выстроил себе те палаты, да вот все никак не может жить туда перебраться.

— Почему?

— Завелась, видишь ты, там нечистая сила. Черти по ночам гнездятся: шумят, пляшут да визжат целую ночь, покою нет. Люди боятся и близко подходить, как стемнеет.

Солдат у хозяина выпросил, как ему того купца найти.

— Охота мне с ним повидаться да перемолвиться: не помогу ли я чем ему?

После обеда лег на часок отдохнуть, а как стало вечереть, пошел в город. Нашел купца. Тот спрашивает:

— Что скажешь, служивый?

— Я человек дорожный. Позволь мне в твоём покоем доме переночевать, все равно он пустой стоит.

— Да места бы мне не жалко, — отвечает тот. — Только какая тебе нужда на верную гибель идти? Переночуй у кого-нибудь, мало ли в городе домов. А в моем с тех пор, как построили его, черти поселились, и никак их не выжить.

— Может, мне удастся прогнать чертей? Авось послушается солдата нечистая сила.

— Находились и до тебя смельчаки, да все без

толку, ничего поделывать нельзя. Взялся эдак же один прохожий человек избавить дом от нечисти, отважился переночевать. А наутро только косточки от него нашли. Заела его нечистая сила.

— Русский солдат в воде не тонет и в огне не горит. Служил я двадцать пять лет, и в походах, и в сраженьях бывал, да жив остался. А уж от чертей как-нибудь оборонюсь, не поддамся.

Купец говорит:

— Ну, дело твое. Ступай ночуй, коли не боишься. А если избавишь дом от чертей, за наградой не постою.

— Дай мне,— говорит солдат,— свечей, каленых орехов да одну печеную репу покрупнее.

— Пойдем в лавку, бери, что надобно.

Зашли в лавку, солдат взял десяток свечей, три фунта каленых орехов, потом завернул на купеческую кухню и прихватил печеную репу — самую большую, а после отправился в новый дом.

Расположился ночевать в горнице — самой большой и лучшей комнате. Шинель да ранец на гвоздь повесил. Свечи зажег, трубку набил. Сидит, покуривает, орехи каленые пощелкивает, а время идет.

В самую полночь — откуда что взялось! — шум, гам поднялся, двери захлопали, половицы заскрипели, пошли визги со всех сторон, хоть уши затыкай. Все ходуном заходило.

А солдат сидит как ни в чем не бывало: орехи пощелкивает, трубочку покуривает.

Вдруг дверь приотворилась, чертенок голову просунул, солдата увидел и закричал:

— Тут человек сидит! Эй, собирайтесь — пожива есть!

Затопотало кругом, и все черти сбежались в ту горницу, где солдат сидел. Столпились у дверей, поглядывают, друг дружку подталкивают да повизгивают:

— Разорвем, съедим его!

— Погоди хвалиться-то,— говорит солдат.— Не эдаких видывал на своем веку, да и бывать вашего брата немало приходилось. Как бы мной не подавились!

Тут протолкался вперед самый большой черт и говорит:

— Давай силой меряться!

— Ладно, померяемся,— отвечает солдат,— Может

кто из вас так камень рукой сдвинуть, чтобы сок побежал?

Старший черт велел принести с улицы булыжник. Один чертенок побежал, принес с улицы небольшой камень. Подают солдату:

— На, пробуй!

— Сперва пусть кто из вас попробует, а за мной дело не станет.

Старший черт схватил камень и так крепко сжал, что только горсть песку осталась.

— Гляди!

Солдат печеную репу из ранца достал.

— Видишь, мой булыжник больше твоего.

Сдавил репу рукой. Сок побежал.

— Видели?

Удивились черти. Молчат. Потом спрашивают:

— А чего это ты все время грызешь?

Солдат отвечает:

— Орехи. Только вам никому моих орехов не разгрызть.

И подал старшему пулю:

— Отведай-ка солдатских орешков!

Тот кинул пулю в рот. Кусал, кусал, весь свинец расплющил, а раскусить никак не может. А солдат знай пощелкивает: кидает в рот один орех за другим.

Присмирели черти, притихли. С ноги на ногу переминаются, на солдата поглядывают.

— Слыхал я,— говорит солдат,— будто ваш брат больно хитер на выдумки: можете из маленьких большими стать, а из больших — в маленьких обернуться и в любую щель пролезть?

— Это мы все можем! — обрадовались черти.

— А вот попробуйте все, сколько вас здесь есть,— залезьте в мой ранец.

Черти кинулись в ранец наперегонки. Торопятся, друг дружку давят, подгоняют. Минуты не прошло, как никого не осталось: все в ранце поместились.

Солдат подошел к ранцу, ремни крест-накрест перекинул, крепче затянул и пряжки застегнул.

— Ну, теперь можно и самому отдохнуть!

Шинель постелил, шинелью же укрылся и уснул.

Утром купец посылает приказчиков:

— Ступайте, проведайте, как там солдат? Коли погиб, так хоть косточки соберите.

Приказчики пришли, а солдат уже не спит, по комнатам расхаживает.

— Здравствуй, служивый! Не чаяли мы тебя живым-здоровым застать, ящик вот принесли — кости твои собрать.

— Рано еще меня хоронить, — усмехается солдат. — Пособите вот лучше мне ранец отнести в кузницу. Далеко она тут у вас?

— Недалеко, — отвечают.

Взяли приказчики ранец и понесли. Пришли в кузницу. Солдат говорит:

— Ну-ка, молодцы-кузнецы, кладите этот ранец на наковальню да ударьте по нему покрепче, по-кузнечному!

Кузнец с молотобойцем принялись бить по ранцу кузнечными молотами. Солоно пришлось чертям. Закричали в гелос:

— Смилуйся, служивый, выпусти на волю!

Кузнецы знай свое дело делают, а солдат приговаривает:

— Так их, ребята, бей их крепче! Научим, как людей обижать.

— Век больше в тот дом не заглянем, — кричат черти, — и другим закажем к этому дому близко подходить. Никогда больше в городе не появимся, а тебе большой выкуп дадим, только живыми оставь!

— Ну, то-то! Помните, как с русским солдатом тягаться!

Велел кузнецам остановиться. Приослабил ремни у ранца, стал чертей по одному выпускать. Оставил только самого главного:

— Принесите выкуп, тогда и этого отпущу.

Не успел трубку выкурить, как видит — бежит чертенок, несет старую котомку:

— Вот тебе выкуп!

Солдат котомку взял — легкая показалась. Развязал, заглянул в нее, а там нет ничего. Закричал на чертенка:

— Да ты что, надсмехаться надо мной вздумал? Сейчас вашего главного в два молота возьмемся отделявать.

А тот из ранца кричит:

— Не бей, не калечь меня, служивый, а выслушай! Котомка эта не простая, а чудесная — одна только и

есть на свете. Чего бы ты ни захотел, развяжи котомку да погляди в нее — все станется по твоему желанию. А коли птицу вздумаешь подстрелить либо вещь какую захочешь заполучить, распахни котомку да скажи одно слово: «Полезай!»

— А ну-ка, попытаем, правду ли говоришь.

Задумал солдат: «Пусть в котомке будут жареный гусь да хлеба каравай!» И сразу почувствовал: тяжелой котомка стала. Развязал ее, а там и жареный гусь с яблоками, и хлеба большой каравай.

Пообедали плотно они с кузнецами.

Потом солдат вышел на улицу из кузни, глядит по сторонам. Увидел: на крыше воробей сидит. Котомку распахнул и сказал:

— Полезай!

Только успел вымолвить, прыгнул воробей с крыши и в котомку залетел.

Воротился солдат в кузницу и говорит:

— Правду бес сказывал — без обману. Эдакая котомка мне, старому солдату, пригодится.

Развязал ремни, выпустил старшего черта из ранца.

— Ступай куда знаешь да помни: попадешься еще раз мне на глаза — пеняй тогда на себя!

Кинулись черт с чертенком бежать, только их и видели. А солдат взял свой ранец да котомку, распросился с кузнецами и пошел к купцу:

— Перебирайся в свой дом, живи спокойно — никто там тебя больше не потревожит.

Купец на солдата глядит и глазам не верит.

— Вот уж истинная правда, что русский солдат в воде не тонет и в огне не горит! Расскажи, как тебе удалось от нечистой силы избавиться, живым-невредимым остаться?

Солдат рассказал все, как было, а приказчики подтвердили. Купец думает: «День-другой надо все же повременить, с переездом обождать. Узнаю, все ли там спокойно, не воротится ли нечистая сила».

Вечером послал с солдатом тех молодцов, что ходили утром в новый дом:

— Обживайте. Коли что приключится, солдат оборонит.

Те переночевали спокойно, утром вернулись живыми-здоровыми, веселехоньки.

На третью ночь и сам купец отважился с ними пе-

реночевать. И опять ночь прошла спокойно, тихо — никто их не потревожил. После того купец велел все прибрать в новом доме, и стали готовиться к новоселью. Напекли всего, наварили, нажарили. Собрали гостей. Всяких кушаньев столько наставили — столы ломятся: пей, ешь, чего душа пожелает.

Солдата посадил купец на почетное место и потчует, как самого дорогого гостя:

— Угощайся, служивый. Век твою услугу помнить буду!

Пир затянулся до рассвета. А пробудились, стал солдат в дорогу собираться. Купец его уговаривает:

— Не торопись, погости у нас еще хоть немного.

— Нет, спасибо. И так зажился. Надо мне домой поспешать.

Насыпал ему купец серебра полный ранец.

— Вот тебе на обзаведенье.

А солдат ему говорит:

— Не надо мне твоего серебра. Я человек одинокий и еще работать могу. Сам себя прокормлю.

Простился, вскинул чудесную котомку да пустой ранец за плечи и отправился в путь-дорогу.

Шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко и пришел на родную сторону. Увидал с пригорка свою деревню, и стало ему весело да легко.

Прибавляет солдат шаг, сам во все стороны поглядывает: «Экая красота кругом. Во многих я землях побывал, разных городов и сел повидал, а лучше нашего места во всем белом свете нет».

Подошел солдат к своей избе. Поднялся на крылечко, постучался. Встретила его древняя старуха. Солдат к ней кинулся, обнимает.

Старуха сына узнала. Плачет и смеется от радости:

— Все тебя, сынок, старик вспоминал, да вот не привелось ему на тебя поглядеть, не дождался. Годов уж пять прошло, как схоронили...

Потом старуха спохватилась, стала хлопотать, а солдат уговаривает:

— Ни о чем, мать, не беспокойся. Теперь моя забота тебя беречь да покоить.

Котомку развязал, задумал разные угощенья да кушанья. Всего из котомки достал, на стол поставил, потчует мать:

— Ешь, пей досыта!

На другой день котомку опять развязал, натряс серебра немного и стал за дела приниматься. Избу новую поставил. Купил корову да лошадь, завел все, что надо по хозяйству.

А потом приглядел невесту, женился и стал жить-поживать, хозяйствовать. Старуха-мать внуков нянчит, не нарадуется.

Прошло так годов шесть ли, семь ли, заболел солдат. Лежит день, другой и третий — не пьет и не ест. И все ему хуже и хуже. На третий день к вечеру увидел: возле постели смерть стоит, косу точит, на солдата поглядывает.

— Собирайся, солдат,— говорит,— за тобой я пришла. Сейчас уморю тебя.

— погоди, дай мне пожить еще тридцать годков. Детей выращу. Сыновей женю, а дочерей замуж выдам да внучат дождусь, погляжу — тогда и приходи. А сейчас мне недосуг умирать.

— Нет, солдат, не дам я тебе и трех часов прожить.

— Ну, коли нельзя прожить тридцать годов, повремени хоть три года, мало ли у меня несделанных дел. Надо все переделать.

— Без тебя переделают — не проси, не дам тебе больше и трех минут жизни,— отвечала смерть.

Солдат не стал больше ни о чем просить, а умирать ему неохота. Изловчился, достал кое-как из-под изголовья чудесную котомку, распахнул ее и сказал негромко:

— Полезай!

Только успел вымолвить, как чувствует: полегче стало. Оглянулся — нет смерти на прежнем месте. Заглянул в котомку, а смерть уж там сидит.

Солдат покрепче завязал котомку — и совсем ему полегчало, на еду потянуло. Встал с постели, отрезал ломоть хлеба, посолил и съел. Потом выпил ковшик кваса и совсем поправился.

— Не хотела, безносая, по-доброму со мной говорить, посиди теперь там — покукарекай. Узнаешь, как с русским солдатом тягаться.

Слышит из котомки голос:

— А что ты со мной сделаешь?

Солдат отвечает:

— Хоть и жалко котомку, да делать нечего — пой-

ду сейчас и утоплю тебя в гнилом болоте прямо в котомке, тебе из нее век не выбраться.

— Выпусти меня, солдат. Дам тебе три года жизни.

— Подавись ты своими тремя годами — теперь уж вовсе не выпущу.

Смерть просит:

— Выпусти — так и быть, живи еще тридцать лет.

— Ладно, — солдат говорит, — если все тридцать годов никого из людей морить не станешь, так и быть — выпущу.

— Так я не могу, — отвечает смерть. — Как мне жить, ежели никого морить не стану?

— А ты все тридцать лет грызи пенья, коренья да булыжники на полях — глядишь, еще польза от тебя будет.

Смерть от тех речей онемела, будто от дурноты, ответа не дает. Солдат обулся, оделся и говорит:

— Коли не согласна и молчишь, понесу на гнилое болото.

Тут смерть наконец заговорила:

— Будь по-твоему: не стану никого из людей морить все тридцать годов. Буду пенья, коренья да булыжники на полях грызть — только выпущу на волю.

— Смотри, чтоб без обману, — сказал солдат.

Вынес смерть за околицу села. Котомку развязал:

— Поди прочь — да поживее, покуда не передумал!

Смерть свою косу подхватила и, давай бог ноги, помчалась в лес...

Зажил в ту пору народ без горя: все здоровы — никто не хворает, не умирает. И так шло без малого тридцать лет.

У солдата тем временем дети выросли. Сыновья выбрали невест и женились, дочери замуж повыходили. Стала семья большая. Тому надо помочь, другому присоветовать, третьего на ум наставить, каждому дело дать да растолковать.

Хлопочет солдат да радуется. Во всем у него удача — колесом жизнь катится. Дел много, а до дела он жадный. О смерти ли солдату думать?

А смерть сама про себя напомнила — тут как тут:

— Сегодня тридцать годов миновало — вышел срок по нашему уговору. Собирайся, солдат, за тобой пришла.

Солдат спорить не стал:

— Мое дело солдатское — привык по приказу враз справляться. Коли вышел срок, о чем разговор? Давай, волоки сюда гроб — будущую мою домовину.

Смерть принесла дубовый гроб с железными обручами. Крышку сняла:

— Ложись, солдат!

Солдат рассердился, кричит:

— Ты что, порядков не знаешь? Совсем в лесу одичала за тридцать годов? Разве положено по уставу старому солдату вот так — с бухты-барахты самому чего-нибудь делать? И на службе всегда бывало: как чему новому взводный обучает, сначала сам нам покажет, что и куда, а после уже и команду подает. Так и в этом деле, для меня непривычном: ты вперед сама покажи, а после командуй.

Смерть в гроб улеглась:

— Гляди, солдат, вот так надо: ноги протянуть, а руки на груди сложить — пустяковое дело.

Солдат только того и ждал — крышку захлопнул, обручи набил:

— Вот и лежи там сама, а мне и тут хорошо.

Взвалил гроб на телегу, отвез на крутой берег и свалил с обрыва в реку.

Подхватила река дубовую домовину и унесла смерть в море. Много годов уже прошло, а смерть все носит по морским волнам.

Народ живет припеваючи, солдата славит. И сам он живет — не старится. Внуков женил, а внучек замуж выдал. Правнуков уму-разуму учит. По хозяйству хлопочет с утра до ночи, ног под собой не чувствует.

И вот поднялась как-то на море сильная буря. Разбили волны о камень дубовый гроб. Выбралась смерть на берег еле живая, от ветра качается.

Поотлежалась на морском берегу и кое-как поплелась. Ждет, когда солдат выйдет.

А солдат собрался идти сеять хлеб. Взял пустой мешок и пошел в амбар за семенами. Только стал к амбару подходить, из-за угла смерть вышла. Сама смеется:

— Теперь-то уж ты от меня никуда не денешься!

Видит солдат — верно, деваться некуда. «А, была не была, — думает, — будь что будет: коли не избавлюсь от смерти, так хоть попугаю безносу».

Выхватил из-за пазухи пустой мешок да как крикнет:

— Или по котомке соскучилась? На гнилое болото захотела?

Увидела смерть в руках у солдата пустой мешок, показалось ей со страху, что это опять та же чудесная котомка — и кинулась она прочь бежать. Только ее солдат и видел.

С тех пор стала смерть людей морить крадучись. Больше о том думает, чтобы солдату на глаза не попасться: «Иначе не миновать мне гнилого болота!»

А солдат, говорят, и сейчас живет-поживает да посмеивается.

КОТ И ЛИСА

Русская сказка

Жил-был мужик. У него был кот, только такой шkodливый — просто беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес, бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил. Залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить. Наестся досыта — и опять на чердак. И горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидела кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем зашел сюда и каким именем тебя величать?

А кот встопорщил шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром или старостой, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; пойдем же теперь ко мне в гости.

Кот пошел к лисе, привела его лисица в свою нору и стала потчевать разной дичинкой. А сама выпрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост,— говорит кот.

— И я, лисица-девица, не мужняя жена. Возьми меня замуж.

Кот согласился, и начались у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасы, чтобы было чем с молодым мужем кормиться, а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей волк:

— Здравствуй, лисица-девица! Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, нигде тебя не видели.

— Я прежде была лисица-девица, а теперь мужняя жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Патрикеевна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена!

— Нет, не слыхал, Лизавета Патрикеевна. А как бы его посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня ужас какой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри: приготовь барана да принеси ему на поклон. Баран-то положи, а сам схоронись, чтобы он тебя не видел — а то, брат, туго придется!

Волк побежал за бараном.

Дальше идет лиса, а навстречу ей медведь:

— Здравствуй, лисица-девица!

— Да нет, косолапый мишка, это я раньше была девица, а теперь замужем.

— За кого же ты, Лизавета Патрикеевна, вышла?

— А за того и вышла, который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром. Зовут его Котофей Иванович.

— Нельзя ли мне посмотреть на него, Лизавета Патрикеевна?

— Опасно! Котофей Иванович у меня уж какой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри: быка-то положи, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел. А то, брат, туго придется!

Покосолапил медведь за быком.

Принес волк барана, шкуру ободрал и стоит в раздумье. Смотрит, а медведь быка тащит.

— Здравствуй, брат Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видел еще лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно уж их поджидаю.

— Ну, так иди, зови!

— Не пойду, Михайло Иванович! Ты посильней да посмелей меня, сам и иди.

— Нет, брат Левон, и я не пойду.

Вдруг, откуда ни возьмись, бежит заяц. Медведь на него как крикнет:

— Поди-ка сюда, косой!

Заяц испугался, прибежал.

— А что, косой пострел, знаешь ты, где живет лисица?

— Знаю, Михайло Иванович!

— Ступай же скорей да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Леоном давно уж готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться быком да бараном.

Заяц пустился к лисе во всю заячью прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться, чтобы на глаза злому бурмистру не попасть.

Медведь говорит:

— Я, пожалуй, на сосну влезу.

— А мне что же делать? — спрашивает волк. — Ведь я на самое малое дерево ни за что не влезу. Куда денусь? Схорони меня куда-нибудь, Михайло Иванович, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухими листьями. А сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает оттуда, не идут ли Котофей с лисицей.

Заяц между тем прибежал к лисициной норе, постучался и говорит:

— Михайло Иванович с братом Леоном прислали сказать, что они готовы, ждут тебя, Лизавета Патрикеевна, с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем!

И пошли кот с лисой. Михайло Иванович увидел их с верхушки сосны и говорит волку:

— Ну, брат Левон, идет лиса с мужем. Только очень уж он для бурмистра маленький!

Пришли молодые. Кот сейчас же бросился на бы-

ка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо зубами и лапами. А сам мурчит, будто сердится:

— М-мало! М-мало!

А медведь говорит:

— Хоть и невелик, а прожорлив — нам четверым не съесть, а ему одному мало. Эдак и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича. Да только ничего не видать сквозь листья, и начал он прокапывать в них щелки для глаз.

Кот услышал, что лист шевелится, подумал, что мышь, да как кинется — и вцепился когтями в волчью морду!

Волк вскочил — да бежать со всех ног!

А кот сам испугался и бросился на дерево — туда, где медведь сидел.

«Ну,— думает медведь,— увидел, теперь крышка мне!»

Слезать-то некогда, вот он и кинулся с самой макушки сосны наземь. Все печенки отбил, но тут уж не до печенок — вскочил да бежать.

А лисица вслед улюлюкает, кричит:

— Сейчас он вас догонит да задаст жару! Быстрей бегите, пока не съел!

С той поры все звери в лесу стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали жить-поживать в довольстве и сытости. И теперь живут, мясно жуют.

ПРО БЕДНОГО ПАРУБКА И ЦАРЕВНУ

Украинская сказка

Стояла в одном селе небольшая хатка, и жила в ней женщина с сыном. Земли у них своей не было, и хлеб приходилось покупать. Вот как-то посылает женщина сына за хлебом:

— На тебе,— говорит,— сынок, денег, пойди хлеба купи.

Взял сын деньги и пошел. Идет и идет, вдруг смотрит —

ведет человек собаку вешать.

— Здорово, дядько! Куда это ты собаку ведешь?

— Здорово! Да вот хочу ее повесить, а то она старая стала, ни на что не годится.

— Не вешай ее, лучше продай мне!

— Купи!

— Что же ты за нее хочешь?

— А что дашь?

Отдал он деньги, что дала ему мать на хлеб, взял собаку и повел домой. Приходит домой, а мать его и спрашивает:

— А что, сынок, купил хлеба?

— Нет, мама, не купил. Шел я, вдруг вижу, ведет человек собаку вешать, вот взял я да и купил ее.

Дала ему мать снова денег и послала опять за хлебом. Пошел он. Вдруг видит — несет человек кота.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда ты, дядько, идешь?

— Несу кота в лес.

— А зачем ты его в лес несешь?

— Повешу. Нельзя из-за него ничего в хате держать: что ни поставишь, ни положишь, все тащит.

— А ты бы,— говорит — мне его продал!

— Купи!

— Что ж тебе за него дать?

— Я торговаться не стану: что дашь, за то и продам.

Отдал он деньги, что дала ему мать на хлеб, взял кота и пошел домой. Приходит, а мать его спрашивает:

— А куда ж ты хлеб подевал?

— Да я и не покупал.

— Почему ж ты не купил? Куда ты деньги дел? Может, еще какого черта купил?

— Купил,— говорит.

— А зачем же ты купил?

— Нес мужик кота в лес, хотел его повесить, а мне жалко его стало, я взял да и купил.

— На тебе еще денег, да смотри ничего не покупай: в доме уже краюшки хлеба нет.

Пошел он. Идет и идет, вдруг видит: бьет человек змею.

— Зачем ты,— говорит,— змею бьешь? Ты лучше бы мне ее продал!

— Купи,— говорит,— я продам.

— Что же тебе дать?

— Что дашь, то и будет.

Отдал он ему все деньги. Взял их мужик, пошел себе дальше, а змея и говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек, что спас меня от смерти. На тебе перстень; если тебе что понадобится, перекинь его с руки на руку — и вмиг к тебе слуги прибегут. Что им прикажешь, все для тебя сделают.

Взял он этот перстень и пошел домой. Подходит к хате, перекинул перстень с руки на руку — и явилось слуг огромное множество.

— Чтобы мне, — говорит он им, — был хлеб.

Только он это сказал, а уж тут и нанесли ему хлеба видимо-невидимо. Вошел он в хату и говорит:

— Ну, мама, уж теперь-то мы не будем ходить хлеб покупать: дала мне змея такой перстень, что стоит его только с руки на руку перекинуть, как вмиг прибегут слуги, и что бы я им ни сказал, что бы ни наказал — все сделают.

— За что ж она тебе дала его?

— За то, что я ее от смерти спас. Хотел ее мужик убить, а я ее у него купил за те деньги, что вы дали мне на хлеб.

Вот так и живут, и собачка и кот с ними. И только ему чего-нибудь захочется — перекинет он с руки на руку перстень, и вмиг прибегут слуги и сделают, что надо.

Вот захотелось ему жениться. Он и говорит своей матери:

— Ступайте, матушка, да сватайте за меня царевну.

Пошла она к царевне, рассказала, с чем пришла, а царевна и говорит:

— Коль сошьет твой сын такие черевички, что как раз по ноге мне придутся, то выйду за него замуж.

Пришла она домой и говорит сыну:

— Сказала царевна, что как сошьешь ей такие черевички, чтобы точно по ноге пришлись, то выйдет за тебя замуж.

— Ладно, — говорит, — сошью.

Вечером вышел он во двор, перекинул с руки на руку перстень — вмиг сбежались слуги. Вот он и говорит им:

— Чтобы были мне к утру черевички, золотом ши-

тые, серебром подбитые, и чтоб те черевички как раз пришились царевне по ноге.

На другой день встает он — стоят уже черевички готовые. Взяла мать черевички, понесла царевне.

Та примерила — как раз впору. Вот она и говорит: — Скажи своему сыну, чтобы сшил мне в одну ночь платье подвенечное, да чтобы платье было не длинно, не коротко, не тесно, не широко, чтобы как раз на меня пришлось.

Приходит женщина домой, да и говорит:

— Сказала царевна, чтобы ты за ночь сшил ей платье подвенечное и чтобы это платье было не длинно, не коротко, не тесно, не широко, чтобы в самый раз на нее пришлось.

— Хорошо, — говорит, — ложитесь вы спать, а я все выполню, что бы она мне ни загадала.

Легли спать; а он вышел во двор, перекинул с руки на руку перстень — вмиг явилось множество слуг.

— Чтобы мне, — говорит, — было к утру платье из такой материи, что сияет, как солнце, и чтобы платье это пришлось как раз впору царевне.

— Хорошо, — отвечают, — все будет сделано.

Лег он спать. На другой день поднимается и говорит матери:

— Ну, идите, мама, к царевне, несите ей платье. Что-то она еще скажет?

— Что же я, — спрашивает, — сынок, понесу? Где же это платье?

Подошел он к столу, поднял платок — так в хате и засияло, будто солнце взошло.

Вот, мама, платье на столе лежит, под платочком, несите его.

Взяла она платье и понесла. Приходит к царевне, а та и спрашивает:

— Ну, что скажешь, голубушка?

— Принесла, — говорит, — вам платье к венцу.

Как развернула она платье, так в палатах и засияло. Надела его царевна, стала перед зеркалом, погляделась — так и подскочила: уж так обрадовалась, что такой красавицей сделалась. Прошла она раз по светлице, прошла другой раз, ну прямо как солнышко: так от нее и сияет.

— Ну, — говорит, — голубушка, пускай он мне еще мост построит от дворца моего прямо к церкви, где

будем венчаться, и чтобы был тот мост из серебра и золота сделан. Как будет мост готов, так и пойдем к венцу.

Приходит женщина домой, говорит сыну:

— Сказала царица, чтобы был мост от дворца, где она живет, до церкви. И велела, чтобы мост тот был из золота да серебра сделан.

— Хорошо,— говорит,— а теперь ложитесь вы, мама, отдыхать.

Легли они вечером спать, а он вышел во двор, перекинул с руки на руку перстень — и так много слуг сбежалось, что и двор тесен. Вот он им и говорит:

— Чтобы к утру мне был сделан мост из серебра и золота от царянского дворца до церкви, я там буду венчаться; да когда буду я туда с царевной ехать, чтобы по обеим сторонам цвели яблоньки, груши, вишни, черешни, а когда назад буду возвращаться, чтобы все уже поспевало.

— Хорошо,— говорят,— к утру будет все по вашему желанию.

На другой день встает он, вышел из хаты, видит — стоит мост, а по бокам сады растут. Вернулся он в хату и говорит матери:

— Ступайте, мама, да скажите царевне, что мост уже готов, пускай едет к венцу.

Пошла мать к царевне, сказала ей, а та и говорит:

— Я мост уже видела — очень красивый мост. Скажи своему сыну, пускай приезжает венчаться.

Пришла женщина домой, говорит сыну:

— Сказала царица, чтобы ты завтра венчаться ехал.

Вот построил он себе за ночь дворец, а на другой день в церковь поехал: обвенчались с царевной и назад возвращаются, а по обе стороны моста уже все поспевает: яблоки и груши, вишни и черешни и всякие плоды, какие только на свете бывают.

Приехали они во дворец, отгуляли свадьбу, да и живут себе. И собачка, и котик с ними. Прожили они так какое-то время, и вот однажды царица спрашивает у своего мужа:

— Скажи, сердце мое, как ты мне черевички да платье сшил: ты ведь мерки с меня не снимал? Как ты за ночь такой мост построил и где ты столько золота и серебра набрал?

— Есть у меня,— говорит,— такой перстень: как перекину я его с руки на руку, вмиг сбежится ко мне слуг полон двор. И что я им ни загадаю — все сделают. Это они сшили и черевички, и платье, и мост построили, и этот дворец, где мы живем,— все они мне делают.

Вот дождалась она, пока он крепко уснул, сняла у него потихоньку перстень, перекинула с руки на руку, и явилось слуг великое множество. Вот она и говорит им:

— Чтобы были немедля здесь кони и повозка — я поеду к себе во дворец, а из этого дворца сделайте такой столб, чтобы можно было моему мужу только стоять и лежать и чтобы перенесли этот столб за море. Но смотрите, не разбудите его, чтобы он проснулся уже в столбе.

— Хорошо,— говорят,— будет все так, как велено.

Вышла она — стоит повозка. Села и поехала. А дворец вмиг столбом сделался, и слуги понесли его за море.

На другой день просыпается утром царевнин муж, глядь — нет ни жены, ни дворца, ни перстня — ничего нет, только один столб стоит. Хотел выйти — дверей нету. Он пощупал одну стену, пощупал другую — нельзя выбраться, только маленькое оконце проделано. Живет он, бедный, там — никто ему есть не дает. Там он бы и пропал, если бы не собачка да кот: они в столбе остались, и могли в это оконце вылезать. Вот побежит собачка в поле, вытащит у какого-нибудь зазевавшегося хлебороба из торбы кусок хлеба, да и притащит, а котик возьмет в зубы, пролезет в оконце и подаст ему. Вот собрали немного хлеба, а собачка и говорит коту:

— Что ж,— говорит,— у нашего хозяина хлеб теперь есть, пойдем мы за море, может, как-нибудь перстень и добудем.

— Пойдем! — говорит кот.

Вот и пошли. Бегут и бегут, прибегают к морю. Сел котик собаке на спину и поплыли. Долго они плыли, а все же добрались до берега. Вышли на берег, обсушились маленько на солнце, а котик и говорит собачке:

— Ты оставайся у моря, а я во дворец побегу. Если добуду перстень, побегу сюда изо всех сил, чтобы

назад поскорее вернуться, а то как бы нас еще не догнали!

— Ладно,— говорит собачка,— ступай во дворец!

Вот котик и побежал. Бежит и бежит, не отдыхает. Вдруг видит — стоит дворец и возле него стража. Просмыгнул котик во двор и бегаёт. Подошла царевна к окну, смотрит, а кот по двору ходит. Она и впустила его в светлицу. Разгуливает котик по светлицам да приглядывается, где царевна перстень прячет. А как высмотрел, дождался, пока все спать улеглись, схватил перстень и побежал. Прибежал к морю и скорей собаке на спину. Бросилась собака в воду, поплыли.

Вот почти уже и море переплыли, скоро и берег; и спрашивает собака котика:

— Ну что, держишь ты перстень?

Молчит кот, ведь перстень-то у него во рту. А собака все к нему пристает:

— Скажи, спрашиваю я тебя, держишь ты перстень? А не скажешь, так сброшу тебя в море.

Молчит кот, а собака как рассердилась:

— Ну, не говоришь, так бросаю!

Испугался кот и закричал:

— Держу-у-у!

А перстень — бултых в море! Молчит кот, ничего уже не говорит.

Переплыли они море, вышли на берег, тут и накинулся кот на собаку:

— Ах ты, такая-сякая! Из-за тебя я перстень упустил! Зачем меня спрашивала? Теперь лезь в море, ищи его! Как хочешь, а найди!

Полезла собака. Искала, искала, нет перстня. Ссорились долго собака с котом, а потом решили:

— Давай у моря ходить да спрашивать, может, найдется, кто нам его из моря достанет.

Вот погрелись они маленько на солнце и пошли. Кого ни встретят, всех спрашивают, не может ли тот достать из моря перстень. Никто не может этого сделать. Кот и говорит:

— Знаешь что? Пойдем берегом да спросим лягушек и раков.

— Хорошо,— говорит собачка,— пойдем!

Вот пошли они. Как найдут где лягушку, спрашивают:

— А не достанешь ли ты нам из моря перстень? Достань, а не то хуже будет.

Какую ни поймают, а та им отвечает:

— Я знаю, где перстень ваш. Пустите меня, я вам его и принесу.

Пустят ее, она и поплывет, а про перстень и не думает. Поначалу лягушки их боялись, а потом и бояться перестали. Какая ни попадется, сразу говорит: «Принесу, мол, перстень», они ее и отпустят. Вот идут они вечером вдоль берега моря, вдруг видят — лягушонок скачет. Поймали его, спрашивают:

— А не знаешь ли, где в море перстень лежит?

— Не знаю... ква-ква!

— А не знаешь, так мы тебя уьем!

И начали они лягушонка того душить. Увидела это старая лягушка, вылезла из воды, такая огромная, как ведро, и говорит:

— Не убивайте мое дитятко, я вам из моря перстень добуду!

— Ладно,— говорят кот с собачкой,— а мы лягушонка будем держать, пока ты нам перстень не принесешь; а как принесешь, отпустим.

Нырнула лягушка в море, нашла перстень, отдала им. Взяли они перстень, отпустили лягушонка и побежали к столбу. Пришли к своему хозяину, а он уже весь хлеб съел; два дня уже крошки во рту не было, такой худой сделался, как щепка. Полез котик поскорее в оконце, отдал ему перстень. Он перекинул его с руки на руку — явились вмиг слуги. Он им и говорит:

— Перенесите этот столб назад, туда, где он был, и чтоб стал он опять дворцом, а в нем — мои жена и мать.

Только он это сказал — так все и сделалось. А жену он прогнал и живет там один с матерью, котиком и собачкой.

КАТИГОРОШЕК, ВЕРНИГОРА, ВЕРТИДУБ И КРУТИУС

Украинская сказка

Жил когда-то мужик. Было у него шестеро сыновей и одна дочка. Пошли они в поле пахать, а сестре велели обед им принести. А она и спрашивает:

— А куда, я ведь не знаю.

Они говорят:

— Мы проведем борозду от самого дома и прямо до поля, где пахать будем, вот ты по той

борозде и ступай.

Так они и сделали. А жил в лесу близ того поля Змей. Отвернул он тот пласт назад и проложил новую борозду прямо к своему дворцу.

Вот понесла она братьям обед, и пошла по борозде. И шла до тех пор, пока не зашла к Змею.

Возвращаются братья вечером домой, а сестры их Оленки нет.

Братья говорят:

— Надо идти ее искать.

И пошли все шестеро по той борозде, которая от дома шла, и дошли до Змеева двора, где была их сестра. Приходят туда, а она там.

— Братики мои милые, куда ж я вас спрячу, когда Змей прилетит. Ведь он же вас съест.

А тут и Змей летит.

— У-у,— говорит,— человеческим духом пахнет! Ну, что, хлопцы, биться пришли или мириться?

— Нет,— говорят,— биться!

— Так идем на железный ток!

Пошли на железный ток биться. Недолго и бились: как ударил их Змей, так и вогнал в землю. Вытащил еле живых, да и бросил в глубокую темницу.

А мужик с бабой ждут сыновей — нету. Вот пошла раз баба на речку белье полоскать, глядь — катится по дороге горошинка... Взяла баба горошинку, да и съела.

И вскоре родился у нее сын. Назвали его Катигорошком,

Растет этот сын не по дням, а по часам, и лет-то ему немного, а уж большой вырос. Однажды копали отец с сыном колодец, докопались до большого камня. Отец побежал звать людей, чтобы помогли этот камень вытащить. Пока отец ходил, а Катигорошек взял и сам вытащил. Приходят люди, как глянули, так и оторопели, испугались, что у него такая сила.

Вот копают дальше и докопались до большого куса железа.

Вытащил его Катигорошек и себе забрал.

Спрашивает раз Катигорошек у отца с матерью:

— А у меня, должно быть, есть где-то братья и сестры?

— Э-э,— говорят,— сынок, были у тебя и сестра, и шестеро братьев, да вот что с ними случилось.

И рассказали Катигорошку, как все приключилось.

— Ну,— говорит он,— если так, пойду их искать.

Отец и мать его отговаривают:

— Не ходи, сынок: шестеро сыновей со Змеем не справились, куда уж тебе одному!

— Нет, пойду! Как же свою кровушку родную да не вызволить?

Взял он железо, которое выкопал, и понес его к кузнецу.

— Выкуй,— говорит,— мне булаву, да побольше!

Взялся кузнец ковать и выковал такую, что еле из кузницы вынесли. Взял Катигорошек эту булаву, как размахнулся, как подбросил вверх... И говорит отцу:

— Лягу я спать, а вы меня спустя двенадцать суток разбудите, как будет назад она лететь.

И лег. На двенадцатые сутки летит назад булава. Разбудил его отец, он вскочил, поставил палец, а булава, как ударилась об него, так надвое и раскололась. Он и говорит:

— Нет, с такой булавой нельзя идти искать братьев и сестру,— надо ковать другую.

Понес он ее опять к кузнецу.

— На,— говорит,— перекуй, чтоб была по мне!

Выковал кузнец еще большую. Подкинул Катигорошек ее в воздух, а сам лег спать на двенадцать суток. На тринадцатые сутки летит булава назад и ревет, аж земля дрожит. Разбудили Катигорошка, вскочил он, поставил палец, а булава как ударилась об него — только слегка погнулась.

— Ну, с такой булавой можно сестру и братьев искать. Пеките, мама, мне буханки да сухари сушите, пойду я.

Взял булаву, наложил в торбу буханок да сухарей, попрощался и пошел. Пошел следом по той борозде, по давней, которая еще виднелась, и зашел в лес. Идет по лесу, идет и идет, вдруг подходит к большому-большому двору. Входит во двор, потом в дом, а Змея нету, одна только сестра Оленка дома.

— Здравствуй, дивчина! — говорит Катигорошек.

— Здравствуй, парубок! По какому делу зашел? Вот прилетит Змей, он тебя съест.

— А может, и не съест! А ты кто такая?

— Я была единственной дочкой у отца-матери, а меня Змей украл, шестеро братьев ходили меня спасать, да погибли.

— А где ж они? — спрашивает Катигорошек.

— Бросил их Змей в темницу, не знаю, живы ли они, или, может, уже и сгнили.

— А может, я тебя вызволю, — говорит Катигорошек.

— Да где уж тебе вызволить! Шестерым не удалось, а то тебе одному! — говорит Оленка.

— Ничего! — отвечает Катигорошек.

И сел у окна, дожидается. Вдруг летит Змей. Только прилетел в хату и сразу же:

— Э,— говорит,— человеческим духом пахнет!

— Да как же не пахнуть,— отвечает Катигорошек,— коли я пришел.

— Эй, хлопче, а что тебе тут надо? Биться пришел или мириться?

— Где уж мириться, биться! — говорит Катигорошек.

— Так идем на железный ток!

— Идем!

Пришли. Змей говорит:

— Бей ты!

— Нет,— говорит Катигорошек,— бей ты поначалу!

Вот как ударил его Змей, так по щиколотку и вогнал в железный ток. Вытащил ноги Катигорошек и как замахнется булавой, как ударит Змея, вогнал его в железный ток по колени. Вырвался Змей, ударил Катигорошка и его по колени вогнал. Ударил Катигоро-

рошек второй раз — по пояс вогнал Змея в ток; ударил в третий раз — убил наповал.

Пошел тогда в ямы-темницы глубокие, освободил своих братьев, а они еле живые. Взял он их с собой и сестру Олену, все золото и серебро, которое было у Змея, и пошли домой.

Идут, а он им не признается, что он их брат. Прошли они уже часть дороги, сели отдохнуть под дубком. А Катигорошек утомился после боя и крепко-крепко уснул. А шестеро братьев и советуются:

— Будут над нами люди смеяться, что мы вместе-ром Змея не одолели, а он один убил. Да и добро Змеево он все себе заберет.

Посоветовались, подумали и решили — он теперь спит, не услышит, — привяжем-ка его покрепче веревками к дубу, чтобы не вырвался, тут его зверь и разорвет. Сказано — сделано: привязали и пошли себе.

А Катигорошек ничего не слышит. Спал день, спал ночь, просыпается привязанный. Как повел он плечами, так дубок с корнем и вывернул. Взвалил дубок на плечи и домой пошел.

Подходит к хате, вдруг слышит: братья уже домой воротились, у матери спрашивают:

— А что, мама, были у вас еще дети?

— А как же! Был сын Катигорошек, да пошел вас выручать.

Они тогда:

— А мы-то его к дубу привязали, надо побежать да отвязать.

А Катигорошек как постучится тем дубком в хату, чуть хату не развалил.

— Оставайтесь вы тут, если вы такие! — говорит. — Пойду я по свету бродить.

И пошел опять, булаву на плечи взявши.

Идет и идет, глядь — оттуда гора и отсюда гора, а меж ними человек руками и ногами в горы уперся и раздвигает их. Говорит Катигорошек ему:

— Бог на помочь!

— Дай, боже, здоровья!

— А что ты, человек, делаешь?

— Горы раздвигаю, чтобы дорога была.

— А куда идешь? — спрашивает Катигорошек.

— Счастья искать.

— Ну, и я туда. А как тебя звать?

- Вернигора. А тебя?
- Катигорошек. Пойдем вместе!
- Пойдем!

Пошли. Идут, вдруг видят — человек стоит среди леса, как махнет рукой, так дубы с корнем и выворачивает.

- Бог на помочь!
- Дай, боже, здоровья!
- А что ты, человечек, делаешь?
- Деревья корчую, чтобы просторней было.
- А куда ты идешь?
- Счастья искать.
- Ну, и мы туда же. А как тебя звать?
- Вертидуб. А вас?
- Катигорошек и Вернигора. Пойдем вместе?
- Пойдем.

Пошли втроем. Идут, вдруг видят — человек над рекой с большими усами. Как крутнул усом — так река и расступилась, по дну перейти можно. Они ему и говорят:

- Бог на помочь!
- Дай, боже, здоровья!
- А что ты, человече, делаешь?
- Да воду отвожу, чтобы реку перейти.
- А куда идешь?
- Счастья искать.
- Ну, и мы тоже туда. А как тебя звать?
- Крутиус. А вас?
- Катигорошек, Вернигора, Вертидуб. Пойдем

вместе.

- Пойдем.

Пошли. И так легко им идти: где гора по пути — Вернигора перекинет; где лес — Вертидуб вывернет; где речка — Крутиус воду отведет. Вот зашли они в дремучий лес, видят — хатка в лесу стоит. Зашли в хатку — никого нет. Катигорошек и говорит:

- Вот здесь мы и заночуем.

Переночевали. На другой день говорит Катигорошек:

- Ты, Вернигора, дома оставайся да обед свари, а мы пойдем на охоту.

Пошли, а Вернигора сварил обед и лег отдыхать. Вдруг кто-то в дверь стучит:

- Открывай!

— Не велик пан, сам откроешь,— говорит Вернигора.

Открылись двери, и опять кто-то кричит:

— Пересади через порог!

— Не велик пан и сам перелезешь!

Вдруг влазит дедок, сам с перст, а борода на сажень волочится. Как схватил Вернигору за чуб и повесил его на гвозде на стену. А сам все жареное да вареное поел, попил, у Вернигоры из спины ремень кожи вырезал, да и ушел.

Крутился Вернигора, крутился, клочок чуба оторвал и ну скорей опять обед варить. Пока пришли товарищи, а он уже обед доваривает.

— Что это ты с обедом припоздал?

— Да вздремнул,— говорит,— маленько.

Наелись и спать улеглись. На другой день встают, а Катигорошек и говорит:

— Ну, теперь ты, Вертидуб, оставайся, а мы на охоту пойдем.

Пошли, а Вертидуб наварил еды, да и лег отдыхать. Вдруг кто-то в дверь стучится:

— Отворяй!

— Не велик пан и сам откроешь!

— Перенеси через порог!

— Не велик пан и сам перелезешь.

А тут дедок идет, сам с перст, а борода на сажень волочится. Как ухватит Вертидуба за чуб, да и повесил его на гвоздь. А сам, что было наварено, поел, попил, у Вертидуба из спины ремень кожи вырезал и ушел.

Вертидуб крутился, вертелся, уж как-то с гвоздя сорвался и ну скорей обед варить. А тут и товарищи приходят.

— А что это ты с обедом запоздал?

— Да задремал,— говорит,— малость.

А Вернигора уж молчит: догадался, что было.

На другой день остался Крутиус, и с ним то же самое приключилось. А Катигорошек и говорит:

— Ну и ленивы же вы обед варить! Уж завтра вы на охоту ступайте, а я дома останусь.

На другой день сказано-сделано: трое идут на охоту, а Катигорошек дома остался. Вот сварил он обед и лег отдыхать. Вдруг кто-то в дверь стучится:

— Открывай!

— Погоди, открою,— говорит Катигорошек. Открыл дверь, глядь — дедок, сам с перст, а борода на сажень волочится.

— Пересади через порог!

Взял Катигорошек, пересадила. А тот все к нему подступает.

— А чего тебе? — спрашивает Катигорошек.

— А вот увидишь чего,— говорит дедок, дотянулся до чуба и только хотел было ухватить его, а Катигорошек:

— А, вот ты каков! — и цап его за бороду, схватил топор, потащил дедка к дубу, расколол дуб, заправил в трещину дедову бороду и зажал ее там.

— Если ты, дедусь, такой,— говорит,— что сразу за чуб берешься, то посиди-ка ты тут, пока я вернусь. Приходит в хату, а уж и товарищи пришли.

— А что, обед готов?

— Давно сварен.

Пообедали, а Катигорошек и говорит:

— Пойдемте-ка, покажу я вам диво-дивное.

Подходят к дубу, глядь — нет ни дедка, ни дуба; вывернул дедок дуб с корнем и поволок за собой. Вот Катигорошек и рассказал товарищам, что с ним было, а потом и те признались, как дедок их за чуб хватал да ремни со спины драл.

— Э,— говорит Катигорошек,— если он такой, то идем его искать.

А где дедок дуб волочил, там след и видать; они по следу и идут. И дошли так до глубокой ямы, что и дна не видно. Катигорошек и говорит:

— Полежай туда, Вернигора!

— Да ну его!

— Ну так ты, Вертидуб!

Не захотели и Вертидуб, и Крутиус.

— Если так,— говорит Катигорошек,— полезу я сам. Давайте веревки вить!

Навили они веревки; обмотал Катигорошек концом руку и говорит:

— Спускайте!

Начали они его спускать, долго спускали, наконец добрался он до дна и прямо на тот свет. Начал там Катигорошек ходить-похаживать, глядь — стоит дворец большой. Он вошел во дворец, а там все золотом и самоцветами так и сияет. Идет он по палатам, вдруг

выбегает ему навстречу королева, такая красавица, такая красавица, что и на свете лучше не сыскать.

— Ой,— говорит,— добрый человек, чего ты сюда зашел?

— Да я,— говорит Катигорошек,— дедка ищу, сам он с перст, а борода на сажень волочится.

— Э,— говорит она,— дедок бороду из дубка вытаскивает. Не ходи ты к нему, он тебя убьет, уж немало людей убил.

— Небось, не убьет! — говорит Катигорошек,— ведь это ж я ему бороду и защемил. А ты чего здесь живешь?

— Да я,— говорит,— королева, а этот дедок меня украл и в неволе держит.

— Ну, так я тебя выручу. Веди меня к нему!

Она и повела. И правда: сидит дедок и уже бороду из дубка вытащил. Увидел Катигорошка и говорит:

— А зачем ты пришел? Биться или мириться?

— Да где уж,— говорит Катигорошек,— мириться — биться!

Начали они биться. Бились-бились, и убил-таки его Катигорошек своей булавой. Потом нагрузили они вместе с королевой все золото и самоцветы дорогие в три мешка и пошли к яме, где он спустился. Пришел и кличет:

— Го-го-го, братцы, вы еще тут?

— Тут!

Привязал он к веревке один мешок и дернул, чтоб тащили.

— Это ваше.

Вытащили, спустили опять веревку. Он привязал второй мешок:

— И это ваше.

Отдал им и третий — все, что добыл. Потом обвязал веревкой королеву:

— А это мое,— говорит.

Вытащили те трое королеву, вот и Катигорошка надо теперь тащить. Тут они и призадумались:

— Чего нам его тащить? Пускай нам лучше и королева достанется. Потянем его наверх, а потом бросим, он упадет и разобьется.

А Катигорошек догадался, что они что-то задумали, взял да и привязал к веревке большой камень и кричит:

— Тащите меня!

Они подтянули высоко, а потом бросили, камень только загудел.

— Ну,— говорит Катигорошек,— добрые же вы!..

И пошел он по тому свету бродить. Идет и идет, вдруг надвинулись тучи и пошел дождь и град. Спрятался он под дубом. Вдруг слышит — пищат на дубе в гнезде птенцы грифовы. Он взобрался на дуб, прикрыл их свиткою. Пошел дождь, прилетает большая птица-гриф, тех птенцов отец. Увидел, что дети укрыты, и спрашивает:

— Кто это вас укрыл?

А дети и говорят:

— Коль не съешь его, скажем.

— Нет,— говорит,— не съем.

— Вон там сидит человек под деревом, это он нас укрыл.

Подлетел Гриф к Катигорошку и говорит:

— Скажи, что тебе надобно, я все тебе сделаю, это впервые, что дети мои остались живые, а то все, как улечу, дождь пойдет, их в гнезде и зальет.

— Вынеси меня,— говорит Катигорошек,— на белый свет.

— Ну, трудную ж ты мне задал задачу! Да что делать, надо лететь. Возьмем с собой шесть кадок мяса да шесть кадок воды; когда я буду лететь и поверну к тебе голову направо, ты брось мне кусок мяса, а как поверну налево, дай немного воды напиться, а то не долечу, упаду.

Набрали они шесть кадок мяса и шесть кадок воды; сел Катигорошек на Грифа, полетели. Летят и летят: повернет Гриф голову направо, кинет ему Катигорошек в рот кусок мяса, повернет налево — даст ему немного воды напиться. Долго они так летели, вот-вот уже долетят до света белого. А Гриф и поворачивает голову направо, а в кадках и куска мяса не осталось. Тогда вырезал Катигорошек у себя кусок мяса из бедра и кинул в пасть Грифу. Вылетел Гриф наверх и спрашивает:

— Что это ты дал мне в последний раз такое вкусное?

И показал Катигорошек свою ногу.

— Вот оно что,— говорит птица.

Тогда Гриф отгрызнул кусок бедра, полетел и при-

нес живой воды. Приложил кусок на прежнее место и той водой покропил, он и прирос.

Вернулся тогда Гриф домой, а Катигорошек пошел своих товарищей искать.

А они уже пришли к отцу королевны, там у него и живут, между собой ссорятся: каждый хочет на королевне жениться.

Вдруг приходит Катигорошек. Они испугались, разбежались кто куда. А Катигорошек сам женился на королевне и живет себе, поживает.

РАЗУМНАЯ ДИВЧИНА

Украинская сказка

В одном селе жил себе крестьянин с женой. Была у них единственная дочка, дивчина-подросточек, да такая на язык острая, насмешница, а к тому же и умница — никому спуска не дает, хоть кому нос утрет. Исполнилось ей восемнадцать лет. Отец с матерью уже сватов дожидаются. И случись раз так, что стариков не было дома, а приходят к ней сваты. Поздоровались они с дивчиной, положили хлеб на стол, а сами сели на лавки. Начали беседовать и рассказали ей, зачем пришли.

— Что ж,— говорит дивчина,— сейчас ни отца, ни матери дома нет, я не могу вам ответить ни так, ни этак. Приходите, когда старики будут дома.

Помялись сваты, помялись, а из хаты не идут, будто чего-то ждут. А дивчина и спрашивает:

— Вы, люди добрые, пожалуй, с дороги голодные, может, чего-нибудь перекусили бы?

— От хлеба-соли отказываться не станем,— сказал один из сватов.

— Вот и хорошо! — говорит дивчина. — А что же вам подать — убылого или прибылого, или того, что вверх смотрит?

Переглянулись сваты и не знают, что и отвечать. А один потом и говорит:

— Давай уже хотя бы то, что вверх смотрит.

Нарезала девушка наскоро паляницу, накрошила луку в миску, поставила на стол и приглашает сватов покушать. Покрутили сваты носами, переглянулись с женихом, сидят, а еды никто и в рот не взял. В диковинку показалась им эта загадка, а еще диковинней сама дивчина. Опять завели с нею разговор: хотелось, видите, сватам поймать ее на слове. Да куда уж там — кто из них что ни скажет или спросит, она так разумно, остро и впопад ему ответит, что тот хлопает глазами и от стыда краснеет. Вот сват и говорит:

— Растолкуй ты нам, дивчина, что значит — прибылое, убылое и что вверх смотрит?

— А вот что, — отвечает девушка, — сало — это убылое, с салом всякая нужда убывает, а оно все же в хозяйстве прибавляется, ежели, конечно, у кого в хозяйстве дойные коровы. А то что вверх смотрит — это лук; ведь когда он на грядках осенью торчит, похоже, будто кто-то вверх с земли смотрит.

Посмеялись сваты, поудивлялись, что не разгадали такой не слишком мудреной загадки, и собрались по домам.

Воротился жених домой и отцу рассказывает, что и как вышло. Насмеялся вволю старик и говорит:

— Выходит, вы все в дураках оказались, а она умная.

— Нет, тату, мы не дураки, — говорит сын, — но с нею-то и сам водяной не столкнется.

— Ну что ж, — говорит старик, — коли ты и вправду умен, то возьми барана, продай не продай, а соли купи, выпей да закуси, и домой назад барана приведи. Коль сделаешь все как следует, будешь, значит, умный, а нет — то дурак ты, и не тебе она суждена.

Вот гонит парубок продавать барана на ярмарку и все раздумывает, как бы его так продать, чтоб упасть и не ушибиться, чтоб овцы были сыты и сено цело, как отцу хочется.

И пришлось ему гнать своего барана как раз через то село, где жила бедовая дивчина. «Вот, если б она отгадала отцову загадку». Только он об этом подумал, вдруг слышит сзади кто-то кашлянул. Оглянулся парень, смотрит — это бедовая дивчина стоит у колдца, воду берет.

— Чего ты парень так опечалился? — спрашивает она.

— Ты бы тоже, пожалуй, опечалилась, — отвечает он, — ежели бы тебе такую загадку загадали, как мне. Барана продать не продать, соли купить да еще и целого барана домой пригнать! Никак я не надумаю, как это можно сделать.

— А ты послушай меня, глупую, — говорит дивчина, — может, ума и наберешься! Как пригонишь этого барана на ярмарку, одолжи у кого-нибудь ножницы поострей, остриги с него шерсть, продай ее, а на те деньги выпей, закуси, соли купи, а стриженного барана отцу домой пригонишь.

Обрадовался парубок, засмеялся, даже в ладоши хлопнул, а дивчину за совет и не поблагодарил, погнал поскорее барана на ярмарку. Сделал там все, как девушка говорила, и воротился домой веселый, что барана продал не продал, выпил, закусил, соли купил да еще целого барана домой пригнал. Входит в хату, а отец и спрашивает:

— Ну что, сынок, поторговал на ярмарке как следует?

— Поторговал, тату, и все сделал, как вы велели.

— А кто ж тебя научил так сделать?

— Хм! Да кто ж? Я сам! Есть голова на плечах, вот и додумался что и как.

— Ну хорошо, коли так, — говорит отец, — но сдается мне, что тут не обошлось без чужого ума, я ведь тебя хорошо знаю!

На другой день вечером приходит к отцу жениха сосед и спрашивает:

— Ну что, продал наш князь барана?

— Нет, не продал, да я и не велел продавать, а загадал ему такую загадку, чтобы его проверить. Ну он, как бы не сглазить, справился. А что?

— Да видишь ли, — говорит сосед, — пришлось мне, на ярмарку едучи, в одном селе отдыхать. Вижу, гонит наш князь на ярмарку барана. Ну, думаю: «Ладно, поеду вместе с ним, все веселее будет». Вдруг слышу девушка, которая воду брала, окликает нашего князя и спрашивает, чего он такой печальный. А он ей отвечает, что задал ты ему загадку, которую он решить не может. Вот и посоветовала ему та девушка, как твою задачу решить. Присматриваюсь я к девке получше,

глядь — а это та самая, к которой водили мы свататься вашего парубка. Вот что довелось мне видеть и слышать, ну и забежал я узнать, что у вас тут и как?

— Так вот оно что! Сынок, а сынок, поди-ка сюда! — кликнул он парубка.

Вошел парубок в хату.

— Так вот оно как, сынок! Красивое дело, красивое! А ты ведь мне говорил, что своим умом дошел до всего. Дурак же ты, дурак, а к тому же и брехун большой. Разве ты, сын, забыл, что в пословице говорится: «Ложью весь свет обойдешь, да назад не вернешься». Но чтобы таким дураком и брехуном тебе не пропасть, бери опять поскорей сватов и ступай к той самой девке и добивайся от нее согласия. Девка, вижу, она разумная и, говорят, работающая: будет тебя уму-разуму наставлять по хозяйству, и все будет хорошо, проживешь свой век по-людски, а возьмешь такую же как сам, овечку-то, и куры тебя, как помру, заклюют.

И послал опять старик сватов к бедовой дивчине, да и сам туда не поленился пойти, чтобы помочь наладить дело как следует. Вот и взяли разумную дивчину.

ЛЕГКИЙ ХЛЕБ

Белорусская сказка

Косил однажды косарь траву на лугу. Устал он и сел под кустом отдохнуть. Достал мешочек, развязал и начал хлеб жевать.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — под кустом косарь сидит и ест что-то.

Волк подошел к нему и спрашивает:

- Ты что ешь, человеке?
- Хлеб, — отвечает косарь.
- А он вкусный?
- Да еще какой вкусный!
- Дай мне отведать.
- Что ж, отведай.

Отломил косарь хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день хлеб есть. Но где мне его доставать? Подскажи, человеке.

— Хорошо,— говорит косарь,— я тебя научу, где и как хлеб добывать.

И стал волка поучать:

— Прежде всего надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, постой. Потом надо землю взборонить...

— И можно хлеб есть? — замахал волк хвостом.

— Что ты, прежде надо еще рожь посеять...

— Тогда и будет хлеб? — облизнулся волк.

— Нет еще. Дождись, пока рожь взойдет, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом зацветет, затем начнет колоситься, потом зреть...

— Ох,— вздохнул волк,— долго однако же надо ждать! Но уж тогда я наемся хлеба вволю!

— Где там наешься! — перебил его косарь.— Рано еще. Сперва надо спелую рожь сжать, снопы связать, снопы в копны поставить. Ветер их провеет, солнышко прогреет и высушит, тогда вези на ток...

— И буду хлеб есть?

— Э, какой нетерпеливый! Сначала надо снопы обмолотить, зерно в мешки ссыпать, мешки на мельницу отвезти и муки намолоть...

— И все?

— Нет, не все. Надо муку в кадке замесить и подождать, пока тесто поднимется. Тогда в горячую печь посадить.

— И испечется хлеб?

— Да, испечется хлеб. Вот тогда и наешься его,— закончил свое наставление косарь.

Задумался волк, почесал затылок лапой и сказал:

— Нет! Эта работа больно скучная и тяжелая — не по мне. Лучше посоветуй, человеке, как мне побыстрее и полегче еду добыть.

— Ну что же,— говорит косарь,— раз не хочешь тяжелый хлеб есть, поешь легкий. Ступай на выгон, там конь пасется.

Пришел волк на выгон и увидел коня.

— Конь, конь. Я тебя съем!

— Что ж, ешь,— говорит конь.— Только сперва

сними с моих копыт подковы, чтобы не сломать тебе о них зубы.

— И то правда,— согласился волк.

Нагнулся он подковы снимать, а конь как ударит его копытом в зубы... Перекувыркнулся волк и — бежать.

Прибежал к реке. Видит — на берегу гуси пасутся. «А не съест ли мне их?» — думает. Потом говорит:

— Гуси, гуси! Я вас съем!

— Га,— говорят гуси,— ешь. Но сперва окажи нам уж последнюю в нашей жизни услугу.

— Какую? — спрашивает волк.

— Спой нам, а мы послушаем.

— Это можно. Петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и давай выть. А гуси крыльями хлоп, хлоп! — поднялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел вслед гусям и пошел не солоно хлебавши. Идет и ругает себя последними словами: «И дурень же я! Зачем согласился петь? Ну, теперь кого ни встречу — съем!»

Только он так подумал, глядь — идет по дороге старый дед. Волк к нему:

— Дед, дед, я тебя съем!

— И зачем так спешить? — говорит дед. — Давай напоследок вместе табачку понюхаем.

— А он вкусный?

— Попробуй — узнаешь.

— Давай!

Достал дед из кармана кисет с табаком, сам понюхал и волку дал. Тот как нюхнул со своей волчьей жадностью, так сразу весь кисет и втянул в нос. А потом как начал чихать на весь лес... Чихает, ничего от слез не видит. Целый час чихал, пока весь табак не вычихал. Осмотрелся, а деда уж и след простыл.

Пошел волк дальше. Идет он, идет и видит — на поле стадо овец пасется, а пастух спит. Высмотрел волк в стаде самого лучшего барана, схватил его и говорит:

— Баран, баран! Я тебя съем!

— Ме-е-ня? Мо-о-жно! — говорит баран. — Только чтоб долго не мучиться, да и тебе не ломать зубы об мои старые кости, стань лучше вон в той ложбине и раскрой рот. А я взбегу на горку, разгонюсь и сам влечу тебе в пасть.

— Спасибо за совет! — очень понравилась волку эта мысль. — Так мы и сделаем.

Стал он в ложбине, раскрыл пасть и ждет. А баран взбежал на горку, оттуда разогнался и трах волка с разгону рогами по голове. У волка из глаз снопом искры посыпались, весь свет завертелся, как карусель!

Очнулся немного погодя волк, покрутил головой и рассуждает сам с собой:

— Съел я его или нет?

Тем временем косарь закончил работу и отдыхать идет. Услыхал он волчьи слова и говорит: «Съесть-то никого не съел, да зато легкого хлеба вдосталь отведал».

КОТ МАКСИМ

Белорусская сказка

Жили дед да баба. Были у них сын и кот. Сына звали Мартыном, а кота Максимом.

Умерли дед и баба. Остался Мартын с котом Максимом.

Мартын был большой лентяй, все на печи лежал, а кот ему еду носил: то птичку где поймает, то колбасу или сало у соседа стащит...

Вот так они и жили; случилось — сгорела хата, одна глиняная печь осталась.

— Что ж нам делать? — спрашивает кот у хозяина. — Надо новую хату строить.

— Э, — говорит Мартын, — зачем нам хата? Хватит и печи.

Пожили они год на печи, а там и печь развалилась.

— Что ж нам делать? — опять спрашивает кот у хозяина.

— Ты, — говорит Мартын, — как себе хочешь, а я жениться надумал: возьму жену богатую, она мне хату и построит.

— Да кто за такого лентяя замуж пойдет? — смеется кот. — У тебя и вид-то не человеческий.

— Пойдет! — говорит Мартын. — Нечего смеяться! Сама царевна пойдет! Ступай, Максим, к царю. Скажи ему — так, мол, и так: пан Мартын, по прозвищу Глинский-Пепелинский, сватается за твою дочь. Ну, сделай там все, как надо: наговори ему, что богаче меня во всем царстве пана не найти...

— Трудную задачу ты мне задал, пан Мартын Глинский-Пепелинский, — говорит кот.

— Ступай, ступай, а то ремня задам! — пригрозил ему хозяин.

— Ну что ж, попытаю счастья.

Натаскал кот лентяю еды про запас, чтоб тот с голоду не помер, а сам в дальнюю дорогу пустился.

Идет он, идет — приходит в лес. Бежит навстречу заяц.

— Куда, кот, идешь?

— К царю.

— Зачем?

Кот подумал и говорит:

— На суд.

— На какой суд?

— Правду хочу найти.

— Какую правду?

— А вот какую. Где кошка что украдет или нашкодит — все на kota сваливают. Кот, говорят, и сметану слизал, кот и сало украл... А kota там и близко не было. Не могу я терпеть такой напраслины!

— Пойду и я, пожалуй, с тобой, — говорит заяц.

— Зачем?

— А тоже на суд. Где зайчиха что сделает — валят на зайца. Кто в саду молодые побеги попортил? Заяц! Кого собаки гоняют? Зайца! А там вовсе и не заяц был, а зайчиха. Не могу такое терпеть! Пойду на суд к царю.

— Да как же ты один пойдешь? — говорит кот. — Кто тебе одному на суде поверит? Там свидетелей надо иметь.

— А ты почему идешь один?

— Ну, у меня дело другое. Там у меня деда, дядя да братья живут. Все по слову замолвят, мне и поверят. Вот кабы ты набрал сотни три свидетелей, то можно смело идти.

Как помчится заяц, как закричит на весь лес:

— Дядя, братья, деда, бегите-ка сюда!

Тут вмиг со всех сторон зайцы посыпались. Целая уйма их сбежалась.

Привел кот Максим зайцев к царским палатам. Видит — стоит во дворе большой хлев. Он и говорит зайцам:

— Вы обождите в этом хлеву. Закончится мой суд, я и вашу жалобу подам царю.

Поскакали зайцы в хлев, а кот — хлоп! — и запер их на засов.

Идет он в царские палаты, подпрыгивает да в ладоши похлопывает.

Всходит на крыльцо, стучит в дверь:

— Отворите!

Открыл ему дверь солдат-часовой.

— Чего надо? — спрашивает.

— Укажи, где царь живет.

Солдат указал.

Вошел кот Максим в большую палату, а там царь сидит.

— Добрый день, ваше величество-вымператорство!

— Добрый день, котик! — отвечает царь. — Что скажешь?

— Да вот прислал тебе мой хозяин пан Глинский-Пепелинский гостинец.

Тот обрадовался; цари — они всегда жадные.

— Где же этот гостинец?

— В хлеву.

Царь в хлев побежал, посмотрел, а там полным-полно зайцев.

— Видно, больно богат твой хозяин, если столько зайцев прислал, — удивляется царь. — Пожалуй, у него еще больше осталось.

— Он, брат царек-панок, такой богатый, что и не счесть. Всего у него много, нет только хозяйки. Прислал меня твою дочку сватать.

Повел царь кота во дворец — накормил, напоил да еще и в сумку провизию на дорогу положил. А про дочку промолчал.

Вернулся кот Максим домой. А его хозяин чуть живой лежит: все припасы давно поел.

Развязал кот сумку, достал оттуда все, что от царя принес, и начал хозяина кормить.

Подкрепился пан Глинский-Пепелинский и спрашивает кота:

— Ну, что тебе царь сказал?

— Да ничего интересного,— говорит кот.

— Так сходи еще раз к царю. Только еды мне больше натаскай.

Запас ему кот еды, а сам пошел снова к царю. Приходит в лес, а тут навстречу ему волк:

— Куда, кот, идешь?

— К царю.

— Зачем?

— На суд.

И рассказал волку, на какой суд идет. Волк говорит:

— Так и я с тобой пойду! Меня тоже частенько понапрасну бранят.

— Одному, без свидетелей, тебе суд не поверит,— говорит кот.

— А ты почему один идешь?

— Тебе со мной не равняться. Меня вся царская родня знает, а от тебя даже собаки бегут, если где увидят. У меня там деды, дядья, братья...

— Так что же мне делать?

— Собери сотни три свидетелей, тогда и поверят. Подпрыгнул волк, ударился оземь и завыл на весь лес:

— Дядья, братья, деды, бегите сюда!

Собрались волки со всего леса.

Повел их кот к царю.

Приходят на царский двор. Волкам не терпится, говорят:

— Мы первые на суд пойдем!

— Нет,— говорит кот,— моя жалоба там уже давно лежит. Как окончится мой суд, я вашу жалобу подам и вас позову. А пока обождите в этом хлеву.

Поджали волки хвосты и потянулись в хлев. А как вошли все, кот — хлоп! — и запер их там на засов. А сам двинулся в палаты.

Поднимается на крыльцо: стук, стук! Открывает ему знакомый солдат. И мчится кот прямо в царские палаты.

Вошел к царю, поздоровался.

— Что скажешь, котик? — спрашивает царь.

— Да вот,— отвечает кот Максим,— прислал тебе мой хозяин пан Мартын Глинский-Пепелинский новый гостинец.

— Хорошо! — обрадовался царь.

Побежал в хлев, смотрит, а там волков видимо-невидимо: в кошарах набито, даже под крышу набились.

Велел царь всех волков убить, из их шкур шубы пошить, а коту говорит:

— Передай пану Глинскому-Пепелинскому, пускай сам ко мне в гости приедет.

Прибежал кот домой ночью, запыхался. Начал хозяина тормошить. Еле добудился.

— Вставай! — говорит. — Я от царя за тобой пришел.

Мартын кое-как глаза продрал, спрашивает:

— Что царь сказал!

— Сказал, чтобы ты сам к нему немедленно в гости ехал!

Почесал Глинский-Пепелинский затылок!

— А в чем же я поеду? Ведь я гол как сокол!

— Ничего, — говорит кот, — что-нибудь да придумаем.

Собрались они и побежали бегом к царю.

Бегут, видят — у большой дороги целое войско солдат спит на привале. Кот остановил хозяина.

— Подожди-ка, — говорит, — здесь.

А сам к войску стал подкрадываться. Стащил у спящих солдат шапки и набил ими два мешка. Вскинул один мешок на плечи, другой хозяину дал. И пошли они дальше.

Подходят к речке. Коту пить захотелось. Поставил он свой мешок у моста, хозяина караулить оставил, а сам к воде по бережку спустился. Видит — ползет рак в нору. Кот его за ус — и на берег выбросил.

Рак стал просить:

— Отпусти меня назад в воду. Может, я тебе тоже когда-нибудь службу сослужу.

Кот говорит:

— Какую же ты можешь мне службу сослужить?

— Если в воде, то любую, — отвечает рак. — Прикажи что хочешь, все сделаю.

— Подкопай до утра столбы, что мост держат, — предложил кот.

— Что ж, сделаем! — говорит рак. — Это мне по силам.

Отпустил кот рака, и тот сразу принялся за работу.

— А ты, — говорит кот Мартыну, — как только за-

валится мост, разбросай шапки по воде и жди меня.

Сказал это кот, перескочил через перила моста и побежал в царский дворец. Прибегает, докладывает царю:

— Ваше величество-вымператорство! Ехал к тебе в гости мой хозяин — пан Глинский-Пепелинский, да беда стряслась: мост провалился, вся его пехота и конница утонула. Один он остался, голый — все обмундирование по воде уплыло.

Сел тогда царь в карету, кота посадил рядом, подъехал к мосту. Видит — и правда: только шапки от войска по воде плавают.

Посочувствовал царь богатому пану Глинскому-Пепелинскому, с которым такая беда приключилась, и велел своим портным да сапожникам справиться ему обмундирование по лучшей форме.

Оделся Глинский-Пепелинский во все новое, прихорошился и поехал с царем во дворец.

Побеседовал с ним царь, вкусным разным угостил и говорит:

— А теперь хотел бы я посмотреть на твои поместья: ежели ты и вправду такой богач, как кот говорил, сразу выдам за тебя дочку.

Испугался Глинский-Пепелинский: какие же там поместья он царю покажет? Все его имение — глиняная печь, да и та развалилась.

Услыхал об этом кот Максим. Отозвал своего хозяина в сторону и шепчет ему:

— Не бойся! Все хорошо будет!

Запрягли царские конюхи самых лучших лошадей в самую лучшую карету. Сел царь в карету и поехал. Кот впереди бежит — дорогу показывает.

Едет царь, едет и подъезжает к поместью Змея Горыныча. Кот впереди бежит. Видит — пасут пастухи большое стадо коров. Подбегает он к пастухам.

— Чьи вы? — спрашивает.

— Змея Горыныча!

Кот усы наморщил, шерсть на затылке вздыбил и говорит грозно:

— Не говорите никому, что вы пастухи Змея Горыныча, а скажите — Мартына Глинского-Пепелинского. А то за мной летит Гром с Перуном — вас сразу убьет.

Сказал так кот Максим и побежал дальше. Встре-

чает большой табун лошадей. Подбежал к конюхам и спрашивает:

— Чьи вы, конюхи?

— Змея Горыныча,— отвечают.

— Не вздумайте никому сказать, что вы конюхи Змея Горыныча, скажите — пана Глинского-Пепелинского! А то за мной Гром с Перуном летит — вас сразу убьет!

Тем временем царская карета с громом подъехала к пастухам.

— Чьи вы? — спрашивает их царь.

— Пана Мартына Глинского-Пепелинского!

— Ого! — удивился царь. — И богат же пан Глинский-Пепелинский!

Потом царь встретился с конюхами и еще больше удивился богатству пана.

Пока царь ехал, кот прибежал на подворье Змея Горыныча, к золоченым горынычевым хоромам. Увидел самого Змея и кричит:

— Прячься, Змей Горыныч! Едет Гром с Перуном — он тебя убьет и в порошок сотрет!

— Куда же мне спрятаться?

— А полезай хоть сюда! — показал, оглядевшись, кот на большое дупло в старой липе.

Забрался Горыныч в дупло, а кот это дупло поленом заткнул да сверху еще глиной замазал. Потом побежал к змеевым слугам.

— Не говорите никому, — пригрозил он им, — что вы слуги Змея Горыныча, а скажите — знатного пана Глинского-Пепелинского. А не то убьет вас Гром с Перуном, что за мной летит.

— Ладно, — согласились испуганные слуги.

Приехал царь в поместье Змея Горыныча, слуги встречать его бросились.

— Чьи вы? И чье это поместье? — спрашивает царь.

— Пана Глинского-Пепелинского! — отвечали слуги.

— Ну, что ж, — говорит царь, — вижу: очень богат пан Глинский-Пепелинский. Выдам за него дочку!

Вернулся царь во дворец к себе, крикнул музыкантов и велел свадьбу справлять.

Все там было: кто что хотел, тот то пил и ел. И мы там были, ели вдоволь и пили — по бороде текло, а в рот не попало.

СИНЯЯ СВИТА¹ НАИЗНАНКУ СШИТА

Белорусская сказка

Жил-был царь-колдун. Ки-
нул он клич по всему своему
царству:

— Кто спрячется от меня,
тому полцарства отдам!

И нашелся охотник по проз-
вищу Синяя Свита Наизнанку
Сшита:

— Я, — говорит, — берусь
спрятаться так, что ты меня не найдешь.

— Ладно, — говорит царь, — если спрячешься —
полцарства тебе отдам, а нет — голова с плеч. Распи-
шись.

Расписался Синяя Свита и давай прятаться. Перед
царем стоял добрым молодцем, по двору бежал чер-
ным соболем, под ворота лез белым горностаем, по по-
лю скакал серым зайцем. Забежал в тридевятое цар-
ство на просторный зеленый луг и обернулся тремя
разными цветиками.

На другой день царь посмотрел в свою колдовскую
книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору
бежал черным соболем, под ворота лез белым горнос-
таем, по полю скакал серым зайцем. Прискакал на
просторный луг в тридевятом царстве и обернулся тре-
мя разными цветиками.

Позвал царь слуг и приказал принести ему цвети-
ки с луга.

Пришли слуги на тот луг, сорвали цветики, доста-
вили царю. Царь развернул платок с цветиками, сме-
ется:

— Ну как, Синяя Свита, спрятался ты от меня?

Синяя Свита превратился в человека и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться еще раз?

Царь дозволил.

Синяя Свита Наизнанку Сшита перед царем стоял
добрым молодцем, по двору бежал черным соболем,

¹ С в и т а — верхняя длинная одежда.

под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем.

Бежать так бежать — забежал за тридевять земель, в тридесятое царство.

А в том царстве есть такой мох, под которым сверху болото, а внизу озеро.

Зашел он в мох, обернулся рыбой-окунем, забрался на самое дно озера и сидит там.

Утром царь встал, посмотрел в свою колдовскую книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Забежал за тридевять земель, в тридесятое царство и спрятался в моховое болото, обернувшись рыбой-окунем.

Приказал царь своим слугам пойти в тридесятое царство, очистить моховое болото и поймать окуня.

Слуги так и сделали. Очистили болото. Закинули невод и поймали окуня. Завернули его в платок и принесли царю.

— Ну что, Синяя Свита Наизнанку Сшита, спрятался ты от меня в другой раз? — смеется царь.

Синяя Свита превратился в человека и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться еще раз.

Царь дозволил.

Синяя Свита перед царем стоял добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем.

Бежать так бежать — прибежал в тридесятое царство, где растет дуб — корни у него в земле, а вершина в небе.

Влез он на этот дуб. Обернулся иголкой, зашил под кору и сидит там.

Прилетела на дуб птица Нагай.

Почуяла птица Нагай, что под дубовой корой человек сидит, и спрашивает:

— Кто тут?

— Я, — отвечает Синяя Свита.

— А как ты сюда попал?

— Да, — говорит, — взялся я от царя-колдуна прятаться, да никак не удается.

— Хочешь, я тебя спрячу?

— Спрячь, добрая птаха. Век буду тебя за это благодарить.

Птица Нагай превратила его в перышко, взяла под крыло, занесла в царские палаты и положила сонному царю за пазуху.

Царь утром встал, умылся, поглядел в колдовскую книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору бежал черным сободем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем, прибежал в тридесятое царство. Там есть дуб, корни у него в земле, а вершина на небе. Забрался он под кору и сидит там, обернувшись иголкой.

Приказал царь спилить дуб, расколоть на дрова и сжечь.

Слуги так и сделали, а Синей Свиты не нашли. Приходят, докладывают:

— Нет там Синей Свиты.

— Как нет? — рассердился царь. — Не может этого быть!

— Нет и все, — говорят слуги.

Вышел царь во двор.

Начал звать:

— Синяя Свита Наизнанку Сшита, покажись!

— Собери, — отзывается Синяя Свита, своих генералов, тогда покажусь!

Царь слышит голос Синей Свиты, а не знает, откуда он раздается. Крутился, крутился, всюду заглядывал, а Синяя Свита как водою смыта.

Ну, делать нечего. Собрал царь всех генералов. Вышел во двор, опять зовет:

— Синяя Свита, покажись!

— Нет, — слышит голос Синей Свиты, — сперва при генералах отпиши мне половину царства, тогда покажусь. А то обманешь, я тебя знаю!

Не хотелось царю отписывать половину царства, а пришлось. Как только при генералах поставил он на указе свою царскую печать, у него из-за пазухи вылетело легкое перышко и обернулось добрым молодцем,

— Вот и я! — говорит Синяя Свита.

Схватил он тот указ и положил к себе в карман. Перестал тогда царь-колдун прятками заниматься.

ФАРХАД И ШИРИН

Узбекская сказка

Было или не было, но давным-давно, когда птицы и звери умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далекой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставлю тебе в наследство, кроме этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот этот ларец, не открывай его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад, открыл из любопытства ларец. Нашел он в нем небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы, и среди них одна — прекрасная, словно пери. Не мог оторвать от нее взора Фархад и упал без чувств.

Долго бы пролежал Фархад, если бы к нему не зашел его друг Шапур.

Видит Шапур, что лежит его друг как мертвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили, есть ли такая прекрасная девушка на свете.

Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка воды и плеснул в лицо Фархада. Пришел в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало и сразу вспомнил о неведомой красавице. Стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуrom идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом громоздились высокие горы.

Посмотрел Фархад вокруг и удивился. Хоть и было лето, но деревья стояли желтые, и листья их осыпались, словно глубокой осенью. Поля высохли, и растения поблекли. У иссохшего канала стояли изможденные люди. Кетменями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди,— крикнул Фархад,— и для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра.

Три года проливают пот и слезы люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая, точно железо, скала не поддается, и все усилия тщетны.

— Друг мой Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды. Поможем им!

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу. Много силы было в руках Фархада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени и, переплавив их, выковал вместе с Шапуrom один большой кетмень, который не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад кетмень в руки, взмахнул раз, взмахнул два, получился канал больше того, который копали люди три года. Еще раз ударил Фархад, ударил два — задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду.

Городом Беговатом правила в ту пору султанша Гульчехра, и была у нее любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору. Побежала Ширин к своей тетке Гульчехре и упросила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто повернет Сырдарью в Голодную степь,— говорила Ширин.

Остановился Фархад утереть пот на лице, глянул на приехавших, а тут ветер откинул покрывало с лица Ширин, и он увидел ту самую перн, которая была в зеркале.

Сказал только «Ох!» и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный друг Шапур знал, в чем дело, да не смел сказать.

Пришел в себя Фархад, смотрит на Ширин, глаз не может оторвать. Застыдилась Ширин, глянула только на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам.

И вдруг подняла коня девушка на дыбы и помчалась прочь. Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад, подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной принцессой у ворот.

Ушел Фархад, ничего не сказав Ширин и не посмотрев на нее. Удивилась красавица и почему-то на сердце у нее стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелее становилось ему: «Разве может полюбить тонкостанная, рожденная в бархате и шелку, меня, простого каменотеса?»

Не вернулся он к арыку, а пошел на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь безвестного строителя. Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, усадили его на почетном месте.

Фархад не знал, что и делать: так рад он был увидеть Ширин.

Начался веселый пир. Звенели дутары. Девушки, стройные, как газели, танцевали. Все было прекрасно: и песни, и яства, и танцы. Только не было Ширин. Все мрачнее и печальнее становился Фархад.

Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лица гостей. Все веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и Ширин. Во время пира они ничего не пили, не ели, только глядели друг на друга...

Как вдруг приехали послы из царства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны — старого, плешивого Хосро-

ва. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал сватов.

Печаль сменила веселье. Замолкли напевы злато-струнного саза, не слышно было смеха. Знала Гульчехра, что если откажет она Хосрову, будет страшен его гнев, пойдет он войной на Беговат, разоряя все на своем пути.

— Эй, женщина,— сказал посол Гульчехре,— мой господин, царь царей Хосров, встал у границ твоего государства со своим войском. Хосров сказал: «Пусть царевна Ширин станет моей женой, а если нет — камня на камне не оставлю от Беговата». Отвечай!

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как джейран. Ширин любит коней и охоту. Ширин не думает о замужестве.

Страшно разгневался Хосров и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Черной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны, загудели медные трубы, запыхали костры. Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе,— сказал себе Фархад,— не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошел Фархад на гору, выломал кетменем два утеса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к Хосрову.

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див на горе играет скалами, точно яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони и видит — действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утесы.

— Эгей, человек,— закричал Хосров,— кто ты такой и что делаешь там — на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фархад.— Уходи, шах Хосров, прочь отсюда со своими воинами, а не то я начну вот эти скалы в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным воинам в золотых шлемах и с золотыми щитами пойти на гору и привести Фархада живым или мертвым.

Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу, и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал еще сорок воинов, но и их постигла та же участь.

Хотел Хосров послать на Фархада все свое войско, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь и проговорил:

— Недостойно великому шаху сражаться с каким-то каменотесом. Победишь ты Фархада, о шах, славы тебе не прибавится. Победит он тебя, — да не допустит аллах этого, — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты советуешь? — сердясь, спросил Хосров. — Говори скорее, иначе я позову палача — и...

— Зачем же звать палача? — ответил хитроумный визирь. — Там, где нельзя победить мечом, можно победить умом. О шах, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первый проложит через гору канал и пустит воду на земли Голодной степи.

Еще больше рассердился Хосров на своего визиря и закричал:

— Я — великий шах великого государства, а не дехкапин, измазанный в глине. Что же, ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю? Не будет этого!

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре.

Не шумели, не грозили войной. Льстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

— Наш шах, — сказали они, — хотел испытать только мужество беговатцев. И он передает свое уважение и восхищение. Не хочет влюбленный Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернет реку Сырдарью в Голодную степь? Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила свои прекрасные глаза и сказала только одно слово:

— Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в окружении пышной свиты сам шах Хосров.

— О сладчайшая из принцесс,— сказал он,— я берусь выполнить твоё желание. Сегодня же ночью Сырдарья потечет на земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у нее на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко поразили ее сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова, и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у каждой хижинки, у каждой юрты, у каждого дома, бить в барабаны и объявлять:

— Люди! Кто повернет сегодня Сырдарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глшатая Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу.

Задрожала, зашаталась гора под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегораживая течение буйной реки.

Тысячи людей сбегались посмотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь шаха Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршественный зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему повелителю. Тогда поднялся Хосров и, поклонившись Гульчехре, сказал:

— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы, прелестной Ширин, исполнено. Вода течет в степь!

Все бросились на крышу дворца.

И Ширин увидела, как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ. И вот — вода!

Еще ниже поклонился Хосров.

— О Ширин, выполняй свое обещание.

Больно сжалось сердце Ширин. «О Фархад, где ты?» — думала она. В безумной тоске хотела принцесса броситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание — если она разобьется и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.

Не звала Ширин, что в степи блестела под луной не вода, что это отражался свет в блестящих тростниковых циновках, расстеленных длинной полосой на земле по приказу хитроумного визиря.

Начался свадебный пир.

Подобно круглой луне на темном небе, блистала неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прелестной невесты была улыбка, на глазах — слезы. Сердце красавицы рвалось на волю — туда, куда звала любовь.

Ревели карнаи, гремели бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кабоб, целиком изжаренные бараны, шурпа, орехи — всего было в изобилии.

Так стала Ширин женой Хосрова.

Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с предрассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.

Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окружив себя воинами.

Проливала слезы безутешная, обманутая Ширин.

Всю ночь, не покладая рук, работал Фархад. Могучий, своим кетменем он ломал скалы и бросал в реку. Но поток уносил их с собой. Разгневавшись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул с места.

Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.

Еще одно усилие — и река остановит свой бег!

Тогда Фархад спросил:

— Где же Ширин? Пусть придет взглянуть на мой труд!

Опустив головы, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур. Только ветер уныло прошумел:

— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. Он обманул ее, она не любит его!

Но потрясенному черной вестью Фархаду послышалось, будто ветер говорит: «Любит, любит Хосрова!»

Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал только, как сердце ему шептало: «Зачем петь тебе, Фархад, — соловей поет не тебе. Зачем смотреть тебе, Фархад, — глаза прекрасной Ширин смотрят не на тебя. Зачем дышать тебе, Фархад, — розы любви благоухают в другом саду».

В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.

Увидел Фархад свою любимую, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сырдарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки — и окаменел от горя.

Рванулась Ширин к Фархаду — и превратилась в прозрачную речку.

Так и стоит близ Беговата на берегу Сырдарьи могучий утес Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струится красавица Ширин.

ВОДА БЕССМЕРТИЯ

Узбекская сказка

В давние времена царь Искандер Двурогий завоевал весь мир. Но вот в одном из походов одолели его тяжкие раны, и он почувствовал приближение смерти. Призвал тогда Искандер самых искусных врачей и сказал:

— Пришел мой смертный час, но я не хочу умирать. Я хочу жить и царствовать вечно в завоеванных мною странах. Найдите лекарства, которые продлили бы мою жизнь на века!

Долго думали самые мудрые, самые сведущие лекари и наконец посоветовали царю Искандеру испить живой воды из родника, находящегося в дальнем краю. Молва утверждала, что тот, кто попробует воды из чудесного источника, будет жить вечно.

Послушался Искандер совета, приказал положить себя на носилки, и самые быстрые воины помчали владыку к заветному источнику.

А находился волшебный родник в тенистой и прохладной роще. Деревья своими кронами укрывали его от палящих лучей солнца, а густой и колючий кустарник оберегал от знойных ветров.

Оставили воины царя у воды, а сами удалились. Очнулся Искандер, зачерпнул золотым ковшом воды из родника, но не успел поднести его к губам, как перед ним вырос худой сгорбленный старик.

— Сын мой, — тихо молвил старик, — если ты глот-

нешь воды из этого источника, то станешь бессмертным.

— Но я этого и хочу! — воскликнул изумленный Искандер.

— Не спеши, сын мой, — остановил его старик. — Сначала послушай, что я тебе расскажу... Три тысячи лет назад я завоевал все царства на земле. Весь мир лежал у моих ног, и никто не смел поднять на меня глаза. Вот тогда я и решил стать бессмертным, чтобы вечно повелевать народами и государствами. И выпил воды из этого источника... Но прошло всего сто лет, народы восстали против меня и прогнали с трона. И когда я теперь приближаюсь к людям и называю им свое имя, они плюют мне в лицо и называют меня грабителем и убийцей... Потому что я, как это теперь делаешь ты, творил зло на земле.

Старик исчез. А Искандер в глубоком раздумье набрал в пузырек волшебной воды, спрятал его на груди и приказал воинам нести себя домой.

Смертный час захватил Искандера в пути. Положили воины царя в тени трех старых карагачей. Достал Искандер с груди пузырек, но не решился выпить воду бессмертия и выплеснул ее на землю.

Века прошли над землей, а три карагача до сих пор зеленеют в степи, даря усталым путникам приют и прохладу.

ДЕВЯТЬ ЛОДЫРЕЙ

Узбекская сказка

Было или не было, жили в одном городе девять лодырей и один Проворный.

Девять лодырей имели дома у самого базара, а Проворный жил на самой окраине города.

И лодыри, и Проворный делали арбы. Ленивы были лодыри и за целый день с трудом изготавливали всего одну арбу. А

Проворный один в течение дня делал девять арб.

Народ на базаре ругал арбы, сделанные лентяями, и хвалил арбы Проворного.

Стали девять лодырей думать, как им поправить свои дела. Думали они день и ночь, и вот один из них воскликнул:

— Нашел!

Четыре лодыря, что один гвоздь забивали, три, которые топор поднимали, да один с рубанком в руке — так и застыли на месте.

А первый лодырь продолжал:

— Сейчас пойду к Проворному, расхвалю нашу работу, скажу, что мы каждый день делаем восемьдесят одну арбу, и у нас столько денег, что не знаем, куда их девать. И потому решили его взять в компанию. Проворный у нас проработает несколько дней. За это время мы распродадим свои арбы.

— Правильно говоришь! — закричали лодыри и послали первого лодыря к Проворному.

— Брат Проворный! Мы тебя очень жалеем. Подумай сам, ты с утра до ночи трудишься, проливаешь пот — зачем тебе так мучить себя? Брось все, иди к нам.

— Ну, ладно, — сказал Проворный, — иди так иди!

Начали работать все вместе. Лодыри спрятались от жары в тень. Только Проворный, повязав лоб платком, продолжал пилить, строгать, гвозди заколачивать.

Вечером Проворный пересчитал арбы. Сам он смастерил девять арб, а лодыри сделали одну — всего десять. Удивился Проворный, но промолчал. На базаре никто не купил арбу, сделанную лодырями. А арбы, которые смастерил Проворный, раскупили нарасхват.

Стал Проворный учить лодырей. Ничего из этого не получилось.

Бросил Проворный лодырей и ушел к себе.

Думали, думали лодыри, что делать дальше, и ничего не могли придумать.

— Нашел! — крикнул, наконец, первый лодырь.

Один лодырь гвоздь забивал, шестеро надевали колесо на ось, один топор держал — все так и застыли на месте.

Первый лодырь продолжал:

— Сегодня ночью сожжем все арбы Проворного. А

завтра на базаре не будет арб, кроме наших, и цены на них поднимутся — продадим свой товар за хорошие деньги. Что скажете?

— Хорошо придумал! — сказали остальные лодыри.

Как только Проворный ненадолго уехал из города, лодыри подожгли все его готовые арбы.

Вернулся Проворный домой и увидел, что арбы его сгорели. Сразу понял, кто это сделал.

— Эх, что было, то прошло! — сказал он и как ни в чем не бывало принялся за работу.

Повезли лодыри продавать на базар свои арбы и заехали к Проворному — его бедой насладиться. Видят, он работает как ни в чем не бывало. Да еще поет.

— Салом, Проворный! Как поживаешь? Все ли благополучно?

— Да, все хорошо, — ответил Проворный.

— Мы слышали, что твои арбы сгорели. Правда это?

— Правда, — ответил Проворный. — Мои арбы давно надо было сжечь, никак не мог собраться. Нашлись, на мое счастье, добрые люди и сожгли их. Очень я обрадовался.

— Почему? — удивились лодыри.

— Очень просто. Мне понадобилось много золы.

— Ийе?!

— Да, — сказал Проворный, — на базаре золу от арб меняют на золото. Вес на вес. Сам только что привез золото, которое получил взамен золы.

Лодыри поскорее вернулись домой, сожгли свои арбы, а золу насыпали в переметные сумы и повезли на базар.

— Кому золы от арбы? — начали на все лады кричать лодыри на базаре.

— Продается хорошая зола от хорошей арбы!

— За хурджун прекрасной золы всего один хурджун золота!

— Хо-хо-хо! Подходите, торопитесь!

Люди смеялись до слез, а потом схватили палки да и прогнали всех лодырей с базара.

Очень разозлились лодыри и решили Проворному отомстить.

Забрались они в полночь во двор к Проворному, хотели его избить. В темноте наткнулись на ишака, а

тот давай лягаться. Лодыри вовсе обозлились и принялись ишака бить. Избили так, что он издох.

Наутро Проворный видит — ишак его лежит мертвый. Огорчился Проворный, потом положил ишака на арбу и повез в поле.

Подъехал к большому току, снял ишака и поставил возле скирды необмолоченной пшеницы.

Хозяин тока — ростовщик Салимбай сидел неподалеку и завтракал.

Увидел он ишака возле пшеницы и давай кричать: — Пошт! Пошт! Пошел! Пошел!

А ишак стоит себе и не двигается.

Подбежал Салимбай, палкой со всего маху стукнул ишака по спине. Мертвый ишак, конечно, упал на землю.

— Вай, — закричал Проворный. — Ты, бай, убил моего ишака!

Салимбай испугался.

— Душа моя, Проворный, — начал просить он, — не кричи так громко. Пусть никто не знает об этом!

Но Проворный продолжал кричать:

— Нет, ты возместишь мне убытки — такой хороший и работающий был ишак!

И бросился с палкой на Салимбая.

— Стой, я заплачу, сколько ты хочешь!

И отсчитал Проворному десять золотых.

Проворный пошел домой. По дороге встретились ему лодыри.

— Салом, душечка Проворный! — сказали они.

— Салом! — ответил Проворный.

— Как поживаешь? Что нового?

— Новостей много, — ответил Проворный. — Сегодня ночью подох мой ишак, я отвез его на базар и продал. Вот смотрите, сколько я выручил за дохлятину.

Проворный развязал кошель и показал десять золотых.

При виде золота у лодырей глаза полезли на лоб.

Побежали они домой, убили своих ишаков и потащили их трупы на базар продавать.

Притащили на базар и давай кричать:

— Кому нужны дохлые ишаки? Меняем на золото!

Народ на базаре разгневался:

— Что это еще за безобразие? Кто же торгует дохлыми ишаками?

Избил народ лодырей и прогнал с базара.

Проворный не успел доехать до дома, видит: бегут все девять лодырей.

Подумал Проворный:

«Их девять, а я один — не справлюсь!»

И побежал в степь. Лодыри за ним.

Но Проворного не зря прозвали Проворным, бегал он быстро и далеко опередил лодырей.

Бежит по степи Проворный, а навстречу ему Салимбай гонит баранов.

— Эй,— кричит бай,— куда ты бежишь?

— Ты разве не знаешь: меня назначили шахом!

Заволновался бай:

— Тебя, бедняка, хотят назначить шахом? С какой это стати? Ах ты, тыква пустая! Я — бай, пусть меня назначают шахом! — вскричал он.

— Если так, беги прямо вон к тому бугру,— ответил Проворный.— Там тебя и назначат!

Салимбай очень хотел стать шахом и припустился к бугру во всю прыть.

А Проворный надел халат наизнанку, повязал лицо платком и сел в канаву.

Тут подбежали лодыри и, запыхавшись, окликнули Проворного.

— Не пробежал ли здесь один человек? — спросили они.

— Пробежал, пробежал,— ответил Проворный.

— Давно он пробежал?

— Нет, только что. Да вон он бежит! — сказал Проворный и показал на бегущего вдали бая.

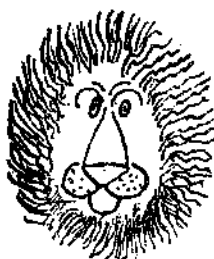
Посмотрели лодыри, увидели бая и пустились его догонять.

Проворный снова перевернул халат, снял с головы платок и пошел домой.

А лодыри, говорят, до сих пор бегают по степи — гоняются за баем.

СЧАСТЬЕ КАДЫРА

Казахская сказка

Жили два брата. Старший был разумный и работающий, а младший — бестолковый, ленивый и завистливый. Звали его Кадыр. Пришел Кадыр к брату и говорит с досадой:

— Почему так получается, брат, скажи, сделай милость! Одного мы с тобой рода-племени, одного отца дети, а доля у

нас разная. Тебе удача во всем, мне ни в чем нет удачи. В любом деле ты оказываешься впереди, все у тебя получается, а я всегда плетусь в хвосте.

Улыбнулся старший брат и ответил:

— Не иначе мне счастье мое помогает.

— Почему же оно не помогает мне?

— У каждого свое счастье, Кадыр. Мое любит трудиться, твое, видно, спит где-то под карагачом.

«Постой же,— думает Кадыр,— разыщу и я свое счастье, заставлю работать на себя».

И в тот же день пустился он в странствие на поиски того карагача, под которым надеялся найти свое счастье.

Идет да идет. Далеко забрел. Выскочил из-за камня косматый лев, стал впереди на дороге, ждет. Испугался Кадыр, а бежать некуда: голая степь кругом. Что будет?

Лев говорит:

— Ты кто такой?

— Я — Кадыр.

— Куда идешь?

— Иду искать свое счастье.

— Ну, тогда слушай, Кадыр,— сказал лев,— когда найдешь счастье, спроси у него, что мне делать, чтоб у меня прекратилась резь в животе? Никакие травы не помогают. Замучился я, совсем пропадаю. Обещаешь выполнить мое поручение — не трону тебя, а не то — загрызу.

Кадыр пообещал раздобыть для льва совет или лекарство, и тот уступил ему дорогу.

Идет дальше Кадыр. Видит: среди выжженного солнцем поля сидят старик, старуха и девушка чудной красоты — все горько плачут, точно по покойнику. Остановился Кадыр:

— О чем вы плачете, люди?

— Велико наше горе, — отвечает старик. — Три года назад купил я это поле, отдал за него все, что имел за душой. Не щадя сил, возделываем мы землю, как мать за младенцем, ухаживаем за посевом. А урожая еще не собрали ни разу. Дружно поднимаются всходы, буйно зеленеет поле весной, обещая обильную жатву. Но к середине лета, сколько ни поливай землю, посев сохнет и сгорает от самых корней. И никто не может сказать, в чем причина такой беды? Помирать приходится, добрый человек. Нет у нас счастья.

Говорит Кадыр:

— А у меня хоть и есть счастье, да оно спит где-то под развесистым карагачом. Вот иду его разыскивать.

Тут старик стал упрашивать Кадыра:

— Душа моя, да не подует тебе ветер в лицо, да не уместятся за пазухой твои успехи! Если поможет тебе случай отыскать свое счастье, не откажи — спроси у него, не знает ли оно, отчего погибают наши посевы и как ту беду устранить? Век буду тебе благодарен!

Кадыр пообещал старику вернуться на это же место с ответом и снова двинулся в путь.

Через сколько-то дней Кадыр пришел в большой город, который оказался столицей хана. Едва он появился на улицах среди шумной толпы, как на него набросилась стража и потащила за шиворот в ханский дворец.

Встреченный столь неожиданным образом Кадыр, не ведая, в чем его вина, приготовился к самому худшему. Но хан принял его с милостивой улыбкой и ласковыми словами.

— Будь моим гостем, чужеземец, — сказал он, — и расскажи, кто ты и куда идешь?

Кадыр, от волнения путаясь в словах, рассказал о себе хану.

Выслушав его, хан приказал:

— Подойди ко мне, Кадыр, и не бойся меня! Я обращаюсь к тебе не как к рабу, а как к другу. Есть у меня к тебе просьба: когда ты встретишься со своим

счастьем, спроси его, почему я, владыка обширного, богатого и могущественного ханства, не испытываю радости и горько тоскую в своем золотом дворце. За ответ, каким бы он ни был, я щедро вознагражу тебя.

И вот Кадыр снова в пути. Три года странствовал он по свету, пока не нашел то, что искал. Пришел он к высокой черной горе и видит: у отвесной скалы стоит развесистый карагач, а под ним спит в тени мертвым сном раздетое и разутое, немытое и нечесаное существо, похожее на человека.

«Неужели это и есть мое счастье?» — подумал Кадыр и принялся будить лежебоку:

— Вставай, проснись, пора приниматься за дело! Вон счастье моего брата трудится на него, не покладая рук. Что ж ты не хочешь служить мне? Проснись, поднимайся скорее!

Долго он кричал и тузил под бока кулаками лежащего. Наконец, счастье пошевелилось, потянулось, приподняло голову и, зевая, начало протирать глаза.

— Это ты, Кадыр? Напрасно ты таскаешься по свету, ноги бьешь. Лежал бы ты вот так под развесистым карагачом — спокойнее б тебе было. Счастье помогает умным и трудолюбивым, как твой брат, а таким, как ты, глупцам и бездельникам, и счастье не в прок. Ну, да раз уж ты пришел ко мне, то садись и говори, чего от меня хочешь, как нашел сюда дорогу, с кем встречался, о чем беседовал?

Начал Кадыр рассказ, а счастье, позевывая, его слушает. Дослушало до конца, научило, что кому отвечать на обратном пути, а потом говорит:

— Сужу из твоего рассказа, Кадыр, что хоть и много в тебе плохого, но есть и хорошее. За хорошее и хочу наградить тебя. Ступай домой. Большое счастье ждет тебя впереди. Не всякому такое дается. Смотри только, не упусти его по своему ротозейству. Прощай!

Растянулось опять Кадырово счастье на траве под карагачом и захрапело на всю долину. Принялся было Кадыр тормозить его, чтобы узнать толком, что же за счастье ждет его впереди, да куда там — весь вспотел, а счастья так и не добудился. Постоял-постоял, повернулся и зашагал по собственному следу, откуда пришел.

Добрался до ханской столицы, явился во дворец.

Хан обрадовался ему, выслал всех слуг и телохранителей, усадил гостя рядом с собой:

— Говори, Кадыр!

И Кадыр сказал:

— Счастье мое открыло мне причину твоей печали. Ты правишь страной, и все называют тебя ханом, думая, что ты мужчина. А ведь на самом деле ты женщина. Тебе тяжело скрывать истину и не под силу одной нести воинские труды и заботы правления. Избери себе достойного мужа, и веселье снова вернется к тебе!

— Правду сказало твое счастье, Кадыр, — промолвил мнимый хан и снял с головы драгоценную шапку: черные косы упали до пола, покрытого цветным ковром, и увидел Кадыр перед собой прекрасную, как полная луна, женщину.

Покраснев, хан-девица сказала:

— Ты первый, джигит, узнал мою тайну. Будь же моим мужем и ханом моей страны.

Остолбенел поначалу Кадыр от таких слов, но потом замахал руками и замотал головой:

— Нет, нет! Я не хочу быть ханом и ничего мне от тебя не надо. Мое счастье ждет меня впереди!

И пошел он дальше.

Вот встречают его с поклоном и приветствиями старик, старуха и их красавица-дочь.

— Что ты скажешь нам в утешение, дорогой Кадыр?

— Скажу я вам, — ответил Кадыр, — что в древние времена на том месте, где ваше поле, один богач, напуганный набегами иноземцев, зарыл сорок корчаг с золотом. Оттого-то и не родит ваша земля. Выройте золото — и почва опять станет плодородной, а сами вы будете богаче всех в этом краю.

Закружились от радости бедные люди, смеются и плачут, обнимают Кадыра.

Старик говорит:

— Ты осчастливил нас, Кадыр! Оставайся же с нами — помоги нам вырыть золото. Бери себе половину клада, бери в жены нашу дочь — будь моим сыном и зятем!

Понравились Кадыру старики, еще больше понравилась ему их дочка, и все-таки он покачал головой и сказал:

— Нет-нет. Счастье мое еще ждет меня впереди!
И пошел дальше.

Шел, шел — истоптал сапоги, растер в кровь ноги, чуть ковыляет по пустынной тропе. Увидел камень, присел и задумался:

«Вот уж скоро конец пути, а где же мое обещанное счастье?»

И только он подумал так, глядь — а перед ним стоит лев.

— Ну,— говорит лев,— принес ты мне, Кадыр, совет или лекарство?

— Лекарства не принес, но есть один совет: самое верное средство избавиться тебе от хвори — если съешь самого глупого на свете человека. Сразу станешь здоров.

— Спасибо, Кадыр! Буду повсюду теперь искать такого глупца! Может, ты мне поможешь? Расскажи-ка, каких людей видел в странствии, о чем говорил с ними. Пока не расскажешь, не отпущу тебя домой.

Делать нечего, стал Кадыр рассказывать и про свой разговор со счастьем под старым карагачом, и про хан-девицу, и про стариков с их красавицей дочкой.

Засверкали у льва глаза, поднялась грива, защелкали зубы. Говорит он:

— Ну, и дурак же ты, Кадыр! Такое счастье было у тебя в руках, а удержать ты его не смог. Ты отказался от власти и почета, ты отказался от богатства и благополучия, ты отказался от двух прекрасных невест... Да где же я найду человека глупее тебя, хоть трижды обойду всю землю? Твои-то мозги и исцелят мою утробу!..

И, разбежавшись, лев прыжком кинулся на Кадыра. Кадыр с перепугу повалился на землю, словно заколотый баран. Это его и спасло: лев, не рассчитав прыжка, ударился грудью о камень и околел.

— Какое счастье! — вне себя от радости, вскричал Кадыр. — Смерть угрожала мне, а я остался жив! Какое счастье!

Когда Кадыр возвратился в аул, никто не узнавал его: точно второй раз родился джигит, совсем другим человеком стал. Всегда веселый, со всеми приветливый, он больше ни на что не жаловался, никому не завидовал. С утра до вечера он работал, распевая песни,

и все наперебой хвалили его за рассудительность и добрый нрав.

День ото дня умножался достаток Кадыра. Обзавелся он семейством и живет по сей день в радости и почете.

ЖАДНЫЙ КАРАХАН

Казахская сказка

В древние времена, когда дед моего деда еще был ребенком, а может — и того раньше, в предгорьях могучего Алатау жил хан по имени Карахан.

Было у него баранов, что в пустыне песчинок, лошадей в табунах паслось, что в туче капель воды. Никто не считал их. А если бы и вызвался кто посчитать, все равно бы сбился со счета: попробуй сосчитай, сколько в степи ковыля...

Самые жирные бараны нагуливались в отарах Карахана. Самые теплые юрты из белого войлока были у Карахана. Самые резвые скакуны водились в его табунах. Карахан ел самое жирное мясо. Карахан спал на самых мягких и теплых одеялах. Карахан ездил на самом быстрогоном жеребце...

Ох и конь был у него! Норовистый, сильный, горячий. Стоит он у юрты, трясет головой и нетерпеливо переступает ногами, а как только сядет на него Карахан, дотронется своей камчой — он помчится быстрее ветра. Много скачек видели горы. И всегда на них победителем был Ала, скакун Карахана.

— Эй вы, голодранцы! — говорил обыкновенно Карахан после скачки, обращаясь к беднякам. — Со мной, Караханом, вздумали тягаться?! Скорее Алатау в степь превратится, чем кто-нибудь из вас меня обгонит.

Много лет так велось: не было казаха богаче Карахана, не было коней резвее его скакуна...

Но вот однажды был большой той. Лучшие джигиты гор и степей собрались на тот праздник для участия в байге — кто быстрее проскачет от одной горы до

другой. Приготовились джигиты, но тут вышел Карахан и, бахвалясь, сказал:

— Эй вы, голытьба! Джигиты на клячах! Объявляю всем: если кто меня опередит, тот получит из моего стада столько баранов, сколько зерен проса поместится на одной лепешке!

Приуныли джигиты. Каждый знает: не обогнать им Карахана, не увидеть позади себя гриву его скакуна. Но все же прищпорили коней, помчались что было мочи. Да где там — уходит от них Карахан.

Никто уже не сомневался в его победе. Но вдруг откуда-то появился не ведомый никому джигит. Конь у него худой, не чета коню Карахана. Этот джигит вышел вперед и вот-вот догонит Карахана.

Услышал хан приближающийся топот, оглянулся испуганно. Но, увидев, какой у джигита скакун, рассмеялся:

— Какой-то глупец на заморенной кляче решил меня обогнать! Вздумал тягаться со мной, с Караханом!

Но джигит все же настиг Карахана. Не успел тот глазом моргнуть, как вырвал джигит у него камчу, стегнул ею своего коня и вихрем помчался к горам.

Оторопел Карахан. Стал горячить своего коня, понукать, бить каблуками, а конь словно застыл на месте. Удивился народ: что произошло, никто не может понять? Карахан кричит, бьет коня, ругается, руками размахивает, а все без толку: конь врос в землю, будто камень.

Молодой джигит домчался до гор, соколом взвился над могучими хребтами Алатау и скрылся где-то далеко за ними. Как бешеный волк взвыл Карахан, когда увидел это. Грохнулся в отчаянии на землю, словно мешок. Подхватили слуги его чуть живого, вылили на него сто бурдюков воды, влили ему в рот сто пиал кумыса, завернули в сто одеял — такая дрожь его стала бить. А потом положили на повозку и повезли в аул.

Много ли, мало ли воды утекло, но только стал Карахан выздоравливать. Сидел он однажды на кошме в своей белой юрте, ел бешбармак и запивал кумысом. Мясо сам ел, а кости женам, как собакам, бросал доедать. Сколько он съел мяса, сколько выпил кумыса — трудно сказать.

Вдруг послышался конский топот, в ауле появился

всадник. Он узнал юрту Карахана и подъехал прямо к ней. Затем джигит вошел в юрту и сказал:

— Пришла пора держать свое слово, Карахан! Отдавай долг: готовь мне столько баранов, сколько зерен проса уместится на одной лепешке.

Задрожал хан, узнав своего противника по байге. Вспомнил и свое обещание — взял бы его обратно, да поздно. Что же делать? И решил Карахан пойти на хитрость.

— Ладно, — сказал он. — Дай время, баранов тебе приготовлю, но ты отдай мою камчу.

Подумал джигит и говорит:

— Бери, пожалуй, свою камчу, хоть она и стала моим законным призом. Но и ты смотри, чтоб без обмана. Обманешь — пожалеешь.

Карахан обещал отдать баранов сполна — по счету зерен.

Поверил джигит хану или не поверил, но он вернул ему камчу, вскочил на коня и умчался в степь, сказав, что вернется, когда все у хана будет готово.

А Карахан ликовал. Еще бы, ведь камча была не простая — она имела волшебную силу. Любого, даже самого заморенного коня, она могла заставить бежать хорошей рысью. Одно только удручало хана: камча-то камчой, но как быть с долгом?

Взял Карахан лепешку, насыпал на нее зерен и попросил сосчитать их. Считали, считали слуги Карахана — насчитали многие тысячи. Жалко Карахану столько баранов отдать джигиту. Позвал он своего главного визиря и наказал ему:

— Даю тебе тысячу аскеров-воинов, отправишься с ними в степь до Балхаша и Арала: сколько есть там отар, все заберешь себе. Пусть расплачиваются жатаки-голодранцы за то, что скот их пасся на земле, которой владели еще деды хозяина этой земли — великого хана Карахана.

Отправилось ханское войнство грабить бедняков. А в это время в ауле откуда-то вновь появился джигит и потребовал у хана долг.

— Давай, Карахан, рассчитаемся, — сказал он. — Времени я тебе дал достаточно!

Взмолился жадный Карахан:

— Потерпи еще, дай срок, джигит! Подожди, пока овцы объегнятся, — больше получишь.

— Ладно,— сказал джигит.— Подожду, но в последний раз!

И умчался в степь.

Долго хану не было вестей о визире и аскерах. Но потом вернулись они с богатой добычей — дотла ограбили, по ханскому приказанию, бедняков, множество баранов отняли у них. Хан доволен был, выскочил из юрты, глаза у него от жадности разгорелись. Жалко было отдавать все это богатство — стал думать, как бы ему обмануть джигита.

Думал, думал — и придумал:

«Уговору о размере лепешки не было!»

Обрадовался хан своей выдумке, приказал испечь такую лепешку, какую даже самые бедняки не пекут — меньше кулачка у грудного младенца. Испекли такую лепешку, насыпали на нее зерен — Карахан их сосчитал и обрадовался: совсем мало зерен оказалось на лепешке. Отобрал по счету похуже овец и стал ждать джигита.

Вскоре примчался джигит. Вошел в юрту и сказал:

— Ну, хан, плати долг — не могу больше ждать.

— Ну что ж,— сказал Карахан,— изволь, получи свой долг.

И подает джигиту самую маленькую лепешку, на которой поместилось чуть больше десятка зерен.

Посмотрел джигит на жадного хана и говорит:

— Нет, Карахан, так мы с тобой не рассчитаемся. Ты не сдержал своего обещания.

И джигит вышел из юрты. Крикнул он в степь — да так крикнул, что все в степи услышали его:

— Карахан — лгун и вор, обманщик и грабитель! Эй, народ! Отвечай, что сделать с ханом? Как наказать его? Как скажете, так и будет!

Съехались люди со всей степи к джигиту, зашумели, взволновались.

— Столько раз ударь Карахана камчой, сколько он отнял у нас баранов! — сказали они.

Подумал джигит и сказал:

— Пусть будет по-вашему! Камчой так камчой. Только этого ему мало. За все свои безобразия пусть примет столько ударов, сколько ремней в его камче.

Испугался Карахан, велел слугам связать джигита, а бедняков разогнать. Только не послушались его слуги. Джигит взял у Карахана камчу, выволок его из

юрты, бросил наземь и размахнулся камчой со всего плеча.

Ударил джигит раз — шакалом взвыл Карахан, овцы от его воя сбились в кучу. Ударил джигит второй раз — барсом зарычал Карахан, лошади на дальних пастбищах задрожали. Ударил джигит в третий раз — Карахан вовсе испустил дух.

Взвалил джигит останки Карахана на своего коня и стегнул его камчой.

Конь взвился над горами, над степью и сбросил с себя тело Карахана. И там, где упало тело жадного хана, выросла верблюжья колючка, да еще ядовитая трава. Чабаны и поныне далеко обходят это место: водятся там скорпионы да змеи.

БАЙ-МУЗЫКАНТ И АЛДАР-КОСЕ

Казахская сказка

В одни времена с Алдаром-Косе жил бай. Был он глуп, как бараний курдюк, а мнил себя великим музыкантом. Когда он, надув щеки и выпучив глаза, высвистывал что-то на сыбызге, люди убегали в степь, а собаки поднимали такой вой, точно чуяли поблизости волчью стаю. Но бай был доволен. Ему казалось,

что никто в мире не сыграет лучше него. Однажды этот бай призвал к себе Алдара-Косе и говорит:

— Алдар-Косе, есть пословица: «Спрашивай не того, кто долго жил, а того, кто много видел». Ты исколесил всю степь, в разных странах побывал, всех людей знаешь. Так послушай мою игру да скажи, есть ли где другой такой музыкант, как я?

Пока бай говорил, Алдар-Косе оглядел юрту и едва мог скрыть удивление — никогда еще он не видел столь богатого убранства: повсюду бархат, шелк, ковры, на стенах драгоценная сбруя, украшенная золотом и серебром.

«Не уйду отсюда с пустыми руками», — подумал Алдар-Косе.

Тут бай приложил сыбызгу к губам и стал изо всех сил дуть в ее отверстие. Из дудки вырвался пронзительный писк, и тотчас люди, что были в ауде, опрометью бросились в степь, а все собаки дико завывали.

Алдакен же, не моргнув глазом, стоял посреди юрты с восхищенным видом и только прищелкивал языком.

— Ну, каково? — спросил самодовольно бай. — Правда же, бесподобно?

— Почтеннейший бай, — отвечал Алдар-Косе и даже притворно вытер слезу полой халата, — слушая вашу необыкновенную игру, я забыл, что нахожусь на земле, мне показалось, что слышу, как поют райские гурии. Вы — поистине великий музыкант!

Бай разомлел от похвал и сказал:

— Ты мне нравишься, Алдар-Косе, я, пожалуй, подарю тебе свой старый халат.

— Вы великий музыкант, — продолжал Алдар-Косе, — но не прогневайтесь, господин, на мои слова: я встречал человека, который играл на сыбызге лучше, чем вы.

Бай насупил брови и метнул на гостя сердитый взгляд.

— В чем же состояло искусство того человека, о котором ты говоришь?

— Тот человек, — сказал простодушно Алдар, — настолько овладел инструментом, что мог три часа подряд играть на нем с закрытыми глазами.

Бай расхохотался.

— Только и всего? Да я хоть пять часов буду играть, не глядя на пальцы. Не веришь? Тогда завяжи мне платком глаза.

Алдакен того и ждал. И вот бай старательней прежнего стал дуть в сыбызгу. Еще дальше в степь убежали люди, еще отчаянней завывали псы, а Алдар-Косе той порой принялся за дело. Ступая на цыпочках, он вынес из юрты все добро, нагрузил его на байского верблюда и преспокойно тронулся в путь.

До самого вечера свистел, надрываясь бай, и наконец совсем обессилел.

— Ну, что скажешь? — спросил он. Но ответа не было. Бай сорвал с глаз повязку и завопил не своим голосом: юрта пуста — ни добра, ни Алдара.

На крик прибежали из степи люди, хихикая и зажимая рты, снарядили погоню, да куда там: степь широка, верблюды силен, а Алдакен умен. И не всякий, кто гонится, хочет догнать.

ЧОНГУРИСТ

Грузинская сказка

Жил на свете царь. Была у него дочь прекраснее солнца. Многие мечтали о красивой царевне. Много знатных и славных юношей просили ее руки, но царь всем отказывал.

— Принеси сначала яблоко бессмертия, — говорил царь каждому, — и докажи, что достоин царевны.

Много отважных героев отправлялось искать волшебное дерево, а назад не вернулся ни один.

Поблизости от дворца жил бедный юноша. Славился он своими песнями и игрой на чонгури. Юноша полюбил прекрасную царевну, дни и ночи мечтал о ней и однажды решил попытать счастья. Пришел к царю и попросил его отдать царевну в жены.

Не прогнал царь бедного чонгуриста, сказал ему, как всем говорил:

— Добудешь мне яблоко бессмертия — получишь царевну в жены.

Взял чонгурист свой чонгури и пустился в дорогу искать яблоко бессмертия.

Много ли шел, мало ли шел, девять гор перешел и видит: раскинулся на склонах холма сад. Ограда вокруг сада каменная, высокая-превысокая, даже птица не перелетит! Чонгурист обошел сад — с утра до вечера шел! — нет в сад входа. Обошел он второй раз, обошел в третий. Идет юноша, играет на своем чонгури и поет нежную песню. Замер сад, перестали шелестеть листьями деревья. Слушают песню горы и доли. Птицы, парившие в небе, опустились на деревья послушать песню чонгуриста.

И вдруг раздвинулась каменная ограда, и открылась перед чонгуристом дорога в сад.

Это был тот самый сад, где росла яблоня с плодами бессмертия. Страшный гвелвешапи сторожил волшебную яблоню. Почует чудище человека, впустит в сад и отправит несчастного в свою огненную утробу.

И сейчас почуял гвелвешапи человека и раздвинул каменную ограду.

Идет чонгурист по саду, поет свою грустную песню.

Раскрыл гвелвешапи огромную пасть, понесся на человека с хриплым ревом и... замер. Поразили его никогда не слышанные звуки чонгури. Уняла нежная песня ярость злобного чудища.

А чонгурист идет и идет, и звучат сладостные звуки его песни.

Из глаз гвелвешапи потекли слезы, неведомая печаль охватила его.

И вдруг порвались струны чонгури.

Умолк юноша. Остановился он перед гвелвешапи, ожидает своей участи.

А гвелвешапи сорвал яблоко и подал юноше:

— Бери яблоко, не бойся. Никогда еще со мной не говорили языком песни. Возьми это яблоко бессмертия, оно твое. Бессмертен человек, способный создать такую дивную песню.

СВАРЛИВЫЕ СТАРУХИ И РАЗУМНАЯ ДЕВОЧКА

Грузинская сказка

Жили в одной деревне две старухи. Одна жила по одну сторону реки, другая — по другую. Далеко шла молва об их сварливом нраве. Не успеет взойти солнышко, а они уже тут как тут на берегу реки — спорят, бранятся до самого вечера. И никто не знает, чего они ссорятся да шумят, чего никак не

поделят.

У одной из старух была внучка. Надоело ей слушать изо дня в день перебранку, и говорит она бабушке:

— Не ходи ты к речке, бабушка, не надо спорить с соседкой, уgomонится она.

— Что ты, что ты, внучка! Как же я эту ведьму без ответа оставлю? Не спущу ей ни одного слова! — отвечает старуха.

Но вот захворала однажды бабушка и слегла.

Рано утром опять услышала девочка брань сварливой соседки-старухи. Спустилась она к речке и стоит, словно немая, слушает злоязычную старуху.

— Гляньте-ка на эту, на эту... на осле сидевшую, осла погонявшую! — раскричалась старуха на девочку. — От горшка два вершка, а еще важничает, словом не отзовется, негодница! погоди, доберусь сейчас до тебя, за волосы оттаascaю!

Подобрала она подол платья и спустилась в реку. Речка неглубокая, да камни мшистые, скользкие. Дочковьяла сварливая до середины, поскользнулась и плюхнулась в воду.

Девочка пожалела старушку, бросилась ей на помощь. Подхватила ее под руку, вывела на берег и усадила на сухой камень. Поправила старухе сбившиеся волосы, повязала ей на голову сползший платок.

Старуха сперва молчала, а потом со слезами взглянула на свою спасительницу и горько заплакала. Стыдно ей стало перед маленькой девочкой.

С тех пор ни одного худого слова не произнесла старуха. И обрели покой односельчане.

ДВЕ ПОЩЕЧИНЫ

Грузинская сказка

Жил на свете бедняк. Ничего у него не было: ни земли, ни скотины, ни птицы, одна только кошка в пустой лачуге. Всю жизнь он голодал, с голоду чуть не помирал.

«Пойду-ка я к царю, поведаю ему про свою нужду», — решил бедняк.

Посадил голодную кошку в мешок и отправился в путь. Легко сказать, да нелегко к царю попасть. Остановил бедняка у входа злой

страж, не пускает во дворец. Долго просил его бедняк и упрасивал, наконец тот согласился.

— Так и быть пропущу, но с уговором: дашь мне половину того, что сам от царя получишь!

Вошел бедняк в царский зал и выпустил кошку из мешка. Забегала, замаякала голодная кошка.

— Зачем пожаловал, зачем кошку принес? — спрашивает царь.

— В доме у меня ни крошки, даже мыши разбежались, не подыхать же кошке, — говорит бедняк. — Возьми ее себе, а мне взамен дай две оплеухи!

Удивился царь. Слыхом не слыхивал, чтоб кошку на пощечины меняли, но просьбу исполнил — влепил ему две пощечины.

Бедняк поблагодарил царя и пошел из дворца. Кинулся за ним страж, загородил дорогу.

— Что получил? Давай скорее половину!

Бедняк дал ему пощечину и завязалась драка.

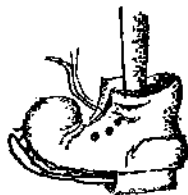
Царь услышал шум и вышел посмотреть, что происходит.

— Не впускал меня твой страж во дворец, — объяснил бедняк, — пока не обещал я ему половину того, что получу сам. Потому и попросил у тебя две оплеухи, надо же было поделиться с ним!

Рассмеялся царь и щедро одарил находчивого бедняка.

БАШМАЧНИК

Азербайджанская сказка

Царствовал в одной стране шах. Был он большой домосед и за всю жизнь никуда не выходил из дворца. Но однажды он вычитал в какой-то древней книге, что в прежние времена шахи часто переодевались дервишами и ходили по своим владениям, по городам и деревням, разговаривали на базарах и в лавках с людьми, заходили в дома бедняков, узнавали, как живет народ, чего ждет.

Прочитал шах книгу и вызвал визиря.

— О мудрый визирь, я хочу обойти свои владения, посмотреть, что творится на моей земле. Что ты на это скажешь?

— Да пребудет во здравии мой шах! — сказал визирь. — Мысль эта резонная, ты должен был сделать так давным-давно. Но...

Шах нетерпеливо прервал:

— Визирь, что значит твое «но»?

Визирь знал нрав своего шаха и осторожно проговорил:

— О шах, я бы сказал, но боюсь твоего гнева.

— Не бойся, — успокоил его шах, — выкладывай все, что у тебя на душе.

Визирь увидел, что шах все равно не успокоится, пока не попытается, и ответил:

— О мой шах, не гневайся, позволь слово молвить. Я хотел сказать, что путешествовать, узнавать горести и нужды может каждый. А вот помочь не всякий сумеет. Я хочу, чтобы ты не только узнал горести и чаяния людей, но и помог им, да так, чтобы все тобою были довольны. А от пустого путешествия пользы нет.

— Визирь, вижу, не веришь ты в мою справедливость, в мою доброту, — сказал шах. — Так погоди же, посмотришь, что я сделаю.

— О великий шах, да будет так, как ты говоришь.

Шах обиделся на слова визиря, но не стал ни спорить, ни наказывать его. Облачился он в одеяние дервиша и отправился в путь. Шел помалу, шел помногу, сколько — ведомо лишь богу. На окраине города повстречал башмачника. Тот был в очень хорошем настроении; чиня башмак, то пел, то смеялся. Поздоровался с ним шах, сказал, что хочет передохнуть, и сел рядом. Поговорили о том о сем, наконец шах спросил:

— Брат мой, не сочти за любопытство, но скажи мне, сколько ты зарабатываешь?

— О дервиш, — ответил кустарь, — твоими молитвами я каждый день зарабатываю мясо, рис, масло, а жена готовит плов. Пока мои руки здоровы, я каждый день заработаю себе на плов.

До самого вечера сидел шах с башмачником, а потом пошел к нему в гости. И в самом деле, на очаге стоял казан с пловом. Посидел шах немного, поел плова, попил чаю, а на обратном пути долго думал о

словах хозяина, думал и до того сам себя растравил, что вдруг решил: «Смотри-ка, простой башмачник, а как хвастливо говорил со мной. Ну подожди, покажу я тебе, что и руки будут целы, и казан останется пустым».

Утром, едва поднявшись на трон, он объявил, что с этого дня на его земле запрещается заниматься обувным ремеслом, а кто нарушит приказ, будет вздернут на виселицу. В тот же час глашатаи вышли на площади и улицы и довели приказ шаха до ушей жителей города.

Услыхал башмачник эту новость, взял топор и веревку и пошел в лес. Собрал он вязанку засохших сучьев и веток, отнес на базар, продал, а на вырученные деньги купил мясо, рис и вернулся домой. Вечером снова переоделся шах дервишем, пришел к башмачнику, видит, опять в казане варится плов. Удивился шах:

— Братец, говорят, запрещено тачать башмаки, что же ты теперь будешь делать?

— Э-э, дервиш,— рассмеялся тот,— если человек не боится труда, он не останется голодным. Когда шах запретил шить обувь, я стал дровосеком, и опять мой казан кипит на огне.

Утром шах издал новый приказ: «Кто посмеет рубить дрова в лесу, будет сурово наказан». Услыхав эту новость, башмачник взял сеть и отправился на берег моря. Наловил он с дюжину рыб, продал на базаре и вечером в его доме опять варился плов. Снова пришел шах узнать, как живет простолюдин, и снова увидел казан с пловом. Рассердился он, но виду не подал, спросил:

— Братец, а где же ты взял деньги сегодня?

Тот ответил:

— Когда я узнал, что запрещено рубить деревья, я пошел ловить рыбу.

Шах про себя думает: «Клянусь, я сделаю так, что ты никаким ремеслом не сможешь промышлять! Посмотрю, на что ты тогда будешь варить свой плов».

Утром шах послал за башмачником. Тот удивился: «С чего бы шах стал звать меня?» Но пошел-таки во дворец. Увидел шаха и сразу понял, кто приходил к нему в одежде дервиша. Поздоровался он как подобает и спросил:

— Вечно да здравствует мой шах, чем могу служить?

— Братец, ты, видать, умелый человек,— ответил шах.— Поэтому я хочу назначить тебя палачом.

— О мой шах, какой же из меня палач? — испугался башмачник.

Долго он просил шаха избавить его от этой «работы», но ничего не добился: насильно надели на него одежду палача, дали в руки меч. А слуг своих шах предупредил, чтобы его никуда не выпускали.

Видит бедняга, что дело плохо. Он сидит здесь, а семья останется без хлеба. Выбрался он незаметно на улицу и пошел в кузню, которая была неподалеку от дворца. Достает он меч и говорит кузнецу:

— Видишь, какой у меня дорогой меч, хочешь, продам его тебе? Только с одним условием: ты сними клинок и возьми его себе, а к рукояти приделай деревянный клинок и отдай мне.

— А сколько ты хочешь за клинок?

— Да нисколько. У меня к тебе всего одна просьба. Если ты выполнишь ее, я отдам тебе свой меч без денег.

— Скажи свою просьбу.

— Купи на базаре по фунту мяса, масла и риса и снеси ко мне домой.

Кузнец согласился. Тут же выточил он из дерева клинок, поставил его на место стального и пошел на базар. Купил все и отнес в дом сапожника. И вечером, когда шах снова отправился в дом к башмачнику, он увидел, что у него в доме опять варится плов. Возвратился он во дворец и задумался: «Как же так, я держал башмачника взаперти, а он все равно добыл деньги для семьи. Тут какая-то тайна». Но как ни ломал голову, не догадался.

Утром шах приказал новому палачу подготовиться к свершению казни. Вся свита собралась на городской площади. Слуги шаха привели связанного по рукам и ногам юношу-воина и бросили к ногам палача. Глашатай прочитал указ, что этот юноша приговаривается к смертной казни за то, что на коне заехал в шахский заповедник и истоптал траву. Посмотрел башмачник на юношу, и сердце его сжалось от жалости. Юноша был так молод, что невозможно было не сожалеть о его участи. И тогда башмачник сказал:

— Не совершай несправедливости, шах! Разве из-за этого можно казнить человека?

Но властелин прервал его:

— Не болтай глупости, делай, что тебе приказано!

Тогда башмачник протянул руку к мечу и сказал:

— О мой меч, если этот юноша виноват, пусть голова его отлетит на семь метров, но если он не виновен, пусть меч в моих руках превратится в деревянный!

Он обнажил меч, занес его над головой осужденного, и тут все увидели, что клинок стал деревянным.

— О шах,— вскричал башмачник,— теперь ты убедился, что юноша невиновен? Смотри, меч одеревенел!

Шаху ничего не оставалось, как отпустить юного путешественника на волю. А воин этот был сыном другого шаха. Он догадался о проделке башмачника, горячо поблагодарил его и отправился домой. Когда его отец узнал, что произошло с сыном, он сильно разгневался.

— Как,— вскричал он,— какой-то жалкий шах решил отрубить голову моему сыну? Разве он не знает, что мне подвластны семьдесят семь стран, и все шахи приносят мне дорогие дары? Я разрушу его страну, узнает он, как надо обращаться с моим сыном!

Вызвал он главного военачальника и приказал превратить в руины владения дерзкого соседа. Снарядили войско и двинулись в путь. Пронеслись ветром по долинам, бурными потоками спустились с гор. И вел их молодой шахский сын. Ворвались они во владения жестокого шаха.

Доложили шаху, что вражеское войско осадило город. Всполошился шах, выслал свое войско навстречу врагу. Заиграли боевые барабаны, затрубили трубы, с каждой стороны вышли на площадь богатыри и скрестили мечи. Долго бились богатыри, но ни один из них не смог одолеть своего противника. Тогда разгорелась битва. Семь дней и семь ночей длилось побоище, какого не видел свет до сих пор. Наконец войско молодого принца одержало победу. Принц с богатырями ворвался в покои шаха, занес над его головой меч, но шах упал на колени и взмолился:

— Пощади, не убивай!

— Ты несправедливый, жестокий и злой человек,

кровопийца,— ответил принц,— и должен получить по заслугам.

Он приказал отвести шаха в тюрьму. Потом он нашел башмачника и предложил ему стать шахом. Башмачник поблагодарил его, но отказался и вернулся в свою мастерскую.

Прошли годы. Башмачник вырастил детей такими же трудолюбивыми и работающими, как и он сам, женил их и закончил срок своей жизни в радости и благополучии.

СЕМЬ ГРАНАТОВЫХ ПРУТЬЕВ

Азербайджанская сказка

Жили-были семеро братьев. Сызмальства братья очень дружили, вместе спали, вместе ели-пили, никогда не разлучались. Все в селении завидовали их дружбе. Ни один недруг не мог их одолеть. Не только люди, даже хищные звери не в силах были устоять перед ними.

Прошли годы. Братья выросли, женились. Появились у них свои дети. Они отделились от отца, каждый построил себе дом. Начали ссориться их жены и дети. Потом гюшли стычки и между братьями. Их враги, воспользовавшись этим, стали сводить с ними счеты поодиночке. Посрамили братья свое доброе имя.

К этому времени отец их совсем постарел, обессилен. Когда сыновья время от времени приходили навестить его, они ни о чем другом не могли говорить, только жаловались на судьбу или друг на друга.

Увидел отец, что если и дальше так пойдет, ссоры сделают братьев врагами.

Как-то раз собрал он их всех вместе и сказал:

— Дети мои, завтра приходите ко мне опять и пусть каждый принесет гранатовый прутик.

Никто не осмелился перечить старику. На следующий день все семь братьев пришли к отцу и принесли семь гранатовых прутьев. Отец, взяв прутья, сложил их

все вместе, перевязал посередине и протянул сыновьям:

— Дети мои, проверьте свои силы, посмотрим, кто из вас сможет сломать этот пучок.

Как братья ни силились, никто из них так и не смог переломить связку прутьев. Тогда старик развязал пучок и дал каждому сыну по одному пруту:

— Теперь попробуйте сломать эти пруты. Хватит у вас сил на это?

Каждый из братьев взял по пруту и легко сломал его. Потом все они разом повернулись к отцу и спросили:

— Отец, что ты хотел этим сказать?

— Дети мои,— сказал старик,— эти семь прутьев — вы, семеро братьев. Пока вы дружны и связаны между собой, как эти прутья в пучке, вы будете сильными, будете жить в довольстве. Никто не сможет победить вас. Но как только вы разойдетесь, враги сделают с вами все, что захотят. Сила и счастье — в единстве. Не отдаляйтесь же друг от друга, цените друг друга. Тогда вы будете сильными и счастливыми.

С этого дня братья снова стали жить в дружбе и согласии. Достаток и счастье снова пришли в их дома, и никто не мог устоять перед их силой.

ПАСТУХ

Азербайджанская сказка

Кто-то был, кого-то не было. Давно когда-то в одном селении жила старуха. У нее был сын — пастух. И было хозяйство: осел, четыре курицы и сломанная прялка.

Как-то раз говорит пастух матери:

— Тут нам живется плохо, давай переедем в Гянджу.

— Э, сынок,— возражает старуха,— в Гяндже столько гуляк да пройдох, что они мгновенно обчистят тебя и пустят на ветер все наше добро.

Однако и сын стоял на своем.

— Ты только согласишься,— уговаривал он,— а об остальном не заботься. Я там натворю таких дел, что мы вскоре заживем счастливо.

Подумала старуха, подумала — и согласилась.

Нагрузила она на осла четырех кур, сломанную прялку и сама села. И тронулись они в путь: старуха на осле, а сын пошел сзади, подгоняя осла.

В Гяндже они сняли лачугу и стали в ней жить. Но денег заработать в городе пастуху было еще труднее, чем прежде, и они продолжали кое-как перебиваться.

Однажды старуха говорит сыну:

— Эх, сынок! На родине нас хоть соседи знали и добрые знакомые были: чем могли, поддерживали. А тут кому мы известны, кто протянет нам руку помощи? Возьми кур, отнеси на базар — продай, а на вырученные деньги купи муки. А как дальше будем, я не знаю.

Пастух забрал кур и понес на базар.

По дороге его остановил базарный староста и взял у него всех кур.

А когда пастух спросил с него деньги за кур, староста ударил его кулаком по лицу и сказал:

— Получай за свой товар, деревенщина!

Он завернул кур в полу халата и понес домой. Пастух тайком пошел следом за ним.

Староста вошел к себе во двор, кликнул жену и отдал ей кур. Жене куры понравились, она и говорит:

— Муженек, какие славные, жирные куры! За сколько купил их?

— За одну оплеуху всех четырех,— ответил староста.

А пастух притаился за воротами, прислушивается.

— Сегодня в саду я буду принимать гостей, — продолжал между тем староста. — Ты, жена, приготовь кур, да получше. А с базара я возьму какого-нибудь плешивого парня — он за обедки будет прислуживать гостям. Под вечер я пришлю его к тебе. Выдай ему то, что потребуется мне для встречи гостей.

С этими словами староста ушел.

А пастух все эти слова слышал.

Когда солнце начало клониться к закату, он пришел к дому базарного старосты и постучал в ворота. На стук вышла жена старосты.

— Меня прислал хозяин,— сказал ей пастух.— Он просил два больших ковра и два поменьше, чтобы разостлать под чинарой. И приказал принести бегом, а то скоро гости придут.

Жена старосты поспешно вынесла дорогие ковры и отдала их пастуху. Тот взвалил ковры себе на спину и бегом оттащил их в свою лачугу.

Изумленная мать спросила:

— На какие деньги ты купил их, сынок?

— На те деньги, что за кур выручил,— ответил пастух.

Некоторое время спустя он снова пришел к жене старосты.

— Хозяин просит прислать кур,— сказал он.— Гости уже пришли.

Жена старосты засуетилась: выложила жареных кур на серебряный поднос, достала шелковую скатерть и все это отдала пастуху.

И эту добычу пастух отнес домой.

— Сын мой, на какие же деньги ты купил жареных кур и все остальное? — спросила у него старуха.

— А это те куры, которых ты дала мне для продажи,— ответил пастух.— Садись, мать, будем обедать.

Мать и сын подсади к серебряному блюду и первый раз в жизни наелись досыта.

Тем временем староста прислал к жене взятого с базара слугу за коврами, чтобы расстелить их в саду к приходу гостей.

— Хозяйка,— обратился к ней слуга,— давай поскорее ковры! А заодно я прихвачу и жареных кур, чтобы лишний раз зря не оббивать ноги. Скоро гости должны прийти.

Жена старосты рассердилась:

— Чтоб отец твой сгорел в могиле! Еще вздумал надо мной шутки шутить! Разве только что я не отдала тебе все это?

— Хозяйка,— сказал ей удивленно слуга,— клянусь, я еще ничего у тебя не брал!

Жена старосты присмотрелась к нему и видит, что перед ней действительно совсем не тот парень. Тут она поняла, что ее обманули, и подняла крик во весь голос:

— Беги скорей к хозяину и скажи, что за коврами и курами уже приходил какой-то бродяга! А я ему еще

дала впридачу серебряный поднос и шелковую скатерть!

Староста сразу понял, чьих рук это была проделка. Он разогнал собравшихся гостей и немедленно пошел разыскивать пастуха.

Он расспрашивал многих людей и наконец добрался до лачуги, где ютился пастух со старухой-матерью.

Пастух, как только его завидел, быстро надел на себя материнское платье и вышел с метлой подметать двор.

Староста принял его за девушку, которая ему приглянулась своей стройностью и тем, как умел ловко управляться с метлой.

— Скажи, девушка, а кто твои родители? — спросил он у пастуха.

— Нет у меня родителей, — ответил ему пастух девичьим голосом. — Одна старуха приютила меня из жалости.

Староста быстро сообразил, что может извлечь выгоду из жалкого положения девушки, и сказал:

— А хочешь пойти замуж за меня, базарного старосту? У меня всего одна жена. Она состарилась, и я хочу взять себе вторую.

— Ну что же, — ответил пастух, будто раздумывая, — пожалуй, пойду за тебя, если не обидишь.

Староста очень обрадовался и повел «девушку» к себе в дом.

Он ничего не сказал жене, провел «девушку» на свою половину, поужинали они вместе и сели пить чай.

Пастух увидел в углу комнаты огромные тиски и спросил:

— Для чего ты держишь дома эти тиски?

— Их дал мне кузнец, — ответил староста. — Я попросил у него эти тиски для того, чтобы наказать вора, который сегодня украл у меня ценные вещи.

— А как ты собираешься его наказать? — спросил пастух.

У старосты даже лицо перекосилось от злости, как будто он уже держал в своих руках пойманного вора.

— Вот смотри как, — сказал староста и всунул в тиски свое тело. — А потом я стал бы вертеть вот эту ручку!

Пастух мгновенно начал завинчивать тиски с таким

проворством, что староста не успел выскочить из них, и начал вопить:

— О безумная девушка! Ты мне ребра переломашь, пощади меня! Дам тебе все, что захочешь, только освободи скорей! Ой! Ой!

— Да уж потерпи немного, — ответил пастух. — Когда ты сегодня стукнул меня кулаком по лицу, у меня хрустнула скула. Теперь я хочу послушать, как захрустят твои ребра.

Тут только староста понял, какую себе раздобыл «жену». Он поднял такие вопли, что сбежались жена и соседи, а пастуху пришлось убежать.

Наутро жена старосты послала на базар за лекарем.

Пастух узнал об этом, тотчас купил на базаре одежду лекаря, переоделся и пришел в дом старосты.

Жена привела его к постели мужа. У старосты были тисками ободрана кожа на груди и на спине. Поэтому он лежал на боку и громко стонал.

— Теперь не стой здесь, — сказал пастух жене старосты. — Придешь, когда позову.

Когда он остался наедине со старостой, то насыпал ему на раны соли и перцу, туго обвязав их кушаком.

Староста от боли сначала взвыл, потом залаял, как шакал, заблеял, словно баран.

Пастух позвал его жену и сказал:

— Я положил на раны такое лекарство, от которого завтра твой муж будет совсем здоров. Только смотри, женщина, не развязывай кушака на его ранах, как бы он тебя ни умолял.

Жена пообещала «лекарю» в точности выполнить его наставление и дала много денег за его хлопоты о ее муже. После этого пастух поспешил к себе домой, погрузил на осла ковры и другие вещи, отобранные у нахального старосты, и вместе с матерью покинул Гянджу.

Он снова стал пасти овец. И хозяйство они с матерью завели крепкое, и жить начали в свое удовольствие.

ЕЛЬ — КОРОЛЕВА УЖЕЙ

Литовская сказка

Давным-давно, в незапамятные времена, жили старик со старухой. И было у них двенадцать сыновей и три дочери. Младшую звали Ель.

Однажды летним вечером пошли сестры купаться. Поплавали, поплескались вволю и вылезли на берег одеваться. Только видит младшая — забрался в рукав ее сорочки Уж. Как тут быть? Схватила тогда старшая сестра кол, хотела его прогнать, но Уж обернулся к младшей и заговорил человеческим голосом:

— Обещай, Елочка, пойти за меня замуж, тогда я сам выползу!

Заплакала Ель: как она пойдет за ужа? В сердцах отвечала ему:

— Отдай сорочку подобру-поздорову, а сам уползай, откуда приполз.

Уж твердит свое:

— Обещай, что выйдешь за меня, тогда сам выползу.

Что было делать Ели? Взяла она да и пообещала.

Не прошло и трех дней, как множество ужей приползло к старикам во двор. Перепугались все, а незванные сваты-ужи ввалились в избу рядиться со стариками и невестой.

Сперва родители удивились, рассердились, слышать ничего не хотели... Да что поделаешь, слово дано. Хочешь не хочешь, а приходится отдать им самую пригожую дочку.

Однако не сразу уступили родители. Велели ужам подождать, а сами потихоньку пошли к старой соседке и все ей рассказали. Соседка и говорит:

— Ужа обмануть легко, он добрый: отдайте ему вместо дочки гусыню и отпустите сватов.

Так и сделали. Нарядили белую гусыню, и только отбыли с нею сваты — закуковала на березе кукушка:

Ку-ку, ку-ку,
Обман, обман,
Не дочь — гусыню дали вам!
Ку-ку, ку-ку!

Рассердились ужи, бросили гусыню, вернулись и потребовали настоящую невесту. Тогда, по совету той же старой соседки, родители нарядили белую овечку и отдали сватам-ужам.

Дорогой опять прокуковала им кукушка:

Ку-ку, ку-ку,
Да вы к венцу
Везете белую овцу!
Ку-ку, ку-ку!

Вернулись ужи, зашипели сердито и опять потребовали невесту.

На этот раз отдали им белую телку, но кукушка остерегла их, и они вернулись. Пуще прежнего разгневались ужи, пригрозили родителям и засухой, и потопами, и голодом за то, что не держат своего слова.

Тогда оплакали домашние Елочку, нарядили ее в невестино платье и отдали ужам.

Ель с провожатыми приехала на берег моря. Там встретил ее красавец-молодец и сказал, что он и есть тот Уж, который заполз в рукав ее рубашки на берег, когда она купалась.

Тотчас переправились они на ближний остров и там спустились под землю, на самое дно морское. А на дне морском стоял богато разукрашенный дворец. Там и свадьбу справили.

Во дворце Ужа всего было вдоволь. Развеселилась Ель, успокоилась, а вскоре и вовсе забыла родной дом.

Минуло девять лет. У Ели уже три сына было — Дуб, Ясень и Береза, а четвертая, самая меньшая, — дочка. Ее Осинкой звали.

Однажды распроказничался старший сын и стал у матери допытываться:

— Где живут твои родители, матушка? Вот бы их навестить!

Тут только и вспомнила Ель отца с матерью, и сестер и братьев — всю свою родню. И задумалась:

как-то им живется? Здоровы ли, живы ли, может, стариков давно и на свете нет? И так захотелось ей взглянуть на родной дом! Ведь столько лет не была она там, не видела отца и матушку, очень стосковалась по ним. Но муж сперва и слушать ее не хотел.

— Ладно,— наконец согласился Уж,— отпущу тебя. Только спряди-ка сначала вот эту шелковую кудель.— Он показал ей на прялку.

Взялась Ель за прялку — и день, и ночь прядет, а кудель меньше не становится.

Смекнула Ель, что тут какой-то обман: кудель-то была, видать, заколдованная, хоть сколько пряди — все равно не спрядешь. И пошла она к старухе-ведунье, жившей по соседству.

Приходит и жалуется ей:

— Голубушка-матушка, научи меня спрядь эту кудель.

Старуха и говорит:

— Затопи печь, брось ее в огонь, иначе ее вовек не спрядешь!

Вернулась Ель домой, затопила печь — будто под хлеба, — и бросила кудель в огонь. Шелк так и вспыхнул, и увидела Ель жабу величиной с валец для теста — она прыгала в пламени и выпускала из жаркого рта шелковую пряжу.

Догорел огонь. Исчезла жаба, а пряжа осталась.

Взяла тогда Ель и спряла пряжу, а сама стала опять мужа просить отпустить ее хоть несколько дней погостить у родителей.

На этот раз вытащил он из-под скамьи железные башмаки и сказал:

— Как износишь их, так и пойдешь.

Переобулась Ель и ну ходить, топать, разбивать их об острые камни. А башмаки толстые, крепкие — не стаптываются да и только. Нет им износа, на весь век хватит.

Опять пошла Ель к старухе-ведунье за советом, и та научила ее:

— Отнеси башмаки кузнецу, пусть их в горне накалит.

Ель так и сделала. Башмаки прогорели, и она в три дня износила их. Снова стала мужа просить, чтоб отпустил ее погостить в родной дом.

— Ладно,— сказал муж,— только испеки сперва

пирог, а то без гостинца к родителям идти не полагается.

А сам велел всю посуду попрятать, чтобы Ели не в чем было тесто поставить.

Долго ломала Ель голову: как принести воды без ведра, как замесить тесто без квашни? И опять пошла к старухе-соседке. Та говорит:

— Замажь решето закваской, зачерпни речной воды и в нем же замеси тесто.

Ель так и сделала. Замесила тесто, испекла пироги и собралась с детьми в дорогу. Проводил их Уж, вывел на берег и наказал:

— Гостите не больше девяти дней, на десятый возвращайтесь! Выходи на берег с детьми без провожатых и покличь меня:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Вскипит море молочной пеной, знай, что жив я, а вскипит кровавой пеной, значит, пришел мне конец. А вы, дети, смотрите никому не проговоритесь, как меня выкликать надо.

Сколько было радости, когда Ель в отчий дом явилась! И родичи, и соседи собрались поглядеть на нее. Один за другим расспрашивали, как ей со змеем живется. Она только рассказывала и рассказывала. Все наперебой угощали ее, говорили ласковые речи.

И не замечала Ель, как дни летели.

Тем временем двенадцать братьев, сестры и родители раздумывали, как бы им удержать Ель дома, не отпустить ее к Ужу. И порешили: вывести у детей, как, выйдя на берег, станет Ель вызывать мужа со дна морского. А потом туда пойти, выманить его и убить.

Завели они старшего сына в лес, обступили его и стали спрашивать. Только он прикинулся, будто знать ничего не знает. Как ни пугали его, что ни делали, а допытаться не могли.

Отпустили его дядя, наказали ничего не говорить матери. На другой день взялись они за Ясенья, а потом за Березку. Но и те тайны не выдали.

Наконец завели в лес меньшую дочку — Осинку.

Сперва и она отнекивалась, говорила, что не знает, а как пригрозили ей розгами, так все и выболтала.

Тогда двенадцать братьев взяли косы острые, и вышли на морской берег и кличут:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Только выплыл Уж из моря, напали на него двенадцать братьев Ели и зарубили. Вернувшись они домой, ничего сестре не сказали.

Прошло девять дней, миновал срок, Ель распростилась с родичами, вышла с детьми на берег моря и кличет мужа:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Замутилось, зашумело море, вскипела кровавая пена — и услышала Ель голос своего мужа:

— Двенадцать братьев твоих косами зарубили меня, а выдала им меня Осинка, любимая наша дочка.

Ужаснулась Ель, заплакала и, обернувшись к трусливой Осинке, молвила:

Стань пугливым деревцем на свете,
Век дрожи, не ведая покоя,
Пусть лицо твое дождик моет,
Волосы твои терзает ветер.

А сыновьям своим верным и смелым сказала:

Станете большими деревьями,
Елью я зазеленею рядом с вами.

Как она сказала, так и стало. И теперь дуб, ясень и береза — могучие, красивые деревья, а осина и от самого легкого ветерка дрожит — все за то, что побоялась своих дядьев и выдала им родного отца.

СТАРЫЙ МОРОЗ И МОЛОДОЙ МОРОЗЕЦ

Литовская сказка

Жил старый Мороз, и был у него сынок — молодой Морозец. И такой хвастун был этот самый сынок, что захочешь рассказать, да не расскажешь! Послушать его — так умнее и сильнее на всем свете никого нет. Вот раз и думает этот сынок, молодой Морозец:

«Стар стал мой отец! Плохо свое дело делает. Я и молодой, и сильный — куда лучше могу людей морозить! От меня никто не спасется, со мной никто не справится — всех одолею!»

Пустился молодой Морозец в путь, принялся выискивать, кого бы заморозить. Вылетел на дорогу и видит — едет в повозке на сытой лошадке пан. Сам пан толстый, шуба на пане меховая, ноги ковром укутаны.

Осмотрел Морозец пана, засмеялся.

«Э,— думает,— кутайся не кутайся, все равно от меня не спасешься. Старик, отец мой, может быть, и не пронял тебя, а я так пройму, что только держись! Ни шуба, ни ковер не помогут!»

Подлетел Морозец к пану и ну его донимать: и под ковер забирается, и в рукава влезает, и за воротник пробирается, и за нос щиплет.

Приказал пан своему слуге погонять лошадь.

— Не то,— кричит,— замерзну я!

А Морозец еще пуще донимает, еще сильнее за нос щиплет, пальцы на руках и ногах леденит, дышать не дает.

Пан и так, пан и сяк — и ежится, и жметя, и вертится на месте.

— Погоняй,— кричит,— погоняй скорее!

А потом и кричать перестал: голос потерял.

Приехал пан в свою усадьбу: вынесли его чуть живого из повозки.

Полетел молодой Морозец к отцу, к старому Морозу. Стал перед ним хвастаться:

— Вот я какой! Вон я какой! Где тебе, отец, за

мною угнаться! Смотри, какого я пана заморозил! Смотри, под какую теплую шубу я пробрался! Тебе под такую шубу ни за что не пробраться! Тебе такого пана ни за что не заморозить!

Усмехнулся старый Мороз и говорит:

— Хвастунишка ты! Подождал бы своей силой да удалю хвалиться. Верно, заморозил ты толстого пана, влез к нему под теплую шубу. Да большое ли это дело? Вон смотри — едет тощий мужик в дырявой шубенке, на тощей лошаденке. Видишь ты его?

— Вижу.

— Едет этот мужик в лес дрова рубить. Попробуй-ка ты его заморозить. Если заморозишь — поверю тебе, что ты и в самом деле силен!

— Вот невидаль! — отвечает молодой Морозец. — Да я его в один миг заморожу!

Взвился Морозец, полетел мужика догонять. Догнал, напал и давай его донимать: то с одного боку налетит, то с другого, а мужик едет себе да едет. Стал Морозец его за ноги хватать. А мужик соскочил с саней да побежал рядом с лошадежкой.

«Ну, — думает Морозец, — погоди! Уж я тебя в лесу застукаю!»

Приехал мужик в лес, достал топор и принялся елки да березы рубить — щепки во все стороны так и летят!

А молодой Морозец покоя ему не дает: и за руки хватает, и за ноги, и за ворот пробирается...

И чем больше старается Морозец, тем сильнее мужик топором размахивает, тем сильнее дрова рубит. Разогрелся так, что даже рукавицы снял.

Долго нападал Морозец на мужика, наконец устал.

«Ладно, — думает, — все равно я тебя одолею». Решил пробрать его до костей, когда тот будет домой возвращаться.

Подбежал к саням, увидел рукавицы да и забрался в них. Сидит и посмеивается:

«Посмотрю-ка я, как мужик свои рукавицы наденет; они так одеревенели, что в них и пальцы просунуть нельзя».

Морозец в мужичьих рукавицах сидит, а мужик знай все рубит да рубит.

До тех пор рубил, пока не наложил воз с верхом.

— Теперь,— говорит,— можно и домой возвращаться!

Взял тут мужик свои рукавицы, хотел было их надеть, а они как железные.

«Ну, что теперь будешь делать?» — посмеивается молодой Морозец.

А мужик, как увидел, что рукавицы надеть нельзя, взял топор и принялся бить по ним обухом.

Мужик по рукавицам со всей силы тук да тук, а Морозец в рукавицах — ох да ох! И так крепко мужик помял бока Морозцу, что тот чуть жив убрался.

Домой мужик едет, дрова везет — полный воз, да на свою лошаденку покрикивает. А молодой Морозец к отцу ковыляет, сам поохивает. Увидел его старый Мороз, стал посмеиваться:

— Что это ты, сынок, еле идешь?

— Уморился, пока мужика морозил!

— А что это ты, сынок, молодой Морозец, так жалобно охает?

— Да уж очень больно мужик бока намял!

— Пусть это тебе, сынок, молодой Морозец, наукой будет: с панами-бездельниками легко справиться, а вот мужика никому вовек не одолеть! Так и запомни!

ЕЖИК

Литовская сказка

Бежал по дороге ежик и нашел на дороге грошик.

А в это же время ехал мимо барин.

Ежик увидел его, зажал свой грош в лапках и говорит — будто сам с собой разговаривает:

— У меня есть, а у барина нету! У меня есть, а у барина нету!

Не понравилось это барину. Приказал он кучеру остановиться и спрашивает ежа:

— Это что же у тебя есть, а у меня нету?

— А вот! — говорит еж. И показал барину медный грош.

Рассердился барин и велел кучеру отнять у ежа медяк.

— Значит, и вправду у тебя нет ни гроша! — говорит ежик. — А то бы не отнял мой!

Барин от злости совсем из себя выходит — швырнул медяк на дорогу.

— Бери, — говорит, — свой грош! Больно он мне нужен!

А ежик смеется:

— Испугался! Испугался! Потому и грош бросил, что меня испугался. Пойду и всем расскажу, какой у нас барин трус!

Тут барин выскочил из кареты — и к ежу:

— Вот сейчас ты у меня узнаешь, как я тебя испугался!

Протянул руку, хочет схватить ежа — да не тут-то было! Свернулся еж клубком, иголки выставил — пойдди тронь-ка его!

— Ну, ладно, — пригрозил барин. — Я тебя еще проучу!

Забрался в карету и велел кучеру ехать. Да поскорее.

А ежик приплясывает и приговаривает ему вслед:

— Наш барин богатый, а ума маловато! Наш барин богатый, а ума маловато!

Так и посмеялся ежик над жадным и глупым баринком.

СУББОТНЯЯ ВОДА

Молдавская сказка

Жили-были некогда царь и царица. Прожили они вместе до старости, а детей у них не было. К ста годам привалило им счастье — родился сын. Много забот прибавилось у них сразу, к радости примешалась и печаль: они сами уже нуждались в помощи, а кто же вырастит им сына, кто женит его и

будет нянчить внуков?

Созвали они государственных мужей — посовето-

ваться с ними, что делать? Самый близкий к государю советник сказал:

— Светлейший царь! Слышал я, что если старикам искупаться в субботней воде, то станут они как тридцатилетние.

И решили царь с царицей оставить сына у мамки-кормилицы, наказать ей, чтоб хорошенько за ним глядела и кормила, а самим поехать искать субботнюю воду, чтоб стать молодыми.

Так и сделали: сели в карету и поехали. И коль уж пустились в путь, то ехали два года — пока не добрались до этой воды.

Искупались они — и стали тридцатилетними. Счастливые вышли они, оделись. Царь пошел к карете, а царица чуть задержалась. И тут же на беду выскочил змей-дракон с того света, схватил ее и унес в нору. Так там было заведено: если кто-то купался в субботней воде, чтобы помолодеть, взамен должен был отдать живую душу.

Бросился царь к норе, заглянул туда, но ничего не увидел, только услышал змеинное шипение. Испугался, сел в карету и уехал домой, во дворец.

Много лет прошло с тех пор. У царя рос сын, и, когда ему исполнилось семнадцать лет, был он крепок, как кремень, и строен, как молодой дубок в лесной чащобе.

Как-то взял парень булаву, раскрутил ее и подбросил вверх — летела та булава в небесах три дня и три ночи, а там, где упала она на землю, сделался колодец. Подивились советники силе царского сына и сказали:

— Этот-то, если б пошел к субботней воде, уж точно отнял бы царицу у дракона!

Парень, как услышал такое, пошел к царю:

— Отец! Кто моя мама и где она?

Но не ответил ему отец. Не хотел говорить правду — боялся, что сын отправится к субботней воде и там, у дракона, оставит свои косточки. А сын от тревоги да печали, что не может у отца дознаться правды, заболел.

Ни лекари, ни знахарки не могли поднять парня с постели. Что делать? Стал царь спрашивать сына, чего он хочет, что ему принести, чтоб только выздоровел.

— Отец, приснилось мне этой ночью, — отвечает

сын,— будто выздоровею я, если напьюсь воды из-под нашего дворца.

— Но кто же сможет поднять дворец? — удивился царь.

— Я смогу.

Взяли они золотой ковш и вышли во двор. Молодец ухватился за основание дворца, приподнял его, и царь увидел источник. Протянул к нему руку с ковшом, чтобы набрать воды, а сын опустил дворец ему на руку.

— Подними,— закричал царь,— руку мне раздавишь!

— Подниму, если скажешь, где моя мать?

Некуда было царю деваться, согласился. Пошли они в комнаты, ели-пили три дня и три ночи, а потом рассказал царь все, что было.

Выслушал сын и спросил отца:

— Найдется у тебя конь, солнца жаркого горячей, слова быстрого быстрей?

— Был такой у меня, когда я еще в женихах ходил.

— Где мне найти и как позвать да узнать его?

Царь достал расписную уздечку и сказал:

— Иди к морю, позвени уздечкой — выскочит конь, бок у него покусан волком. Бери его.

Отправился царевич к морю, позвенел уздечкой — и пришел к нему старый и худой конь, еле волочивший по земле ноги. Увидев такую клячу, парень стегнул ее со злости уздечкой и погнал обратно. Повернулась она — и увидел он бедро, покусанное волком, вспомнил наставления отца и снова позвал уздечкой.

Конь подошел — такой хилый и жалкий, что глядеть на него тошно было. Царевич накинул на него расписную отцову уздечку и спрашивает:

— Конь-конек, порченый бок, помоги молодцу, как когда-то отцу. Сможешь?

Конь заржал и ответил:

— Помогу молодцу еще больше, чем отцу. Потому что в молодости были кости и мышцы мои, словно пена, мягки, а сейчас стали мышцы мои, будто сталь, крепки.

Конь встряхнулся и обернулся неукротимым скакуном, из ноздрей которого вылетало горячее пламя. Молодец оседлал его, и конь взвился вверх с такой си-

лой, что седок стукнулся головой о девятое небо,— еще немного, и некому было бы скакать на том коне дальше. А потом конь камнем полетел вниз, словно решил вогнать царского сына в толщу земли навечно. Тот натянул уздечку и крикнул:

— Тпру, необузданный, не для того я пришел сюда, чтобы ты колотил меня о макушку неба или зарыл в землю,— я звал тебя, чтобы помчаться к субботней воде.

— Знаю, молодец, знаю, и повезу тебя, куда нужно. Я только хотел показать тебе, что и я умею кое-что — ты ведь ударил меня по голове уздечкой и прогнал.

Распрощался царевич с королями, советниками, придворными и отправился в путь. Отца он оставил в слезах.

Много дорог изъездил молодец на своем коне и долго ли, коротко ли приехал, наконец, к субботней воде. Спешившись, стал искать под берегом яму, о которой говорил отец. Вскоре нашел. Не раздумывая, царевич вместе с конем прыгнул в пропасть — и очутился на дне целый и невредимый. Осмотрелся и увидел долину, а на ней — золотые и серебряные дворцы, украшенные павлиньими перьями. Направился к ним и добрался до ворот к обеденному часу. Когда поступал, вышла из ворот царица. Увидела коня с покусанным боком, вспомнила мужа и заплакала:

— Может, ошиблась я, но когда царь был моим женихом, был у него точно такой же конь.

— Это тот самый конь и есть,— ответил царевич и рассказал ей все, что знал со слов отца.

Увидев перед собой родного сына, царица очень обрадовалась, а затем снова дала волю слезам:

— Что мне делать теперь с тобою, где спрятать? Дракон, как вернется, сразу почует человеческий дух и найдет тебя. Напрасно, дорогой сынок, ты шел так далеко: не сумеешь отнять меня — сила у дракона такова, что если б землю можно было взять за края, он перевернул бы ее травой вниз.

— И где он держит свою силу?

— Кто ж его знает?..

— Попробуй узнать.

Спрятала царица сына в улей на чердаке и прикрыла его конопляной пряжей.

Дракон, как только вернулся, сразу почуял чужой дух в доме:

— Тыфу, пропасть, откуда здесь земной дух человеческий?

— Ты же знаешь,— отвечает царица,— даже птица волшебная не может здесь пролететь, не то что человек. А ты всю землю исходил вдоль и поперек, да и поел, верно, что-то, вот тебе и чудится земной дух.

Дракон утихомирился, а царица накрыла на стол. Поговорили они о том о сем и, улучив минуту, она спросила:

— Сколько лет, дракон, живем мы с тобой, а я все не решалась спросить... Где хранишь ты свою силу?

— А тебе для чего это знать?

— Чтобы лучше ее оберечь: ты уходишь иной раз надолго, и я боюсь, как бы с тобой чего-нибудь не случилось.

— Сила моя в доме под столом.

Побыл еще дома дракон и снова ушел на охоту. Царица — бегом к улью. Говорит сыну:

— Сказал, что сила его под столом в доме.

— Неправду он тебе сказал, нет ее там. Возьми-ка убери да позолоти то место.

Взялась царица наводить чистоту в доме — вымыла и натерла все так, что заблестело кругом, на полу ж и маковое зерно можно было заметить. А место под столом позолотила.

Вернулся дракон с охоты, увидел такую чистоту в доме и говорит:

— Зря ты изводила себя и под столом золотила: сила моя не там, а на пороге двери.

Отдохнул дракон во дворце и снова ушел на охоту.

А царица вновь на чердак — к улью. Рассказала сыну, как дело было. Он говорит:

— Позолоти порог, укрась его дорогими камнями. Плачь, обижайся за его обман, и он скажет тебе, наконец, правду.

Когда дракон вернулся, он увидел порог, украшенный камнями, жену в слезах, и спросил:

— Что за горе на тебя, жена, обрушилось, что ты так плачешь?

— Как же мне не плакать, если я так стараюсь, себя извожу, а ты мне правды не говоришь: где твоя сила? Уж я бы заботилась о ней!

Сжалился над ней дракон:

— Не плачь, женщина, далеко моя сила и не можешь ты о ней заботиться и покрывать позолотой.

— Скажи, и я успокоюсь.

— Ну, так слушай: сила моя за девятью морями, за девятью царствами — у молочного озера, с кровью перемешанного... В этом озере живет дикий кабан со стальными зубами, а в кабана — два барана, которые дерутся по-бараньему так, что искры летят из рогов. В этих искрах прячется перепелка, в перепелке — шка тулка, а в ней три сверчка. Вот если кто-то убьет тех сверчков, тогда и я дух испущу. Но никто не может туда пробраться. А если проберется, то съест его дикий кабан. Если же и кабан подохнет, выскочат бараны и превратят в пыль, кого найдут. Но и без них у меня есть сила жить вечно, пока стоит земля и светит солнце.

Едва дракон ушел на охоту, царица побежала к сыну на чердак и рассказала все, о чем услышала.

— Вот теперь он сказал тебе правду, — молвил царевич. Вышел из своего тайника, надел уздечку на коня и оседлал его. Царица проводила сына словами:

— Ступай с добром и возвращайся с радостью!

И отправился молодец в путь. Много дорог исходил, и так, странствуя, вступил он в густой лес, где обитала ночь. Посреди леса ему стали попадаться сожженные деревья. Под обгорелыми пнями нашел он трех птенцов. Увидев его, птенцы стали пищать и просить:

— Не проходи мимо, богатырь! Выручи нас, а то придет Лея-Палея и съест.

Царевич остановился и тут же увидел: мчится к ним ведьма, дым и пламя изрыгая, деревья на пути сжигая. Кинула на него взгляд, дохнула огнем и спрашивает:

— Чего хочешь: хлеба-соли или великой битвы?

— Великой битвы! — ответил царевич.

И стали они биться. Столько бились, что весь лес истоптали. Наконец, исхитрился он, раскрутил булаву над головой да как стукнет проклятую — превратил ее в три груды мяса.

Подскочили к нему орлиные птенцы радостные, благодарят.

— Только вот что нам делать, куда тебя спрятать? А то мама, как тебя увидит, вмиг проглотит на радостях.

Стали они втроем пихать его внутрь пера самого старшего птенца, но царевич туда не помещался. Попробовали они втолкнуть его в перо среднего птенца — тоже не помещается. Тогда они сунули его внутрь пера младшего птенца — как раз поместился.

Недолго ждать пришлось — появилась Орлица.

— Дорогие сынки, кто же освободил вас от злой Лей-Палеи?

— Богатырь один — второго такого не сыщешь!

— Где же он?

— А если бы мы тебе его показали, — спрашивают птенцы, — что бы ты сделала?

— Я бы проглотила его на радостях!

— А вот поклянись младшим птенцом, что не причинишь ему вреда, тогда покажем.

Орлица поклялась, и птенцы освободили молодца. Орлица от радости тут же его проглотила, а после изрыгнула, и стал он еще краше, чем был. Потом снова проглотила и отпустила еще более сильным и храбрым.

— Чем еще одарить тебя, молодец, за доброе дело? — спросила Орлица. А царевич в ответ:

— Не ради даров сделал я доброе дело. Если можешь, помоги мне быстрее пробраться за тридевять морей, за тридевять царств — к молочному озеру, с кровью перемешанному, к дикому кабану со стальными зубами, где дерутся бараны и искры из их рогов летят, а в искрах тех прячется перепелка, а в перепелке — шкатулка с тремя сверчками.

— Э-хе-хе, — вздохнула Орлица, — очень уж это далеко. Но я отвезу тебя туда, потому что спас ты моих птенцов.

Отдыхал царевич на радостях три дня и три ночи.

На четвертый день говорит ему Орлица:

— Садись на меня и завяжи себе глаза, чтоб не умер ты в пути от страха перед невиданным.

Когда Орлица пустилась в путь, вскипела вслед за нею земля, как вода. Летела она, летела — и села на высокую гору. Царевич развязал себе глаза, а Орлица спросила:

— Ну-ка, посмотри вдаль: ничего не видишь?

Царевич посмотрел по сторонам, но ничего не увидел.

Отдохнули они, накопили сил, снова царевич завязал себе глаза и опять пустились они в путь — не шагом, как люди ходят, а ураганом страшным. Летели, летели — и опустились на еще более высокой горе.

— Посмотри-ка вдаль — ничего не видишь?

— Ничегошеньки не вижу!

— Тогда садись, полетим дальше. Есть у меня еще одна гора на примете — если и с нее ничего не увидим, не знаю, куда тебя дальше и везти.

Полетели они снова и опустились на третьей — самой высокой горе.

Орлица говорит:

— Развяжи глаза и посмотри вдаль хорошенько — не видно ли чего?

Царевич развязал глаза, посмотрел вдаль и сказал:

— Не то кажется мне, не то на самом деле, а только вижу впереди то ли село, то ли еще какое-то местечко.

— Это не село и не местечко, а еще одна каменная гора. Вот с той горы должен ты увидеть молочное озеро. Дальше один добирайся, а я должна лететь туда, куда раньше меня прилетает мое сердце, — к моим птенцам! Возьми это перо. Когда тебе будет трудно или очень горько, пропусти это перо через пламя, и я прилечу. А теперь ступай с миром и удачи тебе там, куда идешь!

Царевич оседлал коня и помчался дальше — догонять свои думы. Недолго ехал он и подъехал к каменной горе. У подножия горы была сыроварня, а заправлял в ней старший чабан.

— Добрый день, старшой!

— Доброго здоровья, богатырь! Чего желаешь?

— Чабан-чабанаш, будь добр, послужи молодцу в дороге: принеси на пробу сладкой свежей брынзы да зажарь к обеду овцу. Иду я издалека, голодом и жаждой измучен, — попросил царевич.

Чабан ответил с печалью:

— Я б с радостью накрыл тебе стол богатый — там, где тени побольше и пахнет мятой, только остался я без отары. Пришел дикий кабан, прогнал моих собак, съел всех овец, оставил мне одну только козу. Да

и та пасется где-то на горе, вниз не сходит — боюсь, что кабан и ее сожрет.

Видя, что у чабана в глазах свет затмился от горя, царевич говорит:

— Пойду-ка я на гору, поищу твою козу и приведу ее к тебе в загон.

Отправился он на поиски, обшарил все рощи, перелески и напал на след козы. Но та, едва приметив его, припустила лесными тропами, через камни да пустоши и прибежала к молочному озеру, стала пить молоко.

Только молодец подкрался к ней, чтобы поймать, как выскочил откуда ни возьмись дикий кабан и бросился на него. Стали они биться — царевич и кабан. Так бились, что рушились камни под кабаньими клыками, а молодец хватал его богатырски и бил со всего маха об землю, в которую кабан уходил с головой. Но снова вылезал, отряхивался и становился еще злее. А когда увидел, что не может победить молодца, побежал к молочному озеру, опустился на дно и не вышел больше.

Вернулся царевич с козой к сыроварне, чабан подоил козу — напился молодец молока и лег спать. Спал он сном храбреца три дня и три ночи, а когда проснулся, снова увидел чабана грустным.

— Чем ты так опечален? — спросил он.

— Опять ушла коза и нет ее.

Снова отправился молодец на поиски, и теми же путями-тропинками опять вышел к молочному озеру, где коза пила молоко. И снова откуда ни возьмись накинудся на него кабан.

Дрались они целый летний день до вечера, пока оба не устали и не упали — один головой в одну сторону, другой — в другую.

Лежит кабан на земле, хватая ртом воздух:

— Эх, принес бы мне кто ведро молока, прибило бы у меня сил и разорвал бы я тебя в куски.

А молодец отвечает:

— Если бы мне кто принес миску свежего сыра, то я бы, поев, навечно избавил мир от уродины.

Услышал те слова чабан, который неподалеку разыскивал свою козу, быстро побежал на сыроварню и принес царевичу свежего сыра. Тот поел и как при-

нялся охаживать кабана булавой — превратил его в решето.

Потом вытащил острый нож и вспорол кабану живот, а оттуда выбежали два барана. Только они собрались драться, как богатырь принялся лупить их булавой по рогам — так лупил, что булава хрустнула, а из рогов бараньих сноп искр вылетел, а в том снопе — перепелка. Царевич размахнулся и рассек ее ножом — на землю тотчас выпала шкатулка. Царевич, не раздумывая, спрятал ее за пазуху, попрощался с чабаном и заспешил в обратный путь: очень уж захотелось ему поскорее к отцу и матери.

Добрался он до самой высокой горы, вытащил перо Орлицы, протянул его через огонь — не успел глазом моргнуть, как Орлица оказалась рядом.

— Окажи мне еще одну услугу, — попросил царевич, — помоги поскорее выбраться отсюда!

Посадила Орлица и его, и коня себе на спину, велела завязать глаза и помчалась, разрывая тучи и рассекая небо надвое. Скоро опустилась она около своих птенцов.

— Теперь добирайся сам до замка, — сказала она царевичу, — и ни о чем не тревожься. Как придешь к замку, крикни: «Доктор! Кому доктора?» Дракон и позовет тебя, потому что одолела его вдруг тяжкая болезнь. В уплату за лечение попроси у него кнут удачи, а не согласится — жизнь его в твоих руках.

Царевич поблагодарил Орлицу за все доброе, оседлал коня и, радостный, помчался к матери. Мчались они, вихри поднимая, землю копытами взрыхляя, и наконец примчались к замку дракона.

— Доктор! Кому доктора? — стал кричать царевич перед воротами.

— Что там такое, жена? — спросил дракон.

— Какой-то доктор пришел.

— Веди его сюда побыстрее!

Когда царевич подошел к постели дракона, тот спросил:

— Что дать тебе, чтоб ты меня вылечил?

— Кнут удачи! — ответил молодец.

Дракон от этих слов подпрыгнул, будто ошпаренный:

— Да сколько бы ты ни просил, кнута моего тебе не видать!

Царевич вышел во двор, вынул шкатулку из-за пазухи и скрутил голову одному сверчку. У дракона — предсмертный озноб, закричал:

— Верните доктора!

Снова стал он царевича спрашивать, какую бы он взял плату за лечение. И снова царевич потребовал кнут удачи. А дракон поднялся, из стороны в сторону качается и злобно рычит:

— Пошел вон! Лучше я солнца не увижу, чем с кнутом расстанусь — наследством всего драконова рода!

Царевич спорить не стал, вышел во двор и второму сверчку голову открутил. Дракон сразу стал таким хилым, что валился с ног от слабого ветерка. Понял он, что часы его сочтены, и прошептал из последних сил:

— Верните доктора...

Пришел царевич в третий раз, глянул на дракона и сказал:

— Торговаться не будем! Кнут удачи — или я ухожу!

— Он будет подарен тебе, — простонал дракон, протягивая кнут. — Вылечи меня только!

Царевич достал третьего сверчка, скрутил ему голову — и осталась от дракона лишь кучка золы. Взял молодец эту золу и развеял по ветру, чтоб и следа на земле от дракона не осталось.

Оказались они с матерью, наконец, вдвоем. Царевич взмахнул кнутом и позвал:

— Кнут-кнутик мой!

— Слушаю, мой хозяин! — отозвался тотчас же кнут.

— Пока мы будем спать, выведи нас за одну ночь на белый свет — к отцу, людям, чтобы, проснувшись, встретились мы с ними.

Утром, проснувшись, увидели они себя в своем дворце. Царь их обнимал и целовал, и все вокруг радовались.

— Теперь, сынок, ты вместо меня будешь царство вести, — сказал отец. — А мы с матерью при тебе станем жить в покое.

Взошел царевич на трон и был прославлен и возвеличен за многие добрые дела, которые долгие годы делал он для людей. Может, если не умер, и поныне продолжает творить добро.

ДВА БРАТА И НУЖДА

Молдавская сказка

Жили-были два брата. У богатого денег куры не клевали, а у бедного только и было сокровищ — клочок земли и полный двор голодных ртов.

Целый год батрачил бедняк на богача, а в расчет получил горсточку зерна. Когда пшеница созрела, пошел он с женой убирать хлеб. К вечеру собра-

лась гроза, в тучах молнии заиграли, и бедняк отправил жену домой, а сам остался вязать снопы, чтобы вода не унесла урожай. Работал допоздна, вдруг смотрит — ходит кто-то по полю.

— Ты кто? — спрашивает бедняк.

— Я — счастье твоего брата.

— А чего здесь ищешь?

— Большие колосья ношу на поле твоего брата, а маленькие, наоборот, сюда.

Как схватит его бедняк за ворот, как тряхнет!

— Ты что же это затеяло? Он ведь и так богатый! Чем помочь мне выйти из беды, последние крохи отбираешь?

Счастье видит — дело плохо.

— Поди ты, — говорит, — я здесь ни при чем. Возьми свое счастье в руки и заставь работать. Есть ведь и у бедняков счастье.

— А где ж оно? Я его и в глаза не видел.

— А где ж ему быть? В корчме побирается, под столом валяется.

И даже корчму, в которой его искать, называет.

Бросился бедняк, куда сказано, и видит — сидит его счастье у стола и хлещет стакан за стаканом. Вывел он его за двери и принялся ругать.

— Ты, такой-рассякой, пропойца трактирный! Я от работы сохну, отошай, как иголка, не знаю, как от нужды избавиться, а ты за бочками время коротаешь. Счастье брата моего дни и ночи вкалывает, а ты хоть бы зернышко в дом принесло! Будешь работать, забулдыга?

А забулдыга, видя, что шутить не приходится, отвечает:

— Не могу я работать, нужда мне не велит. Она в твоём доме хозяйка.

— Как же мне от неё избавиться?

— Забирай все, что у тебя есть, и уходи в другое село.

Бедняк так и сделал. Запряг свою клячу в телегу, детей наверх посадил и тронулся в путь.

Когда выезжали из села, откуда ни возьмись, девчонка, длинная, презлющая, приплясывает и просит, чтоб её тоже в телегу взяли. Бедняк смекнул, кто она есть, и, как заехали в лес, скрутил её и приковал цепью к толстому дереву.

Через несколько лет, разбогатеv, приехал он в гости к старшему брату. Тот и спроси, как, мол, он нажил столько добра. Бедняк по простоте признался: так, мол, и так.

Только уехали гости, старуха пристала к мужу:

— Иди, дурак, отпусти нужду на волю. Пусть твой брат снова на нас батрачит.

Сел старший брат на коня, поехал в лес и отыскал связанную нужду. Она исхудала, в чём только душа держалась, солнце её сожгло, дожди измочалили, ветер иссушил. Снял богач цепи, а она его за горло — хватать!

Он кричит:

— Я тебя не за тем отпускал! Иди к моему младшему брату!

А она говорит:

— Врешь, не пойду! Он, проклятый, чуть жизни меня не лишил. А ты с меня цепи снял, и я тебе буду верна до гроба.

Вскочил богач на коня, поскакал домой, а нужда напрямик через лес и опередила его. Влетел он во двор, а уж скотина и птица пали, дом покосился. С того дня обеднел он и кончил дни в такой худой хатке, что не приведи бог.

БАРИН И КРЕСТЬЯНИН В СУДЕ

Молдавская сказка

Как-то вез один крестьянин барина на Аккерманскую ярмарку. Говорили они, говорили, выговорились и замолчали. Скучно стало барину, вот он и предлагает:

— Давай еще о чем-нибудь потолкуем.

— А о чем?

— А вот хотя бы о том, когда ты мне долг вернешь, тысячу рублей?

— Какой такой долг?

— Да это так, понарошку, лишь бы было о чем говорить.

— О чем там говорить, коли я не брал у вас денег?

— Вот дурень, ты говори, будто на самом деле должен. Не бойся, платить не придется.

Что с барином спорить — завел с ним крестьянин такой разговор. Тот его честит, на чем свет стоит — отдавай да отдавай мои деньги, а дел свое гнет — подожди да подожди... Скуки как не бывало, а дорога короче кажется.

А спор все жарче:

— Надоело мне ждать, — кричит барин, — чтоб немедленно деньги были!

— Ладно уж, барин, не кричи, будут тебе деньги, — отвечает крестьянин.

— Будут, будут! А когда?

— Ну, не нынче, так на следующий год.

— Еще год? Нет уж, хватит. Или отдавай деньги, или в суд тебя поведу.

— А хотя бы и в суд! Что с меня, с бедного, взять?

С тем они и в город въехали. Тут барин хватается деда за ворот и тащит в суд. Кинул его на скамью, а сам к судье: так, мол, и так...

— Позовите его сюда, — говорит судья.

Идет барин за дедом, а дед ни в какую — не хочет к судье идти, упирается. Видя, что дело далеко зашло, говорит крестьянин барину:

— Я бы, барин, пошел за тобой, да видишь — нет у меня приличного платья, а в таком виде как можно?

— Дам я тебе одежду, — говорит барин и отдает ему свою шубу. Надел дед шубу и идет за барином. На суде барин жалуется: вот, мол, дал я ему взаймы тысячу рублей, а он их возвращать не хочет.

— Какие деньги, барин? — изумляется дед.

— Да те самые, что ты взял у меня.

— Полно тебе, барин, может ты скажешь, что и шуба эта твоя?

— А как же, моя шуба! Я же тебе ее только что дал! А ну, снимай мою шубу!

— Вот видите, ваша милость, — говорит тогда крестьянин судье, — середь бела дня раздевает, и суд ему нипочем. Прямо-таки грабитель он!

Тут судья отдает приказ — барина задержать и в тюрьму посадить.

А дед вышел из суда в новой шубе и отправился на ярмарку по своим делам.

ЕЖОВА ШУБКА

Латышская сказка

Жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Сидят они как-то за столом и горюют.

— Послал бы нам бог ребеночка, хоть ростом с ежика!

Только они это вымолвили, вылезает из-за печки маленький ежик и говорит:

— Я — ваш сынок!

Взяли старики ежика в сыновья и вырастили.

Когда ежик подрос, мать и говорит:

— Будь у меня сынок побольше, пас бы он свиней. А такого маленького свиньи и затоптать могут, вот беда-то.

— Не печалься, с этим делом я справлюсь!

— А не будет тебе боязно, сынок?

— Свиней бояться! Да я б со стыда сгорел! Давайте их сюда, буду пасти!

Погнал ежик свиней в лес и пас их там три года, не пригоняя домой. За три года свиней наплодилось так много, что и не счесть. Однако ежик с ними запросто справляется.

Однажды в том лесу, где ежик свиней пас, охотился сам король, да заплутался. Блуждая по лесу, набред он на ежиково стадо, а самого пастушка не видит: ежик-то в заросли багульника залез.

— Есть ли пастух при этих свиньях! — крикнул король.

— А вот он я! — отвечает ежик.

— Да где ж ты?

— А в багульнике.

— Иди-ка сюда, потолкуем!

— Отчего ж не пойти? — ответил ежик и вылез из зарослей.

— Да как же ты, такой маленький, свиней пасешь?

— А как же ты, такой большой, заблудился?

— Выведи меня из этого леса!

— Отчего ж не вывести? Отдай за меня свою младшую дочь — мигом выведу.

— Ишь чего захотел! Чтoб я тебе, жабенку эдакому, дочь отдал!

— Нет так нет — ищи сам дорогу!

Ускакал король. Проплутал он весь день, а к вечеру опять тут как тут.

— Где ты? Слышь, пастушок, никак я дороги не найду, выведи меня отсюда.

— Отчего ж не вывести? Отдай только за меня младшую дочь — мигом выведу.

— Будет болтать-то! Не могу я этого сделать!

— Нет так нет! Ищи сам дорогу!

Сделал король круг, сделал другой, да снова назад воротился.

— Ну так как, выведешь меня из лесу?

— Отчего ж не вывести? Отдай только за меня младшую дочь — мигом выведу.

— Ну что с тобой делать? Бери на здоровье!

— Стало быть, обещаешь мне свою дочь?

— Обещаю!

— Ладно! Поезжай за мной по этой тропинке, да поторопись, не то мои свиньи разбредутся.

Показал ежик королю дорогу, сговорился, когда на свадьбу приезжать и со всех ног к свиньям бросился.

За три дня до свадьбы пригнал ежик свиней к отцу на двор. Отец только руками развел: и в хлеву, и в загородке, и во всех закутках свиней полным-полно, куда ни повернись — отовсюду хрюкают.

На третий день спозаранку надел ежик праздничную одежду, поверх ежовую шубку натянул, запряг в берестяную карету двух черных петухов и покатил во весь дух к невесте во дворец. Встретил его король не с пустыми руками: велел он своим солдатам камнями берестяную карету забросать и петухов перебить. Но петухи только камень завидят, так — прыг-прыг-прыг! — подпрыгнут, и камень низом пролетает. И так до тех пор, пока не подъехали они к самому дворцу. Тут петухи пропели:

— Кукареку! Королевский зять приехал!

Вышла невеста навстречу, положила ежика в шелковый передник и во дворец несет. Старшие сестры над ней потешаются, а младшая в ответ:

— Смейтесь, смейтесь, какой мне сужен, за такого и пойду!

Наутро невеста снова положила ежика в передник и несет в церковь — венчаться. Надели ежику на лапку обручальное кольцо, а после венчания положила женушка своего муженька в передник, чтобы во дворец унести. Смеются все над потешной парой, а молодая жена им в ответ:

— Смейтесь, смейтесь, какой мне сужен, за такого и пойду!

Вечером, как спать ложиться, стянул ежик свою шубку и положил в ноги. Увидела это жена и думает: «И зачем такую колючую шубку беречь? Вот уснет муженек — сожгу ее!»

Как задумала, так и сделала. А дальше что? Только шубка сгорела, муженек захворал, да так тяжело, того и гляди помрет. Плачет жена, кается. А ежик, боль перемогая, жену утешает:

— Знаю, знаю, женушка любезная, что не со зла ты это сделала, да только прежде чем за дело браться, надо бы с муженьком посоветоваться. Кабы ты нынче шубку не сожгла, я бы от нее через две недели без боли избавился. Однако если я вытерплю, то ты чудо увидишь и слезы радостью сменятся.

Трудно было ежику, но терпел он и вытерпел. Особенно в последний день болезнь его донимала. Но

только солнышко зашло, вскочил ежик с постели, трижды подергал мордочкой и в тот же миг превратился в статного принца. Тесть на радостях отдал ему всю власть. А новый король призвал к себе своих родителей и зажил с молодой женой счастливо.

ХОРОШИЕ СОВЕТЫ

Латышская сказка

Нанял однажды хозяин батрака за хорошее жалованье, но со строгим уговором — всегда и во всем слушаться хозяина. А батрак обещал хозяину, коли понадобится, советы хорошие давать. Поначалу все у них шло гладко, и ладили они друг с другом. Но вот пришла пора сенокоса. Луга у хозяина были в четырех верстах от дома. И у

соседей луга были там же. Как-то вечером говорит хозяин батраку:

— Завтра спозаранку пойдем на дальние луга сено косить. Соседи тоже на дальние луга собираются. А мы их опередим.

Но на завтра, как назло, хозяин проспал, а когда встал, увидел, что соседи уже уходят. Он быстро собрался и крикнул батраку:

— Скажи мне, Микелис, как нам побыстрее до луга добраться?

А Микелис, глаза протирая, отвечает:

— Могу дать хороший совет. Ты, хозяин, будь вроде бы зайцем, а я собакой. Ты удирай, а я за тобой вдогонку припущу, так мы быстро и добежим.

Схватил хозяин косу и побежал, а батрак затыкал и за ним кинулся. И впрямь, прибежали они на луг прежде соседей. На лугу хозяин остановился и говорит Микелису:

— И правда, хороший был совет.

И тут только хозяин заметил, что у батрака нет косы.

— А где же твоя коса? — удивился он.

А батрак отвечает:

— Разве собаке нужна коса?

Не стал хозяин на него сердиться и сказал:

— Ступай за своей косой, а я пока один покошу.

Батрак, не торопясь, за косой пошел, а хозяин косит и все думает, как бы ему батрака проучить. Тут пришло время завтрака, соседи сели и завтракают, а Микелису с хозяином есть нечего.

— Сядем и мы завтракать,— говорит хозяин.

— А что же мы есть-то будем? — спрашивает Микелис.

Поднял хозяин оселок, поднес его ко рту, словно хлеб, и говорит Микелису:

— Пусть соседи думают, что и мы едим.

И Микелис сделал так же. Когда соседи поели и отдохнули, хозяин тоже встал, и все снова принялись косить. А пока хозяин отдыхал, Микелис снял косу с косовища. Стал Микелис на прокос хозяина и крикнул:

— А теперь, хозяин, коси поживей, назад не оглядывайся!

Обрадовался хозяин и давай косить что есть мочи, а батрак размахивает косовищем у него за спиной, будто вот-вот подрежет. Притомился, наконец, хозяин и говорит:

— Микелис, не коси ты так быстро, умаемся!

— Ничего,— отвечает Микелис,— зато быстрее закончим.

Кончили они прокос, обернулся хозяин и видит, что в руках у батрака косовище без косы.

— Как же ты косишь без косы? — спрашивает хозяин.

— А ничего,— отвечает Микелис,— зато соседи думают, что я кошу.

На другой день они опять пришли на луг и усердно косили до завтрака. Принесла хозяйка на завтрак кашу, а в каше ямка была большая, а в ней — растопленное масло. Только начали они есть, как хозяин и говорит хозяйке:

— Знаешь, хозяйюшка, как первый прокос прошли, похоже стало, будто на лугу вот такая канавка пролегла.

И продёлал канавку от ямки с маслом до своего края миски, чтобы все масло к его краю стекло, а батраку постная каша досталась. Увидев это, батрак вздохнул и сказал:

— А вот что про Вавилонскую башню рассказывают. Задумали в старину люди построить башню до самого неба, а бог рассердился на них за это и заставил их говорить на разных языках, так что перестали они понимать друг друга. На том затея с башней и закончилась. А языки бог смешал вот так.

Взял батрак ложку и хорошенько перемешал кашу с маслом. Досадно стало хозяину, отдал он батраку жалованье и отпустил его со словами:

— А ты умнее меня.

ЛИСЬИ САНИ

Латышская сказка

Шла однажды лиса по лесам, по полям и лапоть нашла. Шла она, шла, наступил вечер, заходит она в одну избушку и говорит:

— Пустите переночевать, люди добрые.

Пустил ее хозяин.

— А куда мне на ночь лошадку свою поставить? — спрашивает лиса.

— Да привяжи возле дверей, — отвечает хозяин.

— Нет, не могу, — говорит лиса. — Моя лошадка привыкла в курятнике спать.

Не стал хозяин с лисой спорить.

— Что ж, веди свою лошадку в курятник.

Ночью прокралась лиса в курятник, расплела лапоть, обмотала лыко вокруг шеи петуха и опять спать улеглась.

Утром лиса и хозяин пошли лапоть посмотреть. Лиса первая вбежала в курятник да как закричит:

— Хозяин, хозяин, иди посмотри, твой петух мой лапоть съел! За это ты мне должен петуха отдать.

Хоть и жаль хозяину петуха отдавать, да надо.

Взяла лиса петуха и дальше в путь отправилась. Шла она, шла, вечер наступил, заходит лиса опять в избу и на ночлег просится.

— Что ж, оставайся, коли пришла, — говорит хозяин.

— А куда мне на ночь лошадку свою поставить? — спрашивает лиса.

— Да тут же ее и привяжи.

— Нет, не могу, — говорит лиса. — Моя лошадка привыкла с овечками спать.

Не стал хозяин с ней спорить:

— Что ж, води свою лошадку к овцам.

Отнесла лиса петуха в овчарню, а сама вернулась в избу и легла спать. Ночью она встала, прокралась в овчарню, разорвала петуха, съела, а кишки барану на шею намотала.

Утром лиса с хозяином пошли в овчарню. Лиса первая вбежала и как закричит:

— Хозяин, хозяин, иди посмотри, твой баран моего петуха съел. Теперь отдай мне барана вместо петуха.

Очень не хотелось хозяину барана отдавать, да делать нечего — пришлось.

Взяла лиса барана и пошла дальше. Шла она, шла, вечер наступил. Заходит лиса в одну избу и просит:

— Пустите переночевать.

Хозяин пустил ее.

— А куда мне на ночь лошадку свою поставить? — спрашивает лиса.

— Пусти ее к моим лошадям, — отвечает хозяин.

Отвела лиса барана к лошадям. Ночью прокралась она в конюшню, разорвала барана, наелась, а кровью измазала лошадям морды.

Утром встала лиса и в дорогу собралась. Пошла она в конюшню за своей лошадкой и хозяин с ней пошел. Лиса первая вбежала да как закричит:

— Хозяин, хозяин! Иди посмотри, твои кони моего барана съели!

Смотрит хозяин: в самом деле, у его лошадей морды в крови.

— Вместо барана ты мне должен лошадь отдать, — говорит лиса.

Ну что поделаешь? Должен так должен. Отдал он лисе лошадь.

— Что ж я с одной лошадью делать-то буду? — говорит лиса. — Ты мне уж и сани дай.

Дал ей хозяин сани. А лиса все не унимается:

— Коли ты мне дал лошадь и сани, то дай и сбрую впридачу!

Хоть и не хотелось хозяину и сбрую лисе отдавать, но она так к нему пристала, что дал он ей и сбрую.

Запрягла лиса лошадь, села в сани и едет как ба-рыня.

Едет она, едет и встречает зайца.

— Куда это ты, кума, путь держишь? — спрашивает заяц, — подвези меня.

А лиса и слушать зайца не хочет. Наконец сжалась она!

— Так и быть.

Сел заяц в сани, и поехали они вдвоем.

Едут они, едут и встречают волка.

— Куда это вы, кумовья, путь держите? — спрашивает волк. — Подвезите и меня.

Ни за что не хотела лиса волка брать. Но волк так ее упрасивал, так упрасивал, что она сжалась наконец.

Сел волк в сани и поехали они втроем.

Едут, едут, вдруг встречают медведя.

— Куда это вы, кумовья, путь держите? — спрашивает медведь. — Подвезите меня.

Лиса сначала и слушать не хотела, но медведь так ее уговаривал, что пожалела она его.

Сел медведь в сани, и поехали они вчетвером: лиса, заяц, волк и медведь.

Ехали они, ехали, вдруг оглобля сломалась. Надо идти оглоблю искать. Стали думать, кому идти. Решили, что пойдет тот, кто первым к лисе в сани сел. Вот заяц и отправился оглоблю искать. Вскоре вернулся с тоненьким прутиком. Лиса еще издали его увидела и кричит:

— Что несешь? Не годится твой прутик!

Послала лиса за оглоблей медведя. Пошел медведь и принес старую корягу.

— Да разве из коряги, — кричит лиса, — можно оглоблю сделать?

Выбрала она всех и сама собралась идти оглоблю искать, а медведю, волку и зайцу наказала лошадь сторожить.

Только лиса ушла, набросились они на лошадь и съели ее. Вернулась лиса и ну ругаться, ну плакать. Наконец принялась допытываться, кто лошадь съел. Все в один голос отказываются.

— Ладно, — говорит лиса. — Раз не хотите призна-

ваться, сделаем так, пойдём все по кладке через речку. Кто свалится с кладки, тот, значит, и виноват.

Пошел заяц первым, ведь он первый сел к лисе в сани. Идет — и вдруг у бедняги одна лапка с кладки сорвалась.

— Ага,— говорит лиса,— значит, ты съел один кусок.

За зайцем волк пошел. Идет он, идет, и вдруг у него обе задние лапы с кладки сорвались.

— Ага,— говорит лиса,— значит ты два куска съел.

После волка медведь пошел. Идет медведь, идет, да вдруг оступился и почти сорвался с кладки, только на одной передней лапе и удержался.

— Ага,— говорит лиса,— значит, ты три куска съел.

— А теперь,— объявила лиса,— я сама пойду. Вот увидите, что я ни в чем не виновата и пройду по кладке, даже не споткнувшись.

Пошла лиса, идет, идет, дошла до середины кладки, оступилась да и угодила в реку. Заяц, волк и медведь посмеялись над лисой вдоволь и ушли.

Видит лиса: не выбраться ей, утонуть придется. А на берегу у скворца гнездо было. Увидал скворец лису в воде, решил, что она к его птенцам подбирается, и начал жалобно кричать. Спрашивает его лиса:

— Ты что кричишь?

— Да вот,— отвечает скворец,— боюсь, как бы ты моих птенцов не съела.

— Ладно,— говорит лиса,— не стану я трогать твоих птенцов, только ты набросай в речку хворосту побольше, чтоб я на берег выбраться могла.

Набросал скворец хворосту в реку, и лиса выбралась из воды.

Говорит лиса скворцу:

— Что ты меня спас, за это тебе спасибо, но теперь ты меня накорми.

— Как же я тебя накормлю? — спрашивает скворец.

— А так,— отвечает лиса.— Ступай на дорогу и жди. Как пойдет по дороге старуха с хлебом, ты начни вокруг нее летать. Она мешок с хлебом на землю положит и станет тебя ловить, а я тем временем хлеб стащу и поем.

Вот идет по дороге старуха с хлебом. Стал скворец вокруг нее летать. Принялась старуха скворца ловить,

и так и эдак пытается — ничего не выходит. Положила она хлеб на землю и погналась за птицей. А лиса скватила мешок, утащила в кусты, ест себе хлеб да обливается.

— Накормил ты меня,— говорит лиса скворцу,— а теперь напои.

— Как же я тебя напою? — спрашивает скворец.

— А так,— отвечает лиса.— Иди на дорогу и жди. Как поедет по дороге старик с бочкой воды, ты сядь на затычку. Старик захочет тебя прогнать и ударит по затычке. Затычка выскочит, вода прольется, я и напьюсь.

Вот едет по дороге старик с бочкой воды. Полетел скворец и сел на затычку. Рассердился старик, схватил топор и швырнул им в птицу. Скворец улетел, а топор выбил затычку, и полилась вода из бочки.

Наелась лиса, напилась, а скворца все не отпускает.

— Теперь рассмеши меня,— требует.

— Как же я тебя рассмешу? — спрашивает скворец.

— А так,— отвечает лиса.— Лети на гумно, что поблизости, там отец и сын молотят, так ты сядь отцу на затылок.

Что поделаешь, полетел скворец на гумно. Хотел сын поймать птицу руками, да не вышло: не дается скворец в руки. Тогда рассердился сын и бросил в отца цепом, а лиса от радости хохочет-заливается.

ЧОЛПОН — УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Киргизская сказка

Давно это было. Властвовал на киргизской земле богатый и жестокий Темир-хан. Был хан несметно богат. Далеко простирались его пастбища, на которых паслись бесчисленные табуны и отары.

Когда после кочевья хан останавливался на стоянку, то вырастало такое множество юрт, что аил становился похожим на город.

Поодаль от всех возвышалась белая, высокая юрта

хана. Стены ее были увешаны редкостными коврами, которые привозили купцы из далеких стран. На полу лежали звериные шкуры и красивые вышитые кошмы.

Одежда на хане была из парчи и мехов, украшена золотом и драгоценными камнями, на пальцах — бесценные перстни с молочными жемчужинами, кроваво-красными рубинами.

Но ярче всех камней сверкали его черные глаза. Правда, когда он гневался, от глаз оставались лишь узенькие щелочки, но зато они излучали такие молнии, что в одно мгновение могли испепелить и правого, и виноватого.

Был на свете только один человек, к которому хан был всегда добр, ничего не жалел для него и при виде которого смягчалось его жестокое сердце. То был единственный сын Нурдин, совсем не похожий на отца. Широкие, открытые глаза юноши смотрели на мир радушно и весело. Не участвовал он и в дерзких разорительных набегах, которые устраивал отец. Больше всего на свете любил Нурдин природу. Он бродил по горам, взбирался на вершины, смело забирался на отвесные кручи.

Нурдин никогда не отправлялся в горы один. Вместе с ним были его друзья — молодые табунщики и чабаны. Бедняки любили ханского сына за простоту и приветливость.

Знал обо всем этом Темир-хан. Сердился на сына, а с его друзьями расправлялся жестоко и коварно — отправлял в такую даль, что ни на каком коне не доскачешь.

Много думал Темир-хан над тем, как приблизить сына, как поссорить его с друзьями — табунщиками и чабанами. Думал хан, думал и придумал — женить Нурдина!

«От молодой жены не будет Нурдин уходить, — рассуждал Темир-хан, — да невесту возьмем богатую, и тем богатство свое приумножим!»

Но все произошло не так, как задумал Темир-хан. Полюбил Нурдин простую девушку по имени Чолпон — так киргизы называют утреннюю звезду, сияющую на рассветном небе.

Нурдин хорошо усвоил жестокий нрав отца и поэтому решил не говорить ему о своем чувстве к Чол-

пон. Только друзья знали о любви Нурдина и Чолпон и оберегали их.

Однажды, когда солнце опустилось так низко, что собиралось скрыться за горами, влюбленные встретились в лесу. Нурдин был необычно взволнован, так как собирался сообщить любимой девушке, что отец решил женить его на богатой.

Побледнела Чолпон от этой вести, но юноша схватил ее за руки и прижал к своему сердцу.

— Нет-нет, Чолпон, тебе ничего не грозит. Пусть твои щеки всегда будут румяны, как яблоки, а глаза сияют, как звезды. Я никогда не изменю тебе. Пусть лучше умру. Клянусь, я убью себя этим кинжалом, если отец не изменит свое решение.

Девушка подняла на Нурдина свои прекрасные глаза, в которых еще дрожали капельки слез, и улыбнулась.

— Я верю тебе, любимый,— сказала она.— Я чувствую, как горячо бьется твое сердце. Оно говорит мне о любви!

Между тем стемнело, а они зашли так далеко, что большие деревья с крючковатыми ветвями преградили им путь. Чолпон прижалась к Нурдину, и сразу же пропал страх. Она села на пенек, Нурдин склонил голову ей на колени, и она гладила его мягкие волосы.

Было уже совсем темно. Нурдин задремал. И вдруг лес озарился зеленоватыми огнями. Со всех сторон слышались шорохи: где-то каркали вороны, страшно гукали филины, со свистом проносились летучие мыши, зловеще выли волки.

Неожиданно сквозь лесной шум прорезался резкий лающий смех, и в следующее мгновение перед Чолпон предстала уродливая старуха — прихрамывающая, с седыми спутавшимися волосами, горящим, недобрым взглядом и большим крючковатым носом. Руки ее тоже казались скрюченными, как ветки деревьев, а горб торчал выше головы.

Старуха поближе подошла к девушке и захохотала так громко, что качнулись верхушки деревьев.

— Ты думаешь, что красивее меня и тебе удастся удержать Нурдина? Глупая! Сердце его бьется только для меня!.. Не веришь? Я — могущественная волшебница Айдай. Завтра же Нурдин будет моим. Только моим!

В один миг на глазах изумленной Чолпон старуха преобразилась. Теперь это была тонкая, изящная девушка, тело которой покрывали легкие воздушные ткани, а лицо ее сияло широкой улыбкой.

— Посмотри на меня,— сказала, смеясь, волшебница.— Не устоит Нурдин перед моей красотой!

С этими словами взмахнула волшебница белым шарфом и исчезла.

Чолпон ничего не понимала. Может быть, все это ей только приснилось? Она склонилась над спящим Нурдином и провела пальцами по его волосам.

— Я, кажется, уснул? — спросил он.

— Нам пора идти,— произнесла в ответ девушка.

Всю обратную дорогу Чолпон была грустной и молчаливой. Она ничего не рассказала Нурдину, а ему казалось, что любимая грустит, как всегда, когда они расставались перед возвращением домой.

В то же время Темир-хан сидел в белой юрте, глубоко задумавшись: «Что же это такое? Мой сын — отрада очей — обманывает меня, встречается с дочерью бедного чабана. Не бывать этому! Я сам выберу сыну невесту — самую богатую и красивую!»

Хан был мрачен. Жестокая складка залегла у рта, а глаза совсем сузились и грозно сверкали. Таким увидел Нурдин отца. Он выслушал его гневные слова и, подняв голову, смело встретился с его взглядом.

— Да, отец, я люблю Чолпон и женюсь только на ней!

Никакие уговоры и угрозы не могли сломить Нурдина. Тогда хан распорядился отвести Нурдина в его юрту и охранять, чтобы он не мог никуда выйти.

После этого он разослал тонцов к соседним ханам и пригласил их прибыть вместе с дочерьми. Каждый из них мечтал породниться с могущественным Темир-ханом, и вскоре стали съезжаться гости.

Начались смотрины. Каких только не было невест! Ни на одну из них не глядел Нурдин, видел грустный и бледный.

Вдруг в большую ханскую юрту вбежала красавица. За ней неслись десятки слуг и пышная свита. Красавица закружилась в страстном танце. Она будто не касалась земли, а парила в воздухе — до того была легка!

Нурдин взглянул на нее, и его сердце учащенно за-

билось. Он подошел, ласково взял ее за руку и спросил:

— Как зовут тебя, красавица?

— Айдай!

Увлеченный дивной красотой, Нурдин согласился на свадьбу с Айдай. Темир-хан, довольный, поднялся со своего места. Казалось, все так и произошло, как он задумал.

Но тут, отстранив стражников, в ханскую юрту впрорхнула Чолпон. И сразу же повеяло горным утренним ветерком. Увидел ее Нурдин, выпустил руку волшебницы, спала пелена с его глаз.

Покачнулась Айдай, но собрала всю силу своего волшебства, закружилась, как вихрь, в неистовом танце, чтобы уничтожить соперницу. А силы ее слабели под чистым и ясным взглядом Чолпон. Она сгорбилась, сверкнула огненным взором и тут же ускользнула из юрты. За ней устремилась вся ее свита.

А Нурдин, будто не замечая никого вокруг, стоял, обнявшись с Чолпон. Оскорбились гости, что сын Темир-хана избрал бедную девушку и тут же, без поклонов, прихватив своих дочерей, покинули хозяйскую юрту.

Гнев Темир-хана был страшен, он просто кипел от злости.

— Так ты не хочешь расстаться со своей возлюбленной? Пусть будет по-твоему! — вскричал Темир-хан и приказал своим стражникам: — Бросьте обоих в зиндан! Там они вместе останутся навек!

Это был самый глубокий колодец, куда никогда не проникало солнце. Со всех углов каменного зиндана на огромных сетках свисали пауки, а из расщелин выглядывали змеиные головы. Но пленники не унывали. Нурдин находил бодрость во взглядах Чолпон, а девушка обретала силу в его любви.

Юноша собрал разбросанный хворост, сложил его и накрыл своим чаланом. Он устроил постель для Чолпон, а сам улегся на холодную землю.

— Не бойся, — успокаивал он любимую. — Я рядом, и тебе ничто не угрожает.

Оба так устали за весь этот трудный день, что вскоре крепко уснули.

Но не спала в своем дворце волшебница — злая Айдай. Когда Темир-хан приказал бросить влюблен-

ных в зиндан, она обрадовалась. «Девушку мы оставим на съедение змеям,— решила она.— А Нурдина...» И она загадочно улыбнулась.

Хлопнув в ладоши, Айдай позвала верного джина. Она сняла с себя прекрасный волшебный шарф. С его помощью джин должен был околдовать Нурдина, вывести из тюрьмы и доставить во дворец.

Помчался джин выполнять приказание волшебницы.

В это время в зиндане Нурдин почувствовал сквозь сон, будто его окружают призрачные девы в легких одеждах, протягивают к нему руки и манят к себе. Раздвигаются каменные стены колодца-тюрьмы. Забыв обо всем на свете, увлекаемый парящими девами, Нурдин повиновался и пошел за ними. Вскоре исчезли, растаяли призрачные девы. Вместо них по воздуху плыл огромный легкий шарф. Нурдин следовал за ним, пытаясь схватить его. В тот момент, когда Нурдину казалось, что он вот-вот ухватится за него, шарф уплывал. Чем труднее было ухватить шарф, тем сильнее росло желание Нурдина поймать его.

А шарф уже не плыл, а летел, и Нурдин не шел, а бежал за ним. Он не заметил, как оказался перед высокими тяжелыми воротами, которые раскрылись, чтобы пропустить его, и снова захлопнулись. Он увидел затемненный дворец и вошел в него. Вокруг был полумрак. Даже светильники излучали рассеянный свет, словно пропущенный сквозь туман. Только фонтан переливался разноцветными огнями; с шумом падали его горячие струи, и далеко разлетались колющие брызги.

Нурдин увидел Айдай на огромном мягком ложе, возле которого лежало чудище с ярко светящимся глазом. На плечи Айдай был накинута огромный легкий шарф; концы его развевались и манили к себе. То манила к себе волшебница.

В тот момент, когда Айдай заключила в объятия юношу, в страшном зиндане Темир-хана проснулась Чолпон. Она протянула руки к Нурдину, но его не было. Дрогнуло сердце девушки. Огляделась она и увидела вдруг раздвинутые каменные стены и следы Нурдина.

Она выбралась наружу и оказалась в дремучем лесу. Сквозь чащу деревьев лишь кое-где пробивались тонкие лучи утреннего солнца. Огромные деревья сплетали свои крючковатые ветви, не пропускали ее.

Звери скалили зубы и хватали за одежду, а большие черные вороны кружились над головой и били ее своими крыльями.

Велика была любовь Чолпон — так велика, что не боялась она смерти и готова была на любое испытание, лишь бы освободить Нурдина от колдуньи. И отступили перед ней все препятствия.

Когда Айдай, радуясь своей победе, взяла юношу за руку и повела к жертвеннику, чтобы он поклялся ей в верности, появилась Чолпон. Она была вся истерзана. Кровь сочилась из ее ран на груди и ногах. Шатаясь от усталости, подошла девушка к Айдай и сказала:

— Я всегда знала, что ты, злая ведьма, околдовывала моих подруг за то, что они любили. Ты завидовала всем влюбленным, а сама любить не можешь. Я сильнее тебя, потому что люблю.

Чолпон прикоснулась к сердцу Нурдина, и он очнулся от колдовства.

И сразу же исчезла Айдай, ее бесчисленные слуги и пышная свита, провалился дворец с его крепкими воротами и мрачными одноглазыми чудищами, фонтаны с их горячими струями и колючими брызгами.

А большие деревья с крючковатыми ветвями, закрывавшими вход во дворец, расступились. И открылась широкая поляна, освещенная солнцем. Цветы подняли поникшие головки, раскрылись, и оттуда вышли заколдованные подруги Чолпон.

С тех пор живет и расцветает любовь Чолпон. В народе говорят, что она всегда жива для людей. Посмотри в небо, и ты увидишь ясную Чолпон — утреннюю звезду, которая светит всем влюбленным.

КАК МАЛЬЧИК СПАС СВОЙ ГОРОД

Киргизская сказка

В древности жил воинственный хан Жаныбек. Он прославился своими жестокими набегами на соседние ханства.

Однажды несметные войска хана Жаныбека осадили город хана Султанмамыта. Жителям осажденного города враги объявили:

— Если вы не сдадитесь в течение трех дней, мы разрушим ваш город, камня на камне не оставим!

Султанмамыт собрал совет старейшин. Долго думали старейшины, как им от беды избавиться, но так ничего и не придумали. И вот уже наступил последний день назначенного срока, который установил Жаныбек.

Вдруг к юрте, в которой собрался совет старейшин, подъехал на жеребенке мальчик в старой шубе. Поздоровался вежливо мальчик и сказал:

— Пошлите меня к Жаныбек-хану. Я попробую освободить наш город от вражеской осады.

Услыхали старейшины эти слова и рассмеялись. А Султанмамыт рассердился.

— Уходи отсюда,— гневно сказал он мальчику.— Мал ты еще, чтобы совать свой нос в такие дела!

Но один седобородый старик возразил ему:

— Хан мой, злоба — враг, а ум — друг. Не сердись на этого мальчика — может, он вправду знает, как спасти наш город. Давайте, уважаемые, пошлем его к Жаныбек-хану.

Согласились старейшины.

Тогда мальчик попросил дать ему самого старого верблюда и самого бородатого козла. Удивились старейшины, но дали ему все, что просил.

Мальчик взобрался на верблюда, а козла повел за веревку. Так и приехал в лагерь врагов.

Увидел мальчика Жаныбек-хан и рассердился.

— Неужели в ханстве Султанмамыта не нашлось послов постарше и побородатее? — гневно вскричал он.

А мальчик словно и не заметил ханского гнева, отвечал спокойно:

— Если ты, хан, хочешь разговаривать с самым старым — поговори с этим верблюдом, старше его у нас в городе нет! Если хочешь разговаривать с самым бородатым — поговори с этим козлом!

Удивился хан находчивости мальчика.

— Ты смел и умен! — сказал грозный хан. — И я награжу тебя за это! Проси у меня, что хочешь!

— Подари мне столько земли, сколько влезет в шкуру моего верблюда! — попросил мальчик.

Усмехнулся хан, услышав такую ничтожную просьбу, и с готовностью согласился дать мальчику столько земли, сколько влезет в шкуру его верблюда.

Тогда мальчик заколол своего верблюда и разрезал его шкуру на узкие полоски. Потом связал эти полоски в один длинный-предлинный ремень и положил его на землю вокруг осажденного города.

Увидел это Жаныбек-хан, понял, что перехитрил его мальчик. Но делать нечего: надо держать ханское слово! Подарил он мальчику землю, на которой стоял осажденный город, а сам ушел со своим войском из этих мест навсегда.

Так мальчик спас свой город. Жители благодарили его от всего сердца и восхищались его умом.

УМ, БОГАТСТВО, СЧАСТЬЕ

Киргизская сказка

Когда-то Богатство, Счастье и Ум шли вместе по дороге и заспорили, кто сильнее всех. Ум расхвастался перед Богатством и Счастьем:

— Я самый сильный. Если у человека нет ума, не будет у него ни богатства, ни счастья!

— Если нет счастья, то ни к чему человеку ни ум, ни богатство! — сказала Счастье.

— Нет, все-таки я сильнее вас обоих! — запальчи-

во ответило Богатство.— Без богатства нет ни счастья, ни ума.

Тут увидели они на пашне молодого дехканина. Богатство, опередив других, схватило дехканина за руку.

— Пусть на земле, которую ты пашешь, взойдут золото и серебро! — сказала оно.

И в одно мгновение пашня дехканина покрылась не пшеницей, а золотом, не травой, а серебром.

Увидев это, Ум подумал: «Разве я не сильнее Богатства?» Взял он и отнял у дехканина разум.

Дехканин, лишившись ума, тут же пошел в аил, к баю, и сказал:

— На моей пашне вместо пшеницы взошли голые камни.

Бай пошел следом за дехканином. Он увидел рассыпанные на пашне золото и серебро и догадался, что дехканин лишился разума. Тогда бай сказал ему:

— Ты отдай эту землю мне. А я тебе дам за нее столько же другой земли.

Дехканин очень обрадовался этому. Бай же в один день перетаскал все золото и серебро к себе в юрту.

Тогда Счастье, увидев, что дехканин лишился и богатства, и ума, решило помочь ему. И тут же появился богатый караван. Увидали караванщики дехканина и говорят:

— Видно, человек этот честный и добрый. Сделаем его нашим караван-баши и будем его слушаться!

Караванщики надели на дехканина лисью шубу, на голову его — шапку из кунницы, посадили на быстрого иноходца и повезли с собой.

Скоро караван прибыл в аил и сделал там привал. С наступлением темноты самый старший караванщик пришел в юрту бая.

— Бай-аке, у нашего караван-баши нет жены,— сказал он.— Я пришел сватать за него вашу старшую дочь.

Бай очень обрадовался:

— Если вашему караван-баши понравится моя дочь, я буду очень рад выдать ее за него замуж!

Бай велел поставить свадебную юрту и привести туда его красавицу-дочь. Бай с почетом встретил жениха и ввел его в юрту. Все девушки айла собрались у,

свадебной юрты. Они тихонько приподняли боковую кошму и стали смотреть на знатного жениха.

У жениха был важный вид и красивая осанка. Но он ничего не говорил, молчал, словно немой. Ведь у него не было разума, и он не знал, о чем ему говорить!

— Почему же он ничего не говорит,— перешептывались девушки,— видно, дочь бая он не считает себе равной.

Эти разговоры дошли до самого бая.

«Почему он ничего не говорит? Или вправду считает мою дочь не равной себе? Неужто он хочет сделать меня посмешищем?» — обиделся бай. И решил он подождать до утра. Когда рассвело, всем стало известно, что жених так ни разу и не раскрыл рта и не промолвил ни одного слова.

— Позор пал на мою голову, он гнушается моей дочерью! — воскликнул разгневанный бай и, собрав народ, решил убить жениха.

А как раз Богатство, Счастье и Ум проходили недалеко от этого аила. Они узнали, что бай собирается убить дехканина. Богатство и Счастье стали просить Ум:

— Мы признаем себя побежденными. Верни дехканину разум и спаси его!

Ум согласился и дал дехканину разума в два раза больше, чем у него было раньше. Дехканин тотчас пришел в себя, огляделся и, увидев, что его собираются убить, взял шапку в руки, расправил бороду и заговорил:

— Бай-аке, разреши мне сказать два слова.

— Пусть говорит, пусть говорит! — зашумел народ. Бай согласился.

— Когда я был еще маленьким мальчиком, на наш аил напал враг, и мы все до одного бежали оттуда,— начал дехканин.— В это время одна девушка нашего аила переделалась в мужскую одежду, упрятала косы под шапку и, сев на коня, выступила против врага. Одна прогнав врага, она смехом остановила убегающий народ. Так вот, со вчерашнего дня я сидел и думал, может быть, и ваша дочь окажется таким же батыром, как та самая девушка!

Обрадовался бай, услышав такие речи, и устроил большой свадебный той.

После свадьбы дехканин взял с собой свою красавицу жену и во главе каравана отправился в дальний путь — торговать с другими народами и ханствами. С тех пор и осталась в народе поговорка: «Если нет ума, не будет ни богатства, ни счастья».

ПТИЦА КАХКА

Таджикская сказка

Жил когда-то на свете старик рыболов. Каждое утро он уходил на реку и сидел там до позднего вечера, а выуживал одну-две маленькие рыбки. Рыбу он продавал на базаре и на вырученные деньги кое-как кормился со своей женой.

Однажды пошел он на реку ловить рыбу. Только уселся на берегу, как откуда-то прилетела большая красивая птица и села на дерево.

А была это не простая птица, а сама чудесная птица Кахка.

Стала эта птица смотреть на рыболова.

Сидит он, ничего не может поймать. Долго сидел, пока вытащил маленькую рыбку. Говорит ему птица Кахка:

— Эй, отец, что ты будешь делать с этой маленькой рыбкой?

— Отнесу ее на базар, продам и куплю себе и своей старухе немного хлеба.

Пожалела птица старика.

— Не хочу я, чтобы ты так мучился и жил впроголодь! Буду каждую ночь приносить тебе по большой рыбе. За большую рыбу ты много денег получишь, и не будете вы со старухой нуждаться!

Обрадовался старик, поблагодарил птицу и пошел домой.

В полночь прилетела птица Кахка, принесла огромную рыбу и бросила старику на двор.

Утром старик разрезал рыбу на куски, зажарил, вынес на базар и стал продавать.

С того дня птица Кахка каждую ночь прилетала к

старик у двор и приносила по большой рыбе. Был старик бедняком, а тут разбогател и даже купил себе дом с садом.

Пришел он однажды на базар, стал, как всегда, торговать рыбой. Вдруг появился глашатай падишаха и громко прокричал:

— Кто укажет падишаху, где найти птицу Кахка, тот получит половину государства и женится на дочери падишаха!

Встал старик со своего места, хотел было сказать, что он знает, где найти птицу Кахка, да подумал:

«Э, не буду говорить, ведь эта птица избавила меня от голода!»

Подумал он так и сел опять на свое место.

«А все-таки хорошо получить полгосударства!» — размечтался старик и снова встал.

Так он раза три-четыре вставал с места и снова садился.

Заметил это глашатай, схватил старика и потащил к падишаху.

— Этот старик знает, где птица Кахка! — сказал он.

Падишах сказал старику:

— Если ты знаешь что-нибудь о птице Кахка, укажи мне, где ее найти. Я ослеп и никакие лекарства не могли вернуть мне зрение. Один знающий лекарь сказал мне, что я вылечусь от слепоты, если промою глаза кровью птицы Кахка. Помоги мне поймать ее, и я отдам тебе половину моего государства!

Старик ответил:

— Птица Кахка каждую ночь прилетает ко мне на двор и приносит большую рыбу.

Обрадовался падишах и приказал:

— Вот и поймай ее!

— Нет, — ответил старик, — птица Кахка большая и сильная. Один я не справлюсь с нею. Чтобы схватить и удержать ее, нужно больше сотни людей.

— Я пошлю с тобой четыреста моих слуг. Ты спрячь их под тем деревом, на которое прилетает птица Кахка. Они-то сумеют схватить и удержать ее!

— Нет, — сказал старик, — так птицу Кахка не поймаешь. Ее можно изловить только хитростью. Когда она прилетит ко мне, я приготовлю хорошее угощение и уговорю ее спуститься на землю. Здесь-то мы ее и схватим!

Падишах послал со стариком четыреста своих слуг. Старик повел их под дерево, на которое прилетала птица, и спрятал под ветками. Сидят слуги, не шелохнутся.

А старик разложил на ковре под деревом разные угощения и стал ждать птицу Кахка. Как только она прилетела, старик заговорил:

— О дорогая птица Кахка! Благодаря тебе я стал богат и счастлив, а до сих пор даже не угостил тебя. Спустись ко мне и отведай моего угощения!

И так он упрашивал птицу, что она спустилась с дерева. Но все-таки подумала:

«А что если у старика на уме дурное?»

Но тут же сказала себе:

«Э, что может сделать этот слабый старик?»

Спустилась птица Кахка с дерева и села около старика.

Старик расставил перед ней блюда и стал угощать ее:

— О дорогая птица Кахка! Кушай, пожалуйста, мое угощение! С великой любовью я приготовил все это для тебя!

Но только птица Кахка начала клевать из чашки, старик схватил ее за обе ноги и закричал:

— Скорее ко мне! Скорее!

Четыреста слуг падишаха выскочили из-под дерева и бросились на птицу.

Птица Кахка взмахнула своими большими крыльями и полетела.

Старик все держал ее за ноги и кричал:

— Держу! Держу!

Но птица Кахка подняла его над землей. Тогда один из слуг падишаха подскочил и схватил старика за ноги, чтобы удержать.

Второй слуга увидел, что его товарищ поднимается над землей, схватил его за ноги. Второго схватил третий, третьего — четвертый, четвертого — пятый...

Так старик и четыреста слуг падишаха ухватились один за другого, поднялись за птицей Кахка под облака и цепочкой повисли в воздухе.

Тут старик взглянул вниз, на землю, а земли не видно. Потемнело у него в глазах от страха, разжал он пальцы и полетел вниз. А за ним и все четыреста слуг падишаха. Упали они на камни и разбились.

СТРЕЛОК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Таджикская сказка

Давным-давно жил охотник, меткий стрелок. Никогда не приходил он с охоты с пустыми руками.

Однажды возвращался охотник домой и встретил бедного крестьянина.

— С хорошей охотой, стрелок! Богатая у тебя добыча!

Верно, дорого тебе заплатят за нее?

Стрелок поглядел на бедного крестьянина и сказал:

— Дороги здесь только меткость глаза и ловкость рук. Не знаю, сколько бы мне дали за эту дичь другие, но тебе продам охотно. Дай мне за нее столько, сколько можешь.

— Ох, спасибо, браток! Но мне ли покупать дичь? Совсем разорили меня налоги. Совсем пусто у меня в доме, пусто на дворе, только конь один остался. Горсть муки с водой — весь наш обед. Не знаю, как протянем до нового урожая.

— Ну ладно, бери мою добычу даром, не надо мне денег. Кушай на здоровье! — сказал стрелок.

Крестьянин взял добычу и сказал:

— Спасибо, друг, я не забуду твоей доброты! С этого часа считай меня своим другом. Когда бы ни пришлось тебе проходить мимо моего дома — непременно заходи, всегда будешь самым желанным гостем.

— Хорошо! — сказал стрелок и пошел домой.

Через несколько дней стрелок опять был на охоте. Много настрелял он разной дичи и возвращался домой. При входе в город увидел стрелок — лежит у забора дряхлый старик.

— Здравствуй, отец! Что с тобой? — спросил стрелок.

— Плохо мне, сынок, стар я и болен. Всю жизнь служил я во дворце падишаха, кормился тем, что давали. А вот теперь сил нет, работать не могу. Никто обо мне не заботится, и есть мне нечего.

— Возьми мою добычу, отец, — сказал стрелок.

— Нет, сынок, не возьму, как можно! — замахад руками старик. — Ведь это дорого стоит!

— Дорого стоят лишь меткость глаза да ловкость рук. А дичь мне легко досталась. Бери все, тебе на неделю хватит, — сказал стрелок и положил перед стариком добычу. — Подкрепляйся и будь здоров.

Старик, тронутый добротой стрелка, заплакал:

— Пока я жив, считай меня своим другом. Когда бы ни проходил мимо — заходи в мой дом, я приму тебя как родного сына.

— Спасибо, — ответил стрелок и пошел домой.

Через несколько дней стрелок опять пошел на охоту и настрелял много дичи. На обратном пути увидел он широко раскрытые ворота. Один богач сидел на ковре возле своего дома и пил чай. А у ворот, на улице, прямо на земле, в очерченном круге, сидел какой-то бедняк.

— Что сидишь в кругу? В чем провинился? — спросил бедняка стрелок.

— Задолжал я богачу, а долг отдавать нечем. Вот посадил он меня в круг и велел сидеть до вечера. Если за это время меня кто-нибудь не выкупит, с завтрашнего дня я стану рабом богача. А кто меня выкупит? Родственников богатых у меня нет. Ничего не поделаешь, придется, видно, идти в кабалу, — сказал бедняк.

— Не бывать этому! — воскликнул стрелок. — Вот, возьми мою добычу, отдай богачу, он тебя отпустит.

Бедняк недоверчиво посмотрел на стрелка, а тот уже снимал с плеча всю настрелянную им дичь и складывал ее перед бедняком.

— Спасибо, друг! — сказал бедняк. — Спас ты меня. Но пусть я буду теперь твоим должником. Вон мой дом, вон калитка моего двора. Заходи ко мне, когда захочешь. Я обижусь, если пройдешь мимо. С этого дня считай меня своим другом.

— Ладно, как-нибудь найду, — сказал стрелок и пошел домой.

Вскоре опять отправился стрелок на охоту. На этот раз долго ходил он по лесу, но все не было удачи — ничего не мог подстрелить. Расстроенный, решил стрелок вернуться домой.

Вдруг встретил он в лесу падишахскую охоту. Падишах гнался за выслеженным зверем и стрелял, но

все не мог попасть в цель. Слуги падишаха окружили зверя кольцом. Стрелок тоже встал в цепь охотников, стороживших падишаху добычу.

Загнанный зверь метался в кругу охотников, и падишах все не мог попасть в него и был в ярости от своей неудачи. Вдруг зверь бросился в сторону стрелка, мигом проскочил мимо него и помчался в горы.

Падишах выстрелил в убегающего зверя, но опять промахнулся. Тогда стрелок натянул тетиву своего лука, спустил стрелу — и зверь упал как подкошенный.

Разгневанный падишах приказал казнить стрелка, осмелившегося пристать к его охоте и убить зверя, предназначенного в добычу ему самому.

Связанного стрелка привезли в город и повели на городскую площадь, к месту казни.

— О господин,— крикнул стрелок падишаху,— дай мне два часа сроку! Разреши сходить попрощаться с другом!

Падишах удивился, что человек перед казнью смог вспомнить о каком-то там друге. Он отложил казнь и велел страже сопровождать стрелка:

— Пусть идет к своему другу, смотрите только, чтобы не сбежал. Ровно через два часа он будет повешен.

Стража повела стрелка к другу. А падишах зашел в сторожку у ворот дворца, переоделся крестьянином и пошел вслед за ними. Ему захотелось посмотреть, что за друг у стрелка и как он примет своего друга в беде.

Стрелок подошел к дому первого своего друга и постучал в калитку. Вышел крестьянин и, увидев стрелка, обрадовался, низко поклонился ему и пригласил войти в дом.

— О друг, разве ты не видишь, что я под стражей? Беда случилась со мной!

И стрелок рассказал своему другу о неудачной охоте, о встрече с падишахом, о том, что только два часа осталось ему жить на свете.

Тогда крестьянин сказал:

— погоди, не печалься, друг! Сейчас я отведу своего коня к падишаху и попрошу его освободить тебя.

Падишах стоял поблизости, среди людей, собравшихся посмотреть, что случилось, и все слышал.

«Удивительный человек! Неужели ему не жаль отдать последнего коня?» — подумал падишах.

Тем временем крестьянин вывел своего коня и пошел рядом со стрелком.

— Погодите, вон дом моего второго друга! — вскричал стрелок. — Я должен зайти попрощаться с ним, верно, уж не придется больше увидеться.

Он постучал в калитку и позвал друга.

На стук вышел старик. Как только он увидел стрелка, радостно бросился к нему, обнял и пригласил в дом.

Стрелок рассказал старику, что его ожидает.

— Нет, я не допущу такой беды! — воскликнул старик. — Упаду к ногам падишаха и буду умолять его простить тебя. Всю жизнь я служил падишаху, и не может быть, чтобы он не исполнил моей просьбы. А уж если ему нужна чья-то голова, пусть уж он лучше снимает с плеч мою седую голову.

Падишах стоял среди народа и все слышал.

«Не может этого быть! — подумал он. — Никто не может отдать жизнь за другого человека».

Стрелок с обоими друзьями и охраной направился к падишахскому дворцу.

Проходя по улице, увидел стрелок калитку своего третьего друга.

— Погодите, у меня еще есть время! — вскричал стрелок. — Я должен попрощаться с моим третьим другом. Он обидится, если я пройду мимо его дома и не зайду к нему.

Стража не хотела пускать его. Они боялись, что опоздают во дворец и падишах велит их казнить вместе со стрелком.

— Эх, вы! Умереть ведь никогда не опоздаешь, — сказал стрелок.

На шум из калитки вышел хозяин. Увидев стрелка, он радостно бросился к нему навстречу, крепко обнял его и сказал:

— Вот обрадовал, друг! Заходи, дорогой! Ты сегодня без добычи, но зато я могу угостить тебя.

— О друг, я сам стал добычей!

И стрелок рассказал, что с ним случилось.

— Не будет этого! — воскликнул бедняк. — Я готов сделать все, чтобы не допустить твоей гибели. Если

падишах и вправду захочет казнить тебя, я брошусь на него и распорю ему живот кинжалом!

Услышав эти слова, падишах изумился и подумал: «Не сошел ли с ума мой раб? Разве можно из-за какого-то охотника поднимать руку на своего падишаха?»

Возмущенный, он вышел из толпы, тайком вернулся во дворец, переоделся в царское платье и стал ждать стрелка с его друзьями.

Когда они пришли, падишах велел начинать казнь. Палач накинул петлю на шею стрелку. Тогда вышел вперед крестьянин и подвел падишаху своего коня.

— О господин, — воскликнул первый друг стрелка, — возьми моего единственного коня и пощади моего друга!

Падишах молчал.

— О мой господин, — вскричал тогда старик, падая в ноги падишаху, — я всю жизнь служил тебе верно. Исполни же мою просьбу: пощади этого доброго человека! Вели лучше меня казнить вместо него!

Падишах молчал и с удивлением смотрел то на стрелка, то на его друзей.

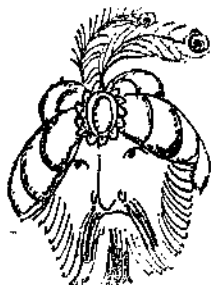
Тогда третий друг стрелка, не говоря ни слова, схватился за кинжал и бросился к падишаху. Падишах испугался, замахал руками и бросился во дворец. Все подумали, что он приказал освободить осужденного.

Тотчас сняли со стрелка петлю. Друзья бросились обнимать его. Весь народ радовался и говорил, что верная дружба сильнее падишахского гнева.

А падишах спрятался в самой дальней комнате дворца и дрожал от страха: у него-то ведь друзей не было!

КАК ПАДИШАХ СТАЛ ТКАЧОМ, А ДОЧЬ ПАСТУХА — ЖЕНОЙ ПАДИШАХА

Таджикская сказка

Кто скажет — правда, кто скажет — неправда, только жил, говорят, на свете могущественный шах. Богатству его не было счета, власти его не было предела.

Стоило ему пальцем шевельнуть или бровью повести, а его мудрые визири уже знали, что он хочет.

А что хочет падишах, то для всех закон.

И вот однажды услышал падишах: у пастуха, что пасет его стада на горных пастбищах, есть красавица дочь.

— Другой такой красавицы во всем свете не найти, — говорили о ней.

Захотел падишах сам увидеть ее, своими глазами. Оседлали слуги коней, и падишах со свитой отправился в путь.

Возле бедной пастушечьей хижины падишах спешился и перешагнул порог. Да так и вскрикнул, словно кто ударил его ножом в самое сердце: никогда он не видел такой красавицы! Перед блеском ее красоты месяц тускнел и солнечный свет меркнул.

Вернулся падишах во дворец. Не пьет, не ест, не казнит, не милует — только о дочери пастуха думает. День думал и другой думал, а на третий день послал к пастуху сватов.

— А какое ремесло знает падишах? — спросила красавица. — Я только за того выйду замуж, кто умеет какое-нибудь дело делать.

Разгневался падишах, когда услышал ответ дочери пастуха.

— Я — падишах! Я все могу, что захочу! Какое еще ремесло мне нужно? Мне принадлежат все сокровища гор, я хозяин всех подземных кладов! Все живые

и мертвые послушны моей воле! Не будь я падишахом, если не проучу эту дерзкую красавицу!

День думает падишах, как проучить строптивую дочь пастуха, и другой день думает.

Визирь правой руки говорит ему:

— Надо казнить дочь пастуха! И отца ее казнить!

Визирь левой руки говорит ему:

— Разве дочь пастуха может быть достойной женой падишаха? На свете есть много других красавиц!

А падишах молчит. Думает.

На третий день позвал он своих визирей и спрашивает:

— Скажите мне, мудрые мои визири, какое ремесло самое лучшее?

Стали визири перебирать разные ремесла. Гончарное ремесло — грязное. Кузнечное еще того хуже — и грязи много, и от огня жарко. Камни тесать — пыли наглотаешься. Циновки плести — руки исцарапашь.

Долго думали визири и наконец придумали: уж если обязательно надо учиться какому-нибудь ремеслу, так лучше всего ткать ковры.

Нашли они ткача — первого мастера своего дела, и стал он жить во дворце и обучать падишаха своему искусству.

Скоро падишах, как заправский ткач, сам выткал ковер. В углу ковра, в пестрые разводы и узоры, вплет он свой царский герб и велел отправить ковер дочери пастуха.

Так и ахнула красавица, когда слуги падишаха растелили перед ней ковер.

— Вот теперь я вижу, — говорит она, — что падишах не пустой человек. В трудную минуту и он может заработать на хлеб. Теперь я согласна пойти за него замуж.

Но оставим ее любоваться ковром, а сами вернемся к падишаху.

Пока слуги везли его подарки дочери пастуха, решил шах переодеться нищим и пойти по городу — послушать, что про него толкуют в народе? Иначе как падишаху узнать правду? Недаром ведь говорится: падишаху правду сказать — все равно, что на острие меча встать.

Зашел падишах в чайхану. А там сидят какие-то

двое и о чем-то шепчутся. Лица у них свирепые, за поясами ножи торчат. Ну, настоящие разбойники!

А это и были разбойники. Падишах только взглянул на них, и сердце у него со страху упало.

«Этим,— думает,— все равно — падишах я или нищий. Да и кто мне поверит, что я падишах!»

Бросил он хозяину на ладонь медную монету и попросил чашку плова. Но не успел хозяин подать ему плов — подскочили к падишаху бродяги, занесли ножи над головой и потащили в какую-то каморку. Там хоть молчи, хоть кричи — никто не услышит.

Связали разбойники падишаха по рукам и ногам крепкими веревками и бросили на пол.

— Слушай, а что мы будем с ним делать? — спросил один.

— Да пусть пока полежит здесь, отдохнет, — отвечает другой. — Если нашего товарища приговорят к смерти, мы подкупим палача, чтобы он казнил вместо него вот этого, а нашего товарища отпустил.

— Пощадите мою жизнь, — взмолился падишах, — а уж я упрошу падишаха, чтобы он помиловал вашего друга.

Разбойники расхохотались.

— Сразу видно, что ты первый человек при падишахе! Уж не ты ли это научил его ковры ткать? — И разбойники захохотали еще громче. — Да такого жалкого бродягу, как ты, ко дворцу и близко не подпустят! Нашелся тоже заступник!

— Ну, хотите я заплачу вам? — спросил падишах.

— Видели мы твое богатство — один медяк, за который хозяин даже с пловом для тебя не поторопился. Тоже богат нашелся!

— Вот вы смеетесь надо мной, а я и вправду могу помочь вам разбогатеть, — сказал падишах. — Падишаха мне не довелось учить, но сам я умею ткать ковры. Я буду ткать, а вы будете продавать. За мои ковры вам немалые деньги заплатят.

Разбойники задумались.

— А что, может, попробовать? Если он говорит правду — то мы получим деньги. А зарезать мы его всегда успеем — если соврал.

Так и решили. Принесли в каморку станок, нитки, поставили кувшин с водой и миску плова — и заперли падишаха.

— Смотри, чтоб через пять дней был ковер! — сказали. — Не то прощайся с жизнью!

Через пять дней приходят — в самом деле, лежит перед ними готовый ковер. Да какой яркий, пестрый! Словно волшебный сад расцвел в грязной камерке!

— Отнесите этот ковер во дворец, — сказал падишах разбойникам. — Там за него вам много-много денег дадут. Только пусть его посмотрит ковровых дел мастер, что во дворце живет. Уж он-то знает коврам настоящую цену!

Взяли разбойники ковер и понесли во дворец.

— Дозвольте, — просят они, — показать этот ковер нашему пресветлому падишаху! Дозвольте к его благородным ногам положить этот ковер!

А как пустить их к падишаху, как показать ему ковер, когда никто не знает, где сам падишах и что в нем случилось? И признаться в этом нельзя — разве могут слуги не знать, где их господин?

— Великий падишах отдыхает, — сказал визирь правой руки,

— Пресветлого падишаха нельзя тревожить по пустякам, — сказал визирь левой руки.

— Возможно, что этот ковер достоин ног великого падишаха, — подумав, сказали визири. — Но мы не знаем, какая ему цена.

— А вы позовите дворцового ткача, — сказали разбойники. — Он-то сможет, наверное, оценить нашу работу.

Позвали ткача, который обучал падишаха ремеслу.

Посмотрел он на ковер и говорит:

— Этот ковер дорого стоит. Но он принесет счастье нашему великому падишаху, поэтому не жалейте — отсыпьте этим людям полный кошель золота.

Обрадовались разбойники такой удаче и, низко кланяясь, ушли.

Тогда ткач сказал:

— Этот ковер выткал наш падишах. Видите, в углу ереди узоров изображен его герб? И на том ковре, что он послал в подарок дочери пастуха, точно такой же герб выткан. Это знак — как подпись на его коврах. Теперь мы знаем, где искать падишаха!

Во все концы города послали тотчас же стражников — выследить продавцов ковра. Часа не прошло, как

нашли их в бедной чайхане. Схватили стражники разбойников, связали и спрашивают:

— Говорите, где ковер взяли, что с падишахом сделали?

Разбойники только головами мотают — ничего понять не могут.

Обыскали стражники все закоулки дома и увидели маленькую дверь. Толкнули — заперто крепко. Сломали они замки, ворвались в клетушку — а там сидит их падишах и плетет ковровые узоры.

А дальше вот что было.

Падишах вернулся во дворец. Разбойников он тут же приказал казнить. Ткача, который его учил, — щедро одарить. А потом сказал своим визирям:

— Езжайте теперь к дочери пастуха и скажите, что свадебный стол ждет ее. Лучшей жены, чем она, мне не найти! Она не только самая красивая, она — самая умная на свете. Если бы не заставила она меня учиться ремеслу, я бы давно уже с жизнью простился.

Кто говорит — правда, кто говорит — неправда, только рассказывают, что так было. И свадебный пир был. На том пиру и мы пировали, на коврах сидели, плов ели, со всеми вместе веселились и песни пели.

СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Армянская сказка

В давние времена жили-были муж да жена. Такие бедные, что дальше некуда. И был у них один-единственный сын. Куда только они этого сына ни отдавали в ученье — все без толку. Поработает он день-два и бежит домой.

Однажды парень говорит родителям:

— Отдайте-ка меня в ученики к портному. Может, мне портняжная работа понравится, выучусь и в люди выйду.

— Ладно, — говорят родители. — Давай попробуем — может, что и выйдет.

Отдали его в ученики к портному. А портной-то этот был не простой, шил он одежду для самого царя.

Однажды царь зовет к себе портного и дает ему отрез шелка:

— Сшей мне халат! Да смотри: испортишь — не сносить тебе головы.

Портной низко поклонился, взял отрез и ушел. Вернувшись в лавку, положил материю на стол, а сам пошел домой обедать. А его подмастерье тем временем взял ножницы и изрезал шелк на мелкие куски — по своему разумению выкроил. Когда через час мастер возвратился и увидел, что натворил его ученик, у него волосы стали дыбом.

— Ах, чтоб тебе!..

Взял палку, чтобы поколотить его хорошенько. Но ученик выскочил из лавки и бросился наутек. Дома родители на него накинулись:

— Что же нам с тобой делать? Ото всех удираешь. Нас хотя бы пожалел, совсем извелись.

— Ну, отец, тогда купи завтра побольше изюма, — говорит сын. — Наполни им мои карманы, и отправимся с тобой в путь. Где кончится изюм, там и отдашь меня в ученики.

— Ладно, — согласился отец, — давай и это попробуем.

На следующий день взял отец хлеба на дорогу и отправился с сыном. Купил на базаре несколько фунтов изюма, наполнил им карманы сыновьяго архалука, и пустились они в путь-дорогу.

Целый день шли и к вечеру добрались до пустынного места. Здесь изюм у сына кончился.

— Тут и людей-то не видно, — говорит отец. — Кому я тебя отдам?

Только сказал, как издали показался человек.

Подошел, поздоровался.

— Здравствуй и ты, пусть будет тебе удача, — ответил отец.

— Кто вы и что тут делаете? — спросил мужчина. — Ни змея на брюхе, ни птица на крыльях до сего дня не бывали здесь. Как же вы решились?

— Да вот — хочу отдать сына тебе в ученики. Чем ты промышляешь?

— Нас сорок разбойников, — отвечает тот. — По ночам мы грабим села, воруем — словом, берем все, что

плохо лежит. Если согласи, отдай нам сына — научим его нашему «ремеслу», не по душе оно — твоя воля.

— Знаешь, отец,— говорит непутевый сын,— как раз это дело по мне, лучшего не сыскать.

— Как хочешь, сынок,— отвечает отец,— только смотри, жалеть бы после не пришлось.

Расцеловал он сына на прощанье и пошел домой.

А разбойник с парнем пустились в путь. Долго ли, коротко ли они шли — дошли наконец до большого камня.

— Под этим камнем мы и живем,— говорит разбойник.— Сейчас спустимся с тобой вниз, и ты увидишь нашего главаря — он сидит на самом почетном месте. Поклонишься ему и сядешь у самой двери, последним.

— Ладно,— сказал парень, ежась от страха.— Так и сделаю.

Разбойник поднял камень, под ним была глубокая яма. Спустились они под землю — в разбойничьи палаты. Парень увидел вооруженных с головы до ног разбойников. Он подошел к главарю, низко поклонился ему и сел у самой двери.

Прошел час, другой, третий, и тут главарь вдруг говорит громко:

— Вот бы нашелся молодец, пошел в баню, приготовил там халву и принес мне!..

Никто из разбойников даже не двинулся с места. Парень удивился, потом встал и сказал:

— Ага, я пойду и приготовлю тебе халву.

— Молчи! — рассердился главарь.— Ишь какой храбрец нашелся! Все молчат, а он на рожон лезет.

Парень сел на место. Прошел час, и опять главарь кричит:

— Вот бы нашелся молодец, пошел в баню, приготовил халву и принес мне!

Разбойники по-прежнему ни гу-гу. Парень не выдержал, снова встал и сказал:

— Ага, я пойду, приготовлю халву и принесу тебе.

— Замолчи! — опять рассердился главарь.— Долго еще будешь мне надоедать?

Опять парень сел на место. А через час главарь опять попросил кого-нибудь пойти в баню и приготовить ему халву.

Разбойники снова промолчали. Тогда парень не вытерпел:

— Ага, что тут трудного? Позволь мне пойти, приготовить тебе халву.

— Ну, ладно,— наконец согласился главарь.— Покажите ему, где баня, пусть приготовит халву и принесет мне.

Разбойники взяли масла, муки, сахару, повели парня, показали ему издали баню и вернулись.

Парень вошёл в баню, осмотрелся — в ней ни души. Развел очаг и поставил сковороду на огонь. Приготовил халву, взял сковороду за ручку и только собрался выйти, как окликнул его чей-то голос. Это была женщина с деревянной ложкой в руке.

— Паренек, эй, паренек! Угости меня халвой.

— Давай ложку,— говорит парень.

Набрал в ложку халвы и подал женщине. Она тут же съела и попросила еще. Так три раза, потом четвертый... Он не отказывал ей. Но, наконец, ему это надоело, он схватил сковороду и направился к выходу.

— Паренек, эй, паренек!— позвала его женщина.— Помоги мне спуститься вниз, я хочу помыться.

Парень положил сковороду, подставил плечо женщине. Она оперлась на него и прыгнула вниз. Только оказалась внизу, как тут же набросилась на парня. Боролись они до тех пор, пока не положил ее парень на обе лопатки. Устыдившись, вскочила она и убежала, а туфелька-то ее осталась на полу.

Парень поднял туфельку и стал разглядывать. Вся она была расшита жемчугом, такая нарядная и красивая, что ни есть, ни пить — только на нее глядеть. Взял он туфельку и вместе с халвой отнес и поставил перед главарем.

— Ну и молодец!— воскликнул изумленный главарь и поцеловал парня в лоб.— Сколько лет хотелось мне халвы, да никто из моих людей не решался пойти в баню и приготовить.

И посадил парня рядом с собой на почетном месте.

Так прошел день, другой, третий — словом, неделя. И вот однажды главарь говорит:

— Кто-нибудь из вас пусть возьмет эту туфельку и отнесет на базар, продаст и купит нам хлеба и всего, что нужно.

Никто из разбойников не взялся это сделать. Стали уговаривать нашего парня:

— Только ты сумеешь ее продать.

— Ладно,— говорит парень.— Пойду.

Взял туфельку и отправился в город. Но на базаре никто не хотел ее покупать. Кому нужна одна-то? Но вот идет навстречу царский назир:

— Слушай, парень, откуда у тебя эта туфелька?— спросил он.

— А тебе какое дело?— отвечает парень.— Нравится — покупай, а нет — гуляй дальше.

— Это туфелька нашей царицы,— говорит назир.— Пойдем-ка к царю.

И он потащил парня во дворец.

— Да, это туфелька моей жены,— сказал, разглядев ее, царь.— Как она попала к тебе? Говори правду, не то велю отрубить тебе голову.

— Царь, пусть будет долгой твоя жизнь,— отвечает парень,— туфельку я нашел в бане, когда готовил халву.

И рассказал, как было дело.

— Раз так,— говорит царь,— я тебя отсюда не выпущу, пока не принесешь мне вторую.

— Пусть будет долгой твоя жизнь,— отвечает парень,— но как же я ее принесу, если ты меня не выпустишь. У меня сорок товарищей, дай мне сорок своих людей. Я своих приведу и оставлю здесь заложниками. Дай мне сорок дней сроку, если не принесу туфельку, тогда делай с нами со всеми, что хочешь.

— Будь по твоему,— говорит царь.

Дал он парню своих стражей, пошли они за разбойниками. Привели всех во дворец, и царь велел их запереть в одну комнату. А парень быстро собрался и покинул дворец.

Шел он, шел, много дорог прошел, много городов осталось позади. Дошел, наконец, до синего моря. На берегу встретил корабельщика.

— Доставь меня на тот берег,— попросил его парень.

— Долгой жизни тебе, добрый человек,— сказал корабельщик.— Вот уже месяц, как наш корабль не может пробиться к тому берегу. Только доходит до середины, поднимается такая буря, что того и гляди потопит. Не пойдем, в чем дело.

— Во что бы то ни стало,— говорит парень,— должен я переправиться на тот берег, если стану даже добычей рыб.

— Как знаешь,— говорит корабельщик.— Только пеняй тогда на себя.

Корабельщик приготовился в путь-дорогу, привел корабль в порядок и пустился с парнем в море. Плыли они, плыли, долго ли, коротко ли — доплыли до середины моря.

Тут поднялась такая буря, так стало швырять корабль по волнам, что чуть было он не перевернулся.

Тогда наш храбрец снял с себя одежду и бросился в море. Нырнул до самого морского дна и видит — там старуха с кольцом на пальце. Повернет она камень кольца в одну сторону — море начинает волноваться и бушевать, повернет в другую — успокоится. Парень набросился на старуху, снял с пальца кольцо и выплыл на поверхность.

Бури как не бывало. Корабельщик не знал, что и подумать. Поплыли они дальше. Плыли день, два, три — словом, неделю плыли и причалили к берегу. Тут парень простился с корабельщиком и направился в глубь неизвестной страны.

Шел он, шел — и дошел до большого волшебного сада. Вошел он в сад, в глубине дворец стоит, да такой, что не ешь, не пей, только смотри на него.

Парень пошел прямо ко дворцу. Открыл дверь и вошел в первую палату. А там стол уставлен яствами, какие только в раю видывали. Парень был голоден и сразу же набросился на еду. Но только взял он кусок хлеба, как хлеб превратился в зерно и рассыпался по полу. Взялся за жареную курицу — курица ожила. Взялся за отварную рыбу, она сразу встрепенулась и выскользнула из рук. К чему ни притрагивался — все оживало, рассыпалось и ускользало из рук.

— Ну,— говорит себе парень,— тут что-то нечисто...

Огляделся он вокруг и увидел большую печь, задернутую занавеской, «Спрячусь-ка я сюда, посижу, посмотрю, чем все это обернется», — подумал парень и спрятался у печи за занавеской.

Посидел он там час, два, три, вдруг видит, влетели в комнату два белых голубя. Сбросили перья и обернулись девушками, такими прекрасными, как пери. Подошли они к столу, чтобы пообедать, видят, тарелки на полу, кушанья все разбросаны, все в комнате перевернуто, все вверх дном.

— Тут кто-то был,— сказали они.— Кто трогал и

перевернул все на столе? Кто бы это мог быть? Кто это решился войти в наш дворец?

Долго думали они, долго искали, утомились, сели.

— Ах,— сказала старшая сестра.— Хотя бы это был тот парень, что в бане приготовил халву, потом поборолся со мной, взял туфельку и ушел. Будь он здесь — я бы его расцеловала.

— Ах,— сказала младшая сестра,— хотя бы это был тот парень, что нырнул на дно морское, снял с меня кольцо и скрылся. Был бы он здесь, я бы тоже его расцеловала!

Парень за занавеской слышал эти речи.

«Да ведь это те девушки, которых я ищу, скитаясь по горам и долам»,— подумал он и вышел из-за занавески.

Сестры увидели его, обрадовались, кинулись целовать. А потом сели вместе за стол, ели, пили, разговаривали и наговориться не могли.

— До сих пор сюда ни змея проскользнуть, ни птица пролететь не решались, а как же у тебя смелости хватило?— спрашивают парня девушки.

И парень рассказал девушкам все, что с ним произошло.

— Завтра,— говорит он,— истечет срок, и если я не доставлю царю туфельку, он велит отрубить головы моим товарищам.

— Не беспокойся,— говорят сестры.— Времени у тебя много. Ты оглянуться не успеешь, как будешь там.

— Спасибо вам,— сказал парень.— Век не забуду вашей доброты.

— Будь спокоен,— говорят девушки,— мы за ночь вышьем столько туфель, сколько твоей душе угодно. Только когда же ты вернешься?

— Дайте мне три дня сроку,— говорит парень.— Если не вернусь, значит, попал в беду.

— Хорошо,— говорят сестры.— Даем тебе три дня.

За ночь сестры вышили триста туфель. Рано утром они встали, наготовили запасов на дорогу, наполнили туфлями хурджин, обернулись голубками и, посадив парня на свои крылья, полетели. Летели они целый день и только к вечеру опустились у царского дворца. Парень взял свой хурджин и поспел во дворец как раз

вовремя: палачи уже собирались рубить головы его товарищам.

— Долгой жизни тебе, царь,— сказал парень,— вот, смотри, вместо одной туфельки я принес тебе целый хурджин.

И высыпал перед царем туфли. Царь от изумления рот разинул. Он тут же приказал освободить его товарищей и, одарив их, отпустил на все четыре стороны.

Сорок разбойников не знали, как благодарить парня.

Но тут парень распрощился с ними, объяснил, что должен идти, потому что ждут его важные дела.

Вышел он в поле и отыскал голубок.

— Куда теперь прикажешь лететь?— спросили сестры.

— К родителям моим,— ответил парень.— Заберем их и тогда полетим в вашу страну.

Они посадили парня на крылья и взмыли в небо. Летели, летели и долетели наконец. Опустили парня у самого отчего дома. Увидали родители сына своего и обрадовались.

— Сынок наш, где же это ты был столько времени?— спросили они.

Парень сел и рассказал родителям все, что с ним приключилось. Потом они раздали все свое имущество соседям и родственникам, а поутру вышли из дома, сели на голубок и полетели в голубиный дворец.

Летели они, летели, долго ли, коротко ли — долетели, наконец, до волшебного сада. Голубки опустили их на землю и открыли перед ними дворцовые ворота. Потом сбросили свой птичий наряд и оборотились опять в красавиц.

Сын выбрал в жены старшую сестру. Семь дней, семь ночей кряду длился пир на их свадьбе, плясали под дап и зурну, ели, пили — словом, веселью конца края не было.

Вскоре и другую сестру за хорошего парня замуж выдали. И жили все долго в добре и согласии.

Они добились своей цели, а вы добейтесь своей.

ПРО КОЗУ

Армянская сказка

Жили-были муж да жена. У них была одна-единственная коза. Доили ее и пили молоко. Однажды жена говорит мужу:

— Поведи козу на базар, продай. Да так, чтобы вернуться с деньгами и с козой.

— Как же это я смогу и деньги за козу получить, и с ней назад вернуться?— удивился

муж.

— А уж как хочешь! Если без козы вернешься, как мы без молока будем жить?

Делать нечего, взял муж палку и погнал козу в город. Было утро, и на базаре продавали хаш—вкусное блюдо из ножек и требухи. Завидя продавца хаша, мужик погнал к нему козу и закричал:

— Продается коза, кто купит?

— А что тебе дать за козу?

— Дай миску хаша, отдам козу.

— Ладно, иди — ешь.

Мужик съел хаш, затем встал и хотел было погнать козу дальше. Но продавец схватил его за руку и сказал:

— Куда же ты уводишь козу мою?

— Как так — твою? Ты что же, в самом деле думал за миску хаша козу получить?

Толпа обступила продавца хаша и стала бранить его, что он хотел за такую малую плату получить настоящую козу. Мужик погнал козу дальше и встретил продавца гаты — другого вкусного кушанья.

— Козу продаю дешево, кто купит?— снова закричал он.

— А что дать за твою козу?— спросил продавец гаты.

— Дай мне гаты столько, сколько уместится в моем желудке,— уступлю тебе козу.

— Ладно, иди — ешь.

Мужик наелся гаты, вытер губы и хотел опять погнать козу, но продавец его остановил:

— Куда же ты гонишь мою козу?

— Гоню я мою, а не твою козу,— ответил мужик.

— Почему же съел гату, если не хочешь отдать козу?— возмутился тот.

— А ты что же, дурачок, за одну гату хочешь отнять у меня такую добрую козу?!

Собрался народ, стал совестить продавца гаты.

Мужик тем временем погнал козу дальше. Вскоре он встретил продавца халвы.

— Продаю козу! Кому хорошую козу?— стал кричать мужик.

— Сколько хочешь за нее?— спросил продавец халвы.

— Дай мне немного халвы, отдам козу,— сказал мужик.

— Бери, ешь.

Мужик съел халву и погнал козу дальше.

— Эй, куда ты гонишь мою козу?— набросился на него продавец халвы.

— Разве коза твоя? Задумал, черная душа, за кусочек халвы козу у меня отнять?

Опять народ поддержал мужика. А мужик тем временем погнал козу дальше.

Когда настал вечер, мужик проходил мимо одного дома. «Войду-ка я в этот дом и заночую»,— подумал он. Вошел и увидел там женщину.

— Чего тебе тут надо, уходи!— сказала женщина.

— Сестрица, я странник. Позволь переночевать, а на рассвете я уйду.

Женщина не стала перечить, и мужик вместе с козой пошел в хлев. Через два часа вдруг услышал: стучат в дверь. Мужик посмотрел в щель и увидел, что в комнату вошел продавец хаша. Еще немного времени прошло, вновь в дверь постучали. Женщина сказала продавцу хаша:

— Это, наверное, мой муж, спрячься скорее в хлев, иначе он тебя убьет.

Когда продавец хаша вошел в хлев, мужик начал громко кричать:

— Продаю козу. Эй, кому продать козу?

— Не ори,— говорит продавец хаша,— что тебе дать за козу?

— Десять рублей.

— Вот тебе десять рублей — и помалкивай.

Взял мужик деньги и сунул в карман.

Вновь раздался стук в дверь. Мужик заглянул в щель и увидел продавца гаты. Час спустя вновь застучали в дверь. На этот раз был продавец халвы, а женщина сказала продавцу гаты:

— Это, наверное, мой муж — прячься скорее в хлев.

Как только он вошел в хлев, мужик закричал еще громче, чем прежде,

— Козу продаю! Кто купит козу?

— Не кричи. Сколько за нее хочешь?

— Двадцать рублей.

— На, возьми, только замолчи.

Мужик взял деньги, сунул их в карман, и снова раздался стук в дверь.

— Это, наверное, мой муж — скорей беги в хлев,— сказала хозяйка продавцу халвы.

Тот побежал в хлев. А там его уже поджидал мужик:

— Покупай козу, а то так заору, что придет хозяин и убьет тебя.

— Говори цену, да не ори.

— Цена моей козе двадцать пять рублей.

— На, бери и молчи,— сказал продавец халвы.

В последний раз и вырваду стучал муж. Увидя его в щель, мужик замолчал. А муж поужинал и сказал жене:

— Пора спать. Но сперва пойду в хлев, посмотрю скотину. А как вернусь, ляжем.

— Нечего смотреть, ты устал, ляжем сейчас,— говорит жена.

— Ну, нет, скотину надо посмотреть,— сказал муж и пошел в хлев.

Когда он вошел, продавец козы закричал:

— Кто там?

Муж остолбенел:

— А ты-то кто? И что делаешь в моем хлеву?

— Я продаю козу.

— Что тебе здесь, базар что ли?

— Ясное дело, базар,— ответил мужик.— Иначе зачем бы тут были продавцы хаша, гаты и халвы?

— Да что ты говоришь?

Хозяин зажег свет и увидел посреди хлева продавцов хаша, гаты и халвы. Он обернулся к мужику и спросил:

— Сколько тебе за козу?
— Цена козе десять рублей.
— Бери и уходи, но чтоб ни слова никому о том, что здесь видел. Не то тебе несдобровать.

Мужик взял деньги и погнал козу из хлева. Ни хозяин, ни струсившие продавцы помешать ему не посмели.

Возвратясь домой, мужик гордо сказал жене:

— Вот! Вернулся с козой и с деньгами.

— Видишь,— ответила та,— говорила же тебе: продай козу и вернись с козой и с деньгами, а ты мне перечил.

ЧТО ПОСЕЕШЬ — ТО ПОЖНЕШЬ

Армянская сказка

В давние времена жила на свете одна злая женщина. Как-то свекровь этой женщины тяжело заболела и слегла в постель. И захотелось свекрови поесть шашлыка.

Невестка ничего не ответила и, недовольная, вышла на улицу. Наловила в ручье лягушек, нанизала на вертел, поджарила, положила на ломоть хлеба и подала свекрови.

Бедная старушка взяла кусочек, съела и поняла, что это лягушатина.

— Вот что, дочка,— сказала она.— Ты меня накормила лягушатинной. Что ж, я прошу у бога только одного, чтобы и с тобой так поступили.

Сказала и умерла.

Проходит год, два, три — невестка женит своего взрослого сына. Попалась ей невестка кроткая и послушная.

Как-то свекровь простудилась и слегла. Невестка день и ночь не отходила от ее постели, смотрела за ней, исполняла все ее желания, давала лекарство, готовила рисовый отвар, кормила ее с ложки — словом, ухаживала как положено.

Однажды больной захотелось шашлыка.

— Невестушка,— сказала она,— что-то мне шашлыка захотелось. Пойди, пожалуйста, зажарь мне несколько кусочков мяса.

Невестка тут же послала мужа на базар, велела купить хорошую вырезку, нарезала кусками, накрошила луку, нанизала мясо на вертел и стала жарить. Перевернула она несколько раз вертел, чтобы шашлык не подгорел, и вынула посмотреть, готов ли. Вынула... и обомлела. Вместо баранины на вертеле были нанизаны лягушки. Так и застыла бедная женщина с шашлыком в руке, не понимая, как же это так...

Выбросила она лягушек и снова послала мужа за бараниной. Снова нарезала вырезку, стала жарить шашлык. Вынула немного погодя и видит — опять мясо превратилось в лягушек.

Свекровь тем временем, видя, что невестка запаздывает, крикнула ей:

— Что ты мешкаешь, неси скорей шашлык!

Невестка и говорит свекрови:

— Матушка, знаешь, что случилось? Я нанизываю мясо на вертел, а оно превращается в лягушек. Не пойму никак, с чего бы это?!

Свекровь тут же поняла, в чем дело.

— Неси сюда лягушатины, дочка,— сказала она,— Неси. Это мне в отместку.

Недаром сказано: что посеешь, то и пожнешь.

КЕЛЬЖЕ-БАТЫР

Туркменская сказка

У одной вдовы был сын по имени Кельже-батыр.

Хоть он и был еще мальчиком, но отличался большим ростом и огромной силой.

Однажды он со своими приятелями сговорился идти по дрова.

— Мать, — сказал Кельже-батыр, — мне придется много поработать. Нажарь мне полпуда пшеницы, я подкреплюсь перед уходом.

Мать нажарила ему с полпуда пшеничных зерен, а

он присел к котлу и съел все, до последнего зернышка.

Приятели приехали за ним на ослах. Кельже-батыр сел на верблюда и пустился вместе с мальчиками в путь.

Долго ли, коротко ли ехали мальчики, но приехали наконец в лес.

Приятели Кельже-батыра принялись собирать хворост, а он резлегся под деревом и уснул.

Под вечер мальчики стали будить его:

— Эй, Кельже-батыр, вставай! Мы уже собрали хворост, а где же твой?

Кельже-батыр недовольно потянулся и сказал:

— Не для того я полпуда пшеницы съел, чтобы силы свои на хворост растрачивать.

Мальчики собрали для него хворост и сказали:

— Навьючивай, Кельже-батыр, вязанки на своего верблюда!

— Вот еще! Не для того я полпуда пшеницы съел, чтобы силы свои растрачивать.

Навьючили приятели на верблюда вязанки хвороста и сказали:

— Ну, Кельже-батыр, мы навьючили твоего верблюда, садись, поедем домой.

— Вот еще!— ответил Кельже-батыр.— Не для того я полпуда пшеницы съел, чтобы зря свои силы растрачивать.

Мальчики сели на ослов и поехали, а Кельже-батыр пошел пешком, подгоняя своего верблюда.

В песках, у колодца, они увидели одинокую кибитку. В той кибитке жил див.

Див вышел к мальчикам и сказал:

— Как вкусно пахнет человеческим мясом! Добро пожаловать! Переночуйте у меня!

Мальчики согласились и развьючили ослов.

Когда стемнело, они легли на песок и сразу уснули.

Не спал только Кельже-батыр. Не спал и див у себя в кибитке.

В полночь див стал подкрадываться к спящим. Кельже-батыр привстал и спросил его:

— Эй, див, чего тебе надо?

— Почему не спишь?— рассердился див.

— Сон не идет,— ответил Кельже-батыр.— Я привык, чтобы перед сном мать поила меня водой из сита. Если ты не напоишь меня из сита, я не усну.

— Ладно,— ответил див,— сейчас напою.

Он взял сито и пошел к колодцу. Но как ни старался див набрать воды в сито, он всякий раз вытаскивал его из колодца пустым.

Перед рассветом див пришел к Кельже-батыру и сказал:

— Никак не могу зачерпнуть воды в сито. Должно быть, кто-то заколдовал колодец. Не можешь ли ты уснуть без воды?

— Ладно,— ответил Кельже-батыр.— Но когда мне не спалось, мать всегда жарила яичницу.

— Это я сделаю,— согласился див.

— Только мать жарила яичницу не простую,— сказал Кельже-батыр.— Я научу тебя, как ее готовить. Ты разбей яйца, желтки и белки выбрось собаке, а мне зажарь скорлупу. Как только скорлупа расплавится в масле, сейчас же неси яичницу.

Див пошел в кибитку жарить яичницу, а Кельже-батыр разбудил мальчиков и сказал:

— Бросайте хворост и садитесь на ослов. Нужно бежать поскорей, пока мы целы.

Мальчики сели на ослов, Кельже-батыр — на верблюда, и они пустились в путь. Пока див старался расплавить яичную скорлупу, они успели отъехать на большое расстояние.

Тут они увидели ханский дворец. Кельже-батыр направил своего верблюда к этому дворцу, и мальчики поехали за ним.

Хан любил по утрам гулять в саду. Он увидел Кельже-батыра с его приятелями, принял мальчиков за разбойников и приказал страже прогнать их обратно в пески.

— Хан,— обратился к нему Кельже-батыр,— мы ехали за хворостом и на обратном пути заблудились. В песках нас чуть не съел див. Чем приказывать страже гнать нас в пески, лучше прикажи накормить.

Хан подумал и сказал:

— От этого дива никому еще не удавалось уйти. Если хочешь, чтобы я поверил твоим словам, принеси мне от дива золотой ковер. А приятели твои получат лепешек.

— Ладно,— согласился Кельже-батыр,— ковер я принесу, Только дай мне мешок, наполненный иглами,

Хан приказал дать Кельже-батыру мешок иголок. Кельже-батыр навьючил мешок на верблюда и поехал к диву.

Верблюда он спрятал за холмом, неподалеку от кибитки дива, а сам пошел поглядеть, что делает див.

Див сидел в кибитке на золотом ковре перед золотым котлом и жарил яичницу. Он ждал, когда расплавится в масле яичная скорлупа, и то и дело подкладывал под котел дрова.

У дверей кибитки сидела в клетке золотая курица, которая кудахтала и несла яйца.

Когда у дива кончились дрова, он вышел из кибитки за вязанкой, а Кельже-батыр утыкал иголками золотой ковер.

Див вернулся с дровами и опустился на ковер, но тут же вскочил и закричал:

— Как много блох завелось в моем ковре!

Див так рассердился на золотой ковер, что выволок его из кибитки. Потом снова принялся разбивать яйца и бросать в котел скорлупу.

Кельже-батыр подхватил золотой ковер, сел на верблюда и поехал к хану.

Хан даже рот раскрыл от удивления, когда увидел золотой ковер.

Он приказал постелить его перед своим тронem и обратился к Кельже-батыру:

— Раз ты такой ловкий, принеси мне от дива золотой котел.

— Нет, хан,— ответил Кельже-батыр,— у нас не было такого уговора. Ты обещал дать лепешек моим приятелям, если я принесу золотой ковер.

— Много не разговаривай!— рассердился хан.— Если не принесешь золотой котел, я прикажу повесить твоих приятелей.

Ничего не оставалось Кельже-батыру, как снова ехать к диву.

— Хан,— сказал он,— дай мне длинную кочергу, и я принесу тебе золотой котел.

Хан приказал дать ему кочергу, и Кельже-батыр поехал на верблуде в пески.

Долго ли ехал он, коротко ли, но остановился наконец у кибитки дива.

Див все сидел у золотого котла и ждал, когда скорлупа расплавится в масле.

Кельже-батыр подsunул под войлок кибитки железную кочергу и стал позвякивать кочергой о котел.

Див расsvирепел и закричал:

— Ах, проклятый котел, мало того, что не хочешь расплавить яичную скорлупу, ты еще вздумал дразнить меня!

Он схватил золотой котел, перелил из него масло и скорлупу в чугунный и выбросил из кибитки.

Кельже-батыр поднял котел, остудил его в колодеце, навьючил на верблюда и поехал к ханскому дворцу.

Хан еще больше удивился, когда увидел золотой котел. Он приказал слугам, чтобы по праздникам готовили в нем плов.

Потом он сказал Кельже-батыру:

— Ты, парень, я вижу, очень расторопный. Отправляйся сейчас же к диву и принеси мне его золотую курицу. А если не принесешь, я прикажу повесить твоих приятелей.

Ничего не оставалось Кельже-батыру, как снова идти к диву.

— Ладно,— сказал он,— если хочешь, чтобы я принес тебе золотую курицу, дай мне сеть птицелова.

Хан приказал дать сеть, и Кельже-батыр пустился в путь.

Подъехал он к кибитке дива, заглянул в нее и увидел, что див занят прежним делом. Только глаза у него налились кровью и вид стал страшнее прежнего.

Кельже-батыр вытащил кочергу из-под войлока и потихоньку воткнул ее в клетку золотой курицы. Курица захлопала крыльями и закудаhtала:

— Вак-вак! Вак-вак!

Диву показалось, что курица кричит:

— Див дурак! Див дурак!

Он вскочил и в ярости заорал:

— Ах, негодница! Мало того, что ты несешь яйца, у которых скорлупа не плавится в масле, теперь еще и насмехаешься надо мной!

Див выхватил курицу из клетки и выбросил ее.

Кельже-батыр накинул на курицу сеть и побежал к своему верблуду.

Когда хан увидел золотую курицу, он воскликнул:

— Теперь все ханы будут мне завидовать, потому что кудаhtанье золотой курицы приятнее пения серенького соловья!

И тут же приказал Кельже-батыру:

— Раз ты, парень, имеешь такую силу над дивом, принеси мне его самого. Тогда меня прославят во всех сказках.

— Эх, хан!— сказал Кельже-батыр.— Да есть ли у тебя совесть? У нас не было такого уговора.

— Много не разговаривай!— сказал хан.— Если не принесешь мне живого дива, я повешу твоих друзей.

— Ладно,— сказал Кельже-батыр,— я принесу тебе живого дива, если ты дашь мне большой сундук. Только пеняй тогда на себя.

Хан приказал освободить огромный сундук, в котором он держал узников.

— Теперь прикажи дать мне козлиную шубу,— сказал Кельже-батыр хану,— и к каждой шерстинке меха привязать по одному бубенчику.

Когда это было исполнено, Кельже-батыр надел козлиную шубу, вывернутую мехом наружу. Он навьючил сундук на своего верблюда, но сундук оказался таким тяжелым, что верблюд не мог подняться с земли. Тогда Кельже-батыр взвалил сундук себе на плечи и пешком пошел к диву.

Он добрался до его кибитки, залез на кровлю и начал бренчать бубенчиками.

Див затрясся от страха.

— Эй, кто там? Джинн или сам сатана?— закричал он.

— Я, лев,— ответил Кельже-батыр.— Пришел на запах яичной скорлупы, а тут, оказывается, меня ждет и мясо! Выходи, див, я тебя съем!

— Не трогай меня, добрый лев!— взмолился див.— Я дам тебе все, что захочешь!

— Ладно,— сказал Кельже-батыр.— Уступи мне свою кибитку, а сам переселяйся в сундук.

Див выбежал из кибитки и влез в сундук.

— Накройся крышкой!— приказал ему Кельже-батыр.

Див исполнил и это приказание. Тогда Кельже-батыр соскочил с кибитки и запер сундук на замок. Потом он взвалил сундук на спину и понес дива к хану.

— Теперь мне и див подвластен,— кичливо сказал хан.— Посмотрим, каков он из себя!

Но едва он открыл сундук, как оттуда вырвался

див и растерзал хана на клочки. Потом див кинулся на Кельже-батыра.

Кельже-батыр выбежал во двор и спрятался в курятнике. Див нашел его и вытащил за ноги.

— Вот теперь я тебя съем!— закричал он.

— А как ты меня будешь есть: ведь я в курином помете.

— Ничего, я тебя в бане вымою.

— Согласен, пойдем в баню,— сказал Кельже-батыр.

Пошли они в ханскую баню. В бане Кельже-батыр сказал:

— Ты тоже испачкался, когда тащил меня из курятника. Давай вместе помоемся.

Див поглядел на себя, проворчал:

— Много с тобой канители, пока съешь тебя,— и согласился.

— Ну, теперь давай прыгать в котлы,— предложил Кельже-батыр.— Я — в правый, а ты — в левый.

Они разогнались и прыгнули в котлы: Кельже-батыр — в котел с холодной водой, а див — в котел с кипятком. Там див и сварился.

Кельже-батыр взял из ханского дворца золотой ковер дива, золотой котел и золотую курицу и вместе со своими приятелями вернулся в родное селение.

Там он счастливо зажил со своей матерью.

СОРОК НЕБЫЛИЦ

Туркменская сказка

Было это или не было, а было все же шесть подолов халата, да семь вшитых рукавов, да девять шапок на голове, а с шапкой и все десять.

В одном городе жил хан. Он очень любил сказки, и во дворец к нему отовсюду сходились сказочники, которых он всегда принимал с почетом.

Однажды хан объявил народу, что отдаст свою дочь в жены тому, кто лучше всех сумеет рассказать сорок небылиц.

Эта весть дошла до одного пастуха, и он пришел во дворец.

— Сможешь ли ты рассказать сорок небылиц!— спросил хан.

— Могу рассказать и больше,— ответил пастух.

— Ладно,— сказал хан,— послушаю тебя. Но если ты не сумеешь рассказать сорок небылиц, я прикажу отрубить тебе голову, а твоих овец зарезать, чтобы справить твои собственные поминки.

— А если я сумею рассказать,— спросил пастух,— сдержишь ли обещание, отдашь ли мне в жены дочь?

— Отдам,— ответил хан.— Только рассказывай поскорее.

И пастух начал:

— Когда отец мой не женился еще на матери, я не родился, был я у отца единственным сыном. Когда же я умер, то нас осталось четверо братьев. Один мой брат был слепой, другой безрукий, третий летом носил семь шуб, а зимой ходил голый. Однажды зимой я с тремя братьями пошел на охоту. Слепой брат увидел на снегу куст расцветших роз и под ним неродившегося соловья. Безрукий брат схватил лук без тетивы, приладил к нему стрелу без наконечника и пустил ее в неродившегося соловья. А третий, голый, подобрал со снега убитую птицу и спрятал ее у себя за пазухой. Потом мы пошли дальше и пришли к двум речкам: одна речка была сухая, а в другой не было ни капли воды. Мы закинули в обе речки одну удочку и выловили мертвую рыбу. Я положил эту рыбу на ладонь и отнес ее домой. Захотел сварить ее, а рыбка в пятиведерном котле не помещается. Тогда я нашел полкотла и в нем сварил ее. Оказалось в рыбке тридцать пудов мяса без костей и сорок пудов курдючного сала. Стал я кушать мясо; скатываю его в крохотные горошины, но ни одна горошина не помещается во рту. Тогда я засунул в рот сразу тридцать пудов мяса. Под языком как будто стало полно, а на языке пусто. Съел я тридцать пудов мяса, живот мой от голода подвело, и стал он тощим, как доска, а шея — тонкой, как шерстинка. Потом начал я смазывать сапоги курдючным салом. Сорока пудов едва хватило на один сапог, а другой так и остался несмазанным. Надел я сапоги и лег спать. Ночью проснулся оттого, что ноги мои порываются бежать в разные стороны. Гляжу, сапоги мои между

собой подрались. Один кричит: «Уходи прочь, ты салом смазан и меня замажешь!» А другой кричит: «Убейся прочь, ты сухой и меня пылью испачкаешь!» Я огрел смазанный сапог по щеке, а сухому надрал уши. После того они успокоились и я уснул. А утром проснулся, вижу — солнце уже зашло. Вскочил с постели, а одного сапога на ноге нет. Несмазанный сапог обиделся на меня и ушел. Побежал я искать его. Взобрался на высокий минарет, гляжу вокруг — сапога не видно. Тогда я опустился в яму выше моего роста, воткнул в землю портновскую иглу, встал на нее обеими ногами и увидел по ту сторону высокой горы свой сапог. Присматриваюсь, а сапог глубокую реку сохой пашет. Я сел на кобылу, а кобыла от тяжести моего тела заржала. Тогда я пересел на ее месячного жеребенка, посадил впереди себя кобылу и поехал. Сапог увидел меня и прибежал навстречу — арбузом угощать. Разрезал арбуз, а в нем столько соку, что я с головой окунулся и чуть не утонул...

— Довольно, довольно! — закричал хан и замахал руками. — Ты наговорил столько небылиц, что у меня уши разболелись. А теперь скажи мне что-нибудь такое, что одновременно было бы и небылицей, и правдой.

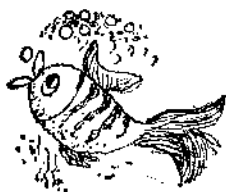
— Изволь, — ответил пастух. — Один могущественный хан за сорок небылиц обещал дать в жены свою единственную дочь бедному, безродному пастуху.

— Делать нечего! — воскликнул хан. — Бери в жены мою дочь!

И он устроил свадебный пир, который продолжался сорок дней и сорок ночей.

УМНЫЙ АХМЕД

Туркменская сказка

В одном городе жил бедняк по имени Ахмед. Все его считали глупцом, а он знай себе твердил:

— Вот если бы у меня были деньги, я бы показал, на что способен.

Услышал один богатый купец эти слова и сказал Ахмеду:

— Я дам тебе денег, а ты поезжай торговать. Посмотрим, что

принесешь ты мне — прибыль или убыток.

Купец дал Ахмеду немного денег и отвел его в караван-сарай. Купцы как раз собирались ехать торговать в другой город.

На все деньги Ахмед накупил старого тряпья, набил им несколько тюков и нагрузил верблюдов.

Когда караван вышел в путь и купцы узнали, какой товар везет Ахмед, они начали смеяться:

— Ого, Ахмед, ума у тебя много!

— Будем смеяться после того, как подсчитаем прибыли и убытки, — отвечал им Ахмед. — Тогда и увидим, кому будет по-настоящему весело.

Через несколько дней караван подошел к большому городу. А город тот стоял на берегу глубокой реки.

Вошли купцы в город и остановились в караван-сарае, а Ахмед остался со своими верблюдами на пустынном берегу.

Снял он с верблюдов тюки с тряпьем, сложил их в кучу и поджег, а когда тряпье сгорело, рассыпал пепел по берегу реки.

Каждую ночь выходила из воды на берег стая рыб, резвилась при лунном свете, играла жемчужинами. А жемчужины рыбы фонтаном выбрасывали изо рта. Собирали они их на рассвете, а потом исчезали в воде.

Но на этот раз рыбы не смогли собрать жемчужин, потому что жемчужины затерялись в пепле.

Утром смел Ахмед в огромную кучу пепел, провеял его, как пшеницу на току, и собрал целый мешок жемчуга.

Потом пошел Ахмед на караванную дорогу, собрал

верблюжий навоз, приготовил из него кизяки и спрятал в них жемчуг. Когда кизяки высохли на солнце, он сложил их в тюки.

Тем временем купцы распродали на базаре все свои товары и пришли к реке за Ахмедом.

Увидели они тюки и начали смеяться.

— Вот так купец Ахмед!— сказал один.

— Выгодно выменял свое тряпье на навоз!— потешался другой.

— А теперь хочет доставить эту поклажу в родной город на расстоянии семи дней пути!— издевался третий.

— Каждый поступает по своему уму-разуму,— спокойно отвечал им Ахмед.

— Вот уж поистине ума-разума у тебя не хватает!

И, посмеявшись вдоволь, купцы пустились в путь.

На седьмой день караван подошел к родному городу. Как всегда, купцы послали вперед вестника.

Прискакал вестник в город и разнес радостную весть: караван, мол, благополучно возвратился, а торговля была удачной. Потом рассказал вестник и про Ахмеда. Будто выменял Ахмед старое тряпье на навоз и везет его продавать на базар.

Все купцы развеселились, только купец, который дал Ахмеду деньги, нахмурился.

«Теперь надо мной все будут смеяться»,— подумал он и не пошел встречать Ахмеда.

Вошел караван в город, купцов встретили друзья, поздравили с благополучным прибытием. А над Ахмедом все смеялись, и никто его не поздравил.

Вечером устроили купцы пир. Ахмед тоже пришел на пир и начал разгружать свой товар. Купец, который доверил Ахмеду деньги, сидел мрачный и от стыда не поднимал глаз. А остальные купцы вели разговоры о своей удачной торговле и о том, кто хитрее обманул покупателей.

Дошла очередь до Ахмеда, и купцы со смехом спросили:

— А что ты умудрился сделать? Чем тебе помог твой великий ум-разум?

Ахмед ответил:

— Меньше, чем было,— не было. Больше, чем было,— быть не может,— и он высыпал из тюков кизяки.

Купцы пуще прежнего стали смеяться над ним, а «пострадавший» купец заорал:

— Пошел прочь отсюда, бездельник!

Тогда Ахмед начал один за другим разбивать кизяки, и из них посыпались на ковер большие сверкающие жемчужины.

Купцы, разинув рты, смотрели на это богатство, а купец, доверивший Ахмеду деньги, стал, как ящерица, ползать по ковру и жадно хватать жемчужины.

Но вот Ахмед разбил все кизяки, и на ковре выросла целая груда жемчуга. Посмотрел Ахмед на купцов, онемевших от зависти и удивления, и сказал:

— Торговать я не буду и вам не завидую.

Потом он обратился к «пострадавшему» купцу:

— Бери этот жемчуг себе! Я не обманывал народ, как они, а ты еще постыдился меня встретить.

Сказав это, Ахмед ушел с пира.

МОЛОДОЙ КУЗНЕЦ

Эстонская сказка

Жил в старину один крестьянин. С молодых лет ходил он в батраках. Только к старости сколотил кое-как свое хозяйство, хорошо зажил с женой и тремя сыновьями.

Старшие сыновья еще малыми ребятами помогали отцу, и выросли из них хорошие работники. А вот младший сын все гулял без дела.

«Я всю жизнь не знал отдыха,— думал отец.— Пусть хоть сынок поживет в свое удовольствие!» И не заставлял его работать.

Мать вздыхала:

«Я девчонкой вдоволь хлеба не ела. Пусть хоть сынок полакомится!» И подсовывала ему лучшие куски.

И старшие братья говорили:

— Мы ребятами с отцом работали в поле. Некогда нам было побегать, поиграть с приятелями. Пусть уж младший за нас наиграется.— И мастерили ему то свисток, то удочку.

Так проходили день за днем, год за годом, И вырос младший сын порядочным лентяем.

Тут призадумался старый крестьянин:

«Не век мне жить. Помру — кто позаботится о сыне? Надо бы выучить его какому-нибудь ремеслу».

Позвал сына и говорит:

— Хочешь быть кожевенником?

— Нет, не хочу, — отвечает сын. — Всю жизнь кожи дубить да мять — все руки разъест до костей.

— Ну, будь портным.

— Что ты, отец! Век гнуть спину над жилетами да камзолами — этак и горб вырастет.

— Ладно, сынок. Не хочешь — я тебя не неволю. А вот что ты скажешь про кузнечное дело? Посильней да покрепче доброго кузнеца никого не сыщешь.

— Ну что ж, — отвечает сын. — В кузнецы я, пожалуй, пойду.

Отец отыскал самого лучшего и искусного кузнеца в округе, заплатил ему вперед за ученье и отвез сына в кузницу:

— Ну, сынок, присматривайся повнимательнее, как добрые люди работают — и сам выучишься.

А мать притащила из дому на тележке кровать с периной и подушками и сказала:

— Ты, сынок, привык у меня на мягком спать. Устанешь от трудов, приляг на перинку, что я сама тебе сшила, приклони голову на подушку, что я сама тебе мягким пухом набила.

Ушли отец с матерью, а сынок остался у кузнеца. Он поставил свою кровать в угол кузницы, разлегся на ней и стал смотреть, как кузнец с учениками-помощниками бьют молотом по наковальне.

— Что смотришь? — спрашивает кузнец. — Бери молот в руки.

— А зачем? — отвечает сынок-лентяй. — Отец сказал: присматривайся, как работают люди — и сам научишься.

Кузнец только головой покачал и снова принялся за свое дело.

Лежит парень на мягкой кровати, вправо-влево поворачивается, глаз не спускает с кузнеца.

Не выдержал кузнец, говорит опять:

— Да что ты все валяешься? Бока отлежишь.

— Нет, не отлежу, — отвечает. — Перина-то мягкая. У меня голова от вашего грохота болит, а мне матушка

наказывала: притомисься, сынок, приклони голову на пуховую подушку.

Кузнец и вовсе махнул на него рукой — что с ним, лентнем, разговаривать!

Так и шли дни за днями, месяцы за месяцами.

От чужой работы руки не болят. Вот младший сын и говорит себе: «Невелика премудрость. Раз стукнешь по наковальне, другой ударишь молотом — и делу конец. Этак я сумею что хочешь сковать не хуже самого хозяина!»

Тем временем миновали три года. Пришел крестьянин за сыном.

— Ну, как выучился мой парень кузнечному ремеслу? — спрашивает у кузнеца.

— Кто его знает? — отвечает тот. — Смотреть смотрел, а чему научился, нам не показывал.

— А ты, сынок, что скажешь?

— А что говорить, дойдет до дела — уж не оплошаю!

Обрадовался отец, отвез парня домой. Припас всякого инструмента и говорит:

— Ну, сынок, теперь покажи свое искусство — скуй мне к плугу новый сошник.

Пошел молодой кузнец в кузницу. И отец за ним, вместе со старшими сыновьями.

Молодой кузнец приставил одного брата угли разжигать, другого — мехи раздувать, сам засучил рукава и взял в руки большой молот. А как накалилось железо докрасна, такой стук пошел по кузне, хоть уши затыкай.

Ковал, ковал молодой кузнец, все руки себе отмахал, да видит — не выковать ему сошника. Вот он и говорит:

— А зачем тебе, отец, новый сошник? Ведь и старый еще годится. Лучше скую тебе острый топор.

— Ладно, сынок, — отвечает крестьянин, — выкуй новый топор. Мой-то совсем притупился.

Стал молодой кузнец дальше ковать. Бил, бил молотом, видит — и топор не выходит.

— Эх, отец! — говорит он опять. — Неохота мне ковать топор. Грубая это работа. А вот скую я тебе дюжину гвоздей — тонких, как игла у матушки.

— Что же, — говорит крестьянин, — и гвозди нужны в хозяйстве.

Опять принялся кузнец стучать молотом. Стучал, стучал, ковал, ковал, а ничего не выковал. Все железо перевел, совсем маленький кусочек остался.

Тут и отец увидел, что ничему-то его сынок не выучился. Взял он этот кусочек железа и бросил его в чан с водой. Железо как зашипит — пш! пш!

— Слышишь, сынок,— сказал отец,— что из твоего ученья-то вышло? Один пшик получился. Только вот что я тебе скажу: не было в нашем роду лодырей и не будет. Ступай из дому, куда глаза глядят, и пока хоть какому-нибудь ремеслу не выучишься, назад не возвращайся!

Опустил младший сын голову и пошел прочь из родного дома. Вышел за околицу, сел на пень и задумался. Как теперь быть? Что делать? Думал он, думал — и решил идти с повинной головой опять к кузнецу.

Посмеялся над ним кузнец, а все-таки взял его снова в ученье.

— Только теперь уж буду учить тебя не по-твоему, а по-своему.

И стал учить. О мягкой перине парень и думать забыл. На жесткой соломе рад бы выспаться, да где там! Не дает ему кузнец ни вздохнуть, ни охнуть. Только опустит парень молот, спину разогнет, а кузнец тут как тут, шипит ему в ухо: «Пши-пшик!» Стыдно парню становится, встряхнется он — и снова за работу.

Опять три года прожил он у кузнеца. А потом сказал ему хозяин:

— Теперь иди, куда хочешь, и не бойся работы — смело берись за любое дело!

Парень попрощался с кузнецом и пошел. Шел он, шел и пришел в большой город. Там он нанялся в кузницу подмастерьем.

В тот же день в эту кузницу явился важный барин.

— Эй, хозяин,— говорит барин,— почини-ка мне карету. Да так, чтобы как новая была. Я себе невесту ссватал, в этой карете на свадьбу ее повезу.

— А где карета?— спрашивает хозяин.

— Да тут, у ворот.

Вышел хозяин вместе с подмастерьем за ворота. Смотрят — ну и карета! Дверцы на одной петельке висят, рессоры винтом изогнулись, ободья на колесах штопором завились. И как только такую развалину до кузницы докатили!

Почесал хозяин за ухом.

— Уж не знаю, что и сказать!— говорит барину.— Месяца три ее надо чинить — и то, пожалуй, не почи- нишь.

— Как три месяца!— закричал барин.— Чтобы че- рез три дня была готова! А не починишь в срок — ве- лю слугам твою кузницу по бревнышку разнести!

Что тут станешь делать? С барином не очень-то по- споришь.

Барин покричал и ушел, а хозяин говорит молодо- му кузнецу:

— Ну, брат, если не выручишь, пропала моя куз- ница.

— Ладно,— говорит молодой кузнец,— пришли мне двух помощников и отдыхай — ни о чем не тревожься.

Хозяин кликнул помощников-учеников, сам пошел домой, а в кузнице закипела работа.

Подмастерье вмиг разобрал на части всю карету, учеников приставил огонь раздувать в горне, а сам взялся за молот.

Раз стукнет по наковальне — один обод готов. Еще раз ударит — другой готов. Сковал ободья — при- нялся за рессоры. Там выпрямит, здесь согнет. И часу не прошло — сделано дело.

Ученики только диву дались, а молодой кузнец под- чистил, свинтил, подстучал и подогнал, где надо, а за- тем велел выкатить готовую карету под навес.

Потом все трое отправились на лужок за кузницей и улеглись там отдыхать на траве.

В полдень кузнец-хозяин пришел посмотреть, как подвигается работа у подмастерья. Входит в кузни- цу — что такое? Тихо, пусто, ни подмастерья, ни уче- ников... Даже огонь уже погас в горне.

Ох и рассердился хозяин! Бросился искать своих работников. Туда заглянул, сюда. Вдруг видит: лежит подмастерье на травке и тут же рядом оба ученика.

— Ах, лентяи! Ох, бездельники!— раскричался хо- зяин.— Так-то вы работаете!

Подмастерье перевернулся на другой бок, зевнул и говорит:

— Ну, чего сердишься, хозяин?

— Как это чего!— еще громче шумит старый куз- нец.— Карета должна быть через три дня готова, а вы тут прохлаждаетесь! Барин с меня из-за вас голову снимет...

— А ты, хозяин, раньше времени не пугайся,— говорит подмастерье.— Пока твоя голова еще на плечах, поверни ее да посмотри кругом хорошенько.

Хозяин повернул голову да так и разинул рот: под навесом готовая карета — совсем как новая.

Подбежал к ней хозяин поближе, со всех сторон оглядел — все прилажено, все на месте, хоть сейчас впрягай лошадей и кати на свадьбу или куда хочешь.

— Ну, парень,— сказал старый кузнец молодому,— такой работы я еще не видывал. Нечего тебе в подмастерьях делать, оставайся в моей кузнице хозяином.

— Нет, добрый человек,— ответил молодой кузнец.— Я в этом городе долго не останусь. А хочешь меня наградить — дай кусок самого лучшего железа и позволь три дня поработать в твоей кузнице.

— Ну что ж,— сказал старый кузнец,— ты это все заслужил.

Три дня и три ночи работал подмастерье. Никого и близко не подпускал к кузнице. А потом вышел из дверей с мешком за плечами и зашагал прочь из города.

Долго ли он шел по дорогам — мы не знаем. А пришел к родному дому. Перешагнул порог, бросил свой мешок на пол и сказал отцу:

— Вот смотри, отец: может, твой сын чему и выучился.

Тут он развязал мешок и вытащил кованую шкатулку:

— Это тебе, матушка!

Мать открыла шкатулку, а в шкатулке — узорчатый гребень и игольник с такими тонкими иглами, что хоть бисер на них нанизывай.

— Это вам, братья! К праздничной одежде приходите,— высыпал перед братьями молодой кузнец горку красивых блестящих пуговиц. А потом к отцу обернулся:

— А ты, отец, возьми, пожалуйста, вот этот кубок! Если понравится мой подарок, наполни его и подними за то, чтобы в нашем роду никогда не было лентяев!

ХИТРОУМНЫЙ

Эстонская сказка

Во времена Калевипоэга жил в стране Кунгла очень богатый король. Каждые семь лет в середине лета он устраивал для своих подданных большой пир, длившийся обычно две-три недели кряду.

Вот и снова наступил год пиршеств, и до начала их оставалось всего несколько месяцев.

Однако надежды и чаяния народа могли и не сбыться, ибо уже дважды — четырнадцать и семь лет назад — долгожданные торжества приходилось отменять. И вот почему.

Хотя по приказу короля изготовлялось тогда множество всяких яств, никому не удавалось их даже отведать. Каким бы диковинным и невероятным ни казалось это происшествие, многие видели его своими глазами и могли подтвердить, что это правда.

Оба раза, когда приготовленное угощение уже ожидало гостей, рассказывали они, к главному повару являлся какой-то неизвестный человек и просил разрешения попробовать кушанья и напитки. Но стоило ему опустить поварешку в котел с супом, а ко рту поднести кружку с пивом, как некая колдовская сила вмиг опустошала все амбары, кладовые и подвалы, и нигде не оставалось ни крошечки съестного, ни капельки питья.

Все повара и поварята клялись, что сами видели это; но возмущение народа, которому не удавалось повеселиться на празднике, было так велико, что королю пришлось семь лет назад повесить главного повара, позволившего незнакомцу отведать яств.

Чтобы и на этот раз не случилось такой беды, устроителю пира была обещана большая награда. А когда и на нее никто не польстился и не захотел быть в ответе за это дело, король пообещал свою младшую дочь в жены тому, кто возьмет на себя устройство праздника; если же и он потерпит неудачу, то поплатится жизнью.

На самой границе страны, далеко от королевской столицы, жил смекалистый крестьянин с тремя сыновьями. Младший с детства отличался острым умом, потому что его воспитывала Лесная волшебница и иногда тайком кормила его грудью. Отец звал младшего сына Хитроумным и не раз говаривал своим сыновьям:

— Вам, старшим братьям, придется зарабатывать себе на хлеб трудом своих рук. А ты, хитроумный мальш, одной сметкой пробьешься в жизни и когда-нибудь, пожалуй, и братьев обгонишь.

Перед смертью отец разделил свои поля и луга между старшим и средним сыновьями, а младшему дал денег на дорогу, чтобы тот мог постранствовать по белому свету, поискать свою удачу.

Сразу после смерти отца старшие братья отобрали у младшего все до последней копейки, вытолкали его из дому и крикнули ему вслед с насмешкой:

— Ты, хитрец, одним умом проживешь, да еще и нас обгонишь. Деньги тебе — только лишняя обуза!

Младший брат, не помня зла, беззаботно отправился в путь. «Бог пошлет мне счастье!» — с этими словами, которые должны были служить ему утешением, он покинул отцовский дом и зашагал, посвистывая, чтобы развеять грустные мысли. Как раз когда Хитроумный почувствовал, что проголодался, ему повстречались два странствующих подмастерья. Обходительность Хитроумного и его веселый нрав пришлось им по душе. Остановившись на отдых, они развязали свою котомку и предложили юноше закусить.

Так благополучно прожил Хитроумный первый день своих скитаний. Расставшись вечером с парнями, он бодро отправился дальше. Он был сыт и поэтому не тревожился о завтрашнем дне. О ночлеге тоже не надо было заботиться: зеленая трава служила ему постелью, синее небо — крышей, а камень под головой — мягкой подушкой.

На другой день к полудню Хитроумный пришел на хутор, стоявший вдалеке от другого жилья. У дверей дома сидела молодая женщина и горько плакала.

Хитроумный спросил, чем она так опечалена, и услышал в ответ:

— Муж у меня злой, сумасбродный, он каждый день бьет меня, если я не выполняю его вздорных же-

ланий. Сегодня велел сварить ему на ужин рыбу, которая живет в воде да не рыба, есть у нее глаза, да не на голове. Где же мне сыскать такого зверя?

— Не плачь, молодушка! — ответил Хитроумный, утешая ее. — Твоему мужу захотелось раков: рак хоть и живет в воде, да не рыба, есть у него глаза, да не на голове.

Женщина поблагодарила юношу за добрый совет, накормила его и дала на дорогу мешок с припасами, которых могло хватить на несколько дней. Получив неожиданно-негаданно эту помощь, юноша решил тотчас же отправиться в королевскую столицу, где, как он полагал, ум ценится больше всего. Там Хитроумный надеялся найти свое счастье.

Куда бы он ни заходил по пути, всюду только и разговору было, что о летних королевских пиршествах. Юноша, услышав, какая награда обещана тому, кто устроит праздник, призадумался. «А не взяться ли мне за эту работу? — размышлял он. — Обойдется все удачно — значит мое счастье. Чего мне бояться? В самом худшем случае поплачусь жизнью, умирать-то все равно придется, рано или поздно. Но если повести дело с толком, почему бы ему не выйти? Вдруг мне больше посчастливится, чем другим? А не согласится король отдать мне свою дочку в жены — деньги все равно должен будет заплатить. Вот я и стану богатым человеком».

Размышляя так, напевая и насвистывая, как жаворонок, шел юноша дальше. Отдыхал иногда от дневной жары в тени кустов, ночевал под деревом или на поляне, а к вечеру того дня, когда в мешке кончились все запасы, благополучно добрался до столицы.

На другой день он попросил позволения явиться к королю. Король сразу заметил острый ум и смелость юноши, и они быстро сговорились.

— Как тебя зовут? — спросил король.

— Крещен я Никодимусом, но дома меня всегда звали Хитроумным, а это означает, что у меня есть голова на плечах, — ответил юноша.

— Я тоже буду звать тебя Хитроумным, — сказал король. — Но помни: если случится беда, ты ответишь мне головой, сколько бы в ней не было ума.

Хитроумный попросил у короля семьсот человек себе в помощники и, не медля ни минуты, начал при-

готовления к пиру. Хотя семьсот человек работали с утра до ночи не покладая рук, а иногда приходилось нанимать еще и поденщиков, все-таки больше всего доставалось Хитроумному: ему приходилось за всем следить и всем распоряжаться. Поварам, пекарям и пивоварам он дал строгий наказ — не пускать к котлам никого чужого и не давать пробовать ни еду, ни питье. Того, кто нарушит приказ, ждала виселица.

В первый же день пиршеств утром Хитроумному доложили, что на одной из кухонь появился незнакомый старичок и стал просить повара разрешить ему отведать праздничных кушаний, но повар ему отказал. Хитроумный приказал привести незнакомца к себе. Вскоре к нему привели маленького старичка с седой бородой.

Юноша пообещал ему выполнить его просьбу и приказал пройти вместе с ним на кухню. По дороге он зорко присматривался, нет ли у старичка какой-либо необыкновенной вещи — и увидел на безымянном пальце левой руки золотой перстень.

— Я дам тебе отведать кушанья, — сказал Хитроумный. И, указав на перстень, добавил: — А этот перстень ты оставь мне в залог, чтобы не произошло какого-нибудь несчастья.

Старик стал уверять, что этот перстень память о покойной жене и что он поклялся никогда не снимать его. Но очень уж хотелось ему попробовать кушанья, и он отдал все же перстень юноше. Только собрался опустить ложку в котел, как Хитроумный ударил его сзади обухом по голове с такой силой, что и бык свалился бы замертво. А старичок только слегка покачнулся.

Хитроумный схватил его обеими руками за бороду и велел принести крепкую веревку; старика связали по рукам и по ногам и подвесили за ноги к потолку.

— Потерпи, пока не кончится пир, — крикнул юноша с насмешкой, — а после мы с тобой поговорим. Твое волшебное кольцо останется у меня в залог.

Пришлось старику с этим примириться: он ведь не мог двинуть ни рукой ни ногой.

Началось празднество, на которое съехались тысячи людей со всех концов страны. И хотя пиршества длились три недели, недостатка ни в кушаньях, ни в

запитках не было. Напротив — много всякой еды еще осталось.

Народ благодарил и хвалил короля и Хитроумного, устроивших такой пышный праздник. Когда король предложил юноше обещанную награду, тот сказал:

— Прежде чем брать плату, мне необходимо еще кое с кем свести счеты.⁴

Взяв с собой семь дюжих молодцов, юноша велел им запастись крепкими палками и отправился на кухню, где три недели назад оставил старика, подвешенного на балке.

— Эй, люди! — крикнул он молодцам. — Возьмитесь-ка покрепче за дубинки да задайте старичку такую баню, чтоб он на всю жизнь запомнил наше пиршество.

Все семеро принялись колотить старика с такой силой, что, казалось, он вот-вот испустит дух. Но от их ударов веревка развязалась, старик упал на пол и вмиг провалился сквозь землю. На том месте, где он исчез, осталась глубокая яма.

— Залог в моих руках, с ним я и отправлюсь вдогонку за стариком, — сказал Хитроумный. — Поклонитесь от меня королю и скажите: если не вернусь, пусть раздаст деньги нищим.

С этими словами юноша спустился в яму и исчез под землей.

Подземный ход, по которому он шел, был сначала очень узким, но на глубине в несколько саженей стены его раздвинулись, и Хитроумный очутился перед какой-то дверью. Заглянув в щелочку, он увидел в комнате трех девушек. Подле одной из них, положив голову ей на колени, сидел знакомый нам старик.

— Проводите меня в спальню и уложите в постель, — попросил старик, — все мое тело ноет, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Девушки отвели его в спальню и уложили. В сумерки, когда в комнате никого не было, Хитроумный пробрался туда и спрятался за бочкой с квасом. Вскоре вернулись девушки и стали разговаривать.

— От побоев он быстро оправится, — сказала о старике одна девушка, — а вот золотого перстня ему не вернуть. Кольцо это волшебное, потеря очень велика и мучает его сильнее, чем боль.

Тогда Хитроумный вышел из своего убежища и познакомился с девушками. Те сперва испугались, но хитрый юноша сумел их успокоить, рассеял страх, и те в конце концов разрешили ему остаться на ночь в подземелье.

От девушек он узнал, что есть у старика две редкостные вещи: меч и рябиновый прутик. Прутик, если прикоснуться им к морским волнам, мог построить мост через море, а мечом можно было уничтожить целое войско. Ночью Хитроумный раздобыл эти меч и прутик, а утром до восхода солнца покинул с помощью младшей девушки жилище старика.

Проснувшись, тот увидел, что меч и прутик украдены. Забыв про боль, он бросился вон из дверей.

В это время Хитроумный сидел на берегу моря и размышлял: испытать ему чудесную силу прутика или же поискать другой путь? Вдруг он услышал за спиной сильный шум. Обернувшись, он увидел старика — тот что было духу бежал к нему. Не раздумывая больше, юноша едва успел хлестнуть прутиком по волнам и воскликнуть: «Мост впереди, вода позади!»

Только вымолвил это, как очутился на мосту — далеко от берега, где старик догнать юношу уже не мог.

Перебравшись через море, Хитроумный разузнал, как пройти в королевскую столицу самым ближним путем, и отправился за обещанной наградой.

Однако дело обернулось иначе. Оказалось, что его братья поступили на службу к королю — один кучером, другой камердинером. Оба жили в полном достатке. Когда появился Хитроумный и пришел к королю за наградой, тот сказал:

— Я ждал тебя целый год, но не было о тебе ни слуху, ни духу. Я решил, что ты умер, и хотел, по твоему же желанию, раздать твоё жалованье бедным. Но тут объявились старшие братья и сказали, что они твои наследники. Они обратились в суд, и твоё жалованье присудили им по закону: все думали, что тебя уже нет в живых. А потом я взял твоих братьев к себе на службу.

Подивился юноша: думал, что провел в подземелье у старика день да ночь и на обратный путь затратил несколько дней. А теперь выходило, что каждый равнялся году. С братьями судиться не захотел, оставил

все деньги им. Поблагодарил судьбу, что сам остался цел и невредим, и хотел было отправиться искать новую службу.

Но тут королевский повар пригласил его к себе в подручные. Юноша теперь целыми днями крутил вертел, на котором жарилось мясо. Старшие братья презирали его за низкую должность и не хотели с ним знаться.

Но Хитроумный все же любил их. Однажды он рассказал им, что в подземном царстве, где побывал, гуси и утки покрыты золотыми и серебряными перьями. Братья рассказали об этом королю и посоветовали послать Хитроумного за диковинными птицами.

Король позвал юношу и велел ему немедленно собираться в путь — в страну, где живут златоперые птицы.

С тяжелым сердцем отправился Хитроумный в дорогу. Взял с собой волшебное кольцо, прутик и меч, которые он втайне хранил у себя.

Через несколько дней юноша добрался до берега моря, где он уже побывал однажды, и увидел, что на камне сидит какой-то старик с длинной седой бородой. Когда Хитроумный подошел ближе, старик спросил:

— Чем ты опечален, братец?

Юноша рассказал о своем горе. Старик посоветовал ему не печалиться.

— Пока волшебное кольцо в твоих руках, — сказал он, — ничего плохого с тобой не случится.

Дал он Хитроумному раковину и велел с помощью волшебного прутика построить мост до середины моря. А там пусть юноша ступит ногой в раковину — и сразу же очутится в подземном царстве. Хозяева в это время будут спать. Затем, продолжал старик, Хитроумный должен сшить мешок из паутины, сунуть в него диковинных птиц и немедленно возвращаться домой.

Все случилось так, как предсказывал старик. Мешок из паутины оказался таким крепким, что ни одна птица не смогла из него вырваться.

Вернувшись, Хитроумный опять встретил на берегу моря седобородого старика. Сбросил с плеч тяжелый мешок, который без волшебного кольца ему ни-

когда бы не донести, и присел отдохнуть. Старик сказал:

— Братья ненавидят тебя и постараются с тобой разделаться, если ты не раскроешь вовремя их коварные замыслы. Сегодня, когда явишься к королю с богатой добычей, уговори его оказать тебе одну милость: пусть он вечером пошлет свою дочь подслушать, о чем будут говорить между собой твои братья.

Юноша поступил так, как ему советовал старик. Король, обрадовавшись, что Хитроумный не потребовал за златоперых птиц иного вознаграждения, вечером послал свою дочь подслушать у дверей, о чем будут говорить между собой кучер и камердинер.

Братья, избалованные беззаботной жизнью, хвастали друг перед другом своим счастьем и, что было еще глупее,— стали клеветать на королевскую дочь: она-де бегала за каждым из них самым бессовестным образом, проходу им не давала...

Вся красная от стыда и гнева, принцесса прибежала к отцу, со слезами на глазах передала ему бесстыдную клевету, которую слышала собственными ушами. И попросила примерно наказать братьев.

Король велел немедленно заточить лжецов в тюрьму, а на другой день, когда они перед судом признали свою вину, приказал их казнить. А Хитроумный сделался советником короля.

Через несколько лет какой-то иноземный властитель с большим войском напал на королевство, и Хитроумный отправился воевать с врагом. Тут он впервые вытащил из ножен меч, добытый в подземном царстве, и принялся косить им вражеское войско.

Вскоре на поле брани не осталось ни одного чужеземца. Король был так обрадован этой победой, что отдал свою дочь замуж за Хитроумного.

СИРОТКИН ЖЕРНОВ

Эстонская сказка

Бедная девочка, у которой умерли родители, осталась одна на целом свете, словно беззащитный ягненок. Отдали ее на воспитание злым, бессердечным людям. Здесь единственным ее другом был хозяйский пес Кранц, с которым девочка иногда делилась корочкой хлеба.

С утра до позднего вечера приходилось сиротке вертеть тяжелый жернов, размалывая муку для хозяйки. Стоило девочке хоть на минуту остановить жернов, как хозяйка оказывалась тут как тут со своей дубинкой.

К вечеру руки у бедняжки были точно деревянные, но никому до этого не было дела. За тот кусочек хлеба, что дают сиротам из милости, они должны платить хозяевам потом и кровью. Никто не слышит жалоб сирот и не считает слезы, которые катятся у них по щекам.

Однажды, когда девочка по обыкновению вертела тяжелый жернов, плача от обиды на хозяйку, которая оставила ее утром без еды, к дому подошел хромой, одноглазый нищий в рваной одежде. Но на самом деле был это вовсе не нищий, а знаменитый мудрец, который оделся нищим, чтобы никто его не узнал.

Присел он на порог, пристально поглядел на девочку, вертевшую жернов, затем достал из своей котомки кусочек хлеба и, протянув его девочке, сказал:

— Обед еще не скоро. Возьми кусочек хлеба, он подкрепит тебя.

Сиротка принялась грызть сухую корку, которая показалась ей слаще булки. И сразу же почувствовала силу в руках.

— У тебя, бедняжки, наверное, руки устают все время вертеть тяжелый камень? — спросил нищий.

Девочка недоверчиво взглянула на старика: словно хотела узнать, всерьез он спрашивает или насмехает-

ся. Но лицо у него было серьезное и ласковое, поэтому девочка ответила:

— Кто сироту пожалеет! Из-под ногтей у меня вечно течет кровь, а хозяйка еще и бьет меня, если не успеваю намолоть столько муки, сколько она хочет.

Нищий попросил девочку рассказать ему о своем житье-бытье. Когда сирота кончила свой печальный рассказ, старик вынул из котомки старый платок, дал его девочке и сказал:

— Как будешь ложиться спать, повяжи этот платок вокруг головы и скажи от всего сердца: «Сладкий сон, унеси меня далеко-далеко и помоги найти такой жернов, который сам муку мелет».

Девочка поблагодарила старика и спрятала платок за пазуху. А нищий отправился своей дорогой.

Вечером, ложась спать, сиротка сделала все так, как научил ее старик: обвязала голову платком и со слезами произнесла заветные слова. Хотя и не надеялась девочка, что они сбудутся, зато в этот вечер заснула с легким сердцем.

Едва она закрыла глаза, как к ней явился удивительный сон. Он унес сиротку в дальние края, где с ней приключилось немало чудес.

В конце концов она очутилась в глубоком подземелье. Может быть, это была и преисподняя — так здесь все было жутко и странно. Ворота, ведущие в подземелье, были открыты настежь, а вокруг — ни единого живого существа. Девочка пошла дальше и вдруг слышит шум, точно где-то работает огромный жернов. Робкими шагами направилась она в ту сторону и вскоре увидела амбар, а в нем ларь, из которого слышался гул камней. Ларь был так тяжел, что девочке не под силу было сдвинуть его с места. Пройдя еще чуть-чуть, она увидела конюшню, а там у кормушки стоял белый конь. Внезапно девочке пришла в голову хорошая мысль: вывести лошадь из конюшни, впрячь ее в ларь и увезти его. Так и сделала — привязала лошадь веревками к ларю, сама уселась на крышу и, погоняя коня длинной хворостиной, помчалась к дому.

Проснувшись на другое утро, девочка вспомнила чудесный сон. Ей казалось, что все это произошло с ней наяву и что она и впрямь приехала домой на крышке ларя. Огляделась она вокруг и вдруг видит —

ларь подле кровати стоит. Вскочила девочка с постели, взяла мешочек ячменя, который не успела вечером смолоть, всыпала зерна в отверстие на крышке ларя, и — вот чудо! — камни тотчас же пришли в движение. Вскоре в мешке оказалась готовая мука.

Для сиротки настали счастливые времена. Волшебный жернов в ларе перемалывал все, сколько ему ни дай, у девочки только и было работы, что сыпать зерно да выбирать из ларя готовую муку. Крышку ящика она никогда не открывала. — старый нищий строгонастрого запретил это делать, сказав: «За это ты заплатишься жизнью».

Вскоре хозяйка догадалась, что молоть зерно сиротке помогает волшебный жернов. Стала думать, как бы выгнать девочку из дому, а вместо нее заставить работать ларь, — ведь его не надо было ни кормить, ни поить. Но сперва хозяйке хотелось разузнать, что лежит в ящике и где там скрывается чудесный мельник. Любопытство не давало женщине покоя ни днем, ни ночью, ей хотелось во чтобы то ни стало разгадать тайну ларя.

Однажды воскресным утром хитрая женщина велела сиротке собираться в церковь, сказав, что сама управится по хозяйству. Девочка удивилась — так ласково хозяйка с ней никогда еще не разговаривала, однако с радостью надела чистую сорочку, лучшее из своих стареньких платьев и побежала.

Хозяйка стояла на пороге и смотрела вслед девочке, пока та не скрылась из виду. Потом принесла из амбара мешочек зерна и высыпала его на крышку ларя, думая, что ларь сразу начнет молоть. А ларь и не думал молоть. Лишь когда горсть зерна попала в отверстие в крышке, камни завертелись.

С превеликим трудом женщине удалось приподнять тяжелую крышку. Наконец щель расширилась настолько, что женщина смогла заглянуть внутрь. Да вот несчастье! — из ларя вдруг вырвался сноп огня, и хозяйка запылала, словно клочок пакли. Осталась от нее вскоре лишь горсть пепла.

Когда через несколько лет овдовевший хозяин захотел снова жениться, он подумал о том, что сиротка стала уже взрослой девушкой и за невестой далеко ходить не надо.

Свадьбу сыграли скромно и тихо. Соседи вечером

разъехались по домам, отправились спать и молодые. На другое утро, войдя в амбар, молодая хозяйка увидела, что ящик с жерновом исчез.

И никаких следов вора нигде не осталось. Сколько ни искали ящик, сколько ни расспрашивали, не попался ли он кому на глаза,— так по сей день ничего и не узнали.

Сон принес из-под земли волшебный ларь с жерновом — сон, видно, чудесным образом его и обратно унес.

ЛОШАДЬ, ВОЛ И ОСЕЛ

Абазинская сказка

У одного человека были лошадь, вол и осел. Он запрягал их в телегу и плуг. Лошадь и осел выполняли и другую работу: хозяин седлал их, ездил и возил на них всякие тяжести.

Однажды, когда лошадь, вол и осел стояли в стойле и жевали сено, они задумались над своей жизнью.

— Мы,— сказали лошадь и осел,— ходим, как и ты, вол, в упряжке, таскаем плуг. Мало этого, хозяин ездит на нас, возит всякие тяжести. А твоя спина еще не была под седлом, ты не знаешь его тяжести. Это мы избавляем тебя от такой работы. Поэтому ты должен уступать нам половину твоего корма.

— Я-то чем виноват, что вы работаете еще и спиной? — возмутился вол.— Мне от этой вашей работы нет ни добра, ни худа.

— А кто тогда виноват? — спросили лошадь и осел.

— Вы сами и виноваты!

— Как это мы сами?

— У вас нет рогов. Если бы вы были рогатыми, тогда и на ваши спины не надевали бы седло, вы тоже не испытали бы его тяжести.

Услышав это, лошадь и осел решили отправиться на поиски рогов. Однако лошадь, поразмыслив, раздумала: «Пусть осел-дурак отправляется снача-

ла один. Если он вернется с рогами, тогда и я пойду».

Решив так, лошадь подошла к ослу и сказала:

— Брат мой, ты необыкновенно умен — все знают, что это от ума у тебя такая большая голова. Ты мгновенно можешь услышать речь людей, все звуки на земле и на небе — поэтому у тебя такие большие уши. О, если бы на твоей голове были еще рога, достойные твоих ушей! Каким бы красавцем стал ты тогда! Надо, надо скорее отправляться за рогами! Жаль, что нам нельзя пойти вместе: тогда хозяин сразу заметит наше отсутствие и пустится в погоню. Тогда не видать рогов! Давай сделаем так: сначала отправляйся ты — тебе рога нужны в первую очередь, а потом — я.

— Твои слова справедливы, — сказал осел, которому очень понравились восхваления лошади.

Осел отправился в дорогу.

Пока осла не было, его работу выполнял вол: хозяин седлал его и возил на нем всякие тяжести.

А осел бродил по дорогам, селам и каждого встречного спрашивал:

— Не знаешь ли, кто продает рога?

Кто станет отвечать ослу!

Бродил, бродил осел и встретил лису. Осел спросил у нее:

— Не знаешь ли, кто продает рога?

— Рога продает тот, у кого их много, — сказала многомудрая лиса. — А много рогов только у охотника. Иди к нему. Он продаст тебе любые рога: оленьи, турьи, козьи — какие только пожелаешь!

Осел пошел к охотнику и попросил его продать пару рогов.

— Почему не продать? Продам. Идем со мной, — сказал охотник и повел осла в лес.

Охотник убил большого оленя, сбил его рога и стал приставлять к голове осла. А у осла уши большие — мешают. Тогда охотник срезал уши осла под корень, приставил к ослиной голове оленьи рога и крепко привязал их. Нагрузил на осла тушу оленя и повез домой.

Осел обливался кровью. Оленьи рога впились в раны: так было больно ослу, что хотелось взречь на весь мир. Не приведи никому испытать то, что пришлось ослу за ночь! Бедняга как прижал голову к земле, так и простонал до утра.

Утром охотник подошел к ослу, пнул его в бок ногой и приказал:

— Вставай!

Осел застонал пуще прежнего, но делать нечего — встал. Охотник оседлал его, нагрузил на него пустые бурдюки да мешки и вывел со двора.

Перед тем незадолго он выменял просо на оленьи и медвежьи шкуры у одного человека, который жил не очень далеко, но и не близко. Повел охотник осла к тому человеку, насыпал просо в четыре войлочных мешка и в два бурдюка, навьючил весь груз на осла и отправился в обратный путь.

Вернулись домой. Осел от боли места не найдет, ни есть, ни пить не может. Прижал к земле голову и затих. Седло у охотника было неудобным, натерло осла спине. И эта ночь показалась ему очень тяжелой.

Утром охотник подошел к ослу, пнул его ногой в бок и сказал:

— Поднимайся! Ты еще не расплатился за рога.

Осел попытался встать, но не мог: голова словно примерзла к земле.

— Эх ты, лентяй! Как ты будешь носить рога, если даже встать ленишься? — сказал охотник и сильно ударил осла по носу.

Поднялся осел кое-как. Охотник оседлал его и вывел со двора. Привел в лес. Здесь охотник срубил два больших дерева, разрубил стволы на короткие поленья, нагрузил их на осла, крепко перевязал веревками и погнал осла в обратный путь.

Тяжесть придавливает осла к земле, а спина у него сильно болит. Так сильно болит, что забыл он про боль от отрезанных ушей.

Ночь в этот раз осел провел на ногах. Утром пришел охотник, пнул его в бок и сказал:

— Пошли, ты еще не расплатился за рога!

Осел не сдвинулся с места. Он только печально посмотрел на охотника и сказал:

— Заклинаю тебя всем, чем хочешь, — заведи назад свои рога, пусть они принесут тебе счастье, а меня отпусти!

— Ладно, так и быть! — сказал охотник, снял с него рога и отпустил осла.

Голова осла стала легкой-легкой, и боль немного утихла.

— Пусть тебе будет удача за то, что освободил меня от столь тяжелой ноши! — сказал благодарный осел охотнику.

Охотник проводил его до ворот, слегка ударил хвостом по спине и, засмеявшись, сказал:

— Счастливого пути!

Боясь, как бы охотник не передумал и не вернул его назад, осел помчался домой что было мочи.

Лошадь и вол встретили его молча, будто ничего с ним и не случилось.

Осел, вол и лошадь, как и прежде, стоят у яслей и жуют сено.

— Ты, брат, ушел на поиски рогов, а меня оседлали. Пришлось делать твою работу, вся спина у меня теперь побита, — пожаловался наконец вол.

— Не меня в этом вини, а свой длинный язык, — ответил осел.

— Ведь не я, а лошадь уговаривала тебя идти за рогами! — возразил вол.

— Так все из-за твоего языка! — рассердилась лошадь.

Вол не выдержал такой напраслины — пырнул лошадь рогами, пропорол ей бок. Она тоже разозлилась, ударила волу в бок копытом, сломала ему ребро.

Осел испугался и заревел. От его рева проснулась собака и бросилась туда, откуда шел рев. Кошка, испугавшись, что собака кинется на нее, вскочила ослу на спину и вцепилась в нее когтями.

От боли осел взревел пуще прежнего, перепрыгнул через ограду хлева и выскочил на улицу. Кошка от страха еще сильнее вцепилась когтями ему в спину. Осел побежал еще быстрее. Так и бегут где-то до сего дня.

А у хозяина осталась одна собака.

Вот откуда пошла абазинская поговорка: «Пошел за рогами, а вернулся без ушей».

МУДРОСТЬ

Абхазская сказка

Был молодой воин, отличавшийся храбростью и острым умом. Он пользовался всеобщей любовью и уважением. Наступило мирное время, враг прекратил свои опустошительные набеги на его родину, и мать посоветовала ему жениться. Согласившись с матерью, он позвал своих младших братьев и сказал им: «Я женюсь на девушке, которая из стали, оставшейся от шашки моего отца, сошьет ноговицы и чувяки».

Братья взяли куски стали и отправились в путь искать девушку, которая смогла бы исполнить желание их любимого брата. Но к кому бы они ни обращались, везде их принимали за полоумных и осыпали насмешками. Долго они странствовали и под конец, измученные, решили возвратиться домой. Недалеко от своего города они решили отдохнуть и зашли в бедный крестьянский дом. Их приняла девушка редкостной красоты, пригласила в дом и накрыла на стол. За обедом один из братьев попросил вина. На это девушка ответила:

— Я вас попрошу выйти во двор, привязать своего коня к виноградной лозе, а я тем временем принесу вина.

Гость вышел во двор, начал искать виноградник, но тщетно — его не оказалось. Он вернулся и сказал об этом молодой хозяйке.

— Если у нас нет виноградной лозы, откуда в нашем доме может быть вино? — сказала она, и сконфуженный гость сел на свое место.

После обеда гости стали расспрашивать о ее родных, кто они такие и почему отсутствуют так долго.

— Отец мой у дороги сеет ссору, а мать моя ушла менять слезы, — ответила девушка.

Братья, удивленные странным ответом девушки, попросили ее разъяснить смысл этих слов.

— У проселочной дороги отец со своим приятелем

злословят на нашего соседа, которому приятель не замедлит наслетничать, и завтра начнется ссора. А мать пошла к другим соседям оплакивать покойника, с тем чтобы после ее смерти кто-нибудь из родных покойного пришел оплакать и ее.

По мудрым ответам девушки братья подумали, что она, может быть, сможет помочь им, и рассказали ей, почему они путешествуют по белому свету.

— Помочь я вам сумею, сказала она, — только скажите вашему брату, чтобы он прислал мне шелковую тесемку, изготовленную из песка, и иголку, сделанную из мелких камешков, тогда я сошью ему новыи чуваки.

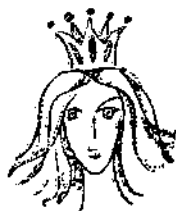
Те поспешили домой и передали брату ответ девушки. Молодой воин обрадовался мудрости незнакомки и решил на ней жениться, и через своих братьев он послал ей обручальные подарки — золота и жемчуга.

Приняв драгоценности, девушка просила передать жениху: «Мелкие и крупные звезды оказались редкими. Пусть два горных орла не потеряют друг друга, а два брата не услышат обидных слов». Выслушав эти слова, переданные ему от девушки, и поняв их смысл, он сказал братьям, что они присвоили кое-что из подарков. Лишний раз убедившись в необыкновенном уме своей невесты, он женился на ней.

...Так мудрость помогла бедной девушке выковать свое счастье.

КРАСАВИЦА ЕЗЕНЗУЛХАР

Аварская сказка

В яркий солнечный день три сестры у окна пряли шерсть. Старшая из них сказала:

— Если бы наш царь взял меня замуж, я бы из одного мешка шерсти наткала бы сукна для всего царского войска.

Средняя сказала:

— Если бы наш царь взял меня замуж, я бы из одной меры муки напекла хлеба на всю страну.

— А если бы меня взял замуж наш царь, я бы ро-

дила ему сына с жемчужными зубами и золотоволосую дочь,— сказала младшая из сестер.

А царь подслушивал разговор трех сестер. И решил он жениться на младшей.

На следующий же день отпраздновали свадьбу. И зажили царь с молодой царицей душа в душу.

А злые сестры, затаив глубокую обиду, с завистью смотрели на счастье своей самой младшей сестры.

Вот отправился царь на войну. А царица вскоре родила сына с жемчужными зубами. И золотоволосую дочь.

Когда царица уснула, злые сестры вынули детей из колыбели и приказали своему слуге бросить их в крапивное ущелье.

Слуга в точности исполнил их приказание. Наутро злые сестры послали к царю гонца с вестью о том, что царица ночью родила щенка и котенка.

Царь очень разгневался и приказал:

— Утопите щенка и котенка в реке, а жену оберните в ослиную кожу. Да прикуйте ее железной цепью к городским воротам, и пусть каждый входящий в город плюет на нее.

Царские слуги схватили царицу, зашили ее в ослиную кожу и приковали к городским воротам.

А несчастные дети, брошенные в крапивное ущелье, горько плакали.

Услыхала их крики златорогая лань, подошла. Легла с ними рядом, накормила детей своим молоком. Так она и кормила их до тех пор, пока они не выросли.

А потом златорогая лань отвела их к огромному замку. У его дверей лань сказала:

— Настало время нам расстаться. На прощанье дай мне, юноша, слово, что ты, с кем бы ни говорил, всегда будешь держать платок около рта. А ты, девушка, дай мне слово никому не показывать своих золотых волос. Иначе быть беде.

Брат с сестрой дали слово, и лань исчезла.

В замке том не было ни одной живой души, стояла мертвая тишина. Здесь и стали они жить. Брат занялся охотой, а сестра дома хозяйничала.

Однажды, когда девушка купалась в быстром ручье, у нее с головы упал золотой волос. Быстрый ручей подхватил его и унес прочь.

Этот ручей протекал через город, где царем был отец девушки. Однажды женщина-вдова, славившаяся своей хитростью, черпала из ручья воду и поймала волос. Она залюбовалась его блеском и решила отнести золотой волос в царский дворец.

Весть о необычайной находке быстро разнеслась по дворцу. Злые сестры поняли, что девочка и мальчик не погибли в крапивном ущелье.

Позвали они во дворец хитрую вдову, и старшая из сестер сказала:

— У девушки, с головы которой упал этот волос золотой, есть брат. Это наш заклятый враг. Пока он жив, жизнь наша в опасности. Изведи его вместе с сестрой, и мы щедро наградим тебя.

Жадная вдова согласилась и в тот же день отправилась разыскивать девушку с золотыми волосами.

Долго шла хитрая женщина вверх по течению ручья и наконец добралась до угрюмого замка. На пороге замка одиноко сидела юная девушка, и ветер забавлялся, играя ее золотыми кудрями.

Увидела девушка незнакомую женщину и от радости захлопала в ладоши.

— Откуда вы, о почтенная женщина? — спросила она.

— Я иду из страны могучего царя. Однажды я поймала в ручье золотой волос и отнесла его во дворец. Царь приказал во что бы то ни стало найти девушку с золотыми волосами.

По-змеиному сказав, по-лисий молвив, хитрая вдова выведала у доверчивой девушки все, что ей нужно было узнать.

— Мне жаль тебя, златокудрая! Девушки с твоей красотой живут в роскоши и довольстве, окруженные толпой слуг. Пойдем со мною.

— Нет, не могу. Я обещала брату, пока его нет, не уходить из замка.

Тогда хитрая вдова сказала:

— На востоке в чудесной долине растет волшебная яблоня. Она сама с собою говорит, говорит и в ладоши хлопает, и пляшет. Попроси своего брата принести веточку от этой чудесной яблони — с ней тебе будет веселее.

— Спасибо за совет, добрая женщина, — ласково поблагодарила златокудрая девушка.

Хитрая вдова распростилась с красавицей и, пообещав вскоре снова навестить ее, ушла.

Когда брат вернулся с охоты, сестра попросила его:

— Говорят, на востоке, в чудесной долине, растет волшебная яблоня. Она сама с собой говорит, говорит и в ладоши хлопает, в ладоши хлопает и пляшет. Принеси мне ветку с той чудесной яблони.

Брат оседлал своего верного коня и поехал искать чудесную яблоню.

Долго он ехал, много проехал и наконец добрался до чудесной долины, в которой росла волшебная яблоня. А вход в чудесную долину охраняли две заколдованные скалы. Каждое мгновение они с грохотом сталкивались друг с другом, а потом опять расходились, и всегда гул стоял над долиной, густо усеянной человеческими костями.

Разогнал юноша своего верного коня и взвился в воздух.

С грохотом сомкнулись скалы, но юноша успел проскочить между ними невредимым. Отломил он ветку от чудесной яблони, заткнул ее за пояс и вскачь пустил своего коня обратно.

Опять с грохотом сомкнулись скалы, но только самый кончик конского хвоста вырвали они.

И стала забавлять златокудрую девушку чудесная ветка, а юноша снова охотился целыми днями.

Долго ли, коротко ли, решила хитрая вдова проведать златокудрую девушку. Подходит она к замку и видит: сидит златокудрая девушка, а перед нею ветка чудесной яблони — сама с собой говорит, говорит и в ладоши хлопает, в ладоши хлопает и пляшет.

— Здравствуй, красавица! Как живешь-поживаешь?

— О! Теперь я не скучаю. Брат привез мне ветку чудесной яблони, и с ней я коротаю дни.

— Мне жаль тебя, бедная девушка! Рано или поздно эта забава надоест тебе. У всех девушек бывают подруги, а ты всегда одна. Слышала я, что за морем, в серебряных чертогах, живет красавица по имени Езензулхар. Красивее ее и умнее нет больше девушки на белом свете. Если бы твой брат женился на ней, у тебя была бы подруга.

И, заронив эту мысль в сердце златокудрой, вдова ушла.

Стала златокудрая просить своего брата жениться на красавице Езензулхар. И так она ее расхваливала, что брат решился исполнить ее просьбу.

Оседлал он своего верного коня, простился с сестрой и поехал.

Много земель оставив уже позади, наконец встретил он старика с длинной седой бородою. Поприветствовал его юноша и спросил:

— Не слыхали ли вы, почтенный старец, о красавице по имени Езензулхар?

— Слыхал,— ответил старик.— Она живет недалеко отсюда в серебряном чертоге, окруженном со всех сторон водою. Опасно ехать туда, сын мой! Много юношей умчались по этой дороге, но ни один из них назад не вернулся. Тебя тоже ждет такая участь.

— Пусть трѹсы избегают опасностей,— гордо ответил юноша и пустил вскачь своего коня.

Ехал юноша, ехал, днем ехал и ночью ехал — и доехал наконец до чертогов красавицы Езензулхар, окруженных со всех сторон водою.

Оглянувшись он кругом и видит: весь берег усеян окаменевшими всадниками. Тоска взяла его за сердце, и он хотел уже было повернуть коня обратно. Но в нем заговорила гордость.

Юноша привстал на стремях и крикнул во весь голос:

— Езензулхар!

Не вышла красавица на зов, а юноша окаменел до колен.

Второй раз позвал он; не отозвалась красавица на зов, и юноша окаменел по пояс.

Собрав все свои силы, крикнул юноша в третий раз. Но не отозвалась красавица Езензулхар, и юноша окаменел с головы до ног.

Река по-прежнему спокойно струила свои прозрачные воды, а на берегу прибавился еще один окаменевший всадник.

Ждет сестра брата, поджидает, а его нет как нет. Заныло ее сердце, чувствуя недоброе, и решила она идти разыскивать брата.

Подбила она к башмакам железные подошвы,

опоясалась веревкой, взяла в руки железную палку и пошла прямо по той дороге, по которой уехал брат.

Шла она, шла, днем шла, и ночью шла — и нашла того самого старца, что уговаривал ее брата не ездить к серебряным чертогам красавицы Езензулхар.

— Куда держишь путь, златокудрая? — приветливо спросил старик.

— Я ищу своего единственного брата. Много дней тому назад уехал он сватать красавицу Езензулхар и не вернулся назад.

— Знаю: много храбрых юношей умчались по той же дороге, и ни один из них не вернулся. Все они застыли, словно каменные истуканы, на берегу заколдованной реки. Наверное, твоего брата постигла такая же горькая участь.

— Неужели же нет средства вернуть их к жизни? — спросила златокудрая девушка.

— Есть, — ответил старик. — Только если найдется живое существо, которому красавица Езензулхар отзовется и покажет свое лицо, волшебные чары спадают — и тогда оживут окаменевшие всадники.

— Я помогу им! — решительно сказала златокудрая и, простившись со стариком, отправилась тотчас в путь.

Долго она шла, и днем шла, и ночью шла. Износились железные подошвы, затупился железный посох.

Дойдя до серебряных чертогов красавицы Езензулхар, она увидела на берегу среди окаменевших всадников своего брата. Девушка с криком бросилась к нему на каменную шею.

— О, бессердечная Езензулхар! Ты отняла у меня, сироты, последнюю радость! Отзовись же мне!

Не отозвалась Езензулхар, и златокудрая девушка окаменела до колен.

С ужасом посмотрела она на свои окаменевшие ноги и закричала:

— О, Езензулхар! Разве сердце у тебя подобно камню? Умоляю тебя, откликнись на мой зов!

Но снова Езензулхар не откликнулась, и златокудрая девушка окаменела по пояс.

Смертный холод дошел до ее сердца, и она, собрав последние силы, закричала:

— О, Езензулхар! Неужели ты прекраснее меня, златокудрой, что так гордишься?

Наглухо закрытые двери серебряного чертога с шумом распахнулись, и, быстро сбежав по висячему мосту, красавица Езензулхар спросила:

— Кто смеет сравнивать меня с собою?

— Я,— гордо ответила золотоволосая девушка и сдернула повязку со своей головы. Ее длинные волосы золотыми змеями рассыпались по спине.

Между тем окаменевшие всадники ожили. Ожил и брат золотоволосой. С радостным криком он обнял сестру. И вдруг увидел красавицу Езензулхар.

Восхищенный ее красотой, он отступил назад и улыбнулся. Его жемчужные зубы при улыбке ослепили своим блеском красавицу Езензулхар, она подошла к нему и спросила:

— Скажи мне, юноша, которая из нас прекраснее?

Юноша окинул взглядом стоявших перед ним девушек и сказал:

— Вы обе прекрасны! Но каждая прекрасна по-своему. Тело твое, о красавица Езензулхар, бело, как снег горных вершин. И когда ты пьешь, то сквозь горло твое, наверное, видно, как струится вода. Брови твои подобны распластанным крыльям орла. Губы твои, как лепестки мака, и между ними едва пройдет миндальное зернышко. Золотые колокольчики звенят на концах тридцати твоих узорно заплетенных кос, черные и блестящие, они словно сетью покрывают тебя всю до самой земли. Золотоволосая, девушка — моя сестра, и не заставляй меня сравнивать ее с тобою. Она только что спасла мою жизнь.

Гордая красавица Езензулхар смущенно опустила глаза и сказала:

— Я готова быть твоею женою, прекрасный юноша!

Юноша пригласил к себе на свадьбу всех оживших всадников. В тот же вечер в серебряном чертоге отпраздновали свадьбу прекрасного юноши с жемчужными зубами и красавицы Езензулхар.

Утром молодые вместе с золотоволосой сестрой юноши покинули серебряные чертоги и поехали в свой замок.

Красавица Езензулхар подружилась с золотоволосой девушкой, и жизнь мирно текла своим чередом в одиноком замке. Юноша рассказал жене, что они с сестрой не знают ни отца, ни матери, что вскормила их златорогая лань, которая взяла с них слово, чтобы

юноша никогда и никому не показывал свои жемчужные зубы, а девушка — золотые волосы.

— Почему же вы нарушили свое обещание! — осудила их Езензулхар. И она заставила мужа и его сестру поклясться, что они выполнят обещание, которое дали своей лани-кормилице.

С тех пор юноша всегда стал носить повязку, закрывающую его рот, а девушка спрятала волосы под платок.

Однажды, охотясь, юноша встретил в лесу толпу заблудившихся путников. Это были царская свита и сам царь — его отец, который пустился на розыски девушки с золотыми волосами, слух о ней прошел уже по всей земле.

Юноша пригласил путников в свой замок и устроил в их честь пир.

Сидя рядом с юношей, царь спросил, почему его рот завязан повязкой.

— Я дал слово не снимать повязки до тех пор, пока не найду своих родителей.

Прошло несколько дней, и царь прислал гонца звать прекрасного юношу со всем семейством в гости.

Юноша согласился, и стали они тотчас же собираться.

Царь с большой свитой встретил их около городских ворот.

Юноша, увидев женщину, зашитую в ослиную кожу и прикованную железной цепью к стене, спросил:

— За что так жестоко наказана эта женщина?

Царь подробно и честно рассказал всю историю. Тогда красавица Езензулхар, разгневанная, сорвала платок со рта мужа и, распустив золотые волосы девушки, крикнула царю:

— Похожи ли твои дети на собаку и кошку?

Царь увидел жемчужные зубы сына, сверкающие золотом волосы дочери и все понял.

Юноша и девушка с криком бросились к своей матери.

Несчастливая женщина простерла к ним руки, и загремели тяжелые цепи. Царь упал на колени перед женой и стал просить у нее прощения.

— Нет, царь! — гордо сказала несчастная. — Не поверив мне, ты обрек меня на всенародное поругание. Значит, у тебя жестокое сердце.

Царь опустил голову и ушел прочь.

Юноша приказал освободить свою несчастную мать, отмыть ее в бане, одеть в лучшее платье, а потом брат и сестра повезли ее в свой замок.

А вечером там был пир. Много гостей созвал на этот пир юноша, с запада зурначей пригласил, с востока барабанщиков. Мясо на столах горою высилось, веселье рекой лилось. И мы там были, и все, что видели, вам рассказали.

СЕМЕРО БРАТЬЕВ

Алтайская сказка

В незапамятные времена, когда людей на Алтае еще не было, пришли сюда семеро братьев. Были они крепкие, как семь медноствольных листовниц, сильные, как семь бурых медведей, дружные, как семь волков.

Коня на земле не нашлось, который мог бы поднять хоть одного из них. Кочевали братья пешие, опираясь на семь медных посохов толщиной в обхват. Когда братья по земле идут, быстрокрылой птице их не догнать; если они по горам шагают, быстроногому оленю от них не убежать.

Косы шестерых старших братьев были сединой, как инеем, подернуты, коса младшего — черна, как крыло черного ворона.

Вот однажды после удачной охоты, сидя у зимнего костра, братья призадумались:

— Мы шестеро состарились одинокими. Но седьмой еще молод. Однако на семи горах, на берегах семи рек, в семи лесах — нигде человека не видно. Где найдем жену младшему брату?

Младший на небо посмотрел и молвил:

— Там, в стойбище Улькер-каана, живет светлоликая Алтын-Солоны, стройная, как игла. С ней хотел бы я зажечь один костер, поставить один аил.

Эти слова еще не вспорхнули с губ, глаза, обра-

щенные к созвездиям Улькер, еще не мигнули, а братья уже на ноги вскочили, дичь, добытую на охоте, в сумы положили, посохи свои медные подхватили и зашагали по скалам вверх к горам.

Вот поднялись на белую мраморную гору, на синюю гору взошли, на ледяную вершину черной горы вскарабкались.

Облака далеко внизу остались, звезды ходят совсем близко, старые — в золотых доспехах, молодые — в доспехах из бронзы. Не спеша, степенно звезды движутся, подолами своих шуб посохи братьев задевая.

— Однако,— сказал младший брат,— мне, человеку, родителей своих не ведающему, имен дедов-прадедов не знающему, разве отдаст Улькер-каан свою дочь Алтын-Солоны?

— Да,— отозвался старший,— мы родом-племенем не можем похвалиться, имен дедов-прадедов назвать не сумеем. Ни в песнях, ни в сказках памяти они о себе не оставили. Но зато мы сами прямые и крепкие, как лиственницы, сильные, как медведи, дружные, как серые волки.

И, стукнув посохами, братья шагнули с вершины горы на дно неба.

Почувяв людей, захрапели небесные кони, привязанные к золотой коновязи у входа в золотой шатер Улькер-каана.

Братья прислонили к семи граням золотой коновязи семь медных посохов, сдернули шапки и вошли в золотой шатер.

Гостей в шатре — не сосчитать. Со всех семи небес, со всей земли собрались сюда на великий пир боги, чудища и герои.

Братья низко поклонились пирующим.

Семиголовый Дьелбеген-людоед, увидав семерых братьев, семью глотками захохотал:

— А-а-а, ха-ха! А-а-а... Хорошее угощение ко мне само, на своих ногах пришло! Ха-ха-ха-ха!

Кобон-Очун, силач, едущий на сине-сером коне, увидав семерых братьев, железной трубки изо рта не вынул, только сильнее запыхтел, на братьев сквозь дым посмотрел, на их поклон не ответил.

Сын небесного царя Тенери-каана, Темир-Мизе, богатырь, едущий на сером, как железо, коне, даже не обернулся. Кисточка на его лисьей шапке не ше-

лохнулась, коса, перекинутая через левое ухо, не качнулась.

Сам хан Улькер-каана восседал на золотом троне с тремя ступеньками. Глаза его — спокойные озера, нос — ровная гора; усы закинута за плечи, борода до колен.

Низко-низко братья ему поклонились.

Улькер-каан правую бровь поднял, левый глаз прищурил: — Вы, семеро, безлошадные, вы, семеро, бездомные! Мой шатер не поганьте, моих гостей не смешите!

Семь дней, семь ночей стояли братья, дары свои предлагая.

Улькер-каан не хотел их слов слушать, на подарки не смотрел.

— Земные жители, обратно на землю идите!

— Работу осилим, какую пожелаете, службу сослужим, какую прикажете, — отвечают братья. — Даров наших не отвергайте, просьбу нашу выслушайте: мы сватать пришли вашу дочь Алтын-Солоны. Скажите полдненное солнце достать — достанем, повелите десятидневную луну к порогу прикатить — прикатим.

— Ну ладно, — вздохнул Улькер-каан, — одолейте черного марала, у которого на рогах семьдесят отростков. Своими рогами этот марал звезды с неба снимает, себе под ноги швыряет и топчет передними копытами. Живет тот марал у берега семи морей, у подножья семидесяти гор с семьюдесятью отрогами. Кто марала рога принесет и поставит их перед моим шатром, вместо коновязи, кто из шкуры марала аркыт — мешок для кислого молока — сошьет, тот получит Алтын-Солоны.

Семиголовый Дьелбеген-людоед прежде всех с белой кошмы поднялся, выбежал на зеленый луг и поймал своего синего быка. Свирепо свистя, быка кулаками подбадривая, мчался Дьелбеген-людоед к берегу семи морей, к подножью семидесяти гор с семьюдесятью отрогами.

Сын небесного царя Темир-Мизе-богатырь, размахивая восьмихвостой плетью, скакал быстрее ветра на гером, как железо, коне.

Кобон-Очун, силач, сине-серого коня не шадя, летел, как стрела, пущенная с тугой тетивы.

Семь братьев, на семь посохов опираясь, позади

всех не спеша идут. Семь пеших братьев за семь шагов семь верст позади себя оставляют. За семь дней семеро братьев на семь переходов обогнали Дьелбегена.

Людоед Дьелбеген от злости совсем коричневый стал:

— У-у-у! Этих братьев я догоню-у-у! Этих братьев я проглочу!

Старший брат вытянул шею, заглотил горное озеро и выплюнул его на дорогу.

Но уже слышен топот серого, как железо, коня, уже видна на дороге тень восьмихвостой плети Темир-Мизе-богатыря.

Второй брат протянул руку к горному кряжу, выдернул лесистую гору и выставил ее на дорогу.

Но уже слышен звон сбруи сине-серого коня, видна на дороге тень железной трубки Кобон-Очун-силача.

Третий брат поднял тысячелудовый гранитный валун, сжал в кулаке и бросил на дорогу острые осколки.

Семеро братьев первыми пришли к берегу семи морей, четвертый брат взбежал на семьдесят гор с семьюдесятью отрогами. Там стал он кричать и топтать ногами, что черный марал от страха выскочил на самый высокий утес семидесятого отрога. Голова его — выше туч, рога за звезды цепляются.

Пятый брат сквозь тучи увидал зеленые рога с семьюдесятью отростками, снял с плеча железный лук. Он тетиву резко натянул, даже лопатки за спиной стукнулись, и от большого пальца правой руки дым пошел. Быстрая стрела маралу сердце пронзила.

Много-долго времени не прошло, вернулись братья в стойбище Улькер-каана. Они поставили ветвистые маральи рога против серебряной двери золотого шатра, как две коновязи. Аркыт — мешок для кислого молока, сшитый из маральей шкуры, они положили к ногам хана. Плотной тучей расстелился аркыт, полнеба закрыв.

Улькер-каан, восседавший на золотом троне с золотыми ступеньками, на подарки даже не взглянул, в лицо братьям не посмотрел. Один глаз к луне ско-сил, другой к солнцу:

— Сам я охоты вашей не видал, песни о подвигах ваших не слышал. Подождем остальных охотников.

Прежде всех уехавший Дьелбеген-людоед вернулся через семь лет. Через десять лет спешился у шатра Темир-Мизе-богатырь. Вместе с ним прискакал Кобон-Очун-силач. Лица их были, как земля, черные, песок скрипел на зубах.

Улькер-каан вздохнул, глаза опустил, голову его туманом заволокло:

— Свою дочь, Алтын-Солоны, я отдам тому, кто самую красивую сказку споет.

— Я, я спою-у-у! — заревел семиголовый Дьелбеген.

От его пения птицы слетели с насиженных гнезд; звери, детенышей своих покинув, ринулись в разные стороны, скот умчался с голубых небесных пастбищ.

— Однако вы очень плохо поете, — сказал Улькер-каан, — замолчите, пожалуйста. Белого скота нашего не гоните, жителей наших не пугайте, стойбище наше не разоряйте.

Дьелбеген от стыда синим стал, как его синий бык. Быстро вскочил он в свое высокое седло и умчался.

Теперь запел свою сказку молодой Темир-Мизе-богатырь. Вместе с ним пел и Кобон-Очун-силач.

От унылой этой песни, от тоскливых голосов птицы на лету, звери на ходу уснули.

— Ваша сказка совсем никудышная, — рассердился Улькер-каан, — сейчас же замолчите!

Кобон-Очун и Темир-Мизе друг на друга не смотрят, собираются, снаряжаются, по домам спешат.

Шестой брат взял в руки звучный топшур, пальцами тронул струны, грустную песню протяжно запел.

Пугливые птицы к стойбищу прилетели, слушают. Дикие звери прибежали, слушают. Деревья, хвоей не шелестя, слушают. На сухостое почки свежим соком налились, кожа треснула, молодые листья к певцу, как к солнцу, потянулись. Теплый-теплый дождь на стойбище пал, теплый-теплый ветер повеял, солнце выше поднялось, и семицветная радуга на плечи певца встала.

Слов нет рассказать, до чего красивая была эта песня.

На далекие созвездия смотрел Улькер-каан, песню

слушая, слезы на бороду надали. Четыре дня слушал, головы к подушке не приклоняя:

И тут, в одежде, сотканной из лунного света, вышла сама Алтын-Солоны. Седьмой брат на правое колено пал, за руку ее взял:

— Мы двое один костер на земле разожжем.

— Один шатер поставим,— отозвалась Алтын-Солоны и вместе с братьями стойбище отца своего покинула.

Братья в просторном аиле пируют, песни поют. Они справляют свадьбу младшего брата и Алтын-Солоны.

Вдруг с неба посыпался огненный град, упало жаркое звездное пламя.

— Алтын-Солоны! — зовет Улькер-каан, из глаз рвутся молнии, голос громом грохочет.— Сейчас же вернись!

— Отданная человеку, я с людьми не расстанусь,— ответила Алтын-Солоны.

Тут с неба звезды, как мошкара, посыпались, земные уголья поджигая.

Братья сурово вверх посмотрели:

— Не даете нам на земле жить? Хорошо, мы пойдем к вам на небо!

Алтын-Солоны, светлая звездочка, ни на шаг от мужа не отступила.

Поднялись на небо и стали развернутым строем семеро братьев,¹ и рядом с седьмым братом — верная Алтын-Солоны.

Открыто отнять дочь Улькер-каан не смеет, все хочет он со своим воинством зайти с тыла. Но братья всегда настороже, всегда поворачиваются лицом к Улькеру².

Так вечными противниками стоят они на небе друг против друга.

¹ Семеро братьев — созвездие Большой Медведицы.

² Улькер — созвездие Плеяды.

АЛТЫН-САКА И СТАРУХА УБЫР

Башкирская сказка

Давным-давно жили старик со старухой. У них был только один сын по имени Алтын-сака, что значит «золотая бабка». Звали его так потому, что у него была золотая бабка — биток; он играл с ребятами в бабки и всегда выигрывал.

Однажды старик пошел на озеро поить лошадей. Пригнал табун к воде, а лошади не пьют: хвостами и ногами бьют, гривами трясут, а не пьют. Смотрит старик — в воде кто-то хватается их за гривы, тянет за губы.

Это была старуха — ведьма Убыр.

Нагнулся старик к озеру и сказал:

— Эй, Убыр! Отпусти мою скотину, не держи!

— Отдай мне то, что у тебя только одно, — ответила Убыр.

— Стадо баранов отдам, отпусти! — говорит старик.

— Нет, не хочу стадо баранов! Что одно только у тебя, то мне отдай!

Нечего делать старику. Подумал он, подумал и говорит:

— Ну, отдам! Только отпусти.

Тогда Убыр отпустила скотину, и старик погнал ее домой.

А только один у старика был сын — Алтын-сака.

Жалко старику было отдавать мальчика. Решил он перекочевать с семьей на другое место, чтобы Убыр не отняла сына.

Перекочевали они в другую землю, стали жить. Однажды Алтын-сака и спрашивает отца:

— Отец, где моя золотая бабка?

— Она, видно, осталась там, где мы прежде жили.

Говорит тогда Алтын-сака:

— Поеду я за моей золотой бабкой. На какую лошадь мне садиться?

— Тряхни арканом, тряхни уздой! — отвечает

отец.— Какая лошадь к тебе подойдет, на той и поезжай.

Вот Алтын-сака тряхнул арканом, тряхнул уздой — один тощий жеребенок подбежал к нему. Взглянул на него Алтын-сака и снова спрашивает:

— Отец, отец, на какую лошадь мне садиться?

— Говорил ведь я тебе: тряхни арканом, тряхни уздой!

Стал мальчик опять трясти арканом, стал трясти уздой — тощий жеребенок громко заржал и опять подбежал к нему.

Алтын-сака оседлал этого жеребенка, сел на него, и жеребенок сразу превратился в хорошего буланого конька.

Поехал Алтын-сака туда, где они прежде жили, и видит: какая-то страшная старуха сидит и играет его золотой бабкой. Это была ведьма Убыр.

— Бабушка, дай мою золотую бабку! — просит Алтын-сака.

— У меня спина болит, — отвечает старуха. — Слезай с коня, возьми сам!

Тут буланный конь скакнул к Убыр, схватил зубами золотую бабку и поскакал.

Тогда старуха Убыр плюнула раз — появилась лошадь, плюнула еще раз — появились поводья. Вскочила Убыр на лошадь и пустилась в погоню за мальчиком.

Скачет Убыр следом за мальчиком, вот-вот нагонит, вот-вот схватит!

Тут ее лошадь захрапела, захромала, стала отставать.

Рассердилась Убыр да с досады и съела свою лошадь. Съела и пустилась в погоню пешком.

А буланный конек скакал-скакал, потом остановился возле озера и говорит:

— Устал я, не могу больше бежать! Спрячусь от Убыр в это озеро, а ты влезай вот на этот дуб. Отдохну — опять тебя повезу.

Сказал это конек и нырнул в озеро. А Алтын-сака быстро забрался на дуб, что рос возле озера, и уселся на самую вершину.

Убыр прибежала, увидела мальчика на дереве и кричит:

— Все равно достану, все равно съем!

Плюнула раз — появился топор, плюнула еще раз — появилось точило. Наточила она свой топор и принялась рубить дуб, на котором сидел Алтын-сака.

Летят щепки во все стороны, шатается дуб, того и гляди упадет.

Прибежала на шум лисица, увидела Убыр, пожалела мальчика и говорит:

— Эй, бабушка, не руби, не мучайся — давай я за тебя порублю.

— Нет, нет, — говорит Убыр, — я сама дуб срублю, сама мальчишку съем!

Лисица через некоторое время опять просит:

— Эй, бабушка, не мучайся — давай я дорублю!

Устала Убыр, отдала топор лисице, а сама легла спать.

Спит старуха Убыр, а лисица топор и брусок в воду бросила, собрала щепки, приложила на рубленое место — они тотчас приросли, и дуб опять стал целым. После этого лисица убежала.

Проснувшись Убыр, встала и говорит:

— Что это видят мои глаза? Дуб снова стал целым!

Потом плюнула раз — появился топор, еще раз плюнула — появилось точило. Схватила она топор и начала рубить. Да приговаривает:

— Теперь никаких помощников не возьму!

Видит Алтын-сака: не спастись ему от старухи Убыр. Тут прилетел к нему воробей и зачирикал:

— Твои собаки Аккулак и Актырнак тебя разыскивают, везде бегают!

— Скажи им, воробушек, пусть они бегут сюда — мне на помощь!

Полетел воробей что было силы к дому Алтын-сака. А собаки, разыскивая Алтын-сака, устали и свалились спать. Стал их воробей будить, в уши клевать:

— Бегите скорей к большому дубу возле озера, спасайте своего хозяина — его Убыр съесть хочет!

Пустились Аккулак и Актырнак со всех ног на помощь хозяину.

Увидела старуха Убыр пыль на дороге и говорит:

— Парень, посмотри, что это за пыль?

— Это, бабушка, тебе радость, а мне горе!

Тут собаки подбежали и кинулись на Убыр —

рвать ее да кусать. Убыр испугалась, бросила в озеро топор и сама туда нырнула.

— А мы за Убыр в озеро нырнем,— говорят Аккулак и Актырнак.— Если мы убьем Убыр, вода в озере почернеет; если она нас — красной вода станет.

Сказали и нырнули. Забурлило озеро, заволновалось. Смотрит Алтын-сака — покраснела вода. Загоревал: думал, что Убыр его собак убила. Еще раз глянул, видит — вода черной стала. Обрадовался, засмеялся и слез с дерева. А тут и собаки вышли из воды.

— Почему,— спрашивает у них,— вода сначала покраснела?

— Потому,— говорят,— что Убыр Аккулаку сначала ухо оторвала.

Вслед за собаками вышел из воды и буланый конек. Обрадовался Алтын-сака, взял свою золотую бабу, сел на конька и домой поехал.

Дома отец на радостях устроил большой праздник. Девять дней все родные и друзья на том празднике веселились.

СНЕГ И ЗАЯЦ

Бурятская сказка

Снег говорит зайцу:

— Что-то у меня голова заболела.

— Наверное, ты таешь, оттого у тебя и голова заболела,— ответил заяц. Сел на пенек и горько заплакал:

— Жалко, жалко мне тебя, снег... От лисицы, от волка, от охотника я в тебя зарывался, прятался. Как теперь жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит, заклюет. Пойду я к хозяину леса, попрошу его, пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

А солнце уже высоко ходит, жарко привлекает, снег тает, ручьями бежит с гор.

Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса. Просьбу его выслушал и сказал:

— С солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц.

С тех пор он всегда меняет зимнюю белую шубу на летнюю — серую.

МАЛЬЧИК БЕБЕЛЕ

Еврейская сказка

Когда-то жили старик со старухой. Жили они много лет, а детей у них не было, и они очень горевали об этом.

Раз старик ушел на работу, а старуха осталась дома готовить обед.

Стала она перебирать для супа фасоль, взяла одну фасолинку и говорит:

— Ах, если бы у нас был сынок, хоть такой малешкий, как эта фасолинка!

Не успела старуха сказать это, как у фасолинки выросли ноги, руки, голова и она сказала тоненьким голосом:

— Я мальчик Бебеле (фасолина) и буду твоим сынком!

Обрадовалась старуха, сшила мальчику Бебеле маленькие штанишки и самую маленькую рубашечку. Затем она сварила в наперстке кашу и накормила мальчика. Потом стала куда-то собираться.

— Куда ты, матушка, собираешься? — спрашивает мальчик Бебеле.

Старуха ответила:

— Я несу завтрак твоему отцу.

— Я сам отнесу ему завтрак! — сказал Бебеле.

— Но как же ты понесешь, сынок? Ведь ты такой маленький!

— Ничего, отнесу.

Старуха положила на блюдо кусок рыбы, завязала его в платок и дала мальчику. Он взял узелок и побежал.

По дороге он увидел старика-нищего: нищий сидел на большом камне пригорюнившись.

Бебеле подошел к нему и спросил:

— Отчего ты такой невеселый, дедушка?

— Ах, мальчик Бебеле,— сказал нищий,— я со вчерашнего дня ничего не ел, я очень голоден!

Тогда Бебеле отдал ему свой узелок и сказал:

— Ешь эту рыбу! Это очень вкусная рыба.

Старик-нищий съел всю рыбу и оставил только одни косточки.

После этого Бебеле побежал домой, чтобы взять еще рыбы и отнести отцу.

Бежит он, а навстречу ему идут семеро воров. Они увидели Бебеле и очень обрадовались. Самый страшный вор посадил его на ладонь и сказал:

— Эге! Этот мальчик поможет нам воровать. Он такой маленький, что пролезет в любую щелку.

Затем он спросил Бебеле:

— Ты хочешь с нами воровать?

Бебеле боялся сказать «нет» и поэтому сказал «да». Тогда вор посадил его в карман, и они пошли дальше.

Но Бебеле вовсе не хотел стать вором. Он высунул голову из кармана вора и все смотрел, куда они идут. Когда вору проходили совсем близко от какой-то стены, Бебеле выпрыгнул из кармана и юркнул в щелку, так что вору даже и не заметили этого.

Бебеле думал, что он уже спасся, но не тут-то было: он попал прямо в кормушку с нарезанной свеклой. Большая рыжая корова ела эту свеклу. Вместе с кусочком свеклы она проглотила и мальчика Бебеле, и он очутился в коровьем брюхе.

Тут в хлев пришла работница. Но только она села доить корову, как Бебеле громко закричал:

— Ах ты негодница, ах ты дрянная!

Это Бебеле ругал корову за то, что она проглотила его.

Но работница не поняла — она думала, что это ругается корова. Работница испугалась, уронила подойник и убежала из хлева.

Прибежала она к хозяйке и сказала, что корова не велит себя доить и громко ругается.

Хозяйка сказала:

— Вот я сама подою корову, меня-то, свою хозяйку, она не осмелится ругать!

Но только она села доить корову, как Бебеле опять закричал:

— Ах ты негодница, ах ты дрянная!

Хозяйка тоже испугалась и убежала из хлева.

Затем она велела сходить в хлев своему мужу, но корова обругала и мужа.

Он в испуге побежал к раввину, за советом. Тот сказал:

— Вот я сам пойду посмотрю, что это случилось с вашей коровой!

Но только раввин вошел в хлев, как услышал:

— Ах ты скверное животное! погоди, задам я тебе!

Раввин выбежал из хлева и сказал:

— Это очень дерзкая корова! Ее непременно нужно зарезать.

Сейчас же позвали резника, и он зарезал рыжую корову. Мясо ее положили на ледник, а требуху отнесли далеко за дом и бросили.

Как раз мимо этого места проходил старый нищий. Он увидел коровью требуху и сказал:

— Эге! У меня нет денег на мясо, я возьму эту требуху, сварю ее, и у меня будет вкусный обед!

Он взял требуху, перебросил ее через плечо и пошел домой.

А надо сказать, что у Бебеле была маленькая сабля. Он сделал ее из обломка старой иглки. Вот этой саблей он и стал колоть нищего в плечо. Не думайте, что он хотел сделать больно старику: он только хотел напомнить о себе.

Нищий перекинул требуху на другое плечо. Но мальчик Бебеле опять уколол его. Тогда нищий решил посмотреть, что это его колет. Он разрезал требуху и увидел Бебеле. А Бебеле только этого и надо было: он выскочил и встал перед нищим. Нищий узнал его и очень удивился.

— Те-те-те... — сказал он. — На свете все бывает! Вот мы и опять встретились! Но что мне с тобой делать, мальчик Бебеле?

— Отнеси меня домой! — сказал Бебеле.

Нищий отнес его домой к старику и старухе. Они очень обрадовались, усадили нищего за стол и досыта накормили. И все были рады, что все кончилось так благополучно.

КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЕНКА

Ингушская сказка

Когда-то очень давно у одного горского князя родился сын. Его назвали Фушт-Бейг. Малыш много плакал, и отец, чтобы его успокоить, говаривал:

— Не плачь, сынок, не плачь, я женю тебя на красавице Джинагаз.

Мальчик часто слышал эти слова, и они запали ему в душу.

Прошли годы, Фушт-Бейг вырос, стал статным и красивым парнем, но он не смотрел на девушек. Все его товарищи женились, лишь он один сидел дома и грустил. Однажды отец его спросил:

— Почему ты, мой сын, такой печальный? Почему ты не смотришь на девушек?

— Отец, в далеком детстве ты обещал женить меня на красавице Джинагаз. Где красавица? Я хочу на ней жениться,— сказал сын.

Отец ответил:

— Я не знаю, сын, где эта красавица, не знаю даже, есть ли она на свете, но если ты хочешь жениться, я сосватаю тебе любую из княжеских дочерей.

— Не нужны мне княжеские дочери,— говорит сын.— А нужна только красавица Джинагаз. Я поеду по земле и сам ее найду. Подари мне, отец, достойного коня.

Отец подарил сыну самого лучшего из своих коней, дал ему самое лучшее оружие, и Фушт-Бейг отправился на поиски невесты. Много земель он изездил, много времени провел в пути и вот однажды остановился на ночлег в заброшенном шалаше у озера. Рано утром он поехал дальше. Вдруг из прибрежных камышей выскочил очень красивый заяц. Парень залюбовался им и захотел его поймать, но заяц скрылся в камышах. Парень вернулся в шалаш, чтобы завтра утром еще раз увидеть зайца. На завтра заяц опять выскочил из камышей, но Фушт-Бейг опять его не на-

гнал. Лишь на третий день он нагнал зайца. Только протянул к нему руку,— заяц обернулся прекрасной девушкой.

Красавица говорит:

— Не губи меня, Фушт-Бейг. Я готова стать твоей женой. Меня зовут Джинагаз.

— Я обещаю не трогать тебя, красавица Джинагаз,— говорит Фушт-Бейг.

— Тогда отправляйся домой, в свой аул. Через неделю, в пятницу, я приеду к тебе и стану твоей женой. Встречай меня на холме за аулом,— сказала красавица.

Фушт-Бейг вернулся домой. Оказалось, что за время странствий умерла его мать и отец взял себе молодую жену. Фушт-Бейг рассказал отцу и мачехе, сколько земель он изъездил, сколько диковин повидал, рассказал и о самом дивном диве — о том, как заяц обернулся красавицей Джинагаз, той самой красавицей, о которой говорил ему отец в далеком детстве. Эта красавица согласилась стать его женой. Она приедет в пятницу, и он будет встречать ее на холме за аулом.

Мачеха сразу невзлюбила Фушт-Бейга. Она приказала своему верному слуге помешать встрече в пятницу.

Слуга пришел к Фушт-Бейгу и говорит:

— Когда поедешь встречать невесту, возьми меня с собой, великодушный Фушт-Бейг. Я провожу тебя, я буду твоим слугой.

— Мне не нужны провожатые, мне не нужны слуги,— сказал парень.— Много времени я ездил по земле, ездил один, и невесту мою, красавицу Джинагаз, я нашел один.

Но слуга не отставал, и Фушт-Бейгу пришлось согласиться. В пятницу он встал на рассвете и поехал на холм, который высился за аулом. С ним поехал слуга. Они приехали в условленное место очень рано, Фушт-Бейг расстелил бурку и прилег отдохнуть. Едва он задремал, слуга поднес к его носу сонное снадобье. Парень заснул долгим глубоким сном.

К полудню показались лошади, повозки, и на холм выехала красавица Джинагаз в сопровождении сорока девушек. Девушки начали танцевать, веселиться, а Джинагаз, увидев, что жених ее спит, попробовала его

разбудить. Но как она ни старалась, разбудить не смогла. Она рассердилась и сказала слуге:

— Я его невеста Джинагаз, я приехала, чтобы стать его женой. А он, вместо того чтобы меня встречать, спит! Передай своему хозяину, что я рассердилась и что приеду снова через семь дней, в следующую пятницу.

Фушт-Бейг проспал до вечера. Когда проснулся, спрашивает слугу:

— Расскажи, что здесь было днем? Кто-нибудь приезжал? И как это я проспал до вечера?

Слуга говорит:

— Сюда приезжали девушки, они танцевали, веселились. Самая красивая хотела тебя разбудить, но не смогла. Она рассердилась и попросила передать тебе, что снова приедет через семь дней, в пятницу.

В следующую пятницу все повторилось.

В третью пятницу Фушт-Бейг выехал совсем рано, до света. На рассвете он был уже на месте. И опять не выдержал, прилег, и опять слуга дал ему поюхать сонного снадобья. Красавица Джинагаз не будилась его и в третий раз. Она надела ему на палец золотое колечко и сказала слуге:

— Больше я сюда не приеду. На память я оставила ему колечко.

Фушт-Бейг вернулся домой. Теперь он был еще печальней, чем прежде.

— Что с тобой, милый сын? — спрашивает отец. — Почему ты такой печальный?

Сын рассказал отцу, как трижды он ездил встречать красавицу и как трижды проспал встречу.

— Не пойму, что со мной было, но я трижды спал как убитый и не мог проснуться до вечера.

Отец понял, что во всем виновата его молодая жена. Он пришел к ней, выхватил кинжал и говорит:

— Признавайся, что ты сделала против моего сына?

Жена во всем призналась. Но что толку? Фушт-Бейг снова поехал на поиски невесты. Опять много времени провел он в пути; опять изъездил много земель и вот однажды в дикой безводной степи увидел девушку, которая шла с кувшином по воду. Он поспешил к ней. Лошадь его не пила три дня и еле переставляла ноги. Когда почуяла воду, она рванулась

вперед и упала без сил. Девушка подошла к колодцу, набрала воды и дала напиться лошади. Лошадь ожила, поднялась на ноги. Фушт-Бейг поздоровался с девушкой и сказал, что он давно в пути, а последние дни едет по безводной степи, за три дня не встретил ни одного колодца.

— Спасибо тебе,— сказал он,— что ты напоила мою лошадь. Скажи мне, кто ты и откуда?

— Я прислуживаю княжеской дочери Джинагаз,— ответила девушка.— Во дворце у красавицы работают сорок девушек, мы все по очереди ходим сюда за водой.

— Эту воду ты отвесешь прекрасной Джинагаз? — спросил Фушт-Бейг.

— Да, эта вода для нее.

— Дай мне тоже напиться,— попросил Фушт-Бейг,— я ведь тоже, как и моя лошадь, не пил три дня.

Девушка протянула ему кувшин, Фушт-Бейг напился и тихонько бросил в кувшин золотое колечко, которое оставила ему прекрасная Джинагаз. Девушка ушла, а Фушт-Бейг спокойно улегся спать среди степи. Теперь он знал: его невеста недалеко.

Красавица Джинагаз умывалась. Вдруг из кувшина выпало колечко. Она сразу его узнала, созвала служанок и спросила:

— Кто сегодня ходил по воду?

Девушка, которая принесла воду, сказала:

— Я сегодня ходила по воду. У колодца от жары и жажды упала лошадь. Я напоила лошадь и всадника.

Джинагаз отправила слуг искать всадника. Они нашли его у колодца, он спал. Слуги разбудили его и говорят:

— Красавица Джинагаз приказала нам разыскать тебя и привести к ней. Садись на коня, поедешь с нами.

Фушт-Бейг сел на коня и вскоре увидел, наконец, свою невесту. Он женился на ней, и зажили они весело и счастливо.

Через некоторое время пришла весть, что выходит замуж сестра прекрасной Джинагаз. Красавица говорит мужу:

— Я поеду к сестре. Ты поживи без меня. Будешь здесь единственным хозяином. Пей, гуляй, веселись,

делай что хочешь, только не открывай последней двери в моем дворце.

Красавица уехала. Фушт-Бейгу было скучно, он обошел все комнаты дворца, делать было нечего. «Хотелось бы узнать, что в последней комнате,— думал он.— Почему жена запретила мне туда заходить? А что будет, если я туда загляну? Жена ничего не узнает...» И он открыл дверь в последнюю комнату. Там в темноте стоял прикованный к стене цепями огромный, покрытый шерстью, гарбаш.¹ Фушт-Бейг испугался, отступил назад. Но гарбаш говорит:

— Не бойся меня, богатырь. Подари мне свободу, и я сослужу тебе службу, сделаю для тебя добро.

Фушт-Бейг согласился. Он попробовал разбить цепи, но не смог. Гарбаш говорит:

— У тебя не те силы, чтобы разбивать цепи. Да и не надо этого делать. Вон там на полке лежит ключ. Открой им замки.

Фушт-Бейг освободил одну руку гарбаша. Тот говорит:

— Больше не надо, дальше я справлюсь сам.— Он потянулся, тряхнул плечами, взялся двумя руками за цепь и легко ее порвал. Так же легко он порвал цепи, которыми были прикованы его ноги.

— Теперь я хозяин в этом дворце,— сказал гарбаш и начал пировать и веселиться.

Красавица Джинагаз в тот же день почувствовала, что дома у нее беда. Она попросалась с сестрой и поспешила домой. Во дворце ее встретил новый хозяин — огромный, покрытый шерстью, страшный гарбаш. Она поняла, что муж не послушался ее запрета и освободил чудовище.

— Ты ослушался меня,— сказала она мужу,— и загубил всю нашу жизнь. Теперь мы к тебе не уедем: гарбаш не отпустит, и никак от него не убежать.

Этот гарбаш в один присест съедал целого быка, а потом ложился спать на трое суток. Фушт-Бейг говорит жене:

— Мы сбежим от гарбаша. Когда он наестся и уснет, мы сядем на моего быстрого коня и помчимся в аул.

Когда гарбаш заснул, они так и сделали. Конь гар-

¹ Гарбаш — человекоподобное чудовище.

баша, у которого было только три ноги, сразу это почувял. Он стоял в медной конюшне, спутанный железными путами. Он порвал железные путы, сломал медную дверь, подбежал к гарбашу, крепко топнул копытом и заржал:

— Ты тут хранишь, а красавица Джинагаз убежала из дому!

Гарбаш проснулся и спрашивает коня:

— Как, друг, поступим, подкрепимся и догоним или не подкрепившись догоним?

— И подкрепившись догоним и не подкрепившись догоним,— отвечает конь.

Гарбаш сел на своего трехногого коня и быстро догнал беглецов. Он вернул их домой, во дворец, и сказал:

— Ты не спросил у меня позволения уехать, Фушт-Бейг. Ты бежал и заслужил смерть. Но я обещал отплатить тебе добром и потому дарю жизнь.

А вскоре Фушт-Бейг и Джинагаз снова убежали от гарбаша, пока тот спал, и снова конь разбудил хозяина, и снова гарбаш догнал беглецов. Он сказал:

— Второй раз дарю тебе жизнь, беглец. Но в третий раз пощады не жди!

На другой день Фушт-Бейг говорит жене:

— Нам не уйти от гарбаша. Конь у него не простой. Он хоть и на трех ногах, но легко догоняет самого резвого коня. Что у него за конь? Где он его взял? Мы не уйдем отсюда, пока не добудем такого же коня.

Красавица Джинагаз рассказала мужу, как гарбаш добыл себе коня.

— Однажды он три дня и три ночи пас кобылиц у ведьмы. Три дня и три ночи ведьма пугала его, но гарбаш крепко держал поводья всех трех кобылиц, ни на миг не выпускал. Под конец третьей ночи одна из кобылиц ожеребилась. В тот же миг неизвестно откуда слетелись хищные птицы и все устремились к жеребенку. Среди птиц было три огромных орла. Гарбаш одной рукой удерживал кобылиц, а другой защищал жеребенка. Его меч поразил всех птиц, но один из орлов все же прорвался к жеребенку и отхватил у него переднюю ногу. За этого жеребенка и работал гарбаш, его он получил в награду. Из жеребенка вырос самый быстроногий конь. Хоть и три у него ноги, но нет ему равного на земле.

— Я хочу попытать счастья, заработать жеребенка у ведьмы,— говорит Фушт-Бейг.

— Это очень трудно,— говорит красавица.— Если не убережешь ее кобылиц, ведьма убьет тебя.

Но Фушт-Бейг все-таки решил попытать счастья. Долго ехал Фушт-Бейг к тем местам, где жила ведьма. Припасы кончились. «Кусочек какого-нибудь мяса меня бы спас»,— подумал он. Вдруг на дороге оказался орел с перебитым крылом.

— Вот теперь я поем!— обрадовался Фушт-Бейг.

— Сжался надо мной!— говорит орел.— Я ранен, помоги мне. И я тебе когда-нибудь службу сослужу.

Фушт-Бейг обмыл его рану, смазал ее салом и отпустил орла.

Вскоре он встретил лисицу с перебитой лапой.

— Ну теперь-то я поем!— обрадовался Фушт-Бейг.

— Сжался надо мной!— умоляет лисица.— Я ранена, помоги мне. И я тебе когда-нибудь службу сослужу.

Фушт-Бейг перевязал лапу лисицы и отпустил ее. Потом он увидел на берегу реки большую рыбу. Она лежала на песке, жабры ее вздувались.

— Ну теперь-то я наконец поем!— закричал Фушт-Бейг и подбежал к рыбе.

— О, сжался надо мной!— слабым голосом сказала рыба.— Помоги мне, столкни меня в воду. Я тебе когда-нибудь помогу.

Фушт-Бейг столкнул рыбу в воду и голодный двинулся дальше. И вот приехал туда, где жила ведьма.

— Зачем ты здесь, человек?— спрашивает ведьма.

— Я приехал попытать счастья, поработать у тебя, попасть твоих кобылиц. Хочу заработать жеребенка.

— Кто не убережет моих кобылиц, того я убиваю,— говорит ведьма.— Двадцать удалцов пасли моих кобылиц. Двадцать голов отрубила я своим мечом. Ты хочешь, чтобы твоя голова стала двадцать первой?

— Мне надо заработать необыкновенного жеребенка. Я буду пасти твоих кобылиц,— сказал Фушт-Бейг.

Наступила первая ночь. Храбрец намотал на руку поводья и вывел кобылиц на сочную траву. И тут вокруг него засверкали молнии, загредел гром, посыпался град. А потом поднялась снежная буря, завывала, закрутилась метель. Фушт-Бейгу было страшно, но он не

выпускал поводья из рук и не спускал глаз с ведьминых кобылиц. Ведьма увидела, что этого храбреца ничем не проймешь, и проговорила над самым его ухом:

— Ты тут кобыл стережешь, а косматый гарбан увез твою жену, красавицу Джинагаз, в неведомые земли.

Фушт-Бейг повернул голову — на миг оглянулся на голос, а потом глянул на кобылиц, но их уже и след простыл. Кинулся он в ночную тьму на поиски. Но нигде ничего не было видно. Он приуныл и вдруг наткнулся на спящего орла. Это был тот самый орел, которого он пощадил и вылечил. Фушт-Бейг разбудил его и рассказал о своей беде.

Орел говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в пещере, вон в тех горах на востоке.

Он полетел высоко в горы и пригнал кобылиц к Фушт-Бейгу. Тот взял их крепко за поводья, а когда рассвело, привел к ведьме. Она говорит:

— Спасибо за работу. Ты — молодец, сумел их сбросить.

Наступила вторая ночь. Ведьма из сил выбилась — так старалась его испугать. Но Фушт-Бейг не испугался ни грома, ни града, ни молний. Тогда она опять сказала над самым его ухом, что косматый гарбан увез его жену. Фушт-Бейг на миг оглянулся — кобылицы исчезли.

Опять кинулся он в ночную тьму на поиски и наткнулся на спящую лисицу. Это была та самая лисица, которую он пощадил и вылечил.

Фушт-Бейг разбудил ее и рассказал о своей беде. Лисица говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в темном лесу, вон в тех горах на западе.

Она побежала в горы, выгнала кобылиц из лесу и пригнала к Фушт-Бейгу. Он их поймал, намотал поводья на руку, а когда рассвело, привел их к ведьме. Она говорит:

— Ты снова сумел их уберечь... Теперь берегись: впереди последняя ночь!

На третью ночь все повторилось. Фушт-Бейг побежал искать кобылиц и остановился у реки. Он вспомнил, что большая рыба обещала ему помочь. Кликнул он ту рыбу, она высунула голову из воды и говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц на дне моря. Сейчас я тебе их пригоню.

Рыба ушла в воду, поплыла в море, разыскала на дне ведьминых кобылиц и пригнала их Фушт-Бейгу. Он поймал их и крепко намотал поводья на руку.

Потру одна из кобылиц ожеребилась. И тут же налетело множество хищных птиц. Все они устремились к жеребенку. Фушт-Бейг одной рукой удерживал кобылиц, другой — боролся со страшными птицами. Он рубил мечом без промаха. К восходу солнца все враги были перебиты.

Жеребенок уцелел! Он стоял на всех четырех ногах!

Фушт-Бейг подтолкнул его к матери, чтобы он пососал материнского молока. Жеребенок напился молока и стал взрослым могучим конем.

Фушт-Бейг привел кобылиц к ведьме и говорит:

— Я справился со своей работой, сослужил тебе службу — отдавай теперь жеребенка!

Ведьма удивилась. Она не могла понять, как Фушт-Бейг отыскал кобылиц на дне моря, но делать нечего, пришлось отдать жеребенка — теперь уже не жеребенка, а взрослого прекрасного коня.

Фушт-Бейг вернулся к жене, красавице Джинагаз. Снова они дождались, когда гарбаш заснул, сели на своего коня и умчались от него прочь.

Гарбаш проснулся и спрашивает своего коня:

— Как, друг, поступим: подкрепимся и догоним или догоним, не подкрепившись?

— Хоть подкрепимся, хоть не подкрепимся — теперь все равно не догоним! — отвечает конь.

Но гарбаш все же сел на него и помчался за беглецами. Быстро, как ветер, бежал трехногий конь. Но быстрее бежал четырехногий.

Трехногий немного устал, и тогда гарбаш стал его подгонять, бить по бокам дубинкой. Трехногий кричит четырехному:

— Дай тебя догнать, сжался надо мной, милый брат! Мы ведь рождены одной матерью! У меня нет сил тебя догнать, и вот гарбаш бьет меня своей тяжелой дубинкой. Еще немного, и я упаду!

Четырехногий отвечает:

— Мне жаль тебя, милый брат, но я не дам себя догнать, потому что твой хозяин хочет убить моего.

Окажу помощь тебе по-другому — помогу избавиться от злого хозяина. Я сильно ударю копытами в землю, выбью глубокую яму. Ты на всем скаку остановись у края, твой хозяин вылетит из седла и упадет в яму.

Трехногий сразу же согласился. На всем скаку он остановился у края ямы, которую выбил четырехногий, и гарбаш полетел в яму. Посыпалась вниз с ее краев земля и засыпала его навсегда.

А храбрый Фушт-Бейг с красавицей Джинагаз приехали в родной аул и стали там жить спокойно и счастливо.

ТРУДОВЫЕ ДЕНЬГИ

Кабардинская сказка

Был у одного человека сын-лентяй. Отец трудился с утра до позднего вечера, а сын с утра до позднего вечера бездельничал. Как люди работают, он и понятия не имел: ел и пил готовое, одевался в одежду, сшитую чужими руками. Притом и отцовских денег не жалел: тратил их не считая.

Надоело это отцу. Решил он приучить сына к труду, сделать его бережливым. Отвез он сына в соседний аул и отдал его в работники за один золотой в год.

Не хотелось лентяю идти в работники, да ничего не поделаешь. А хозяин узнал, что лентяй — сыночек не бедных родителей, и подумал: «Зачем я буду заставлять парня работать, как других моих работников? Ведь привезли его ко мне, наверно, не за этим. И если я буду его на работе морить, отец может, пожалуй, и обидеться на меня!»

И хозяин не принуждал лентяя работать. Он хорошо кормил и хорошо одевал молодого бездельника.

Прошел год, хозяин дал, как было уговорено, один золотой и отпустил его.

Пришел сын домой.

— Ну как, сынок, поработал? — спрашивает отец.

— Поработал.

— Получил за свой труд плату?

— Получил.

— Дай-ка ее сюда!

Подав сын отцу полученный от хозяина золотой.

Отец взял этот золотой и, даже не взглянув, забросил в реку. Сын нисколько не удивился и не обратил никакого внимания на такой странный поступок отца. Да и деньги-то какие, подумаешь — всего один золотой!

— Ну, сынок, — сказал после этого отец, — поработай еще годик!

И отвел его в другой аул, к другому хозяину. С этим хозяином он уговорился, что сын проработает у него ровно год и получит за свой труд один золотой.

Этот хозяин, как и первый, подумал:

«Может, привели этого молодца ко мне, чтобы испытать, каков я. Нет уж, не стану заставлять его работать, а то будет потом говорить, что у меня жалости нет».

И он не стал принуждать лентяя работать: хочешь — работай, не хочешь — не работай. А кормил и одевал лентяя хорошо.

Когда прошел год, хозяин дал ему золотой и отпустил домой.

Пришел сын к отцу.

— Ну, сынок, работал ты? — спрашивает отец.

— Работал.

— Получил деньги за работу?

— Получил.

— Дай-ка их сюда!

Подав сын отцу золотой. Отец взял этот золотой и забросил его в реку. Сын по-прежнему не обратил никакого внимания на поступок отца — даже не спросил его, зачем он бросил золотой в реку. Видит отец, что не так шло дело, как ему хотелось.

На третий год отвез он сына в дальний аул и отдал в работники.

— Вижу я, — сказал отец хозяину, — что ты человек небогатый, поэтому и не прошу никакой платы за труды моего сына. Пусть так работает!

Догадался хозяин, что неспроста привезли к нему этого молодца. С первого же дня он заставил его работать и не позволял ни на минуту сесть передохнуть. Только вечером, когда солнце зашло, он дал ему поесть.

Так и пошло день за днем: хозяин встанет чуть свет, примется за работу и лентяя поднимает. Сам трудится без усталости и парню бездельничать не позволяет.

Тяжелым показался лентяю труд: он и охал, и кряхтел, и потом обливался, а хозяин будто и не замечал этого. Только одно повторял:

— Как я работаю, так и ты работай! Ни в чем от меня не отставай! Не будь лентяем! Не будь дармоедом!

Видит лентяй, что не спрячешься от работы.

И со временем так привык трудиться, что его и попускать не нужно было. Прежде хозяин подгонял его и бранил, а теперь иной раз и похваливал.

Проработал парень год, натер на руках изрядные мозоли, а свою нарядную одежду истрепал.

Когда срок кончился, хозяин сказал:

— Твой отец не просил никакой платы за твой труд, но ты так хорошо работал, что нельзя отпустить тебя с пустыми руками. Вот тебе два золотых. Отправляйся домой!

Вернулся сын домой. Взглянул на него отец, усмехнулся незаметно в усы и спросил:

— Ну, сынок дорогой, работал ты?

— Работал.

— Хорошо ли работал?

— Хорошо.

— А заплатил ли тебе хозяин за твою работу?

— Заплатил два золотых!

— Дай-ка их сюда!

Подавал сын отцу два золотых. Отец взял эти золотые и только замахнулся, чтобы бросить их в реку, как сын подскочил к нему и схватил его за руку. Отец взглянул на него и спросил:

— Что это ты так испугался?

Тогда сын воскликнул:

— Не бросай, отец, эти золотые в воду! Они достались мне тяжелым трудом!

Улыбнулся отец и сказал:

— Вижу, сынок, что это твои трудовые деньги! А трудовые деньги зря не разбрасывают! Понял ты теперь это?

— Понял!

СТРЕЛОК И ЦАРКИН-ХАН

Калмыцкая сказка

В давние времена в кочевьях Царкин-хана жил стрелок-молодец. Отправился он однажды на озеро охотиться и увидел трех желтоголовых лебедей. Увидел он лебедей, спрятался в зарослях камыша и стал следить.

Три желтоголовых лебедя опустили на берег, сбросили свои перья и превратились в трех прекрасных девушек. Вошли девушки в воду и стали купаться. Стрелок подкрался, схватил перья одного лебедя и опять спрятался в камышах.

Девушки выкупались и вышли из воды. Две накинули на себя лебединые перья, а третья не могла найти свои. Два лебедя взлетели, стали высматривать, где перья их сестры, но ничего не увидели.

— Ну, верно, судьба твоя такая! — сказали они. И улетели.

Осталась девушка одна. Бегает она по берегу, ищет свои лебединые перья, горько плачет и говорит:

— Если человек, который найдет и отдаст мне мои лебединые перья, беден — сделаю его богатым. Если он уродлив, сделаю его красавцем, дам ему все, что он попросит, исполню любое его желание!

Стрелок вышел из камышей и сказал:

— Девушка, не горюй! Лебединые перья, что ты ищешь, у меня!

Увидела девушка в руках у молодца свои лебединые перья, обрадовалась. Робко подошла к нему и говорит:

— Братец мой, сделали вы доброе дело — нашли мои лебединые перышки, сделайте и еще одно доброе дело: отдайте их мне! За это я дам вам все, что пожелаете, исполню всякое дело, какое задумаете!

— Что же ты можешь мне дать? — говорит стрелок. — Ты сама мне нужна! Согласна ли быть моей женой?

Девушка взглянула на стрелка-молодца и сказала:

— Согласна.

Тогда стрелок взял ее за руку и привел в свое кочевье.

Стали они жить в бедной кибитке стрелка в большой любви — не могут наглядеться друг на друга, даже на миг не хотят расстаться.

Прошло немного времени. Услыхал Царкин-хан, что у его стрелка появилась жена — невиданная красавица. Любопытно стало хану, захотел сам убедиться, правдива ли молва. Отправился он в кибитку стрелка и видит — не преувеличивали люди, когда говорили о красоте этой женщины: второй такой красавицы никогда и нигде не бывало. Прекрасна она, как дочь солнца! Невозможно сравнить ее ни с одной женщиной в их большом ханстве.

Полюбовался на нее Царкин-хан, вернулся в свой дворец и тотчас созвал своих дарханов — сановников и чиновников.

Говорит им:

— Есть у моего стрелка жена — невиданная в мире красавица, вторую такую женщину невозможно встретить. И такая небывалая красавица, подобная лучу солнца, досталась в жены простому стрелку. Дайте совет, как заполучить ее.

Подумали сановники-дарханы и сказали:

— Можно похитить ее и тайно держать во дворце.

Другие сказали:

— Стрелка можно убить, а ее взять.

Третьи возразили:

— Не надо убивать стрелка. Можно просто изгнать его из пределов ханства и тогда спокойно забрать его жену.

Когда каждый из них выложил свой совет, поднялся старший дархан правой стороны и сказал:

— Слышал я, что в той стороне, где заходит солнце, на крутом берегу широкой реки живет большая тигрица с тигрятами. Она лютее и свирепее всех зверей. Надо послать стрелка, приказав принести хану ее молока. Живым ему не вернуться — тигрица его непременно съест. Тогда, думаю, легко будет взять его красавицу жену.

Понравилась коварная выдумка и самому Царкин-хану, и всем его приближенным. Хан тут же притворился больным и приказал позвать своего стрелка.

Когда стрелок пришел, хан с оханьем и стонами сказал ему:

— Видишь, какая тяжелая и опасная болезнь постигла меня? Средство, которое может излечить мой недуг, находится в той стороне, где заходит солнце. Там, на обрывистом берегу большой реки, живет тигрица с тигрятами. Говорят, она лютее и свирепее всех зверей. Но только ее молоко может вернуть мне здоровье и силу. Немедля отправляйся и принеси мне молока той тигрицы!

Сказал это Царкин-хан и стал корчиться еще больше, стонать еще громче.

Вернулся стрелок в свою кибитку и стал собираться в дальний путь. Надел он свою одежду самую лучшую, пристегнул лучшее оружие. Спрашивает его жена:

— Куда вы отправляетесь?

Стрелок поведал ей все. Поняла жена, что неспроста посылает Царкин-хан ее мужа за молоком тигрицы, есть у него какой-то недобрый умысел. Достала она свой желто-пестрый платок, подала его мужу и сказала:

— Возьмите этот платок, он поможет вам избежать гибели. Когда тигрица кинется на вас, выньте платок и махните им. Тогда тигрица станет кроткой и позволит надоесть своего молока. Эта тигрица раньше жила у меня!

Спрятал стрелок желто-пестрый платок, сел на коня, простился с молодой женой и поехал в страну заходящего солнца.

Долго он скакал и наконец прискакал к крутому, отвесному берегу широкой, как море, реки, где жила тигрица с тигрятами.

Увидела она стрелка с расстояния в целый день езды, зарычала оглушительно и бросилась навстречу, чтобы растерзать его. Тут стрелок быстро достал желто-пестрый платок и махнул им.

Тигрица сразу остановилась, перестала рычать и спросила:

— Скажи, молодец, где ты взял этот платок?

Сказал стрелок, что платок дала ему его жена.

— Тогда скажи, зачем ты сюда приехал? — спрашивает тигрица.

Сказал стрелок, что хан опасно заболел и приказал достать ее молока.

— Если так,— молвила тигрица,— тогда слезай с коня и надой моего молока.

Стрелок так и сделал. Потом поблагодарил тигрицу, пожелал здоровья ее тигрятам и поскакал в родные края.

Приехал он и тотчас же отнес хану молоко тигрицы. Тому ничего не оставалось, как отхлебнуть молока и сказать:

— Вот я и выздоровел!

Отпустил стрелка, а сам сейчас же созвал своих дарханов и говорит:

— Хитрый совет дал наш старший чиновник, только ничего хорошего не получилось; не разорвала тигрица стрелка, вернулся он невредим. Какое теперь придумать ему поручение, чтобы он уж больше никогда не смог вернуться сюда?

Стали дарханы думать. Долго думали, пока не поднялся, наконец, старший дархан левой стороны и сказал:

— Я думаю, что только одно и осталось: собрать самых отъявленных плутов, напоить их допьяна водкой, накормить досыта жирным мясом и вывести, не знают ли они, как стрелка извести.

На том и порешили. В назначенный день хан и его дарханы собрали тайком пройдох и негодяев, жуликов и плутов, накормили доотвала мясом, напоили допьяна водкой и стали спрашивать:

— Есть ли среди вас такой, что помог бы нашему хану избавиться от стрелка? Или укажите, кто знает, как это сделать?

Тут вскочил один пройдоха в расстегнутом халате, ударил себя в грудь и крикнул:

— Я знаю!

— Отвечай, что ты знаешь! — приказал обрадованный Царкин-хан.

— Надо послать стрелка неведомо куда и приказывать ему привезти неведомо что,— говорит пройдоха.— Будет он искать неведомую страну, будет искать вещь, у которой нет ни места, ни вида, до самой своей смерти и не появится уж никогда в здешних местах!

Одобрили Царкин-хан и его дарханы выдумку пройдохи, щедро наградили его и отпустили. А хан

опять притворился больным, приказал позвать стрелка и говорит ему со стоном и оханьем:

— Снова охватила меня тяжелая хворь. Чтобы избавиться от нее, должен я получить вещь, которая находится в неведомой стране и у которой нет ни места, ни вида. Никто, кроме тебя, не может найти ее. Отправляйся немедленно и принеси мне эту вещь!

— Куда же я поеду и что принесу? — спрашивает стрелок.

— Не знаю я, не знаю, — говорит Царкин-хан. — Знаю только, что ты один можешь достать мне эту вещь. Не достанешь — умру я!

И принялся изо всех сил охать и корчиться.

Пошел стрелок в свою кибитку и стал раздумывать, что ему делать. Много он думал, но ничего не мог придумать. А жене своей ни слова не говорит, боится встревожить ее.

Через три дня оседлал он коня и решил ехать куда глаза глядят.

— Куда вы едете? — спрашивает его жена.

— Наш хан опять заболел, — отвечает стрелок. — По его повелению я еду в неведомую страну, доставать вещь, у которой нет ни места, ни вида.

Выслушала его жена и сказала:

— В эту страну нельзя ехать на коне, лучше будет идти туда пешком. Возьмите этот клубок, сделайте от кибитки три шага вперед и бросайте клубок. В какую сторону он покатится, туда и вы ступайте. Вот вам еще золотой гребень. Каждое утро расчесывайте этим гребнем волосы.

Прощался стрелок со своей молодой женой, отошел на три шага от кибитки и бросил клубок. И тотчас же клубок быстро покатился, а стрелок пошел вслед за ним.

Шел он за клубком днем и ночью. Сколько минуло дней, недель и месяцев — и счет потерял. Наконец вошел он за своим клубком в большой темный лес. Докатился клубок до маленькой войлочной кибитки и исчез, будто растаял.

Приподнял стрелок вышитую кошму, которой была занавешена дверь, и вошел в кибитку. Встретила его там красивая маленькая женщина и спросила:

— Кто вы, откуда и куда идете?

— Я ханский стрелок,— отвечает молодец, а иду я сам не знаю куда.

Не стала ни о чем больше расспрашивать маленькая женщина. Накормила, напоила и уложила его спать. Как лег стрелок, так сразу и заснул. А как встал поутру, умылся и принялся расчесывать голову золотым гребнем. Хозяйка посмотрела на гребень и спрашивает:

— Где вы взяли этот гребень?

— Мне дала его моя жена,— ответил стрелок.

— Так вы не чужой мне,— обрадовалась женщина,— вы женаты на моей младшей сестре.

Расставила она перед стрелком разные кушанья и говорит:

— Дайте отдых своим уставшим ногам после такого длинного и трудного пути! Оставайтесь здесь на три дня!

И стрелок прожил в ее кибитке еще три дня.

На третий день, когда стрелок хорошо отдохнул, маленькая женщина сказала ему:

— Теперь расскажите мне, куда и зачем вы идете? Стрелок рассказал ей обо всем.

Она дала стрелку клубок шелковых ниток и молвила:

— Ступайте вслед за этим клубком — он доведет до нашей старшей сестры. Может быть, она скажет, куда идти и где найти эту диковинную вещь, у которой нет ни места, ни вида.

Снова пошел стрелок за клубком. Идет день за днем, ночь за ночью. Вышел из того темного леса, тридцать дней и тридцать ночей шел по степи и опять вступил в большой дремучий лес. Наконец клубок подкатился к входу в маленькую войлочную кибитку, что стояла посреди леса, и исчез.

Вышла из кибитки красивая маленькая женщина и спрашивает:

— Кто вы, откуда и куда идете?

— Я прохожий,— отвечает стрелок,— иду издали и далеко.

Не стала женщина ни о чем больше спрашивать, ввела его в кибитку, напоила, накормила и спать уложила.

Поутру, когда стрелок, умывшись, стал расчесывать голову золотым гребнем, хозяйка спрашивает:

— Где вы взяли этот золотой гребень?

— Мне его дала моя жена,— отвечает стрелок.

Просветлело лицо у женщины, обрадовалась:

— Ну, так вы не чужой мне: вы женаты на моей младшей сестре! Что же раньше об этом не сказали? Так куда идете и зачем?

Выслушала женщина его рассказ, покачала головой и молвила:

— Не знаю, где находится эта неведомая страна. Спросить разве у моих помощников?

С этими словами взяла она золотой рожок, вышла из кибитки и громко затрубила.

Со всех сторон пришли, прилетели, приползли, прискакали разные твари — и дикие звери, обитающие в степях и лесах, и птицы, летающие в небе, и черви, живущие под землей, и все другие существа.

Молвила им хозяйка маленькой кибитки:

— Звери и птицы, везде вы бываете, далеко забегаете и залетаете, все знаете, все слышите. Есть среди вас тот, кто знает, где находится вещь, у которой нет ни места, ни вида и которая находится в неведомой стране.

Таких не оказалось, и женщина отпустила всех по своим делам. Потом снова затрубила в свой золотой рожок, и собрались вокруг нее все существа, живущие в воде: рыбы, черепахи, лягушки, змеи, раки. Спросила хозяйка водяных тварей:

— Везде вы бываете, в далекие воды заплываете, все знаете и слышите. Но знает ли кто-нибудь из вас, как попасть в неведомую страну, где находится вещь, у которой нет ни места, ни вида?

— Не знаем! Не знаем! — закричали они. И женщина отпустила всех по их озерам, рекам и болотам. Только один большой рак не ушел.

— Ты хан всех раков? — спросила хозяйка маленькой кибитки.

— Да! — отвечает рак.

— Что ты знаешь? Что слышал? Что ты хочешь сказать? Пусть то будет правда или лживый слух — все равно скажи мне.

Молвил старый рак:

— Если выйти отсюда и идти на полуденную сторону, то на расстоянии месячного пути встретится большое-большое море. Если путник не сможет пере-

правиться через это море, пусть он повернет на запад. На расстоянии месячного пути он найдет переправу. А когда переправится по этой переправе на другую сторону моря, увидит большую дорогу. Эта дорога ведет на полдень. Тот, кто пойдет по этой дороге, ровно через месяц увидит на восточной ее стороне большой дремучий лес. К этому лесу от дороги идет двухколесный след. Если идти по этому следу, попадешь в тот лес. Там путь и окончится. Что дальше, я не знаю.

Сказал это рак и уполз в свое озеро.

Спрашивает маленькая женщина стрелка:

— Ну, молодец, слышали вы, что говорит хан раков?

— Слышал,— отвечает стрелок.

— Если слышали, так отправляйтесь в путь,— говорит женщина.— Может быть, это и есть та неведомая страна, куда вы стремитесь. Больше никто и ничего о той стране не знает. Придется вам раскидывать своим умом!

Накормила она стрелка и собрала его в путь. Простился он с хозяйкой маленькой кибитки и отправился дальше.

Идет он день за днем, нигде не задерживаясь. Целый месяц шел и добрался наконец до моря. Оглядел стрелок море и понял, что никак ему через это море не переправиться. Свернул он на запад и пошел по берегу моря. Еще целый месяц провел он в пути, пока не подошел к переправе. Переправился он на другую сторону моря, нашел большую дорогу и зашагал по ней. И опять целый месяц провел в пути.

Когда месяц истек, стрелок увидел на восточной стороне дороги большой дремучий лес. Пошел он в сторону леса, ни на один миг не останавливался, и до тех пор шел, пока не нашел двухколесный след. Свернул он с дороги и пошел по тому следу. Шел он три дня и три ночи и добрался наконец до дремучего леса.

Вошел стрелок в лес и видит: тянется двухколесный след между деревьями. Пошел он по этому следу. А след довел его до непроходимой чащи и тут оборвался. Стал стрелок пробираться сквозь чащу. Деревья высокие, черные, своими ветвями небо закрыли, нигде просвета не видно, нигде солнечного луча не заметно. Ни вперед, ни вправо, ни влево прохода нет.

Остановился стрелок и думает: «Что я теперь буду делать? Не назад же мне после такого долгого пути возвращаться!»

Стал он оглядываться и вдруг заметил какую-то яму. Спустился стрелок в эту яму и пошел ощупью. Шел, шел и вышел к какому-то жилью, вырытому в земле. Вошел стрелок в это жилье, огляделся — никого в нем нет. Прислушался — ни одного звука не услышал. А по всему видно, что кто-то в этом жилье бывает.

«Кто здесь живет, неведомо, — думает стрелок, — надо всего опасаться, чтобы в беду не попасть!»

Усмотрел он глубокую щель в стене, забрался в нее и тотчас же заснул крепким сном.

Слышит он сквозь сон — забренчали колеса телеги, да так громко, как никогда ни у одной простой телеги не бренчат. Спрятался стрелок получше, притаился и думает: «Что-то будет дальше!»

Слышно ему: остановилась телега у самого жилья. Вошел в жилье молодец страшного облика. Надеты на нем нарядные одежды, пристегнуто к поясу дорогое оружие. Снял этот молодец свое оружие, повесил на одну сторону; снял свое платье, повесил на другую сторону. Потом сел, поджал ноги и молвил:

— Эй, Мурза, подавай кушанье!

Не успел он вымолвить, как перед ним развернулась желто-пестрая скатерть, а на скатерти появились разные лакомые яства и напитки, какие пожелаешь плоды и фрукты, все, что угодно!

Наелся молодец, напился и приказал:

— Эй, Мурза, убери!

И сейчас же желто-пестрая скатерть со всеми блюдами, кувшинами и чашами исчезла, как будто в воздухе растаяла. А приезжий молодец оделся, взял свое оружие и вышел из подземного жилья. Забренчали, зазвенели колеса телеги — уехал он.

Выбрался стрелок из своего укрытия, смотрит — никого нет и ничего нет. Стоит он, дивится, сам думает:

«Что же это за молодец приезжал сюда? И кто же это подавал ему кушанья? И куда девались кушанья, которые после него остались? Дай-ка и я сделаю все, как он делал!»

Снял он оружие и повесил на тот крюк, на который

и неведомый молодец вешал свое оружие. Снял платье и повесил на тот крюк, на который вешал свое платье и неведомый молодец. После того сел на кошму, поджал ноги и молвил:

— Эй, Мурза, подавай кушанье!

И в тот же миг перед ним развернулась желтопестрая скатерть и появились в изобилии самые лакомые кушанья, самые лучшие папитки. Ешь и пей что угодно!

Поел, попил стрелок, насытился и говорит:

— Где ты, Мурза? Садись и ты, пей, ешь досыта!

Появился тут Мурза, сел и стал есть, а когда наелся, сказал:

— Вот уже целых тридцать лет пою и кормлю я того молодца, который недавно приходил сюда, а еще ни разу он не сказал: «Садись, пей, ешь!» Тебе я подал кушанье всего один раз, и ты сказал мне: «Садись, Мурза, поешь!» С тобой мне будет лучше жить! Возьми меня с собой!

— Возьму,— говорит стрелок,— ведь это я за тобой ходил повсюду, тебя я и разыскивал, да вот и нашел здесь, совсем не ожидая!

— Ну, так буду я с этого дня твоим и пойду вместе с тобою! — говорит Мурза.

— Хорошо,— отвечает стрелок,— пойдем вместе!

Вышли они из подземного жилья и пошли. Идет Мурза рядом со стрелком, а увидеть его невозможно.

Поздно вечером дошел стрелок до какого-то безлюдного места. Видит — стоит черная закоптелая кибитка, покрытая драной кошмой. Вошел стрелок в эту кибитку, а в кибитке отшельник — даянчи кладет поклоны и никакого внимания на него не обращает.

— Старичок даянчи, у меня к вам просьба: разрешите переночевать в вашей кибитке!

— Место, чтобы переночевать, у меня найдется,— отвечает даянчи.— А вот накормить тебя я не могу: нет у меня припасов.

— Мне ничего и не нужно,— говорит стрелок.— Лишь бы переночевать.

Указал даянчи стрелку место для ночлега и опять принялся класть поклоны. А перед тем, как улечься спать, достал он свои припасы и стал есть. Пища его — малина, растущая между скалами, собранные в лесу

сухие плоды терна и боярышника. Сидит даянчи, ест и говорит:

— Видишь, чем я питаюсь? Разве могу угостить тебя такой пищей несытной? Да и той у меня немного — собирать ее нет времени: я должен непрерывно класть поклоны.

Не обиделся стрелок.

— Вы,— говорит,— ешьте свое, а я буду есть свое. Эй, Мурза, накорми меня!

Только успел вымолвить — развернулась перед ним желто-пестрая скатерть, вся уставленная яствами и напитками. Сел к ней стрелок и старичка пригласил.

Подивился немало даянчи, уселся рядом со стрелком и стал есть да похваливать. А стрелок вызвал и Мурзу, его тоже накормил. Когда все насытились и встали, стрелок сказал:

— Убери, Мурза!

И все, что было на скатерти, сейчас же пропало, и сама желто-пестрая скатерть исчезла.

Понравилась даянчи лакомая пища. Стал он упрашивать стрелка:

— Променяй мне этого Мурзу, молодец! Дам тебе за него нечто еще более чудесное!

С этими словами он достал длинный шелковый платок и велел стрелку следовать за собой. Когда они вышли из кибитки, даянчи тряхнул платком и молвил:

— Появись дворец!

И в тот же миг появился перед ними прекрасный дворец, кровля которого почти достигала неба. Был тот дворец невиданной красоты, весь украшенный золотом и серебром, усеянный, как глазками, кораллами, жемчугом да драгоценными самоцветами. Это снаружи. А войти внутрь да посмотреть убранство и утварь — такой красоты и богатства не бывало во дворцах самых могущественных ханов.

Мурза шепчет стрелку на ухо:

— Меняй! И дворец будет твой, и я твой буду!

Стрелок послушался его слов — решил поменяться. Старик платком махнул, велел дворцу исчезнуть, и тот исчез в тот же миг — как и не было его. Стрелок взял у даянчи платок и сказал:

— Теперь Мурза ваш!

Простился со стариком и пошел. Дошел до горного перевала, обогнул его стороною, а сам думает: «Не

опрометчиво ли я поступил? Не зря ли поменялся с этим даянчи? Что же, что есть теперь у меня роскошный дворец? Зато нет Мурзы... Что он сейчас делает, где он?»

И вдруг слышит:

— Не горюй, молодец, я иду рядом! Никогда с тобой не расстанусь!

Обрадовался стрелок. Отправился дальше. То пойдет, то побежит — не терпится ему, хочет скорей вернуться домой к молодой жене красавице.

Шел он так без остановки, дней и ночей не считал, и наконец пришел к морю.

«Если идти в обход моря,— думает стрелок,— потребуется еще целый месяц ходьбы. Дай-ка я посмотрю, не встречу ли здесь корабельщиков?»

Пошел он по берегу моря. Идет и видит: остановился у берега большой корабль. А на корабле множество воинов, хотят они переправляться на другую сторону моря. Подошел стрелок к кораблю и говорит:

— Я иду из дальней страны. Сделайте милость, перевезите меня на другую сторону!

Начальник воинов говорит:

— Входи, переправим тебя!

Взошел стрелок на корабль и поплыл по морю вместе с воинами. Те проголодались и стали есть. Стрелок говорит:

— Дайте и мне немножко поесть!

— Вот ты какой,— отвечают воины,— пусти тебя на корабль да еще корми! А нам от тебя какая выгода будет? Не дадим тебе есть: наша пища мереная, тебе дать нельзя!

Стрелок говорит:

— Ваша пища мереная, а моя без всякой меры: захочу — накормлю вас всех, да еще и другим останется!

Рассердились воины, стали бранить стрелка:

— Хвастун ты, обманщик!

Пошли и рассказали своему начальнику. Призвал начальник стрелка и спрашивает:

— Хвастался ли ты, будто можешь разом накормить всех моих воинов?

— Не хвастался, а правду говорил,— отвечает стрелок.

— Если так, то сделай это. Тогда мы и поверим, что ты правдивый человек. А если твои слова ложь,

так мы привяжем тебе на шею камень величиной с быка и бросим в море!

— Хорошо,— говорит стрелок,— докажу вам, что правдивы мои слова! Садитесь в два ряда так, чтобы между рядами был широкий проход!

— Ну, Мурза,— молвил стрелок,— накорми этих воинов досыта!

В тот же миг с одного конца корабля до другого, между рядами воинов, развернулась желто-пестрая скатерть и появились на ней всякие кушанья и напитки, всякие плоды и фрукты — ешь что хочешь, ешь сколько можешь!

Воины напились, насытились, а еда и напитки не убывают — осталось столько, что можно еще целое войско накормить.

— Все ли сыты? — спрашивает стрелок.

— Все! — отвечают воины.

— Ну, Мурза, тогда убирай! — говорит стрелок.

И в то же мгновение все исчезло — и скатерть, и блюда, и кувшины, и чаши.

Изумились воины, рты разинули.

— Никогда,— говорят,— не видели мы такого дива!

Стали они сговариваться, как бы заполучить этого чудесного кормильца. Говорят стрелку:

— Продай нам его!

— Не могу,— отвечает стрелок,— не продается он!

Сколько ни упрашивали, сколько золота ни предлагали — не могли уговорить.

— Если не хочешь продавать,— говорят воины,— тогда променяй! В обмен мы дадим тебе другой чудесный предмет!

— Что же вы дадите мне? — спрашивает стрелок.— Что может быть драгоценнее моего Мурзы? Он мне больше всего нужен!

Принесли воины золотую палку с толстым концом, показали ее стрелку и говорят:

— Дадим мы тебе вот эту палку. У нее есть чудесное свойство: если ударить по земле толстым концом, станет выходить безостановочно конное войско; все воины в блестящих латах, у всех воинов в руках стальные сабли. А если ударить тонким концом, станут выходить безостановочно стрелки с луками в руках.

Увидал Мурза эту палку и шепчет на ухо стрелку:

— Меняй,— говорит.— И войско твое будет, и я твой буду!

Послушался стрелок, поменялся, взял золотую палку.

Когда переплыли море, войны направились в свою сторону, а стрелок — в свою.

Идет стрелок и говорит:

— Где-то теперь мой Мурза?

А Мурзы нет, не откликается он.

Прошел стрелок день и ночь и опять говорит:

— Где же ты, друг Мурза?

Нет Мурзы, не откликается он. Пошел стрелок дальше. Еще два дня и две ночи миновали. Снова он зовет своего друга:

— Где же ты, Мурза? Откликнись!

Нет Мурзы, не откликается он. Совсем загоревал стрелок:

— Ну, видно, обманул он меня! Зря я поменялся с этими воинами!

На пятый день к вечеру стрелок думает: «Позову его в последний раз!»

Стал звать:

— Откликнись, Мурза! Где ты?

И вдруг слышит:

— Не печалься, молодец! Здесь твой Мурза, еще в полдень пришел.

Обрадовался стрелок, уселся и говорит:

— Без тебя я от голода еле жив! Давай поедим скорее!

Развернулась желто-пестрая скатерть, появились на ней всякие яства. Поели стрелок с Мурзой и пошли дальше, не считая день за день и ночь за ночь, и пришли наконец в самую полночь в кочевье Царкин-хана.

Вошел стрелок в кибитку, стал будить жену.

— Проснись,— говорит,— встань, пришел я!

Обрадовалась жена, быстро встала, раздула огонь.

— Здоровы ли вы вернулись? — спрашивает.

Стали рассказывать друг другу, как жили все это время, где что случилось.

— А что наш хан? — спрашивает стрелок.— Проща ли его болезнь? Как он себя чувствует?

— С того самого дня, как вы ушли,— отвечает ему жена,— хан здоров. Уж три раза он приходил и уговаривал меня стать его женой. Но я всякий раз гово-

рила ему: «Непристойно мне думать о новом замужестве. Мой муж отправился добывать для вас целебное средство, и я не знаю, умер он или жив. Как же я пойду за вас замуж?» Но хан твердил: «Твой муж уже давно умер». Я говорю: «Покажите мне его кости, тогда я вам поверю. Когда увижу их — подумаю, какой ответ вам дать». Как услышал хан эти мои слова, сейчас же приказал отнять у меня весь скот и все имущество, и вот осталась у нас только пустая кибитка!

Выслушал стрелок рассказ своей жены и сильно разгневался. Сказал он жене:

— Пойдем к ханскому дворцу! Накажу я хана и за обман и за беззаконие!

Пришел стрелок к ханскому дворцу, остановился вблизи, махнул своим длинным хадаком и молвил:

— Появись на этом месте дворец!

И тут же появился дворец высотой до самых облаков, такой богатый и красивый, что ханский дворец перед ним — бедная лачуга. Вошел стрелок в этот дворец с женою и приказал Мурзе:

— Накорми нас, Мурза!

Как насытились они, вышел он из дворца и ударил по земле тонким концом своей золотой палки. В тот же миг начали выходить стрелки с луками в руках. Стали они у дверей дворца и ждут приказаний. Стрелок говорит им:

— Пока я не проснусь и не встану, никого не впускайте ко мне!

Поутру ханские слуги увидели огромный дивный дворец. Не знают, что и думать.

— Что это, — говорят, — за чудо? Бурхан — бог наш воздвиг за ночь этот дворец или черт его построил?

Побежали, доложили хану. Вышел Царкин-хан, глянул на дворец — чуть рассудок не потерял от изумления.

— Что это такое? — говорит. — Никогда не видывал такого дворца и даже не слыхивал о нем! Ступайте — посмотрите и приведите ко мне человека, который живет в этом невиданном дворце!

Пришли они ко дворцу, говорят привратникам:

— Мы посланцы могучего Царкин-хана. Он приказал все узнать и обо всем доложить ему.

— Что это за Царкин-хан? — говорят привратни-

ки.— Мы о таком никогда не слыхали и нам до него нужды нет. У нас свой хан есть, он сейчас в своем дворце отдыхает. А вы его отдыху не мешайте, ступайте прочь, покуда живы!

Испугались ханские посланцы, побежали к Царкин-хану доложить, что узнали. Стал Царкин-хан их бранить:

— Я посылаю вас не за тем, чтобы вы разговаривали с привратниками. Я приказывал привести ко мне их повелителя!

Распорядился хан жестоко наказать этих слуг, а сам вызвал к себе двух самых сильных богатырей и приказывает:

— Схватите и притащите ко мне живьем владельца этого дворца!

Приходят ханские богатыри ко дворцу. Привратники их и к дверям не подпустили — прогнали.

Притащились те к Царкин-хану, говорят:

— Не пустили нас привратники во дворец! Нам против них не выстоять, нет у нас силы и вполонину!

Приказал тогда Царкин-хан собрать и привести войска.

— Собирайте,— говорит,— всех, кто только может держаться на лошади, и как можно скорее!

Собрали ханские начальники войска. Тридцатью тремя полками в тридцать три ряда окружил Царкин-хан дворец стрелка и приказал кликнуть:

— Выходи сюда, пока солнце над головой, померимся силами!

Стрелок говорит:

— Я живу в своем доме и ни с кем не враждую. Но если Царкин-хан так хочет воевать, буду с ним воевать! Только не пожалеть бы ему об этом!

А Царкин-хан кричит:

— Давай воевать!

Тогда стрелок вышел из дворца и ударил по земле толстым концом золотой палки. И в ту же минуту появилось конное войско — не сосчитать.

— Сразитесь с войсками этого хана!— говорит стрелок.

Двинулись воины, началось сражение. А стрелок ударил по земле тонким концом золотой палки — появилось неисчислимо воинов-стрелков с луками в руках.

Дрогнули войска Царкин-хана, стали отступать. А войска стрелка гонят их, истребляют. К вечеру и сражаться было уже не с кем. Хотели было захватить самого Царкин-хана, а он соскочил с коня и побежал во весь дух ко дворцу стрелка. Бежит и кричит:

— Спасите мою жизнь! Помилуйте меня!

Схватили воины Царкин-хана за руки и за ноги и притащили к стрелку. Поклонился ему хан в ноги — с перепугу не узнал его, — просит помиловать, не убивать его. Засмеялся стрелок.

— Не бойтесь, — говорит, — не убью вас! Захотели вы сражаться, я сражался, а теперь буду вас угощать. Мурза, подавай кушанья!

Развернулась желто-пестрая скатерть, появились кушанья, напитки. Стал стрелок потчевать хана. А сам спрашивает:

— Я слышал, что в ваших кочевьях живет стрелок-молодец. Где он сейчас? Хотелось бы мне посмотреть на него.

— Нет его, — отвечает хан.

— А где же он? — спрашивает стрелок.

— Умер, — отвечает Царкин-хан.

— А вот мы слышали, что он жив, — говорит стрелок.

— Он отправился неведомо куда, — говорит хан. — Срок, когда он должен вернуться, уже давно прошел, вот мы и решили, что он умер.

— А кто и зачем отправил его неведомо куда? — спрашивает стрелок.

Царкин-хан говорит:

— Никто его не посылал, он отправился в далекие края по своей воле. А зачем, я и сам того не знаю.

Рассердился стрелок:

— Я сказал, что не убью вас, но можно ли оставить в живых такого бессовестного лжеца? Когда вы захотели отнять у стрелка его жену, вы притворились больным и потребовали, чтобы стрелок достал вам молока тигрицы. Потом вы отправили его в неведомые края и приказали принести вещь, у которой нет ни места, ни вида. Посмотрите на меня получше, если страх не совсем ослепил вас. Ведь я и есть тот самый стрелок... Я побывал неведомо где и принес вещь, у которой нет ни места, ни вида. Так и не удалось вам погубить меня и выполнить ваш нечистый замысел. Те-

перь по всей справедливости следовало бы убить вас! Затрясая от страха Царкин-хан, упал в ноги стрелку, ползает перед ним на коленях, упрасивает, чтобы тот оставил его в живых. Отстранил стрелок хана ногой и говорит:

— Много вы сделали всяких злых дел, но убивать вас я не буду. Только оставаться здесь не позволю — убирайтесь немедленно прочь подальше отсюда, чтобы никто и никогда больше не видел вас!

— Благодарю и за эту милость! — говорит Царкин-хан.

Взял он свое семейство и поспешно ушел из этих мест. Больше с тех пор его и не видели.

А стрелок-молодец стал жить в том кочевье со своей молодой женой в большой любви и довольстве.

ДЖАНАЙ-ПОСОЛ

Каракалпакская сказка

Было это в давнее время. Бухарский хан послал письмо хану Хорезмскому. А письмо было вот какое: «Слишком громко ржут жеребцы в твоих стойлах, не дают работать нашим кобылам. Прикажи своим жеребцам, чтобы они не ржали!».

Прочитал это письмо Хорезмский хан и опечалился. «Задирается мой сосед, ищет повода, чтобы начать войну. Надо как-то его уговорить, успокоить. Надо послать к нему на переговоры очень умного, хитрого, находчивого человека. Как его выбрать?».

И он приказал своим советникам и визирям:

— Приведите мне худшего из людей, принесите худшую из птиц и худшую из трав.

«Посмотрю, как они умеют рассуждать», — сказал себе хан.

Визири и советники обскакали всю степь и взяли с собой юродивого, сороку и белую колючку.

— Беспольный юродивый, конечно, — самый плохой из людей; бесполезная сорока — самая плохая из

птиц; бесполезная белая колючка — самая плохая из трав,— говорили они между собой.

По дороге они встретили пастуха. Он сидел, ел хлеб и бил блох. «Уж не он ли самый плохой из людей»,— подумали визири и спросили:

— Что ты тут делаешь?

— Зачем спрашиваете, вы и сами видите,— ответил пастух.— Я одновременно угощаю друзей, бью врагов и подкрепляю свои силы.

Визириам понравился его ответ. Они рассказали пастуху о ханском приказе и о том, что они ему несут.

— Нет,— сказал пастух,— хан не будет доволен вашим выбором. Самый плохой человек тот, кто после женитьбы перекочевывает к тестю. Его и возьмите. Самая плохая птица — курица, потому что ест навоз. Даже если хозяин дает ей вдоволь зерна, она все равно ест навоз. Самая плохая трава — черная куга, она совсем несъедобна, а у белой колючки съедобны плоды, скот их ест.

Визири пришли к хану, доставили ему то, что сказал пастух.

— Вы сами до всего этого додумались?— спросил хан.

— Нет, нам дал советы один пастух.

Хан приказал, чтобы к нему привели этого пастуха.

— Сын мой,— сказал хан,— я хочу отправить тебя послом к Бухарскому хану. Он задирается, хочет начать войну. Поезжай к нему. Ты смекалист, у тебя острый ум, помири нас, сверни его с пути войны.

Парень сказал:

— Я согласен быть послом и ехать в Бухару. Но поеду я только один, без сопровождающих.

Он сел на старого верблюда-крикуна, впереди себя посадил козленка и поехал к Бухарскому хану. На улицах Бухары его верблюд громко кричал, а козленок блеял. На эти крики выскакивали собаки и лаяли. Парень стрелял в собак. Об этом доложили хану, что, мол, приехал на верблюде незнакомец и стреляет в наших собак. Хан приказал привести парня к себе.

— Кто ты, за что убиваешь собак?

— Я пастух, однажды на моих овец напал волк, а вот эти собаки увидели его, полаяли немного, но на волка не бросились, овец защищать не стали.

— Где же ты пас овец?—спросил хан.

— В Хорезме.

— О чем ты говоришь, парень? Разве могут собаки из Бухары видеть волка в Хорезме?

Парень говорит:

— Если кобылы в Бухаре слышат жеребцов из Хорезма, то почему здешние собаки не могут видеть хорезмского волка?

Хан удивился, задумался, усмехнулся, понял насмешку и спросил:

— Сын мой, скажи, кто приехал в Бухару впереди тебя?

— Впереди меня приехал козленок.

Хан подумал, что парень не понял его, и снова спросил:

— Есть ли кто с тобой старше тебя?

— Старше меня мой верблюд.

Хан удивился словам парня и понял, что тот приехал в Бухару один, что он и есть посол. Хан оказал послу подобающие почести и помирился с Хорезмским ханом. Парня того звали Джанай. С тех пор у нас смекалистого и остроумного парня зовут Джанай-посол.

СМЕКАЛКА НЕ ХУЖЕ СИЛЫ

Карачаевская сказка

Однажды три нарта¹— Урымек, Сосурко и Гиляхсыртан—отправились в лес на охоту. Ехали они, ехали и заехали в самую непроходимую глушь. Зверей здесь было множество—и серны, и горные бараны, и медведи, и барсы, только на этот раз нартам не повезло, и охота была неудачная:

ни одного зверя они не подстрелили.

Пробродили охотники целый день без толку, утомились, проголодались и сказали:

— Время уже позднее, домой возвращаться нель-

¹ Нарт — богатырь в кавказских сказках.

зя. Надо выбрать место поудобнее и остановиться на ночлег.

Осмотрелись охотники по сторонам и видят: поднимаются к небу клубы дыма.

— Пойдемте, — говорит Урызбек, — на этот огонь, обогреемся хоть у чужого костра, а может быть, и подкрепимся чем-нибудь.

Подъехали нарты к костру и чуть не окаменели от ужаса: сидят у костра три эмгена¹ — роста огромного, во лбу у каждого только один глаз. А возле эмгенов лежат убитые олени. Отрывают эмгены руками куски оленьего мяса и пожирают его с жадностью.

Оробели нарты, не знают, что и делать. Надо бы ускакать побыстрее, да уж поздно — эмгены их увидели. Скрыли нарты свой страх, подъехали к эмгенам и сказали:

— Добрый день, эмгены! Мы — ваши кунаки!²

Обрадовались эмгены, переглянулись и говорят:

— Слезайте, охотники, с коней, садитесь поближе к нашему костру! Будем угощать вас, если вы наши кунаки!

Зажарили они над костром самого жирного оленя и стали потчевать охотников. Успокоились охотники, видят — ничего плохого эмгены как будто не замышляют. Наелись они досыта и улеглись спать.

На другое утро эмгены сказали:

— Знаете вы, нарты, какой порядок у нас давным-давно заведен? Не знаете? Ну так знайте: всякий заезжий гость должен погостить у нас не меньше трех дней. А раз так, подчиняйтесь нам во всем и не вздумайте уйти отсюда, нарушить наши обычаи. Кто попробует уйти, тому в живых не бывать!

Видят нарты: с эмгенами шутки плохи — не одолеть их и уйти от них нельзя. Нечего делать, волей-неволей покорились они и сказали:

— Мы — ваши гости, вы — наши хозяева, что скажете, то и будем делать...

Два дня эмгены с большим усердием угощали своих кунаков, а на третий сказали:

— Наш мудрый обычай велит нам угощать наших кунаков два дня. Теперь вы должны угощать нас,

¹ Эмген — безобразный и глупый великан.

² Кунак — друг, гость.

премудрых эмгенов! А раз с вами нет ничего, кроме ваших дрянных лошадей, то мы и примемся сначала за них. А потом, пожалуй, очередь дойдет и до их глупых хозяев!

Сказали это эмгены и с жадностью набросились на коней. Связали их, как ягнят, и стали пожирать живьем. Похолодели охотники от ужаса, а эмгены управились с конями и говорят:

— А не полакомиться ли нам теперь человеческим мясом? На каждого из нас придется по нарту!

С этими словами эмгены схватили самого младшего из нартов, Гиляхсыртана, и стали связывать его оленьими жилами.

Видят охотники — гибель приходит... Что им делать? Как им быть? Пустился тогда Сосурко на хитрости.

— Благороднейшие и мудрейшие эмгены! — сказал он. — Погодите немного, не торопитесь, успеете вы нас съесть! Ведь мы приехали к вам по одному важному делу. А не заговаривали о нем потому, что не смели, да и вы нас не спрашивали.

Любопытно стало эмгенам — по какому это важному делу приехали к ним нарты?

— Рассказывайте, что это за важное дело у вас! — приказали они.

Тут Урызбек, как старший из нартов, сказал:

— У нас между нартами издавна не утихают споры и драки. Чтобы положить конец всем этим несогласиям, нарты и послали нас к вам. Ведь нам известно, что вы, эмгены, мудрее всех живущих на земле! Дайте нам ответ на наш вопрос!

— Что же это за вопрос? — спросили эмгены.

Урызбек сказал:

— Никак мы не можем решить: что раньше всего появилось — молоток, долото или угольные щипцы. Из-за этого мы постоянно спорим и деремся. И долго еще будем спорить и драться, если вы не рассудите нас!

Призадумались эмгены, да ненадолго. Старший из них усмехнулся и важно сказал:

— Глупы и вы сами, и все другие нарты! Конечно, раньше всего появился молоток!

Второй эмген сердито глянул на первого и сказал:

— Я не менее мудр, чем ты! Слушайте, нарты, что скажу я! Раньше всего было сделано долото.

Третий эмген не захотел отстать и громко крикнул:
— Слушайте, нарты, меня: я ведь куда умнее их! Не молоток и не долото, а угольные щипцы появились раньше всего!

— Нет,— рявкнул первый эмген,— не щипцы, а молоток!

— Нет,— крикнул второй эмген,— не молоток и не щипцы, а долото!

— Нет!— завопил третий эмген.— Не долото, не молоток, а щипцы!

И все они размахивали кулаками и топали ногами. И до того они ожесточились, до того озлобились, что скоро от спора перешли к драке. А потом и вовсе потеряли последний ум и стали вырывать с корнями деревья и награждать один другого страшными ударами. И так они рассвирепели, что забыли и о нартах, и обо всем на свете. Только и слышались хриплые выкрики:

— Молоток!..

— Долото!..

— Щипцы!..

А тем временем нарты развязали Гиляхсыртана и скрылись в дремучем лесу.

Долго еще доносился до них треск деревьев и рев разъяренных эмгенов.

Пока эмгены спорили и били один другого, нарты благополучно вернулись в свой аул.

Недаром, видно, говорят, что смекалка не хуже силы!

МАТТИ-ВЕСЕЛЬЧАК

Карельская сказка

Жили старик со старухой. Было у них два сына. Старшего звали Тойво-неулыба. Хороший он был, работающий, только уж очень хмурый. Никогда не засмеется, никогда не запоеет, одно знает — трубку курит, пыхтит. Рыбу на озере ловит — молчит, сосну в лесу рубит — молчит, лыжи мастерит — мол-

чит. Вот он какой был, Тойво-неулыба!

А младшего звали Матти-весельчак. Хороший был парень. Работает — песни поет, разговаривает — весело смеется. Умел он и на кантеле¹ играть. Как начнет струны перебирать, как заиграет плясовую — никто на месте не устоит, сами собой ноги в пляс идут. Вот он какой был, Матти-весельчак!

Поехал раз Тойво-неулыба в лес по дрова. Отвел сани в сторонку, закурил трубочку, выбрал сосну хорошую и давай рубить. Пошел по лесу стук да треск.

А возле той сосны медвежья берлога была.

Проснулся хозяин-медведь:

— Это кто стучит, мне спать не дает?

Вылез из берлоги, глядит: парень сосну рубит, щепки из-под топора во все стороны летят.

Ух, рассердился медведь!

— Ты зачем в моем лесу стучишь, спать мне не даешь? Зачем куришь-дымишь? Убирайся вон!

Да как хватит Тойву лапой — у того только куртка затрещала.

Выронил Тойво топор, покатился по снегу, перекувырнулся да прямо в сани и свалился. Испугалась лошадь, дернула, и понеслись сани по сугробам, по пням, по полям да и вывели Тойво из лесу. Вот оно как было!

Приехал Тойво-неулыба домой — ни дров, ни топора, куртка разорвана и сам еле жив. Ну да что поделаешь! А дрова-то нужны, печку топить нечем.

Вот поехал в лес Матти-весельчак. Взял топор да кантеле. Едет — играет и песню поет.

Приезжает Матти-весельчак в лес и видит — стоит сосна, с одного боку надрублена, а рядом на снегу топор лежит.

— Эге, да здесь Тойво рубил!

Отвел сани в сторонку, поднял топор, собрался сосну рубить, да раздумал.

— Дай-ка сначала на кантеле поиграю — веселей работа пойдет!

Вот он какой был, Матти-весельчак!

Сел на пенек да и заиграл. Пошел по лесу звон. Проснулся хозяин-медведь.

¹ Кантеле — струнный музыкальный инструмент. Кантеле представляет собой плоский ящик, на котором натянуты струны. Кантеле кладут на колени и играют на нем обеими руками.

— Кто это звенит, мне уши щекочет?

Вылез из берлоги, видит: парень на кантеле играет, шапка на затылке, щеки румяные, глаза веселые, сам песню поет.

Запросились у медведя ноги в пляс.

Заплясал медведь, затопал, заревел:

— Ух, ух, ух, ух!

Перестал Матти играть на кантеле. Перевел медведь дух и говорит:

— Эй, парень, научи меня на кантеле играть. Вот бы у меня медвежата мои заплясали!

— Можно,— говорит Матти-весельчак,— отчего не научить!

Сунул медведю кантеле в лапы. А у медведя лапы толстые, бьет по струнам, ох, как худо играет!

— Нет,— говорит Матти,— плохо ты играешь. Надо тебе лапы тоньше сделать.

Повел он медведя к толстой ели, расщепил ее топором и в щель клин вставил:

— Ну-ка, хозяин, сунь лапы в щель да держи, пока я не скажу:

Сунул медведь лапы в щель, а Матти топором по клину как стукнет! Вылетел клин — медведю лапы-то и прищемило. Заревел медведь, а Матти смеется:

— Терпи, терпи, пока лапы тоньше не станут. Без муки нет науки!

— Не хочу играть!— ревет медведь.— Ну тебя а кантеле твоим, отпусти ты меня домой!

— А будешь людей пугать? Будешь из лесу гнать?

— Не буду,— ревет медведь,— только отпусти!

Загнал Матти клин в щель, вытащил медведь лапы и скорей в берлогу свою забрался.

А Матти-весельчак нагрузил полные сани сосновых дров, взял в руки кантеле и поехал из лесу. Едет и песню поет. Вот он какой, Матти-весельчак!

Стали с тех пор люди без опаски в лес за дровами ездить.

ВОЙНА ИЗ-ЗА РЖАНОГО ЗЕРНЫШКА

Сказка народа коми

Все началось из-за мыши и воробья. Да и ничего не поделаешь: как вышло, так и вышло — назад не вернешь.

Давным-давно на лесной опушке дружно жили мышь и воробей. Добра у них было вдоль. Натаскали они к мышиной норке груды ржи. Разделили рожь пополам, осталось

одно зернышко. Мышь и говорит:

— У тебя, воробей, крепкий клюв, тебе и зернышко надо делить — раз клюнешь, и оно пополам.

А воробью не хочется свой клюв тупить, он и отвечает:

— У тебя, мышь, зубы острые, тебе и зернышко надо делить. Раз надкусишь — оно пополам.

А мышке тоже не хочется острые зубы тупить.

Ни мышь, ни воробей не желают друг другу уступать. Стали они спорить.

Наконец воробей клюнул зерно, сразу его проглотил и вспорхнул на ветку.

Мышь себя от злости не помнит. Под березой бегает, воробья стыдит. А он ее дразнит так и этак.

— Чик-чивик, я твою долю съел! Достань-ка меня, чик-чивик... Поймай-ка меня!

Разъярилась мышь, стала грозиться:

— погоди, воробей, я тебя проучу! Вот соберутся все звери и пойдут войной на птичий род.

А воробей в ответ чирикает:

— Не боюсь, не боюсь. Я всех птиц лесных, полевых соберу. Мы зверей перебьем...

Мышь обежала и поле, и лес, и луга, каждого зверя — большого и малого — оповестила, что птицы идут войной на зверей. Не могли звери этого стерпеть.

А воробей летал и чирикал, что звери решили истребить весь птичий род. Не могли этого птицы стерпеть.

На большой поляне собрались большие и малые

звери. Медведи когти наострили, волки зубы натачили...

Слетелись лесные и полевые птицы,— столько их, что и красного солнца не видно. Здесь гуси-лебеди, орлы, филины и зоркие соколы.

Бросились птицы на зверей, и началась битва. Так один день прошел, другой, третий — триста дней протекло. Все бьются звери и птицы. Из-за чего бьются, сами забыли. Кровь ручьями течет. Из ручьев стали реки, из рек — озера.

Напоследок остались в живых медведь и орел. Орел на елке, медведь под елкой — оба друг друга бранят.

Взлетел орел, кинулся на медведя, а медведь на него — и сломал орлу крыло, но орел успел медведю лапы вывихнуть. Еле-еле убрался Мишка восвояси, но с тех пор он и потомки его так и остались косолапыми.

* * *

Голодный орел со сломанным крылом ходит у кровавого озера. Нет ему ни жизни, ни смерти. Вот до чего война довела!

Тут показался рыбак, поглядел на странное озеро и дальше пошел.

Орел заметил рыбака.

— Возьми меня к себе, добрый человек,— просит он.— Покорми, пока крыло заживет.

И рассказал орел рыбаку, как тут из-за неподделенного ржаного зерна война была, откуда кровавое озеро взялось и как в битве с медведем он себе крыло повредил.

Подумал рыбак, подумал и взял орла с собой. Орел у него целый месяц прожил, съел всех кур и гусей, цыплят и уток. Но крыло у него не зажило. И житья не стало рыбаку. День-деньской бранит его жена, уговаривает:

— Пристрели орла!

Нечего делать, заплакал рыбак — жалко раненую птицу, а все же посадил орла на забор, взял ружье, прицелился.

Стал орел молить:

— Пощади меня, добрый человек. Покорми еще месяц.

Согласился рыбак. Зарезал корову; то мясом, то рыбой кормил орла. Начало поджигать крыло. Да мужику от жены совсем житья не стало. День-деньской бранится. Требуется, чтобы пристрелил орла. Опять рыбак посадил орла на забор, орел опять молит его о пощаде.

Пожалел рыбак орла, зарезал лошадь, принялся кониной его кормить. Зажило орлиное крыло, и говорит орел рыбаку:

— Улечу я от тебя на три дня к дальней горе. Ударюсь о кремнистый камень. Если не обломится крыло, разделю я свое счастье пополам с тобой. Жди от меня щедрой награды.

И скрылся орел за тучей. Через три дня вернулся он и заклекотал:

— Трижды ударился я крылом о камень. Первый раз огонь высек, второй раз камень треснул, третий раз ударил — и камень раскололся. Садись на меня, хозяин, верхом, я тебя понесу над землей, покажу белый свет, награжу по заслугам.

Летел, летел, глядь — впереди на высокой горе стоит низкая избушка.

Вошли рыбак и орел за ограду, а во дворе красавица дрова колет. Обличье у нее человеческое, только глаза орлиные. Увидала она брата-орла, от радости заплакала, на шею кинулась, повела брата и рыбака в избу. Там за стол усадила, накормила и принялась расспрашивать, где брат летал-пропадал, отчего три года к ней не заглядывал.

Рассказал орел о большой войне из-за малого зерна, не утаил, как жил он у рыбака.

Три дня гостили рыбак и орел у доброй сестры. На четвертый — в путь собрались.

А сестра говорит рыбаку:

— Ты, добрый человек, моего брата поил-кормил, и я не останусь перед тобой в долгу. Вот тебе коробок. Я принесла его сюда из-за синего моря. Положи его за пазуху и не раскрывай до тех пор, пока домой не придешь. Дома раскроешь его.

Попрощался рыбак с орлом и его сестрой и зашагал домой. Наклонился к ручью воды испить, да выронил коробок, а тот сияет, будто маленькое солнце. Приоткрыл он коробок и наземь от испуга повалился.

Из щелки зазвенело, заструилось, потекло красное золото.

Текло, текло, столько его натекло, что перед рыбаком выросла целая гряда монет.

Сидит рыбак, плачет: домой идти надо, а уйти невозможно. Закрывать коробок рыбак не умеет, золото в лесу бросить жалко. А если его собрать — так не донесешь. И понял он, почему сестра орла запретила по дороге коробок открывать, да поздно уж было.

* * *

Сидит рыбак, сидит, что делать ему не знает. Вдруг откуда ни возьмись подходит старик — борода седая, глаза злующие. Поглядел на гряду золота, на коробок и говорит:

— Я твое золото на место положу и коробок закрою, только за это отдай мне через три года то, о чем ты сейчас забыл, а дома вспомнишь.

«Ничего не забыл,— подумал рыбак,— жену свою помню, избу, лодку, рыбацкую снасть тоже помню».

И обещал отдать через три года то, что он сейчас позабыл, а дома вспомнит.

Старик этот был Тун-колдун.

Вынул он черный платок. Махнул, дунул, и гряда золота, будто ручей, потекла обратно в коробок. Когда последняя монета в него вошла, сам собой захлопнулся коробок. Спрятал рыбак коробок за пазуху, попрощался со старым Туном и побежал домой.

Вернулся рыбак домой. Думал, что недели две дома не был. Но глядит — все соседи постарели. Жена выбежала навстречу — на лице морщины, проседь в волосах. Заливается от радости слезами. Оказывается, не пятнадцать дней путешествовал рыбак, а целых пятнадцать лет.

Принялся рыбак рассказывать жене, где он был, что видел, только угаил, как открывал по дороге коробок. Сейчас открыл коробок — золото ручьем потекло.

А жена, чтоб еще больше порадовать мужа, говорит:

— Как улетел ты на орле, у меня через полгода сын родился. Небось, ты забыл, что я ждала младенца. Сынок вырос умный, сильный, удалой красавец.

Любые ремесла знает — и сам сыт, и меня кормит. Он и плотник, и охотник, и кузнец, и жнец — на все руки мастер.

Побежали рыбак с женой на опушку и видят, выходит из леса молодой удалец, точь-в-точь на отца похожий.

Богато и весело зажили рыбак с женой. Рыбу да зверей ловить теперь им не нужно. Семья сыта. Юноша силков не ставит. Только порой бьет он из лука рябчиков и тетеревов и отдает дичь бедной старухе, что в лесной избушке живет...

Так прошло три года. Вспомнил рыбак обещание, данное старому Туну. Теперь рыбаку день — не в день, ночь — не в ночь. Рад бы он был все богатство на дороге оставить, только б с милым сыном не расставаться. Но таит рыбак свое горе.

А сын опять в лес пошел. Взял каленую стрелу, натянул тугой лук, выстрелил в рябчика, да не попал. Стрела средь деревьев пролетела и пропала в лесной чаще.

Отправился юноша стрелу искать и видит — стоит знакомая избушка под хвойной крышей, а в самую стену стрела вонзилась. Парень сразу узнал избушку — сюда он приносил лесной бабушке битую дичь.

Хотел парень вынуть стрелу и незаметно уйти, а старуха тут как тут.

— Здравствуй, охотник, — говорят бабушка, — я давно приметила, как ты тайком помогаешь. Зайди ко мне в избу, я тебе в воду погляжу, счастье наворожу!

Бабушка налила воды в глиняную чашку, стала в воду глядеть и приговаривать:

— Ой, сынок, тебя ищет старый Тун, сейчас коршуном летает над лесом, хочет исклевать твое сердце.

Рассказала парню, как и почему обещал рыбак отдать его старому Туну. И прибавила:

— Домой ты, молодец, не возвращайся. Иди на верхнюю поляну и пусти стрелу прямо по ветру. В стреле будет моя сила. Куда полетит стрела, туда и ты за ней иди; где упадет стрела, там и ты остановись. Доберешься ты до светлой реки. Как доберешься, залезай в прибрежный ивняк и сиди там, пока не прилетят на прибрежный песок двенадцать белых лебедей. Одна лебедушка — твоя суженая. Ты спрячь ее белый платок и жди, что дальше будет.

Поблагодарил парень бабушку, попросился с ней, родной стороне поклонился и пошел на лесную поляну. Там пустил он по ветру каленую стрелу. По воздуху стрела летит, по земле молодец бежит.

Упала стрела на сыпучий песок, на речной берег. Забрался парень в зеленый ивняк, стал ждать белых лебедей. День прошел, ночь промчалась, а как солнце взошло, прилетели лебеди. Ударились лебеди о сырую землю, превратились в белолицых красавиц, побежали в быструю речку купаться, а сарафаны и белые платки на берегу оставили.

Полюбилась парню самая молоденькая лебедушка. Подкрался он тайком и спрятал ее белый платок.

Вышли девушки на берег, оделись, белые платки накинули, ударились о речной песок, превратились в лебедей и улетели. Осталась одна младшая сестра. Бегаёт она, ищет свой платок.

Тут из густого ивняка вышел молодец и подал девушке платок.

— Прости меня,— говорит,— я как увидел тебя, сразу полюбил.

Смутилась девушка, покраснела и тихо проговорила:

— Кто тебе указал дорогу ко мне?

Рассказал молодец все по порядку.

Сняла девушка-лебедь свое золотое колечко, надела парню на безымянный палец и ласково проговорила:

— Знай, куда ты пойдешь, туда и я пойду, потому что навек тебя полюбила.

И рассказала девушка-лебедь, что она младшая дочь злого Туна. Одиннадцать старших сестер любит и голубит Тун, а ее, меньшую, поедом ест.

— Теперь старый Тун твоих родителей разорил, дом их сжег и тебя ищет повсюду,— сказала девушка.— Хочет он тебя сделать своим рабом, твоей горячей крови напиться. Но ты не бойся. Пошлет Тун за тобой стражу, ты не убегай, а сам иди страже навстречу. Когда приведут тебя к Туну, стой перед ним прямо. А еще запомни: в его доме для меня и сестер двенадцать горниц отведено. В самой последней я живу. Как ночь наступит, приходи ко мне, постучи в дверь золотым кольцом, дверь сама и откроется.

Прощался парень с девушкой, ударились она о прибрежный песок, превратилась в белую лебедь и улетела.

Поглядел ей вслед добрый молодец, вздохнул и сел под сосной.

Сидит парень под сосной, не знает, что стража злого Туна его окружила.

Завидел парень стражу, но не стал сопротивляться, дал себя по рукам и ногам связать и к злему Туну отвести.

Ой, и страшен старый Тун. Из глаз искры сыплются, изо рта дым валит, волосы дыбом стоят. Поглядел на парня старый Тун и расхохотался.

— Эй,— кричит,— сын воробья, мышьяное отродье, для того ли я тебя у твоего отца купил, чтоб потом потерять? Отчего ты из дома бежал, где прятался?

Добрый молодец выпрямился и говорит:

— Я сам ушел к тебе от родителей. Ушел тайком, чтобы их не огорчать, но заблудился в лесу. Делай со мной, что тебе угодно.

— Слушай,— Тун говорит,— мой приказ: я женю тебя на своей младшей дочери, но за это ты должен к утру построить в лесу на зеленом лугу дворец. Построй — свадьбу твою справлю, не построишь — голову отрублю.

Так сказал Тун и велел развязать парню руки и ноги. А добрый молодец пошел в сени, идет и двери считает. Нашел двенадцатую дверь, постучал в нее золотым кольцом. А там уже ждет его девушка-лебедь. Все поведал ей, а красавица говорит:

— Иди на середину зеленого луга и моим кольцом дважды прикоснись к земле. Явятся к тебе чудовища и помогут построить дворец.

Прощался парень с невестой, взял топор, вышел на середину луга, дважды провел по земле золотым кольцом. И загудела земля, вылезли чудовища. А парень помахивает топором и чудовищам приказывает:

— Ой, вы, чудовища, рубите деревья, обтесывайте бревна, таскайте сюда!

Чудовища деревья валят, бревна обтесывают, а парень дворец строит — ведь он на все руки мастер. Чудовища ему помогают: кто окна прорубает, кто двери навешивает. А молодец ставни и двери узорами изукрасил, крышу покрыл, на точеных столбиках распис-

ное крыльцо поставил. Только выглянуло солнце, поглядел Тун, и глазам своим не поверил. Позвал молодца, говорит ему:

— Завтра пусть перед дворцом побежит светлая река и пусть вокруг дворца зашумит зеленый сад, а в саду запоют птицы. Выполнишь приказ — будешь мне зятем, не выполнишь — голову тебе отрублю.

И опять пошел добрый молодец к невесте. Снова она велела ему провести по земле золотым кольцом. Так и сделал парень. Явились чудовища, помогли ему выкопать русло и сад насадить. Поглядел старый Тун и приказал ему к утру построить через реку хрустальный мост.

— Постройшь, — говорит, — будешь с моей дочерью по мосту гулять, не построишь — казнию.

И опять по совету невесты парень дважды провел по земле кольцом, и снова чудовища помогли ему выполнить приказ злого Туна. Мост был готов. Невеста к мосту прибежала, милому проговорила:

— До утра нам надо бежать отсюда. А то отец даст приказ выполнить такую работу, что ни ты, ни чудовища не справятся.

И красавица превратилась в птичку-невеличку, полетела в горницу, где отец ее спал, и похитила у него черный платок. В нем заключалась колдовская сила. Много зла причинил людям Тун с помощью этого платка.

И сбросила птица перья, снова в девушку превратилась.

Спит старый Тун, не знает, что по хрустальному мосту ушла от него с женихом двенадцатая дочь. Она платок бережет, а парень — каленую стрелу, что его к невесте привела.

Взмахнула девушка платком, превратились жених и невеста в голубей и полетели на волю.

* * *

На заре проснулся Тун — глядит, через реку переброшен хрустальный мост, но не гуляют там парень с девушкой, глянул в берестяной короб — нет платка, одна черная нитка осталась.

Разъярился Тун, стал у месяца спрашивать, где дочь с женихом.

Побледнел от страха месяц и за лес закатился. Стал Тун у солнца спрашивать.

А солнышко отвечает:

— Ничего я об этом не знаю, не ведаю, ночью скрылась твоя дочь, а ночью я сплю.

Кинулся Тун на дорогу, стал, как собака, обнюхивать землю и воздух. И почуял он, в какой стороне беглецы.

Превратился старый Тун в серого волка, кинулся в погоню. Увидела голубка волка, взмахнула платком, встал частый ельник — не пробраться через него зверю, а голуби дальше полетели. Да недаром из глаз Туна искры летят. Загорелся лес и сгорел, а Тун снова в погоню бросился. Теперь он коршуном летит. Но девушка-голубка платком махнула, и туча скрыла коршуна.

Летят голубки дальше. Устали они, превратились в людей — пешком пошли на восток. А Тун из тучи выбрался и дальше в погоню.

Видят жених с невестой — настигает их Тун. Пустил парень каленую стрелу, ударила стрела в Туна, приковала к земле злого колдуна. Не может он подняться. Девушка махнула над головой Туна черным платком, и превратился он в одинокую сосну.

До сих пор эта сосна стоит, скрипит от ветра, людей пугает.

А девушка под сосной костер развела, сожгла на огне платок, а пепел развеяла по ветру.

С той поры не осталось на земле ни одного злого Туна.

Парень с девушкой отыскали родителей — рыбака и его жену, справили свадьбу, построили в лесу избушку, стали жить-поживать, добра наживать.

КАК СМЫШЛЕННЫЙ ПАХАРЬ БАРСА ПРОУЧИЛ

Лезгинская сказка

Распахали жители одного аула пашню возле самой опушки леса. Земля была хорошая, урожай всегда собирали богатый. Да вот появился в тех местах барс. Выскочит он из леса и разорвет и пахаря, и его быков. Так и раз, и два, и три было. В ауле все в ужасе, что делать — не знают. Отправи-

лись было молодцы, хотели убить барса, да куда там!.. Хитрый зверь спрятался, даже хвоста его не увидели охотники.

— Ну, — говорят, — видно, нам от этого барса не избавиться!..

И забросили они свои пашни: кому же охота зверю в лапы попасть. «Лучше голодать, чем умирать», — говорят.

Только один крестьянин не испугался.

— Погодите, — говорит, — проучу я этого барса!

Запряг он двух быков в соху, кликнул своего кота и отправился на пашню, будто никакого барса там никогда и не было.

Глядят на него соседи — удивляются, говорят один другому:

— Видно, он с ума сошел или жизнь ему не дорога: ведь на верную смерть отправился!

И жену его, и детей его жалеют, сиротами называют.

А пахарь приехал на пашню и стал распрягать быков — пусть немножко отдохнут перед тем, как пахать. Только он выпряг одного быка, откуда ни возьмись выскочил из леса барс. Крадется барс — то к земле прижмется, то приподнимется, сам зубы скалит, фыркает, трясет усатой мордой... Почуял его бык, перепугался и убежал.

Подскочил барс и увидел кота. Оглядел его, удивился и спрашивает:

— Ты кто такой?

Кот отвечает:

— Я сын твоей сестры. Ты мой дядюшка, я твой племянник!

Глянул барс на кота и говорит:

— Правда, ты из нашего рода! И глаза, и уши, и усы, и лапы, и хвост у тебя, как у барсов. Только почему же ты такой маленький?

— А потому,— отвечает кот,— что попал я в руки вон того человека! Попадешься к нему — и ты станешь таким же маленьким, как я.

— Что же в нем за сила такая? — зафыркал барс. — Я его не боюсь! Сейчас съем и быка, и его впридачу!

Кот говорит:

— Поди попробуй!

Барс подскочил к пахарю и зарычал:

— Эй, человек! Что ты сделал с моим племянником? За это я тебя сейчас разорву на куски и съем!

— Могучий барс! — смиренно ответил пахарь. — Вижу я, что разгневал тебя и не помилуешь ты меня... Но хочу я, чтобы у тебя было больше добычи.

Удивился барс.

— Как так? — спрашивает.

Пахарь говорит:

— У меня два быка, один увидел тебя, испугался и убежал. Будь добр: поддержи этого быка, а я сбегая, поймаю другого и приведу сюда. Тогда ты всех нас и съешь!

— А как его надо держать? — спрашивает барс.

— Давай я надену на тебя ярмо, вот так ты и будешь держать его, — ответил крестьянин.

— Ну хорошо, — сказал барс и сам сунул голову в ярмо.

Только он влез — пахарь проворно закрутил ярмо железными закрепками и туго-натуго стянул их ремнем. А потом взял кнут и давай стегать барса по спине. Хлещет да приговаривает:

— А ну, паши землю! А ну, иди быстрее!

Рванулся барс, туда-сюда заметался, прилег к земле, хотел подскочить, вырваться... Да не тут-то было: пахарь знай хлещет его кнутом! Бык со страху мычит, бегом бежит по пашне. И пришлось дикому барсу, хочешь не хочешь, тащить соху вместе с быком... А пахарь погоняет его кнутом да покрикивает:

— Ничего не бойся, не умрешь! Быстрее, быстрее! Не сбивайся с борозды!

Так к полудню они и вспахали добрую половину пашни. А кот рядом идет, на барса поглядывает.

Спрашивает тихонько барс кота:

— Послушай, сын моей сестры! Скоро ли меня отпустит твой хозяин?..

— Когда станешь таким же маленьким, как и я, тогда хозяин тебя и отпустит,— отвечает кот.

Струсил барс.

— Да я и так уж вдвое меньше стал,— говорит.— Если он будет до ночи пахать, то я еще меньше тебя стану!

Опустил он голову к земле и потащил соху дальше.

Наконец настал вечер. Пахарь освободил барса от ярма и говорит:

— А теперь убирайся подальше и никогда больше мне на глаза не попадайся, не то три дня подряд на тебе пахать буду!

Поплелся барс в лес — еле-еле ноги передвигает,— лег под дерево, высунул язык и лежал так три дня и три ночи. Опустились на барса вороны и стали было клевать его. Хорошо у него достало силы хвостом махнуть — ворон отогнать.

После этого барс никогда больше на пашню не приходил. А когда встречался с другими зверями, всегда говорил им:

— Как увидите человека, бегите от него скорее: он хоть и не силен, да зато умен! Нам с человеком ни за что не справиться!

ЗАЙЧИК

Мансийская сказка

Жил-был зайчик. На озерном берегу в осоке постоянно прыгал. Однажды, поедая осоку, губу себе порезал. Пошел к огню пожаловаться:

— Огонь, сожги осоку на озерном берегу!

— Какое зло сделала тебе осока?— спросил огонь.

— Губу мне обрезала,— от-

ветил заяц.

— Уж такое ненасытное брюхо у тебя,— сказал огонь.

Пошел заяц к воде и говорит:

— Вода, прибуди, затуши огонь!

— Какое зло сделал тебе огонь?

— Огонь осоку на озерном берегу не зажигает!

— Какое зло сделала тебе осока?

— Губу мне разрезала.

— Уж такое ненасытное брюхо у тебя!— говорит вода.

Пошел зайчик к двум мальчикам со стрелами и луками, говорит им:

— Дети, в воду стреляйте!

— Какое зло тебе вода сделала?

— Вода не прибывает, огонь не тушит!

— Какое зло сделал тебе огонь?

— Огонь осоку на озерном берегу не зажигает!

— Какое тебе зло сделала осока?

— Губу мне разрезала.

— Уж такое ненасытное брюхо у тебя!— сказали мальчики.

Пошел зайчик к мышке и говорит:

— Мышка, мышка, тетиву на луках мальчиков перегрызи, чтобы стрелять не могли.

Пожалела мышка зайчика и пошла тетиву у луков перегрызать. Но не успела. Схватили мальчики луки, натянули тетиву и пустили стрелы в воду. Стреляют в воду— вода прибывает, идет огонь тушить. Испугал-

ся огонь, к осоке перебрался. Загорелась осока, а в осоке зайчик прыгает. Растерялся, из огня побежал, ноги и уши себе подпалил.

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Мордовская сказка

Пришел медведь к лисе и говорит:

— Тетка лиса, давай посе-
ем пшеницу!

— Давай!

Посеяли они.

Когда пшеница поспела,
медведь спрашивает лису:

— Как будем делить уро-
жай? Ты себе что возьмешь?

Лиса говорит:

— Мне все равно, я могу взять что и похуже.
Возьми себе, дедушка, корешки, а мне отдай вершки:
за большим я не гонюсь!

Подумал медведь и согласился.

— Ладно,— говорит,— я корешки возьму: они вкус-
нее, они ведь от самого зернышка!

Убрали они пшеницу и затеяли пироги печь: у кого
лучше выйдут. Испекла лиса свои пироги, и медведь
испек. У лисы пироги получились белые да пышные, а у
медведя — глина-глиной!

Рассердился медведь на лису, говорит:

— Давай еще посеем!

— Что ж, давай! Только ведь два года подряд пше-
ница не родится: надо репу сеять на другой год.

— Ладно! Посеем репу!

Посеяли они.

Когда репа поспела, лиса спрашивает медведя:

— Ну как, опять корешки возьмешь себе, дедушка?

— Теперь ты меня не проведешь, тетка лиса, я
вершки возьму!

— Что ж,— согласилась лиса,— бери вершки, коли
желаешь, а я и корешки возьму; мне и то хорошо!

Убрали они репу, медведь и говорит:

— Ну-ка, тетка лиса, давай теперь нечь репу!

— Давай.

Испекла лиса репу — румяная да сладкая вышла. Испек медведь ботву — в рот ее не возьмешь: горько, противно!

Еще пуще рассердился медведь на лису, говорит:

— Подожди ж, я ее, плутовку, съем!

На другой день пришел медведь к лисе и ревет:

— Я есть хочу!

— И я есть хочу! — отвечает лиса.

— Надо того из нас съесть, у кого голос громче.

— Что ж, — согласилась лиса, — будем голоса пробовать. Слушай, я спою.

Стала лиса тянуть тоненьким-тоненьким голоском:

— У-у-у-у!

Спела и говорит:

— Ну-ка, медведь, теперь ты спой.

Обрадовался медведь — пасть раскрыл, глаза под лоб закатил. Давай реветь изо всей мочи:

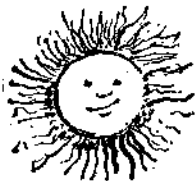
— Р-ы-ы-ы!

Ревет медведь на весь лес, а лисица тем временем кустик за кустик, да и скрылась.

Наревелся медведь досыта, открыл глаза — а лисы нигде нет, ломинай как звали!

КАК МОГУЧИЙ ОРЕЛ ВЕРНУЛ НЕНЦАМ СОЛНЦЕ

Ненецкая сказка

Очень давно это было. Много лет тому назад солнце над ненецкой землей не скрывалось с неба. Озера и реки тогда, словно вода в котле, кипели, столько в них было рыбы. От берегов морей до самых лесов паслись олени стада. Голубых и белых песцов не переловить было капканами. Каждой весной тучами налетали гуси, утки и лебеди. Весело жилось ненцам в тундре.

А далеко за лесами жил черный коршун. Две голо-

вы было у него, два жадных клюва, две пары завистливых глаз. Сколько ни было у него добра, все ему казалось мало. Служили ему верные слуги — злые ястребы.

Раз залетел один ястреб далеко в тундру и увидел, как хорошо живут ненцы. Вернулся он к своему господину, коршуну, все ему рассказал.

Тут черный коршун еще чернее стал от зависти. Задумал он хитростью забрать у ненцев солнце. Велел он своим слугам сплести большую сеть. Сам ударился о землю, обернулся толстым купцом. Взял с собой много пьяной воды и поехал к ненецким чумам.

Как гостя встретили его ненцы. На шкуры усадили, угостили оленьим мясом и рыбой. А купец стал угощать их пьяной водой. От пьяной воды закружились головы ненцев. Принялись они петь и плясать, потом все спать повалились.

Толстый купец только этого и ждал.

Громким свистом созвал своих слуг. Прилетела тысяча ястребов. Накинули они сеть на солнце и потащили за собой. Второй раз свистнул купец, прилетела еще тысяча ястребов. Угнали они оленей, истребили голубых и белых песцов. Все богатство у ненцев забрали.

А ненцы крепко спали, ничего не слышали. Наконец проснулись и не узнали своей земли. В тундре стояла темная ночь. Дул холодный северный ветер, бушевала пурга. Озера и реки покрылись толстым льдом.

С тех пор стало бродить несчастье по ненецким чумам. Дети рождались слабыми. Старики слепли от дыма костров. Не было солнца — приходилось в холодных темных чумах днем и ночью костры жечь. Раньше ненцы любили песни петь, а без солнца про песни забыли. Только свист пурги да волчий вой слышались в тундре.

А черный двуглавый коршун жил в своем золотом чуме. Солнце, что увел от ненцев, держал он в золотых цепях.

Так прошло много лет. В той стороне, где жил двуглавый коршун, выросли могучий орел и стая орлят. Хотели они, чтобы солнце всем светило, всех грело.

Коршун солнца не отдавал.

Стали орел и орлята биться с черным коршуном, с злыми ястребами. Бьет черный коршун орла двумя же-

лезными клювами, рвет его железными когтями. Ястребы пад орлом тучей нависают. Помогают черному коршуну.

Но сила у орла могучая, бьется он не на жизнь, а на смерть. И орлята с ним бьются, ястребов клюют, у двуглавого коршуна все перья повыщипали.

Долго так бились. Наконец высоко в небо взвился орел, поднялся выше облаков и кинулся на черного коршуна. Камнем полетел коршун на землю и упал в тундровое озеро. До самого дна расступились холодные волны, потом снова сомкнулись над черным коршуном. Увидали это ястребы, с криком разлетелись во все стороны. Но орлята догнали их и заклевали всех до одного.

А могучий орел разбил золотые цепи, освободил солнце. Стало солнце посередине неба, всем светит, всех греет.

Доходят его лучи и до тундры. Хорошо теперь ненцам в тундре жить, дружно они работают. Развели много оленей. Вместе на охоту ходят, бьют песцов и чернобурых лисиц. По озерам и рекам на лодках-самоходках плавают, рыбу ловят.

Вернулось в ненецкие чумы веселье. Опять ненцы начали песни петь, лучше прежнего. Поется в тех песнях про Советскую власть, это она принесла ненцам радость и счастье.

КТО НАСТОЯЩИЙ ХРАБРЕЦ

Осетинская сказка

Вышел как-то охотник из одного аула и отправился на охоту. В это же время вышел охотник из другого аула. Один шел справа, другой — слева, и сошлись они совсем случайно, у длинной лощины.

Один из них стоял по одну сторону лощины, другой — по другую, так что они не видели

друг друга.

А внизу, в лощине, пасся олень.

Оба охотника увидели его в одно и то же время и

оба выстрелили в него в одно и то же мгновение. Поэтому гул их выстрелов слился в один звук.

Олень упал, и оба охотника побежали к нему. Тут они столкнулись лицом к лицу.

Первый сказал:

— Зачем ты прибежал сюда? Ведь это я убил оленя!

Второй ответил:

— Это я должен спросить тебя: зачем ты прибежал сюда? Оленя убил я, и поэтому я сейчас отрежу ему голову!

— Нет,— сказал первый охотник,— голову оленю отрежу я!

По обычаю, сделать этот мог тот, кто подстрелил оленя.

Охотники поспорили и решили осмотреть оленя, чтобы узнать, с какой стороны попала в него пуля.

Осмотрели они оленя и увидели две раны на его боках.

Тут охотники убедились, что оба имеют одинаковое право на добычу.

Они отрезали голову оленя вдвоем.

По давнему обычаю, эту голову мог взять тот, кто убил оленя.

Охотники снова заспорили.

Спорили они, спорили и решили, что оленью голову получит тот, кто расскажет наиболее чудесное и опасное приключение из своей жизни.

Первый охотник стал рассказывать:

— Однажды я отправился на охоту. Пробродил целый день до темноты и решил заночевать в лесу.

Повесил я на дерево мясо убитой дичи, отрезал кусок на шашлык, затем развел костер, приготовил себе ужин, поел и лег спать.

Только что я укрылся буркою, вдруг слышу — кто-то идет ко мне, топчет, ломает ветки... Я вскочил, схватил свое ружье, накинул бурку на толстый дуб, сломанный бурей, и сам залез под него.

Смотрю оттуда и вижу: вышел из-за деревьев огромный, лохматый леший с большим топором на плече.

Заметил он мою бурку, бросился на нее и рассек топором и бурку и дуб. К счастью, топор не задел меня, и я остался цел.

После этого леший снял мясо, висевшее на дереве, надел его на вертел, уселся возле костра, зажарил и стал есть. Съел все и костей не оставил.

Тут я зарядил ружье и выстрелил в него.

Леший вскочил, закричал на весь лес и убежал.

Когда рассвело, я пошел по следам лешего.

Следы привели меня к пещере в чаще леса. Я вошел в пещеру.

Смотрю — лежит там леший, храпят во всю мочь, а в головах у него сидит красавица девушка.

Заметила она меня, испугалась, замахала руками, зашептала:

— Не входи, не входи сюда! Не то леший проснется и растерзает тебя на куски... Многих он погубил — и тебя в живых не оставит!..

Но я не испугался, зарядил ружье двумя пулями и крикнул:

— Эй ты, грабитель! Просыпайся!

Леший проснулся и хотел броситься на меня.

Тут я выстрелил ему в грудь. Он упал и умер.

— Кто ты и почему находишься в этой пещере? — спросил я девушку.

Она рассказала мне, что она родом из нашего аула и что ее унес сюда этот леший.

Девушка долго благодарила меня за то, что я избавил ее от неволи.

Я отвел ее в аул к родителям.

Девушка живет там до сих пор и может подтвердить, что все было так, как я рассказал.

Очередь рассказывать теперь была за вторым охотником.

— Однажды, — сказал он, — я возвращался домой после охоты с убитой дикой козой на спине. Вдруг надо мной появился огромный орел. Он камнем кинулся вниз, схватил привязанную у меня на спине козу, поднял меня вместе с ней и принес на вершину высокой, неприступной скалы. Я проворно высвободился и спрятался за камень. Орел не заметил этого. Он съел мясо козы и заснул.

Утром орел улетел за новой добычей.

Когда он скрылся, я осмотрел его жилье и увидел груды человеческих костей. Это были останки людей, съеденных чудовищной птицей.

Здесь же было разбросано много оружия погибших охотников.

Я пересмотрел оружие, выбрал самое лучшее ружье, зарядил его двумя пулями и стал поджидать орла-людоеда.

В полдень орел прилетел на свою скалу.

Я прицелился и выстрелил ему в грудь. Орел страшно закричал, взмахнул крыльями и окошел.

Долго я думал, как мне спуститься на землю, и наконец придумал.

Я сдвинул труп орла к краю пропасти, распылил его огромные крылья и подвязал под них ружье. Затем я сел на спину орла, оттолкнулся от края скалы и благополучно спустился на землю.

Если ты не веришь моему рассказу, пойдем ко мне: я покажу тебе ружья, которые принес со скалы орла-людоеда.

— Кому же из нас принадлежит голова оленя?— спросил первый охотник.

— Тебе!— не задумываясь, ответил второй охотник.— Тебе, потому что ты сам пошел за лешим, а я — против своей воли.

КАМЫР-БАТЫР

Татарская сказка

В давние-предавние времена жили на свете старик со старухой. Хорошо они жили, но вот беда — не было у них детей.

Однажды старуха пекла белеши,¹ а старик сидел возле нее и смотрел. Потом взял он кусок теста и говорит:

— Нет у нас сыночка... Сделаем-ка себе игрушечного мальчика вот из этого теста!

Слепили они из теста мальчика, положили его на лавку, а сами занялись делом: старуха пошла корову доить, а старик отправился во двор дрова рубить.

¹ Белеши — пироги.

Когда они вернулись в дом, оба очень удивились — стоят, глазам своим не верят: игрушечный мальчик ожил, сидит на полу, смеется да играет с козленком.

— Как же нам назвать нашего сынка?— спрашивает старуха.

— Сделали мы его из теста, пусть он и называется Камыр!¹— говорит старик.

Стал Камыр расти не по дням, а по часам. За один месяц так вырос, как другой и за целый год не вырастет. И сил у Камыра с каждым днем прибывает.

Вышел Камыр как-то раз на улицу поиграть, стал бороться с мальчишками. Поднял одного и подбросил выше дерева. Упал мальчишка на землю, лежит, подняться не может. Подбежали к Камыру другие ребята, хотят его побороть, на землю повалить, да не могут: он сам всех раскидал, повалил. Лежат мальчишки на земле, охают.

Собрались жители аула, пришли к старику жаловаться на Камыра, в один голос твердят:

— Куда хочешь, туда и девай своего сына, но чтоб в ауле больше его не было! Не то он всех наших ребят погубит!

Нечего делать, пришел старик домой и говорит Камыру:

— Придется тебе, сынок, уходить отсюда.

— Не горюй, отец!— говорит Камыр.— Пойду я в дальние края, посмотрю, как там люди живут. Дай мне только дубинку на дорогу.

Принес старик дубинку. Камыр оперся на нее, и дубинка разломилась пополам.

— Не годится эта дубинка,— говорит Камыр.— Поди закажи кузнецу железную дубинку!

Пошел старик к кузнецу, велел выковать железную дубинку.

Испробовал Камыр дубинку и говорит:

— Вот эта не гнется, не ломается. Можно теперь с ней и в путь отправляться.

Напекла старуха Камыру белешей на дорогу, попрощался он и ушел из аула.

Шел он, шел и дошел до леса. Идет по лесной дороге и видит: ковыляет ему навстречу человек, а ноги

¹ Камыр — тесто.

у этого человека связаны, словно у коня, которого на луг пастись выпустили.

Удивился Камыр и спрашивает:

— Почему это у тебя ноги связаны? Кто это наказал тебя?

— Никто меня не наказывал,— отвечает человек,— я сам их связал. Если я сниму с ног ремни, то зашагаю так быстро, что меня даже птица не догонит!

— А куда ты идешь?

— И сам не знаю, куда иду!

— Пойдем со мною!

Пошли они вдвоем. Шли, шли и повстречали человека. Сидит этот человек на краю дороги, зажимает себе нос пальцами.

— Почему это ты нос зажимаешь?— спрашивает его Камыр.

— Как мне не зажимать нос!— говорит человек.— Стоит мне одну ноздрю чуть приоткрыть — и поднимается такой ветер, что во всей округе мельницы начинают крутиться. А уж если обе ноздри открою, беда будет — вся земля качается!

— Хочешь с нами идти?— спрашивает Камыр.

— Хочу!

Пошли они втроем. Идут по дороге, повстречали белобородого старика. На голове у старика шапка надета, и не как у всех, а набекрень: на одном ухе держится.

— Почему ты, бабай,¹ носишь шапку набекрень?— спрашивает Камыр.

— Мне по-другому нельзя,— говорит старик.— Если я надену шапку на голову — поднимется вьюга, а если надвину шапку до бровей — вся земля льдом покроется.

Удивился Камыр и говорит:

— Пойдем с нами, бабай!

Пошли они дальше вчетвером и увидели стрелка. Стоит этот стрелок, целится из лука во что-то, а во что — не видно.

— Во что ты целишься?— спрашивает его Камыр.

— Вон, на склоне той горы,— отвечает стрелок,— за шестьдесят верст отсюда, на ветке сидит муха. Я хочу прострелить ей левый глаз.

¹ Б а б а й — дедушка.

Взял Камыр и стрелка с собою.

Пошли они впятером и встретили еще старика. Сидит этот старик на корточках, пересыпает землю с ладони на ладонь.

Спрашивает его Камыр:

— Что это ты делаешь, бабай?

— Сюда насыплю, — отвечает старик, — тут гора поднимется, туда насыплю — там гора поднимется!

И этого старика взял Камыр с собою.

Пошли они вшестером и пришли в большой город. Узнал Камыр, что у хана этой страны есть дочка-красавица. Пошел он со своими товарищами к хану, стал сватать дочку. А хану не хочется выдавать дочку за неизвестного. Стал он всякие отговорки придумывать, чтобы от Камыра как-нибудь отделаться.

— Пусть, — говорит, — кто-нибудь из вас обгонит моего скорохода, тогда можно будет и о сватовстве поговорить.

— Что ж, — отвечает Камыр, — мы от этого не откажемся.

Позвал хан своего лучшего скорохода и приказал ему бежать до высокой горы. Помчался ханский скороход изо всех сил.

Тогда бегун Камыра не спеша снял с ног ремни и пустился вдогонку. Он быстро обогнал ханского скорохода, примчался к горе, лег на траву и стал поджидать, когда ханский скороход прибежит. Ждал, ждал, да и заснул крепко.

Прибежал ханский скороход к горе и повернул скорее обратно. А тот бегун все спит...

Смотрят все — за клубилась на дороге пыль, возвращается ханский скороход!

Забеспокоился Камыр, говорит стрелку:

— Видно, заснул наш бегун! Этак мы и проиграть можем. Стрельни-ка в него, разбуди скорее!

Стрелок снял с плеча лук, прицелился и пустил стрелу. И так метко пустил, что стрела задела только самый кончик уха у спящего бегуна. Проснулся бегун, бросился вперед и в один миг обогнал ханского скорохода.

Видит хан, что ничего не вышло у него из этой затеи, не смог отделаться от сватов.

— Хорошо, — говорит, — теперь можно и о сватов-

стве подумать. А пока сходите вы все в мою баню да вымойтесь хорошенько!

Не догадался Камыр, что хан задумал их погубить. Пошел со своими товарищами в чугунную ханскую баню.

Только они вошли в баню, хан приказал запереть ее крепко и обложить со всех сторон дровами. Наносили ханские слуги дров и подожгли их. Запылали сухие дрова, накалилась баня докрасна.

— Ну, теперь они живыми не выйдут!— говорит хан.

А как только в бане стало жарко, Камыр сказал белобородому старику:

— Ну-ка, бабай, надень свою шапку на голову!

Старик надел шапку на макушку, и сразу в бане засвистела вьюга. Но и она не могла остудить баню. Тогда Камыр попросил старика надвинуть шапку до бровей. Стены бани тут же остыли и покрылись толстым слоем льда.

Наутро хан приказал отпереть баню, да так и обмер: и Камыр, и все его товарищи остались живы и здоровы.

Подошел Камыр к хану и сказал:

— Хотел ты нас погубить, да не сумел. Говори мне прямо: отдашь свою дочь за меня или нет?

— Нет,— ответил хан,— по своей воле я за тебя дочь не отдам. Попробуй, если сумеешь, взять ее силой!

Сказал хан эти слова и подал знак своим слугам.

Набросились на Камыра и его товарищей ханские слуги. Началась схватка, и такая жаркая, что под ногами у них все кочки сровнялись, а ровная земля вздыбилась кочками.

Бились они целый день, бились весь вечер, бились целую ночь.

Надоело это Камыру. Велел он своему товарищу, который нос зажимал, дунуть посильнее.

Приоткрыл ветродув ноздрю, и поднялся такой ураган, что все ханские слуги взлетели на воздух, как пыль.

Тут старик, пересылавший землю с ладони на ладонь, сказал:

— Сюда насыплю — тут гора, туда насыплю — там гора поднимется!

Поднялись две высокие горы и придавили ханских слуг.

А хан все не унимается — зовет своих воинов.

Прибежали воины, кинулись было на Камыра, а он взмахнул своей железной дубинкой и разогнал их всех.

Испугался хан и выдал свою дочку за Камыра-батыра. Посадили батыры невесту на быстрого коня и увезли к родителям Камыра.

Тридцать дней пировали, сорок дней свадьбу справляли, гостей мясом неродившейся кобылицы угощали! И я на той свадьбе был — из пустого ковша мед пил.

ХОЗЯИН ВОДЫ

Тофаларская сказка

В реке жил страшный и сильный Хозяин воды, часто наверх выплывал, хватал всех с берега и уносил к себе в глубокий омут. Люди боялись Хозяина воды, подарки ему бросали.

Один смелый рыбак стал спускать в реку большую сеть. Хозяин воды услышал и голову

на поверхность высунул:

— Ты что делаешь, мужик?

— Да вот хочу всю рыбу сетью вычерпать...

Хозяину воды жаль потерять свою рыбу, и он крикнул:

— Я не отдам тебе рыбу...

Рыбак усмехнулся:

— А я и тебя самого на берег сетью выволоку.

— Посмотрим, кто победит. Давай бороться.

Стали бороться. Рыбак поставил ножку и повалил Хозяина воды на лопатки. А тот не сдается:

— Полагается до трех раз. Завтра опять будем бороться.

Рыбак смеется:

— Ладно, ладно, пришлю своего младшего брата...

А младшим братом рыбака был дедушка медведь.

Вечером братья обо всем поговорили, а утром дедушка медведь пришел на берег реки и стал там сладкую травку жевать. Хозяин воды увидел, хотел напугать младшего брата рыбака, выскочил на берег и крикнул:

— Хуг, хуг...

Дедушка медведь не испугался, встал на задние лапы и схватился бороться. Долго они друг у друга силы выматывали, ногами притоптывали — и на месте камня болото сделалось.

К вечеру дедушка медведь поборол своего противника.

Ночью Хозяин воды в глубоком омуте отдохнул, а утром снова к рыбаку выплыл:

— Давай, кто дальше забросит, что в руках есть.

— Давай,— согласился рыбак.

Хозяин воды схватил свой водяной кнут, размахнулся и забросил на облака. А сам похваляется:

— Видал? Сейчас дерну — дождь польется.

И правда: гром загремел, молния засияла, кнут Хозяина воды вместе с дождем назад в реку упал.

А рыбак смотрит и усмехается:

— Я подальше твоего заброшу...

Схватил он большой куст, вырвал и с размаху бросил себе за плечи:

А Хозяин воды глядел на небо и ничего не увидел.

Рыбак говорит:

— Подожди — увидишь.

Вечер наступил, из-за гор луна показалась. Рыбак обрадовался:

— Вон-вон, мой куст упал на луну!

Хозяин воды смотрит: правда — на луне темное пятно.

Делать нечего: рыбак три раза победил, как по уговору было.

Хозяин воды сказал:

— Вы, люди, сильнее, всех на свете. С вами бороться нельзя. Ловите мою рыбу, только меня не трогайте.

Тут он нырнул в самый глубокий омут. Там заполз под тяжелый камень и больше на свет не вылезает. Людям он не показывается и худое делать боится.

А человек стал и на земле и на воде хозяином!

БЕРЕЗОВАЯ ДЕВУШКА

Тувинская сказка

Жили-были четыре брата. Младший на охоту ходил, два средних за скотом и добром приглядывали, а старший брат из тайги дрова приносил.

Однажды зашел старший брат далеко в тайгу, смотрит — большая береза стоит. Срубил ее парень, хотел расколоть на дрова, да залюбовался белиз-

ной дерева. Вытесал он из березы куклу.

Связал вязанку дров, нагрузил на свои могучие плечи и отправился домой, прихватив с собой березовую куклу.

Увидел куклу второй брат и нарядил ее в свой праздничный халат.

Третий брат поставил рядом с куклой еду и смочил ей губы парным молоком.

Сидит около юрты кукла-красавица, совсем как живая девушка.

Пришел вечером с охоты младший брат Биче-оол и залюбовался березовой девушкой. Смотрел, смотрел на нее — не вытерпел и поцеловал ее в губы. И вдруг видит: ожила кукла, открыла глаза, засмеялась серебряным смехом и нежно обняла Биче-оола.

Увидели это братья и стали спорить.

Старший говорит:

— Это я ее вытесал из березы. Она моя.

Второй брат говорит:

— Нет, моя. Я ее одел.

Третий брат говорит:

— А я ее накормил.

Один только Биче-оол молчит, сидит рядом с девушкой и глаз с нее не сводит.

Долго спорили братья. Наконец старший брат предложил:

— Пусть девушка сама решит, кто для нее больше сделал. Кого она выберет, тот и будет ее мужем.

Подумала березовая девушка и говорит:

— Старший брат вытесал меня из березы. Он отец

мне. Второй брат одел меня. Он мать мне. Третий брат накормил меня. Он брат мне. А Биче-оол ожил — приласкал меня, как жених невесту. Он должен быть мне мужем.

Подивились братья мудрому ответу девушки и согласились.

Счастливо зажил Биче-оол со своей женой. Говорят, они до сих пор живут и не старятся.

ХАРЮЧИ

Тунгусская сказка

Жили мы вдвоем с сестрой у самого устья Харючи-Яга. И фамилия наша была Харючи. Я был холостой, она — девица. Я как-то говорю ей:

— Десять лет растил я тебя без отца, без матери. Оленей у нас имеется пятьдесят голов: ни прибавляются, ни убывают. Мы живем одни, нам скучно.

Надо нам двинуться к людям. Есть такое место, три месяца обозом ехать надо. Семь братьев тунгусов живут там. У них много рыбы, много гусей. Зимой они на диких оленей охотятся.

Сказал я так, и стали мы с сестрой чум собирать. Оленей запрягли. Я первым пошел, сестра — за мной. Четыре месяца шли. На большой хребет пришли. Тут я сказал сестре:

— Смотри!

Сестра посмотрела. Под хребтом семь чумов увидела.

— Вот это чумы тунгусов и будут.

Тут мы на хребте свой чум поставили. Потом четырех оленей запрягли, к тунгусам поехали. Они нас приняли хорошо. У себя оставили. Зиму мы у них прожили. Весна наступила, озера вскрылись, гуси прилетели, много гусей. Потом наступило лето, гуси обилили. Тогда тунгусы сказали нам:

— Поедем гусей бить.

Я да младший тунгус запрягли по шесть белых бы-

ков. Половину дня ехали. Наконец озеро увидели, а в середине озера — много гусей. Я и младший тунгус взяли по лодке. Поехали по озеру. Стали стрелять. Вскоре лодка наполнилась гусями. Я привез три лодки, тунгус — две.

— Довольно, хватит, — сказал тунгус. — Не увезти будет.

Вернулись к своим чумам. Лето прожили. Наступила осень. Потом выпал снег. Ударили морозы. Тунгус мне говорит:

— Есть неподалеку Тунгуска-река. Надо двигаться туда, оленей промыслить.

На следующий день двинулись. Я отправился в путь со своей сестрой, тунгус — со своей. Три недели ехали. Наконец добрались.

Три месяца охотились, много оленей убили. Я говорю своей сестре:

— Летом настреляли мы много гусей, теперь вот добыли много оленей. Своих оленей есть не будем.

Зиму прожили хорошо. Вновь наступила весна. Тунгусы отправились рыбу ловить. Поехал и я с ними. Очень много рыбы наловили, все лето жили и горя не знали.

Так прожили мы с тунгусами три года. Как-то старший тунгус говорит мне:

— Когда ты приехал к нам, у тебя было всего пятьдесят оленей, сейчас двести стало. Ты холостой, младший тунгус у нас тоже холостой. У тебя есть сестра, и у нас есть сестра. Как думаешь, нельзя ли нам породниться? Ты возьмишь нашу сестру, мы — твою.

Посоветовался я с сестрой, она согласилась. Сыграли мы большую свадьбу.

После свадьбы сказал я тунгусам:

— Хочу поехать на свою родину. Отпустите или нет?

Ответили тунгусы:

— Дело твое. Как надумаешь, возвращайся.

Взял я всех своих оленей. Тунгусы мне еще сто голов дали. И уехал я на свою родину, на Харючи-Ягу. На своей родине до сих пор и живу.

КАК БАТРАК С ПОПОМ РАССЧИТАЛСЯ

Удмуртская сказка

В одной деревне жил бедный крестьянин с женой и тремя сыновьями. Когда старик занемог, он позвал своих сыновей и говорит:

— Всему на свете бывает конец. Истощились и мои силенки. Вырастил я вас, молодцев, выкормил, теперь ваш

черед позаботиться о нас с матерью.

— Что же нам, отец, делать? Земли у нас мало, еле пробиваемся,—спросил за всех старший сын Микаль.

— Эх, сынки, работа всегда найдется, было бы желание. Живет в соседней деревне богатый поп, ему всегда работники требуются. Сходи, Микаль, потрудись годок.

Согласился Микаль и отправился наниматься к попу в работники. Увидел батюшка, что новый батрак пришел, обрадовался. Еще бы! Работник ему аккурат нужен.

— Работу, значит, ищешь?—сказал он, ухмыляясь в бороду.—Я работничку завсегда рад. Вот дровишек надобно на зиму заготовить. Как, возьмешься?

— Почему не порубить, коли плата сходная.

— Плату я тебе хорошую назначу, но вот условие: если рассердишься на меня, я тебе нос отрежу, идет?

— Идет, батюшка, я человек покладистый, что мне сердиться.

И стал Микаль работать на богатея-попа. Дрова рубил, воду носил, землю пахал, а за это получал хлеб и похлебку. Так он и трудился исправно целый год. И ни разу на попа не обиделся. Говорит поп как-то батраку:

— Ты иди, Микаль, горох молотить, а дочка завтра тебе сама принесет.

Пошел Микаль на гумно и давай горох цепом колотить. Умаялся, присел отдохнуть, поглядывает, не-

идет ли Федосья с завтраком. Время уж полдничать, а ее все не видно. Проголодался Микаль, урчит в животе, зло на попа разбирает.

— Вот,— думает,— лысый черт, забыл дочку послать, а тут гни спину на пустое брюхо.

Махал он, махал цепом целый день, а Федосьи с едой так и не дождался. И работу бросить нельзя, расчет близок, как бы поп не заартачился.

Вернулся Микаль с работы усталый да голодный, а поп на крылечке сидит, чай с медом попивает. Как увидел батрак его, сытого, довольного, забыл про давнишний уговор и накинулся на попа:

— Ах ты, пузатое чучело, чай здесь попиваешь с медком, а работник спину ломай да с голодухи кушак затягивай! Цепом бы вот тебя огреть по жирной спине.

А поп только животом подрагивает со смеху, уж больно ему дармовые работники нравятся.

— Разозлился-таки на старика, а зря! Это ведь я нарочно тебя голодом поморил, чтоб лютее был.

Хватя!— и отрезал Микалю нос.

Вернулся Микаль в деревню без денег и без носа.

Погоревали родители, да делать нечего, посылают батрачить среднего сына Тепана. И этот оказался не смышленей старшего, и его обманул хитрющий поп.

А тем временем и младший подросток — Паиз, сам на работу просится. Отговаривали его родители: куда, мол, тебе, мальцу, старшие братья без носа воротились, а ты и подавно не справишься.

Да настоял малый. И его собрала мать в дорогу. Положила ему в сумку десяток лепешек и проводила до околицы.

Пришел он к попу. Договорились на тех же условиях, что и прежде. И стал Паиз батрачить на толстопузого попа.

Однажды послал поп батрака дрова рубить. Пришел парень в лес и видит: у пона-то целые поленицы дров высятся. «Ух ты, жадюга, а все ему мало. Ну, я на голодный живот не работник. Беды не будет, коли отдохну денек».

Сел на траву, оперся спиной о березку, сидит и слушает, как птицы на все лады лето хвалят. Хорошо ему так стало, что он заснул. Так до полдника и проспал. Видит: нет еще Федосьи. Взял Паиз свой топор и давай легонько постукивать, чтоб бездельником его

не сочли и без обеда не оставили. Повалил он елку, потяпкал немного, а сам посматривает: не идет ли попова дочка. Нет, не идет.

Смекнул тогда батрак, что полик-то озлобить его надумал, из себя вывести да и без носа оставить.

— Так-то, батюшка, ты своих работников дурачишь! Ну, отольются тебе крестьянские слезки, погоди ты у меня!

Дождался Паиз вечерней зари, взял топор и зашагал к поповскому дому. А поп уж поджидает у ворот. Руку с ножом за спиной держит, нос батраку резать приготовился.

— Ну, как, сынок, на голодный-то живот работалось?

— А мне что?— отвечает Паиз.— Как кормят, так и работаю.

— Много дровишек нарубил?

— Елочку одну успел повалить да сучья обрубить. Остальное завтра доделаю,— рассмеялся парень.

Поп даже посерел от злости.

— Ты что, негодник, за весь день одну елку срубил?

— Так я же говорю: как кормите, так и работаю. А ты не осерчал ли на меня, батюшка?

— Что ты, что ты! Это я так, ты малый хороший. Пойдешь завтра коров пасти.

«Э,— думает,— с этим мальцом надо ухо остро держать. Того и гляди, сам без носа останешься».

На другой день спозаранку выгнал Паиз коров на луг. День выдался душный, жаркий. Слепни тучами накинудись на коров, принялись их жалить, как пчелы. Коровы начали носиться, задрав хвосты, старались убежать от крылатых мучителей. А куда убежишь? Разве что в воду залезть... Так нету воды. Речушка, какая была, вся высохла от засухи. Остался лишь маленький ручеек воды испить.

Набегался Паиз — то за одной буренкой, то за другой, хоть плачь, еле ноги волочит. «Как бы от них, проклятуших, избавиться?»— думает.

А тут как раз купец с обозом идет.

— Эх, хороши буренки!— говорит купец.

— А купи, продам,— обрадовался парень.

— Сколько же хочешь за корову?

— Давай пятьсот рублей за все стадо,— отвечает

Паиз.— По жаре торговаться неохота. Отрежь только пять-шесть хвостов мне на память.

Обрадовался купец: выгодное дельце — за пятьсот рублей сорок коров купить. Отдал он Паизу деньги и пять хвостов коровьих и погнал стадо в город на продажу.

Освободился батрак от изнурительной беготни и пошел по лесу разгуливать. Подойдет к ели или сосне, наматает хвост на нижний сук и идет дальше. А пятым хвостом помахивает, как плеткой, траву сшибает. Пока он шел лесом, солнце садиться начало, пора домой возвращаться.

Поп-то его у ворот уже поджидает. Видит пузатый: идет батрак, коровьим хвостом помахивает да посвистывает, а коров как не бывало. Чует поп что-то неладное, а виду не подает: охота ему оставить батрака в дураках, как прежних работников.

— Ну, сынок, хороша была сегодня погодка? — спрашивает поп. — Поди, всласть набегался за коровами? Меня-то, чай, на чем свет стоит поносил, признавайся уж?

— Да что ты, батюшка, на что мне сердиться? Денек-то и в самом деле хорош был. Коровок твоих я, правда, всех растерял. Зато по лесу погулял славно, пока их разыскивал.

Услышал поп эти слова да так наземь и повалился, ноги вдруг у него ослабли.

— Что ты там мелешь, окаянный? Как это всех коров растерял?

— Уж не осерчал ли на меня, батюшка? Дай-ка сюда ножичек!

— Что ты, что ты, сынок! Это у меня нога подвернулась, я от боли и рассердился, а не на тебя вовсе. Расскажи-ка, что это с коровами приключилось?

— Жарища-то, сам знаешь, какая! Слепни коров извели, те врассыпную. Уж я за ними бегал, бегал, да разве их поймаешь! Одну вот изловил за хвост, так и та вырвалась, один хвост в руках оставила. Не веришь, пойдем посмотрим — там еще несколько хвостов на сучья намотались.

Пошел поп удостовериться. Видит, и правда — хвосты на сучьях болтаются.

— Ай-яй-яй, не иначе, как сам лесной хозяин на меня осерчал, — и пустился из леса бежать.

На другой день жара стояла еще сильнее. А хитрый поп послал батрака свиной пасти. Продав Паиз купцу и свиной за пятьсот рублей, только с десяток хвостиков попросил.

Отнес хвосты к топкому болоту, сделал помост из хлыстов и с него натыкал поросенчьи хвосты в самую трясицу. Утонули, мол, свинки все до одной.

Наточил поп поострее ножичек, ждет батрака на крылечке, медовушку для храбрости попивает. «Никуда ты от меня, чертов сын, не денешься,— думает.— Быть тебе без денег и без носа».

Тут и Паиз является. Шагает себе весело по лужку, свиным хвостиком помахивает. Нет-нет, да пощупает в кармане пачку денег, и сразу на душе у него лучше становится. «За труды я уж вроде как получил,— думает он.— Надобно только за подлость еще рассчитаться».

Как увидел поп, что батрак опять один — без свиной — возвращается, чуть не задохнулся от злости. А злобы своей не выдает.

— Ну, сынок, не рассердился ли на меня случаем, что обед тебе опять забыл прислать. Ты уж прости меня, старика.

— Ничего, батюшка, я про обед-то и забыл совсем. Свинок вот жалко — все в болоте утонули, бедняжки.

— Ах ты, лешачий выродок, ты что же, теперь свиной моих загубил? Да я тебя в острог посажу!

— Батюшка, ты никак осерчал на меня? Дай-ка, дай сюда ножик-то. Или уговора не помнишь?

— Опомнись, сынок, я и не думал сердиться. Свинок пожалел. Как же они так, бедные? Уж больно хороши были, пуще деток мне их жаль.

Говорит поп, а по щекам слезы, как лесные ручьи, текут.

— Пойдем,— приглашает Паиз,— посмотришь, что осталось от твоих свинок.

— Подошли они к топкой трясице. Поп, как увидел свиные хвосты, даже затрясся от гнева.

— И чего их в болото потянуло? — рассуждает вслух батрак. — Кормили их на убой, холили паче собственной дочери. И вот тебе — полезли в трясицу топиться. Видно, не от хорошей все-таки жизни!

«Ах ты, изверг,— думает поп,— к носу моему подбираешься? Разорил вконец да еще посмешищем сде-

лать хочешь? Ну погоди, придумаю я тебе расправу!»

А дома еще Федосья масла в огонь подливает:

— Долго,— говорит,— ты людей морочил. Пришло и тебе наказание, останешься без носа, как те батраки, которые на тебя задаром спину гнули.

Поп всю ночь думал, как батрака извести. Наутро позвал его и велит ему квашню растворить.

— Как же я ее растворю, батюшка? Не приходилось мне что-то.

— Фу ты, бестолочь, в колодец ее раствори... Да живо, не ленись!

Паиз взял мешок муки и впрямь его в колодец — бух! Опустил на веревке бадью и помешивает ею, тесто готовит. Жидковато получилось. Он еще мешок высыпал. Опять жидковато — колодец-то глубокий, воды в нем много. Так всю поповскую муку и извел.

К вечеру как поперло тесто из колодца! Поднялось белой шапкой над срубом и на лужайку полезло.

Увидел поп, что опять ему от батрака разоренье.

— Ах ты, душегуб,— завопил,— по миру меня пустить задумал!

— Никак осерчал, хозяин?— спрашивает батрак.

— Нет-нет, и не думал на тебя сердиться. Вовсе за другого тебя принял. Был у меня один тихоня-вредитель: с виду исправный, старается, а сам норовит меня разорить. Так я ему под конец отрезал-таки нос и прогнал в чем мать родила. А ты молодец, вишь, сколько теста намесил. Много муки-то ушло?

— Да вся, которая была. В амбаре хоть шаром покати — чисто!

— Ох!— только и произнес поп. И повалился под стол.

Вскоре пошли поп с попадьею на базар — корову покупать. Уходя, наказал поп батраку:

— Сам ничего не придумывай, делай то же, что и другие!

День был осенний, тихий. Видит Паиз: крестьяне собрались крыши соломой крыть.

У попа дом был под железом. Паиз взял топор да начал железные листы с крыши сдирать: по всей деревне лязг и грохот пошел. Весь день в поте лица трудился — к вечеру покрыл соломой и дом, и амбар, а сарай на завтра оставил.

Явился поп с базара, понял, что батрак опять его разоряет. Но слова даже не сказал, только щека у него задергалась. «Как же мне погибель на тебя сыскать, адов ты житель?»— думает он.

Вместо коровы приволок поп с базара мешок муки и наказывает батраку настряпать назавтра пельменей.

— С каким же это мясом?— улыбнулся Паиз.

— Известно, с бараниной, леший, другого-то у нас не осталось.

— А какую овечку забить?

— Ту, что на тебя глянет,— отмахнулся от него поп и пошел по своим делам.

Вошел Паиз в хлев, а овцы жуют себе сенцо и не смотрят на него. Постоял, постоял парень, пугнул овец. Они сбились в кучу и уставились на него. «Это дело другое,— думает Паиз. — Раз все на меня смотрят, всех и забью».

Так он и сделал. Порезал всех поповских овец, извел мешок муки и наделал целую гору пельменей.

Вот и поп с попадьей идут. Проголодались они. Поели пельменей и хвалят работника:

— Добрые ты сегодня пельмени сготовил. Какую же овечку забил? Наверное, ярочку черноухую?

— Э-э! Стоит ли с ней возиться!— отвечает батрак.— Работать так работать! Пельменей я на весь месяц наготовил и еще мясо осталось.

— Сколько же ты овец порешил, изверг?— в ужасе прошептал поп.

— А всех как есть под корень извел,— беспечно отвечает батрак.— Мучки бы еще, так я бы на всю зиму пельменей заготовил.

От этих проделок еле дышит уже поп. А тут еще свалилась на его голову беда.

Возвращался батюшка вечером из церкви, видит: в саду парочка, Паиз с Федосьей милуются. Разбушевался поп, надетел на парня с кулаками. А тот ему спокойненько так напоминает:

— Уж не осердился ли на меня, батюшка? Значит, время подошло расплачиваться... Коровушки твои от меня сбежали, свинки утопились, а дочка вот полюбила, приголубила. На что же тут гневаться?

— Я и не гневаюсь, с чего это ты взял? Полюбила так полюбила...

Теперь уж голодным Паиз не оставался, а ел не

хуже самого попа, который стал бояться его пуше огня.

Стали Паиз с Федосьей встречаться не таясь. Крепко они полюбились друг другу. Никак не могли друг дружкой налюбоваться. Ничего больше не мог придумать поп, как сжечь батрака вместе со своим домом. Вот он с попадьею и договаривается:

— Захватим в мешке золота да что поценней, а дом с четырех углов подожжем. Лучше без крова остаться, чем все его издевательства выносить. Нету больше моей мочи. Либо разделаюсь с ним, либо сам удавлюсь.

Затолкали они добро в мешок, а сами в подпол за чем-то полезли. Паиз-то весь их разговор подслушал, спустился с полатей и залез в мешок. Вернулись беглецы, бросили туда же сухарей и — к порогу. Темень стояла непроглядная, они Паиза и не заметили, а он из мешка: «Куда это вы, стойте!»

— Вот, сова, проснулся! — перепугался поп да как кинется бежать с мешком на спине. Попадья еле за ним поспевает.

Бежит поп, назад оглянуться боится, и все ему чудится: батрак сзади топает, гонится за ним. Пробежали они так несколько верст, собрались передохнуть, а Паиз снова голос из мешка подает:

— Держите их!

Выбивается поп из последних силенок, попадья сзади пыхтит, тяжело ей, толстой да к работе не привычной. Попик-то за последнее время отошал с горя, вроде даже поджарый стал. Не будь у него на плечах тяжелого мешка, он бы не только от батрака, от волка серого и то убежал.

Изнемогает попадья, еле шагает, у попа тоже ноги подкашиваться начали. А тут пруд, кустарником кругом зарос. Спрятались беглецы в кусты и лежат чуть живые, пошелохнуться не смеют. Отдышались кое-как и есть захотели. Сунул поп руку в мешок за сухарями и ухватился за чья-то волосы. Завизжал он дурным голосом и заикой сделался:

— От-т-ткуда т-т-ты, ш-ш-шайт-тан, взялся?

— А я, батюшка, и не девался никуда. Здорово ты меня на горбу своем прокатил, растряс только маленько.

У попа с попадьею совсем аппетит пропал, а работ-

ник погрыз сухариков и спать завалился под кустиком. Положил поповский мешок под голову и захрапел.

Поп и шепчет попадье:

— Т-ты, мать, р-разб-буди м-меня, коли засну. М-мы этого н-н-нехриста в п-п-пруд у-т-топ-пим. П-п-пусть разосп-п-пится т-т-только.

Паиз-то хоть и храпел, а лишь притворялся спящим — у самого ушки на макушке. Слышит: батюшка недоброе затеял. Подождал, пока они оба заснут — и толкает попу в бок. Поп вскочил, спросонья схватил попадью за ноги — и сбросил в пруд, только пузыри забулькали.

— С-слава б-богу, изб-бавились!

— От кого ты избавился, батюшка? — спрашивает Паиз.

— Как?! Т-т-ты оп-ять здесь, п-п-проклятуций! — завопил поп.

— А где же мне быть, батюшка? Пришло время нам с тобой расчет держать!

Взял батрак нож, оттяпал попу нос и зашвырнул его далеко в пруд. Мешок с ценностями он отнес в деревню и роздал их беднякам, которых жадюга-поп долго обирал.

В скором времени справил Паиз с Федосьей веселую свадьбу. Вкусно на ней попили-поели, песни пели, сказки сказывали. Одну я запомнил и вам пересказал.

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Удэгейская сказка

Давно тигр жил в тайге. Думал тигр: «Сильнее меня нет никого на свете. Я самый сильный». Так ходил, всех зверей пугал, кругом все боялись. Один раз, поймав добычу, тигр наелся и отдыхал под деревом. Слышит, кто-то позвал его. На ветке сидела птица. Говорит ему птица:

— Ты в самом деле думаешь,

что самый сильный? Сильнее тебя есть!

Тигр сразу вскочил на ноги, вверх поглядел:

— Кто сильнее меня? Говори!

Птица говорит:

— Человек сильнее тебя, вот кто!

Так сказала и улетела. Тот тигр, никогда не видавший человека, захотел увидеть его. Искать пошел. Ходил, ходил — навстречу лось попался.

— Ты человек, что ли? — спрашивает тигр.

— Нет, — говорит лось, — человек совсем другой, ты его зачем ищешь?

Тигр говорит:

— Хочу посмотреть на него.

Тот лось ему говорит:

— Зря ты хочешь его посмотреть. Человек сильнее тебя, он может убить.

Тот тигр смеяться стал. Пошел дальше. Навстречу изюбр попался.

— Ты человек, что ли? — спрашивает опять.

— Нет, я изюбр. Зачем ты ищешь человека? Он сильнее тебя...

Тигр не поверил, дальше пошел. Ходил, ходил. Смотрит — кто-то на двух ногах стоит, дерево рубит. Тот тигр, притаившись, разглядывать стал. Потом ближе подкрался. Человек заметил тигра. Спрашивает:

— Что тебе нужно?

Тигр говорит:

— Хочу посмотреть человека.

— Вот как плохо ты задумал! — говорит человек. — Ты разве не знаешь, что он сильнее тебя? Смотреть на него опасно.

Тот тигр опять не поверил. Тогда человек говорит:

— Ладно. Я тебе помогу. Только надо привязать тебя к дереву, сейчас человека увидишь.

Так и сделал, привязал туго тигра к дереву, сам пошел, взял ружье, выстрелил тигру прямо в глаз. Тот тигр реветь стал, просить стал:

— Отпусти меня, теперь вижу — ты, человек, сильнее меня.

Человек отпустил его, говоря:

— Теперь беги в тайгу, беги подальше и человеку не попадайся.

С тех пор все звери человека боятся.

НАХОДЧИВАЯ ДЕВУШКА

Уйгурская сказка

Жил когда-то один старый хан. Был у него лишь один сын, да и тот глупый.

Очень печалился старый хан. «Что будет, когда я умру, — думал он, — ведь не сможет мой сын править ханством. Если бы найти ему умную жену! При умной жене он, наверное, смог бы править...»

Однажды сказал хан сыну:

— Милый мой сын, если хочешь занять мое место, походи по земле, разыщи десятилетнего козленка, двадцатилетнего волка, тридцатилетнюю лису, сорокалетнего барса, пятидесятилетнюю собаку и шестидесятилетнего верблюда. Всех их приведи ко мне. Без них не возвращайся!

Глупый царский сын отправился на поиски. Идет и всюду кричит:

— У кого есть десятилетний козленок, я куплю! У кого двадцатилетний волк, я куплю! Тридцатилетнюю лисицу куплю! Сорокалетнего барса куплю! Пятидесятилетнюю собаку куплю! Шестидесятилетнего верблюда куплю!

А народ посмеивается над ханским сыном: «Что спрашивает этот глупец? Да разве может быть козленок десяти лет — ведь это уже старый козел! У кого может быть двадцатилетний волк? Да и как узнать, сколько лет волку? А тридцатилетняя лисица, сорокалетний барс, пятидесятилетняя собака, шестидесятилетний верблюд! Разве эти животные живут так долго? А если б жили, разве можно узнать, сколько им лет?»

А сын хана идет по улице и кричит во все горло:

— Двадцатилетнего волка куплю! Тридцатилетнюю лисицу куплю!..

Возле одного дома сидела девушка. Она спросила:

— Что ты кричишь, юноша? Что тебе нужно?

Ханский сын рассказал о наказе отца.

— Отец проверил твою смекалку. Десятилетний козленок — это ребенок десяти лет. Он резвится и пры-

гает, как козленок. Двадцатилетний волк — это молодой человек двадцати лет. Он полон желаний и голоден, как волк. Тридцатилетняя лисица — это мужчина тридцати лет. Ум его достигает совершенства, он подобен хитрой лисе. Сорокалетний барс — это мужчина сорока лет. Он в расцвете сил, он подобен могучему барсу. Пятидесятилетняя собака — это человек пятидесяти лет. Он к этому времени успевает накопить добро и стережет его день и ночь, как собака. А шестидесятилетний верблюд — это человек шестидесяти лет, он плохо видит, его приходится водить, как верблюда.

Ханский сын вернулся домой.

— Ну, что? — спросил его хан. — Отыскал ты тех, кого я приказал отыскать?

— Да, отец, отыскал. — И он пересказал отцу слова девушки.

— Ты сам до этого додумался или тебе кто-нибудь помог?

— Нет, отец, я не сам догадался, одна девушка мне все растолковала.

— Это — умная девушка. Пусть она станет твоей женой!

Так сказал старый хан.

Умная девушка стала невесткой хана. А после его смерти, когда ханом стал ее глупый муж, она помогала управлять страной.

СЕРЕБРЯНАЯ КНИГА

Хакасская сказка

Жили два брата. Один был бедный, другой богатый.

У бедного брата было много детей. Сколько он ни работал — накормить их не мог. Сам всегда был голодным.

Богатому брату жить было легко — у него пастухи стада пасли, а сам он на мягких подушках лежал да в гости ездил.

С самым ханом богатый брат дружбу водил.

Однажды бедный брат пошел к богатому мясника для ребят попросить.

Брата не было дома. А жена брата, злая и жадная, схватила палку и выгнала гостя на улицу.

Идет бедный брат домой и думает: «Почему я так бедно живу? Бог меня не любит и не жалеет. Бог помогает только богатым...»

Дома он взял топор, вытесал из березы большую колотушку, взвалил ее на плечо и пошел на восток через степи, горы и леса. По сторонам он зорко смотрит — бога ищет.

На одном перевале он увидел — едет старик на белом коне.

Подъехал старик, поздоровался, спросил:

— Ты куда колотушку несешь?

— Бога-батюшку ищу, — ответил бедный человек. — Убить его собираюсь за то, что он помогает богатым...

— Я тебе помогу, — сказал старик. — Садись на моего коня.

Они долго ездили, но бога найти не могли. Старик домой засобиравался. На прощанье подарил бедному человеку большую книгу в серебряном переплете.

Приехал бедный человек домой, зашел в свою юрту, открыл книгу и стал читать:

— Мясо, молоко, сметана...

Смотрит — все это на столе появилось. Жена его и дети у стола сидят, жирное мясо едят, молоком запивают.

Бедный человек обрадовался — дальше читает:

— Хлеб, масло, мед...

И опять все это появилось на столе.

В книге много листов, много слов. И какое бы название пищи в книге ни прочитал — все на столе появляется.

Поебедали они, бедный человек книгу захлопнул, и на столе стало пусто.

Узнала про книгу жена богатого брата, приехала в гости. Первый раз к бедным родственникам приехала.

Усадили ее за стол, хозяин стал книгу читать — угощеньям счет потеряли.

Вернулась гостя домой и начала мужа грызть. Возьми да возьми у бедного брата книгу в серебряном переплете. Не отдаст — купи, не продаст — отбери. Зачем она им? К ним богатые люди в гости не приходят, хан к ним не приезжает — они и без книги проживут.

Приехал богатый брат к бедному, стал просить:
— Продай книгу. Как родному брату, продай. Имен матери прошу, продай...

Бедный брат не устоял:

— Ну что ж,— говорит,— купи...

— Сколько запрашиваешь?

Бедный брат не мог сразу придумать, сколько просить — сказал:

— Триста...

— Триста рублей?— переспросил богатый брат.— По рукам!..

Ударили они рука об руку. Богатый брат заплатил деньги, схватил книгу и уехал.

Жена богатого брата всех баев к себе в гости позвала, за ханом работника отправила... Круглые сутки у них гости. Хозяин едва успевает книгу читать — гости все съедают.

А бедный брат деньги прожил, и опять дети у него сидят голодом. День и ночь работает — накормить их не может.

Рассердился бедный человек, сделал две колотушки, взвалил их на плечи и опять отправился бога искать. На том же месте встретил старика на белом коне. Несколько дней они вместе искали бога, хотели его побить — найти не могли. На прощанье старик подарил бедному человеку большую книгу в золотом переплете.

Бедный человек обрадовался, дома всю семью за стол усадил, а сам книгу открыл. А книга оказалась пустой — читать в ней нечего...

Из пустой книги выскочили две колотушки и стали всех колотить. Направо и налево, вверх и вниз. Все кричат и стонут от боли. Готовы с жизнью распрощаться.

Едва смогли захлопнуть книгу. А когда захлопнули — видят, что в юрте никаких колотушек нет — спрятались на свое место.

Узнала про новую книгу жадная жена богатого брата и потребовала:

— Привези золотую книгу. Хочу золотую книгу... Золотую, золотую...

Ни днем, ни ночью покою не стала давать.

Поехал богатый брат к бедному.

— Продай золотую книгу. У вас богатых гостей не

бывает, хан к вам не приезжает — зачем вам золотая книга?

А бедный брат отговаривается:

— Пригодится... Ребятишки у меня сладкие конфеты любят...

— Не продашь — силой отберу, — пригрозил богатый брат. — Сам не смогу отобрать — хану скажу: он солдат пошлет...

— Ну что ж, придется продать... — сдался бедный брат.

— Сколько возьмешь?

— А все твои табуны, стада...

Жена богатого за дверью подслушивала. Она испугалась, что хозяин золотой книги будет еще что-нибудь просить, и крикнула мужу:

— Соглашайся скорее... Золотая книга нам все даст. Завтра будем богаче самого хана...

Назавтра к богатому брату собрались в гости бан, князь и шаманы. Хан с ханшей приехали. Все сидят, ждут дорогих угощений из золотой книги.

Хозяин открыл книгу, и тут послышалось:

— Хох-тух! Хах-хах!

Это деревянные колотушки били гостей. По лбу и по затылку, в темя и в подбородок.

Гром разносился по всей земле, пыль поднималась до неба.

От криков и стопа юрта разрывалась.

Хозяин растерялся и забыл книгу закрыть. Когда колотушки всех переколотили, он пришел в себя и захлопнул книгу. Кругом посмотрел — ужаснулся: хан под столом лежит, ханша под кровать заползла.

Хану мокрой тряпкой голову обвязали, в чувство его привели.

Хан на ноги поднялся — зло на всех зарычал, хозяина казнить приказал.

Домой хан поехал и увидел — скот бедного брата пасется, того, кто подсунул ту золотую книгу с деревянными колотушками.

Хан рассвирепел и солдатам своим приказал:

— Отобрать скот. Самому выдумщику голову снести. Ребятишки его пусть нищими по земле бродят.

Услышали соседи и все поднялись на защиту.

Хан приказал стрелять, но солдаты стрелять не стали, а перешли на сторону народа. Они схватили

злого хана, положили на черное бревно и его же саблей отсекали ему голову. За все страдания и горе народное, за пролитые слезы казнили его.

Народ радовался. Все, что баи награбили, бедным людям роздали. Все стали дружно жить и работать. Новую серебряную книгу стали вместе делать. Большую книгу. Такую большую, чтобы для всего народа хватило дорогой пищи.

ТОЛСТЫЙ КОЛЬКЕТ

Хантыйская сказка

Жил в тайге, с отцом и матерью, Толстый Колькет. Лег парню совсем немного, а толстым стал.

Ничего Колькет не делал — ничего и не умел. Отец с матерью за него все делали.

Вот наступает раннее утро. Чуть розовеет заря. Еще не видно за лесом и краешка солнца.

Но в таежке навстречу заре запела первая птичка, где-то в ветвях зашевелилась кедровка, вспомнила про кедровые шишки — скоро надо лететь за орехами. Пробежал хлопотун-бурундучок, выглянула из дупла пушистая белка. Все потянулось навстречу утру.

Проснулся отец Колькета — рыбак и охотник. Надо ехать сети смотреть. Рыбу на завтрак домой принести.

Взял отец весло, подошел к Колькету:

— Вставай, сынок. За рыбой пойдем. Поможешь сеть вытаскивать...

Отмахнулся Колькет. На другой бок повернулся, опять заснул.

Покачал головой отец, ничего не сказал. Пошел один к лодке. Поехал сети выбирать.

Проснулась мать Колькета. Надо дров собрать, огонь развести, пищу готовить. Надо красной брусники набрать. С чаем сладкой ягоды поесть. Зовет мать с собой Колькета, будит его.

Махнул только рукой Колькет. Вниз лицом лег — не мешай спать!

Вздохнула мать, ничего не сказала. Взяла топор, за дровами пошла. Нарубила сухих дров, принесла к очагу. Потом корзинку взяла, пошла бруснику собирать.

Поляна ягодами усыпана. На кочках и рядом — полно брусники, собирай только. Полную корзину набрала, домой принесла.

Развела огонь в очаге, воду в котле греть поставила. Смотрит — отец Колькета идет. Полную сетку рыбы несет. Налимов больших, язей жирных.

Солнце взошло. Заиграла, запела тайга. А Колькет все спит, похрапывает. С боку на бок переворачивается.

Отец с матерью рыбы начистили, уху стали варить.

Ветерок подул — дымком потянуло.

Хоть и спит Колькет, а нос рыбу чувствует. Щекощет нос Колькету рыбный запах. Открыл Колькет один глаз, потянулся, потом другой глаз открыл. Протер глаза кулаками. Сел.

— Уха готова? — спросил.

Мать ложкой зачерпнула ухи, попробовала — хороша уха, наваристая! Колькет, с боку на бок переваливаясь, к реке пошел. Кое-как поскорее умылся, рукавом утерся, к котлу заторопился.

Вокруг котелка все сели. Мать хлеба нарезала. Колькет раньше всех самую большую ложку выбрал, кусок хлеба потолще взял, первым уху с куском рыбы зачерпнул.

Сидит, за обе щеки уплетает, живот поглаживает — чтобы больше вошло.

Наелся до отвала, устал даже ложкой махать. Решил Колькет: отдохнуть надо! Лег под сосной, руки раскинул. А глаза сами закрылись.

Так и шел день за днем. Поест Колькет, отдохнуть ляжет. Жиру еще прибавится. Стал Колькет словно гусь осенью.

Шел как-то мимо их дома старик, увидел Толстого Колькета, подивился. Отца с матерью спрашивает:

— Почему он у вас такой?

Мать с отцом признались:

— Не знаем, что с ним делать...

Старик им сказал:

— Я вас научу.

Отвел отца с матерью в сторону, сказал им какие-то слова. Какие — никто не слышал. Потом ушел тот старик.

Тут отец стал невод собирать, с сушильных кольев снимать, говорит:

— Пойдем, мать, рыбу неводить. Пойдем, Колькет, и ты с нами. Будешь помогать невод тянуть.

Взяли на плечо невод. А Колькет глаза прищурил, будто не слышит, лежит. Охота ему в воду лезть?!

Отец с матерью дожидаться не стали, к берегу, на песчаные отмели пошли. А Колькет опять к котелку, к корзинке с ягодой потянулся.

Мать с отцом только до первого борка дошли — навстречу им медведица с медвежонок. Медвежонок лапу к груди прижимает, идет и скулит.

Медведица к отцу с матерью его подвела, на лапу медвежонка показывает.

Малыш лапу щепкой занозил! Болит лапа.

Тут отец невод отложил на траву, взял лапу медвежонка, выдернул занозу.

Медвежонок от радости заплясал даже. Пляшет, лапами машет. А медведица кланяется. Спасибо говорит.

Пошли рыбаки дальше, спустились на пески. Раскинули невод, в реку отец по грудь зашел, мать поменьше, ближе к берегу. Идут, тянут невод. Тяжело им. Десять, двадцать шагов идут. Стала рыба попадаться. Верхняя бичева вздрагивает, рыба в невод ударяет.

Видит медведица — тяжело людям, помочь надо, — тоже на отмель пришла. В воду полезла, взялась за палку, невод сразу быстрее пошел. Людям легче стало. А медвежонок на берегу бегаёт, веселится.

Стали все вместе невод на пески выбирать, а в нем рыбы набралось — вдвоем зараз и не донесли бы! Сложили рыбу в мешки. Один медведица в охапку взяла, к дому понесла.

Медвежонок впереди бежит, переваливается. Подошел к дому, видит — Колькет у котелка сидит, уху уплетает, живот разглаживает. Медвежонок носом потянул, вкусно!

К Колькету подошел, лапу протягивает:

— Дай рыбы немножко. Или брусники дай.

А Колькет размахнулся и ложкой ударил медве-

жонка по носу. Заплакал медвежонок, в сторону отбежал. А Колькет взялся за бруснику. Все лицо измазал, торопится есть.

Тут рыбаки подошли. Отец с матерью медведице с медвежонком рыбы полную корзину наложили, в лес проводили.

А Колькет им вслед кулак показал.

— Зачем у меня рыбу отняли? Сам бы съел!

Тут скоро ночь наступила. Мать костер разожгла. Рыбы на вертелах нажарила. Еще поел Колькет, сколько мог, спать лег. Всю ночь на одном боку пролежал, ни одного сна не видел.

Солнце высоко поднялось, проснулся Колькет. Живот погладил — в животе пусто. Надо поесть!

Посмотрел кругом — ни отца, ни матери нет. Позвал — никто не отзывается. Он кричать стал, на ноги встал, вокруг дома побегал — никого нет. Сел Колькет — думать стал.

— Отец, поди, за рыбой уплыл, мать дрова собирать пошла. Подожду — придут. Поем пока. — Он за котелок взялся — котелок пустой. Плохо, думает Колькет. Пригорюнился.

Лежит под кустом черемухи скучный. Над ним ветви, ягодами усыпанные. Хоть и лень Колькету, а решил руку протянуть, ягоду сорвать.

Но черемуха отвела ветви от него в сторону, не даст сорвать ягоды.

А время идет. Есть Колькету хочется.

Тут он надумал: отец с матерью шишки кедровые бить пошли. Набьют, сладкие орехи сами съедят. Мерещится ему — сидят мать с отцом среди кедров, орехи щелкают.

Тут решил он: поплыву к ним, где кедровый бор, найду их, буду орехи есть. Схватил Колькет весло, обласок на воду столкнул, сел кое-как, чуть лодку не перевернул, чуть в воду не упал. Сидит, думает: зачем мне, как отцу, широкой стороной весла грести, силу тратить? Буду рукоятью грести, так легче будет.

Взялся Колькет за весло с другого конца. Рукоятью, как ножом, воду режет. Лодка его не слушается, вертится, к кедровому бору не плывет. Подхватила Колькета река, понесла по течению в другую сторону. Скоро за поворотом скрылся дом из виду.

Испугался Колькет, кричать стал. А кто услышит?

Тайга кругом. Наконец сообразил Колькет: надо к берегу прибиваться. Повернул он весло как надо, стал сильней грести.

Направил лодку поперек течения. Лодка послушной стала.

* * *

К берегу пристал Колькет, поднялся. Обласок на берег вытащил.

Сел на берегу, оглядывается — кругом тайга. Кедры широко-широко ветви раскинули, в них кедровые шишки спрятали.

Сосны вершинами к небу поднялись, шумят, говорят о чем-то друг с другом. А под ними — заросли цветов таежных — саранок.

Колькет хотел дальше пройти, запутался в траве, упал. Рассердился парень, схватил весло, начал цветы сбивать. А они все тесней сближаются.

Тут погода стала хмуриться. Ветер подул. Сильней зашумели сосны и кедры. Солнце на закат пошло. Из глуби тайги ночь стала подступать. Все вокруг потемнело.

Озирается Колькет. Что делать? Как ночевать буду?

Смотрит Колькет — в одной большой сосне дупло. Туда хотел спрятаться — побоялся. Вдруг там есть кто-нибудь?

Тут совсем темно стало. Тайга шумит. Прижался к сосне Колькет. Страшно ему. Мерещится — злой дух к нему подкрадывается, лапами машет, схватить Колькета хочет.

Колькет крепче весло сжал рукой. Размахнулся, ударил с разбегу. Весло по ветвям ближней елки прошло. Никакого лешего!

Чуть успокоился Колькет, смотрит — огни засветились, зелеными кошачьими глазами играют. «Рысь! — подумал Колькет. — Сейчас съест меня. Выручай меня, весло!» Опять разбежался, ударил веслом по огонькам. Огоньки потухли, а гнилушка-пень рассыпался.

Думает, звери его окружают. А это светлячки оказались!

Устал Колькет и боязно ему. Как быть? Хоть и страшно — полез в дупло.

Утром пробудился. Смотрит — светло, солнце высоко поднялось. Вылез Колькет из дупла.

Тут увидел он — кругом кедровые шишки нападали. Стал он их собирать. Есть охота, начал орехи щелкать. Наелся немножко, страх наполовину прошел.

Только сел Колькет — налетели на него комары. Один больше другого кусает. Сколько руками ни махал, не мог отбиться: заплакал с горя. «Съедят меня комары», — подумал он.

Вдруг слышит Колькет голос. Поднял голову. Видит — тот старик к нему идет.

— Что горюешь, парень? — спрашивает.

— Комары заели, — отвечает Колькет.

— Ну, это небольшая беда, — говорит старик. — Ты костер разведи, дым комаров отгонит.

— Где огонь возьму? — Колькет спрашивает.

— А ты его сам добудь, научу как, — отвечает старик.

Повел старик Колькета к сухой березе, заставил две палки вырезать. Заставил Колькета одну об другую тереть.

Колькету неохота было работать, да как комаров вспомнил, принялся за дело. Сначала не получалось ничего, а старик все велит шибче да быстрее работать.

Колькета пот прошиб, хотел со лба рукавом его стереть — старик отдыха не дает. Еще быстрее работать велит.

Много ли, мало ли времени прошло — дымок показался, потом искорка сверкнула, огонек вспыхнул. Тут старик подул на него, тонкую берестинку поднес, вспыхнула она.

Из бересты да сухих веток они костер разведи, подбросили дров — густой дым пошел — комаров как не бывало. Старик велел:

— Ты, парень, огонь береги. Костер пусть всю ночь горит. С ним тебя и зверь не тронет.

Колькет жаловаться стал:

— Я есть хочу, что есть буду?

Старик отвечает:

— Это беда небольшая. Я тебя научу, как пищу добывать. Вот тебе клубок ниток, вяжи сеть. — Тут он ему показал, как ячею вязать.

Голод не ждет, торопит. Принялся Колькет за дело. Сначала путались нитки, потом все как надо пошло.

К вечеру сетка была готова. Сели они в обласок, выехали на рыбные места, старик научил, как сеть поставить, как утром снять ее. Приплыли они к берегу, высадились. Старик велел Колькету дров побольше набрать, в костер ночью подбрасывать. Пошел Колькет дрова собирать.

Принес большую охапку, а старика нет, ушел. Делать нечего, стал Колькет ночь коротать. Из еловых веток постель себе сделал. Поспит немного, проснется, дров в костер подбросит, чтобы не потух. Ляжет, глядит в небо, звездами усыпанное, а потом заснет опять.

Утром, только заря над тайгой занялась, только первые птицы запели — разбудили Колькета, — сел он в обласок, поехал сеть вынимать.

Подъехал к сети, потянул за поводок; сеть, словно живая, бьется. Поднял ее в обласок парень, в ней пять рыб больших чешуей сверкают!

Обрадовался Колькет, скорей к берегу, где костер горел, поплыл. Смотрит — старик его встречает. Колькет кричит:

— Удача мне выпала, рыбу поймал!

Тут старик ответил:

— Умелые руки приносят удачу, парень. Давай будем рыбу чистить, на вертелах жарить.

Научил он Колькета, как это сделать. Нажарили рыбы, вместе поели.

Колькет спрашивает:

— Всех рыб съедим, что дальше делать будем?

Старик засмеялся, ответил:

— Новых наловим. Вон, видишь, белка прыгает?

Посмотрел Колькет вверх — верно, по ветвям кедра белка прыгает, из кедровых шишек орехи лущит, за щеку прячет.

— Собирает белка орехи, таскает в дупло к себе — на всю зиму. Всю зиму живет, орехи грызет. Так и мы, наловим много рыбы, навялим ее, насушим, орехов наберем. Хочешь, пойдем собирать?

Колькет говорит:

— Как я на кедр полезу? Мне не подняться, сучья ломаются.

Старик сказал:

— Это беда небольшая. Мы колотушку сделаем. Будем ею шишки сбивать.

Стали они колотушку мастерить. Нашли тонкую сухую жердочку, нашли толстый сухой сук, обрезали, черемуховой лычки надрали. Старик лычкой к концу жердочки сучок привязал, колотушка получилась.

Пошли они в кедровый бор орехи бить. Высоко колотушку поднимут, ударят по кедровому суку, шишки к ногам падают. Целую гору шишек набрали. Так и пошел день за днем. Ловит Колькет рыбу, кедровые шишки бьет, дрова собирает, огню в костре погаснуть не дает.

А старик его все новому учит.

Как стоя обласком править. Как лук со стрелами сделать. Как жилье построить.

Всему научился Колькет.

А старик вечерами всегда уходил куда-то, утром опята появлялся. Не раз он говорил Колькету:

— Кто другом к тебе придет — хорошо встречай. На дружбе мир держится.

Сидел как-то вечером у костра Колькет рядом с недостроенным еще жильем. Услыхал парень легкие шаги. Оглянулся, видит — рядом лесной олень стоит. В рогах у него разлапистый сук застрял. Не мог олень сбросить его, измучился.

Встал, подошел к нему Колькет, олень не шелохнулся. Парень сук из его рогов вытащил, отбросил.

Вздохнул олень радостно, головой встряхнул, словно поклонился, и исчез в тайге.

Переночевал парень. Утром пошел за сухими жердями, жилище достраивать. Смотрит — стоит олень, ждет его.

Колькет жердей набрал, связал, к становищу потащил — олень рядом идет, будто говорит: дай помогу! Колькету радостно стало. Перекинул через спину оленя конец веревки. Потянули воз вместе. Дело веселей пошло.

И полетел по тайге слух:

— Добрый человек в лесу живет.

Как-то на утренней заре приковылял к Колькету журавль. Он ногу на кочке вывихнул. Колькет ему помог.

Улетел журавль веселый.

Немного времени прошло, смотрит Колькет — к нему вся журавлиная стая вышагивает! Спасибо пришли сказать.

Стали журавли пляски разыгрывать, веселить Колькета.

Молодой журавль на журавушке женился. Пляски начались свадебные. Так занятно плясали журавли, колена выкидывали — весело стало Колькету. И журавли довольны. Наигрались, наплясались, к себе домой отправились.

...А дни шли да шли.

Построил жилье Колькет. Рыбы навялил, засушил. Кедровых шишек много набрал. За работой незаметно похудел Колькет. Стал легким на ноги, сильным на руки.

Тем временем осень подошла к тайге.

Взмахнула она одним крылом — березы в золотой цвет одела. Взмахнула другим — осины багряным цветом покрылись. Цветом зари загорелись на рябинах гроздья ягод.

Потянулись с севера гусиные караваны на юг.

Тут старик будто вспомнил:

— Ох, Колькет, отец с матерью тебя, поди, потеряли. Грузи орехи в обласок. Клади туда рыбу. Вернись к родителям. Я покажу, в какой стороне они живут.

Обрадовался Колькет, начал собираться. Стал в обласок рыбу сушеную, вяленую грузить, орехи складывать. Полный обласок нагрузил, а всего еще много остается. Что делать?

Откуда ни возьмись — помощь пришла. Первым олень прибежал — грузи на спину два мешка. Потом медведица с медвежонком явились, по мешку орехов в охапки взяли. А тут и журавлиная стая пришагала. Каждый по большой рыбине в клюв взял.

— А кому жилье останется? — спросил старика Колькет.

— Охотнику, прохожему пригодится. Положи туда запас рыбы, орехов. Дров сухих припаси, — посоветовал старик. — Может, человек голодный, мокрый придет. Спасибо скажет.

Так и сделал Колькет. А старик сказал ему на прощанье:

— Помни, сынок: чужим трудом не проживешь, человеком не станешь.

Колькет поклонился старику, спасибо сказал.

Стоя в обласке, против течения, навстречу солнцу поплыл Колькет.

А по берегу весь караван за ним отправился. Долго вслед им смотрел старик.

Дивилась тайга: плывет против течения, стоя в обласке, человек, а по берегу, один за другим, бегут за ним круторогий олень, медведица и медвежонок, выступают один за другим журавли с поклажей.

* * *

Ох, как обрадовались отец и мать Колькета!

Как вырос, изменился Колькет!

Отец говорит:

— Совсем большой сын стал. Может, ты сильнее меня.

Тут взял Колькет отцовский лук, стрелу с железным наконечником, натянул тетиву до плеча, пустил стрелу. Полетела она к дальней сосне, ударила в ствол — насквозь прошла.

— Хорошо, сынок, — сказали отец с матерью.

Угощать они сына стали.

На праздник пришли к ним медведица с медвежонком, прибежал круторогий олень, прилетели друзья-журавли, примчались шустрые белки. Старик пожаловал. Его на самое почетное место усадили. Он что-то по пути черемухе сказал. И вдруг та девушкой обернулась и ее к столу позвали.

Всем угощенья хватило, много разной еды было.

А медвежонок сел к туеску с медом, обнял его, начал лапами мед черпать, причмокивал, живот поглаживал. Объялся, лег на спину, лапы раскинул. Тут медведица спохватилась, за шиворот медвежонка взяла, к речке повела.

А медвежонок идти не может, падает.

Медведица за загрювок подняла его, в реку окунула, заставила воду пить, купаться.

Смеялись все в тайге, на медвежонка глядя.

А потом долго еще праздник шел.

Журавли свои танцы показывали. Медведица со стариком в лес пошли. Затапцевали таежные цветы

сараны, хоровод девичий закружили. Девушка-Черемушка с Колькетом с ними вместе плясали. А белки в больших колесах кружились.

Долго в тайге все помнили, как пир шел. И нам о том рассказали.

ЗЛАЯ ЖЕНЩИНА И ЧУДОВИЩЕ

Чеченская сказка

В давние времена жил в одном большом ауле добрый и работающий человек. И была у него жена, такая злая и сварливая, что второй такой не сыскать, хоть все аулы обойди три раза. Со всеми она спорит, со всеми она бранится, ко всем она придирается. Все наоборот делает, весь аул перессорила.

А бедному мужу от нее и вовсе житья не было. Все он не так делает, все он не то говорит.

Пойдет он в лес по дрова, принесет сухих дров — жена бранится:

— Зачем ты, осел, сухие дрова принес? Мне сырые нужны!

Принесет сырые дрова — опять не так:

— Сырые дрова зачем притащил, осел? Мне сухие нужно!

Так изо дня в день и мучила его, ни минуты покоя не давала. Совсем извела.

Вот раз ушел он в лес собирать хворост. Собрал большую вязанку, сильно утомился и сел под деревом отдохнуть. Сидит и раздумывает: как дальше жить, куда деваться? Убежать от злой жены нельзя — найдет. Прогнать тоже нельзя — не уйдет. На брань бранью отвечать — совсем с ума сойдешь. Что делать?

Оглянулся он кругом и вдруг увидел невдалеке яму. Заглянул в яму — дна не видно, такая глубокая.

«Хоть бы в эту яму провалилась злая ругательница, — подумал он, — и мне, и всему аулу легче бы стало!»

Вернулся он домой и говорит:

— Какую глубокую яму я нашел!

А жена в ответ:

— Врешь, никакой ямы ты не видал!

А муж будто не слышит.

— В этой яме,— говорит,— много золота. Приготовь мне мешки и веревки. Я завтра пойду, золото достану.

— Нет,— кричит жена,— не пущу я тебя! Всем известно, какой ты осел. Пойти-то ты пойдешь, да мало принесешь. Уж лучше я сама пойду, все золото из ямы достану!

На другой день рано утром разбудила она мужа и велела вести себя к яме. Муж идет впереди, несет мешки да веревки, а жена идет сзади, подгоняет да ругает его:

— Иди, иди быстрее! Вон у тебя и ноги не гнутся! Никуда ты не годен! Надо из ямы золото выгresti, а тебя в ту яму бросить!

Так до самого леса и ругала.

Пришли они в лес, к яме. Муж стал обвязываться веревками, будто хочет в яму спуститься.

— Сейчас,— говорит,— в яму спущусь, а ты на краю сиди, как можно крепче веревку держи. Когда дерну веревку, знай, что нужно меня тянуть наверх.

А жена, как всегда, в спор:

— Так я и буду на краю сидеть да тебя дожидаться! Очень мне это нужно! Обмотай меня веревкой да спусти в яму. Сама буду золото в мешки насыпать! А ты жди меня, никуда не отходи!

А человеку только того и надо. Обмотал он злую женщину веревкой и стал спускать в яму. Спустил поглубже да и выпустил веревку из рук:

«Пусть живет в яме с чертями, если с людьми жить не может!»

Пошел он домой веселый, довольный: избавился, наконец, от брани, от ругани да от криков. Не будет теперь его жена изводить, криком своим оглушать да в бока кулаками тыкать.

Прожил он дома день, другой, прожил неделю, а на сердце у него неспокойно.

Решил он тогда пойти в лес, к яме — узнать, что случилось с его сварливой женой.

Подошел он к яме и слышит: несутся из ямы крики, ругань, проклятья, стоны. Склонился человек над

ямой, прислушался: кричит да ругается его жена, а стонет да охает кто-то другой. Кто бы это?

Крикнул человек в яму:

— Эй, кто там охает?

И раздались из ямы два голоса. Один — знакомый — кричит:

— Пошел прочь, осел, не твое это дело!

Другой — незнакомый — жалобно просит:

— Помоги мне, добрый человек! Вытащи меня из этой ямы. Я чудовище. Здесь совсем меня замучила злая женщина. Погибаю я!

— Отчего не помочь? — отвечает человек. — Помогу тебе, спасу, только поклянись, что не обидишь меня.

— Что ты, что ты! Не только не обижу, а любую твою просьбу исполню, все, что прикажешь, для тебя сделаю. Только вытащи скорее!

Сжалился человек над чудовищем, спустил в яму длинную толстую веревку. Чудовище ухватилося за нее когтями и крикнуло:

— Тащи!

Стал человек вытаскивать чудовище, а злая женщина схватила его за хвост и хотела вместе с ним из ямы выбраться. Только чудовище хвостом трянуло и сбросило ее.

Вытащил человек чудовище из ямы. Легло оно на траву, никак отдышаться не может.

— Было я,— говорит,— во много раз больше, да злая женщина так меня изводила, так мучила, что сморщилось я, исхудало, во много раз уменьшилось. Как еще живо осталось, не знаю!

— Не очень же ты сильно,— говорит человек,— если всего за неделю так извелось. Видно, я крепче тебя — много лет терпел!

Отдохнуло, отдышалось наконец чудовище и говорит:

— Ну, добрый человек, прощай и помни: выполняю три твоих просьбы. Все, что попросишь, мигом исполню: хочешь золота — будет у тебя золото, хочешь стать царем — будешь царем. Ни в чем тебе возраженья не будет. Но если вздумаешь в четвертый раз о чем попросить, худо тебе будет: съем я тебя и не пожалею!

Сказало это чудовище и исчезло, будто его и не было. А человек в свой аул пошел.

Немного времени прошло, услышал этот человек недобрые вести: легло какое-то чудовище страшное около одного аула, никого в аул не выпускает, никого из аула не выпускает. Мало того: каждый день кого-нибудь хватает и пожирает. Мучаются жители аула, а что делать — не знают.

«Уж не то ли это чудовище, которое я из ямы вытащил? — подумал человек. — Ну, так оно обещало три моих просьбы выполнить. Попрошу, чтобы оставило людей в покое».

Сел на коня и поскакал в тот аул.

Прискакал и видит: так и есть, лежит возле аула то самое чудовище, которому он помог из ямы выбраться.

Подъехал человек к чудовищу и говорит:

— Помнишь, как я тебя из ямы вытащил, от злой женщины спас?

— Помню! — отвечает чудовище.

— А помнишь, как ты обещало три мои просьбы выполнить?

— И это помню!

— Ну так вот и сделай сейчас первое доброе дело: уйди от этого аула, не мучай людей!

— Ладно, — отвечает чудовище, — исполню твою просьбу.

И тут же пропало.

Стали жители аула благодарить доброго человека.

— Без тебя, — говорят, — всех бы нас извело чудовище. Проси, чего хочешь — все тебе дадим!

— Ничего мне не надо, — отвечает человек, — все у меня есть.

Весть о том, что один человек властен над чудовищем, разнеслась по всем аулам.

Немного времени прошло, явились к этому доброму человеку люди из дальнего аула, стали просить:

— Помогите нам в беде: легло страшное чудовище у реки, закрыло воду и никого к ней не подпускает. Нельзя нам ни напиться, ни умыться, ни скот напоить.

— Хорошо, — говорит человек, — помогу вам.

Поскакал он поспешно в тот аул. Подошел к чудовищу и спрашивает:

— Помнишь ли ты, как я тебя из ямы вытащил, спас?

— Помню! — отвечает чудовище.

— А помнишь, как обещало для меня три добрых дела сделать?

— Как не помнить, помню! Говори, что тебе еще нужно?

— Сделай теперь второе доброе дело: открой людям воду!

— Ладно,— отвечает чудовище,— пусть и на этот раз будет по-твоему.

И тут же исчезло.

Освободилась река, побежала вода. Высыпали на берег все жители аула, прибежали туда же лошади, коровы, овцы — все пьют воду, радуются.

Стали жители аула предлагать человеку и золото, и богатые подарки, и коней. А он не берет:

— Не надо мне ваших подарков, у меня без того все есть!

Прощался и уехал.

Немного времени прошло, и снова пришли к нему люди, опять стали просить, чтобы избавил он их от чудовища, которое у них посева портило, мяло да вытаптывало.

И в этот раз не стало чудовище спорить, исчезло. Только перед тем зашипело и сказало человеку:

— Ну, вот и исполнены три твоих просьбы, как тебе было обещано, смотри не вздумай у меня еще о чем-нибудь попросить — живьем тебя проглочу!

Нивесть сколько времени прошло, снова дошли до человека слухи, что чудовище в другой аул перебралось. И не только слухи дошли — сами жители того аула к нему явились, просят, чтобы помог он им.

— Не послушается меня больше чудовище,— говорит им человек,— не уйдет, да еще и меня проглотит, если к нему приду.

А люди от него не отстают, упрашивают его:

— Если нас не жалеешь, то хоть детей наших маленьких пожалеи!

«Э,— думает человек,— не два раза умирать, а одного все равно не минуешь. Или что-нибудь придумаю, чтобы с ним разделаться совсем, или сам пропаду».

Приходит он к чудовищу. Не успел еще слова вымолвить, как чудовище надулось, зашипело, выпустило когти, стало острыми зубами щелкать, длинным хвостом по земле бить. Так бьет, что камни в песок рассыпаются.

— Я,— говорит,— предупреждало тебя, чтобы ты ко мне больше трех раз со своими просьбами не являлся. А ты не послушался— в четвертый раз пришел. Ну, так пеняй на себя — конец тебе сейчас! Проглочу я тебя!

Засмеялся человек и говорит:

— Глупое ты чудовище! Да разве я прошу тебя о чем-нибудь? Ни о чем я тебя просить не буду. Я только пришел сказать, что тебе беда грозит.

— Какая беда?

— Помнишь ли ты злую женщину, которая тебе в яме житья не давала?

— Как не помнить, помню!

— Ну так вот, она выбралась из ямы, бегаёт всюду, тебя разыскивает и кричит: «Подайте мне его, я с ним потолкую, я ему хвост оторву!» Говорят, она уже недалеко, вот-вот в этот аул прибежит.

Испугалось чудовище, всполошилось.

— Ну,— говорит,— если она из своей ямы выбралась, надо мне поскорее убегать да прятаться!

Поднялось чудовище, закружилось и пропало навсегда.

Никто его с того дня больше и не видел, никто больше о нем и не слышал.

БАТЫР И ЧИГЕ-ХУРСУХАЛ

Чувашская сказка

Давным-давно жили-были старик со старухой. Весь свой век они мирно трудились, а кроме ветхой избенки на подпорках да одного ягненка ничего у них не было. И не было у них детей. О том старики тужили-горевали.

И вот однажды приснился старухе Питамбар¹.

— Век вы живете в мире и дружбе, много трудитесь, а счастья не видали,— сказал он.— Хочу я вас

¹ Питамбар — у древних чувшей хранитель счастья.

наградить. Ступайте перед восходом солнца к дубу Киремети¹, принесите в жертву ягненка, потом возьмите кусочек коры этого дуба, заквасьте на ночь в квашне, и наутро появится у вас сын-батыр.

Старик со старухой все так и сделали, как велел Питамбар. Наутро появился у них сын. Назвали его Иваном.

Рос Иван не по дням, а по часам. Съедал за один присест три каравай хлеба, выпивал бочку воды и в неделю стал словно двадцатилетний.

Спрашивает Иван у родителей:

— Отчего так плохо живете?

— Потому, сынок, бедно живем, что нет у нас счастья и удачи,— ответил старик.

— Ну, так я пойду искать удачу,— сказал Иван,— и найду ее.

И отправился Иван искать счастья. Идет он день, идет два и три. И только на седьмой день привела его дорога к дивному месту. Увидал он медное озеро. На берегу того озера раскинулся красивый сад. Все яблони в саду бронзовые, листья на яблонях бархатные, а яблоки красной меди.

Смело перемахнул Иван через медный тын и увидел посредине сада большой ток из красной меди, а возле тока медный дом.

Вошел в дом — нет никого, только пахнет жареной бараниной, а Иван очень проголодался. Не долго думая вытащил из печки жаркое и съел всю дочиста. Потом лег на кровать и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало спал, пробудился от страшного шума-гама. Будто бурей сорвало медную дверь с петель, и в горницу влетел лохматый орел весь в медных перьях. Ударился он об пол и обернулся человеком.

— Кто осмелился зайти в мой дом непрошеным, незванным и пользоваться моим добром?

— Я осмелился,— ответил Иван.

— Ах, это ты Иван-батыр! — закричал орел. — Слышал про тебя. Живым отсюда не уйдешь!

¹ Киреметь — место, где, по поверьям, пребывал злой дух.

— Что же, если хочешь силой меряться,— проговорил Иван,— выйдем из дому.

Вышли оба на медный ток, стали друг против друга.

— Начинай! — скомандовал орел.

— По нашим чувашским обычаям,— сказал Иван,— первым начинает тот, кто просит боя.

Орел мешкать не стал. Расправил плечи, размахнулся и так ударил Ивана, что тот по колени в медный ток ушел. Но в ту же минуту, он вскочил, легонько ударил противника, и орел-великан по шею в медный ток провалился. Повертелся, подергался и запросил пощады:

— Не убивай меня! Будь моим старшим названным братом.

Вытащил его Иван и отправился с орлом путешествовать. Прошли чуть ли не тысячу верст и увидели серебряное озеро. Возле озера серебряный сад окружен серебряной оградой. В саду серебряные яблоки с серебряными плодами. Посреди сада серебряный дворец, а перед дворцом просторный серебряный ток.

Оставил Иван медного орла на берегу серебряного озера, а сам перескочил через серебряный ток и зашел в серебряный дворец. Напился, наелся и повалился спать-почивать.

В скором времени пошел грохот, поднялся шум, дверь с петель сорвалась и влетел в серебряный дворец орел в серебряных перьях.

Обернулся орел добрым молодцем, стал браниться:

— Какой невежа осмелился зайти сюда без моего ведома?

Потом заметил Ивана.

— А! Сам Иван-батыр пожаловал! — крикнул он.— Прийти-то пришел, а назад живым не уйдешь!

Вышли на серебряный ток. Изо всей силы ударил серебряный орел Ивана и по пояс вогнал его в серебряный ток. Легко выбрался добрый молодец и сказал:

— Теперь моя очередь.

Вполсилы ударил серебряного орла и по самую шею вогнал в ток. Сколько ни бился орел-великан, выбраться не мог и стал просить:

— Будь моим старшим названным братом!

Протянул Иван ему руку, помог выбраться, и тропулись они в путь втроем.

Шли долго ли, коротко ли, увидели предивное золотое озеро. К озеру золотой сад примыкал. В саду золотые яблони с золотыми яблоками. За золотым тыном золотой дворец стоит, а возле дворца золотой ток. Оставил Иван своих спутников возле озера, а сам перелез через золотой забор и вошел во дворец. Поел и попил сколько хотел, потом лег на пуховую постель и крепко уснул.

Вдруг засверкала молния, загремел гром, поднялась сильная буря, и влетел во дворец лохматый громадный орел в золотых перьях. Обернулся он батыром и заговорил:

— Кто это тут разлегся на моей пуховой постели? Выходи на волю!

Вскочил молодец с постели.

— А! Это Иван-батыр! Слышал я о тебе. Давай силой меряться.

Только вышли, как ударил золотой орел Ивана изо всех сил и вбил по самую шею в золотой ток. Напряг Иван все свои силы и выкарабкался, стал на ноги и со страшной силой обрушил удар на противника. По самую макушку забил его в золотой ток. Только голос послышался:

— Напрасно я понадеялся на свою силу. Вижу теперь: ты много сильнее меня. Будь моим старшим названным братом.

Вызвали Иван золотого великана, и пошли они четвером искать счастья.

Шли степями широкими, через дремучие леса пробирались, переправлялись через озера и моря. По многим государствам прошли и достигли таких мест, где солнце всегда грело по-летнему.

Встретилась им на лесной поляне изба, огороженная высокой железной стеной. Всем хотелось поесть и отдохнуть. Но ни калитки, ни ворот в железной стене найти не могли. Принялись орлы-великаны стену ломать. Сколько ни бились, ничего поделать не смогли. Стоит стена, как стояла. Тогда ухватился за железный лом Иван-батыр, ударил раз, другой и пробил в стене пролом. Вошли через пролом на широкий двор. На дворе семь быков, а в избе никого нет.

Зарезали быка.

— Вари обед,— сказал Иван-батыр медному ор-

лу,— а мы пойдем за ворота, поразведем да дров еще припасем.

Сварил медный орел быка, сидит ждет остальных. Вдруг за дверью послышался голос:

— Открывай двери!

Открыл он и видит: стоит за порогом стар-старичок, сам с локоток, а борода — сажень длинной.

Старичок попросил:

— Внеси гостя в избу, посади за стол!

Внес медный орел старика в избу, посадил за стол.

— Чего это у тебя в котле? — спросил старичок с локоток.

— Мяса паварил, братьев обедать жду,— ответил медный орел.

— А-а, моего быка порешил! — закричал старик.

Выдернул он из бороды три волосины, скрутил-связал теми волосами медного орла, суп и мясо съел и скрылся неизвестно куда.

Воротились в избу три батыра, принесли дров.

— Готов обед? — спрашивают.

А медный орел кое-как освободился от волосяных пут, встал из-под лавки и говорит:

— Когда печь растопил и стал обед варить, до того угорел, что не помню, как и упал под лавку.

— А где обед?

— Ничего не помню, только вот сейчас очнулся.

Нечего делать, зарезали другого быка, оставили обед варить серебряного орла, а сами ушли.

Принялся серебряный орел за дело. Скоро мясо уварилось.

В ту пору послышался за дверью голос:

— Отвори двери!

Дверь отворил, увидал за порогом старичка с локоток, борода — сажень длинной.

— Чего стоишь? Внеси меня в избу, посади за стол,— говорит старичок с локоток.

Поднял его серебряный орел, а старик тем временем выдернул из бороды три волосины, связал богатыря, побил, помял его и бросил под лавку. Сам мясо съел, суп выхлебал и исчез, будто его и не бывало.

Пришли батыры и спрашивают:

— Управился с обедом?

— Какое управился! Принялся варить да так угорел, что и память отшибло. Сейчас только очухался.

Поискали, искали, ни супа, ни мяса не нашли и повалились спать несолоно хлебавши.

На другой день зарезали третьего быка и говорят золотому орлу:

— Сегодня твой черед: вари обед, а мы скоро придем.

Сказали и ушли.

Только успело мясо увариться, как раздался стук в дверь. За дверью старичок с локоток стоит. И говорит он:

— Перепеси меня через порог, посади на лавку!

Поднял его золотой орел, а старичок — раз, раз! — закрутил, связал его тремя волосинами и принялся бить. Бил, бил, под лавку бросил:

— Лежи там!

А сам весь обед съел без остатка и скрылся.

Кое-как успел только золотой орел развязаться, как воротились три батыра:

— Давай обедать!

— Какой тут обед! — молвил золотой орел. — Изба такая угарная, чуть жив остался, лежал без памяти, куда вы не пришли.

— Ну ладно, — засмеялся Иван-батыр, — ступайте, орлы-великаны, дров припасите, а я стану обед варить и погляжу, что тут творится.

Зарезал он четвертого быка, положил в котел и постдавил в печь.

Приготовил обед. «Скоро должны быть мои названные братья», — подумал он. И в ту же минуту услышал из-за двери голос:

— Открой дверь гостю!

— Открывай сам! — крикнул Иван.

Дверь отворилась, и вошел в избу старичок с локоток, борода — сажень длиной тянется.

— Посади меня за стол! — просит.

— Сядешь и сам, коль есть хочешь.

— А чего это у тебя в печи варится? — спрашивает старик.

— Быка освежевал, обед варю, — отвечал Иван-батыр.

Старичок с локоток вырвал три волосины из бороды и кинулся на Ивана:

— Покажу, как моим добром пользоваться!

Схватил Иван-батыр старика в охажу и давай

трепать. Бил, бил, вынес на улицу, нагнул высокое дерево, привязал к нему за бороду непрошеного гостя. Отпустил вершину, и взлетел старичок кверху.

Воротился в избу, а тут и орлы явились. Иван встречает их, посмеивается:

— Узнал я, что за угар в этой избе. Теперь угар ваш на вершине дерева висит.

— Где, где? — заговорили названные братья-орлы. — Пойдем поглядим!

— Никуда он не денется, — остановил их Иван. — Пообедаем, тогда и посмотрите. Садитесь за стол!

Пообедали. Вышли на двор. Смотрят, а на макушке дерева только клочья бороды висят.

— Видно, очухался и сумел отвязаться, — сказал Иван-батыр. — Ну ничего, найдем по следам.

Пошли все четверо по следам старичка с локоток. Следы привели их к бездонной пропасти. Разрезали они бычьи шкуры на ремни, связали, и получился длинный ременный трос.

— Ну, кто первый в подземелье за стариком? — спросил Иван-батыр.

Орлы с ноги на ногу переступают, молчат.

— Что ж, придется, видать, мне спускаться, — заговорил Иван. — Привяжем ремень к дереву, а вы стойте здесь. Когда дерну три раза, тащите.

С теми словами ухватился добрый молодец за ремень и стал спускаться. Спускался долго. Один за другим миновал он шесть слоев земли. А когда спустился за седьмой слой, ремень кончился. Видит Иван-батыр — до дна недалеко. Он соскочил на дно и оказался в подземном царстве. Заметил невдалеке избушку. Стены стеклянные, а крыша шелковая.

Иван зашел в избушку и видит: стены в ней зеркальные, а за стеклянным столом сидит девушка-красавица.

— Кто ты есть, молодец? — спросила девушка. — И как попал в подземное царство?

— Я ищу старичка с локоток, борода — сажень длинной, — отвечал Иван.

— Не знаешь ты, видно, что это и есть царь подземного царства, злой и страшный колдун Чиге-хурсухал. Он давно держит нас, трех сестер, в плену, не выпускает на белый свет.

— А где же он сейчас? Как к нему добратся, скажи мне, красавица.

— И сама не знаю, где он находится. Ступай к средней сестре, может, она укажет.

Распростился Иван с девушкой и пошел к средней сестре. Издали он увидал домик с серебряной крышей. На крыше месяц светил и звезды сверкали. Зашел Иван в домик, увидал девицу, еще краше первой, поклонился ей и спросил:

— Скажи, красавица, как мне разыскать Чиге-хурсухала?

— Разве не ведомо тебе, молодец, что он страшный колдун? Ведь он убьет тебя!

— Не бойся, красавица! Знаю я этого старика, за тем и пришел сюда, чтобы помериться с ним силой, а заодно и вас, трех сестер, освобожу из плена. Скажи, как его разыскать?

— Придется тебе, добрый молодец, идти к нашей старшей сестре, только она знает, где сейчас находится Чиге-хурсухал.

Иван-батыр мешкать не стал, направился к старшей сестре. Вышел на морской берег и тут увидал избушку с золотой крышей. У крыльца трехголовый змей сторожит избушку, никого не пропускает. Не успел Иван меч обнажить, как выскочила на крыльцо девица, столь красивая да приветливая, век бы на нее глядеть — не наглядеться. Взглянул на нее добрый молодец да так и обомлел, а на сердце у него стало тепло и радостно, будто летним солнышком обогрело. И красавица, глядя на него, зарделась, словно маков цвет. А потом испуганно заговорила:

— Как ты, добрый молодец, попал в это страшное подземное царство злого волшебника? Ведь не выпустит тебя живым отсюда Чиге-хурсухал!

— Волшебника-старика я не боюсь,— отвечал Иван.— Скажи только, как мне его найти? Хочу с ним помериться силой и тебя с сестрами из плена освободить.

Подала ему девица — ненаглядная красота коромысло и золотой перстень.

— Ступай по берегу и дойдешь до огненного залива. Вода там пламенем полыхает. Ты окуни семь раз коромысло, и Чиге-хурсухал выйдет на сушу. А в перстне, что я тебе дала, сокрыта большая сила. Ког-

да почувешь, что ослабел, снимй перстень с мизинца и надень на безымянный палец. Сила в тебе утroitся. Ох, поскорее бы ты живым-невредимым воротился!

Поблагодарил Иван, распростился с прекрасной девицей и пошел по берегу моря. Добрался до залива, в котором вода, словно пламя, горела, и принялся опускать в море коромысло. Когда окунул коромысло седьмой раз, всколыхнулась вода в заливе и пламя улеглось. Послышался голос:

— Кто смеет меня беспокоить?!

И вслед за тем выбрался на берег старик Чигехурсухал:

— А-а-а! Это ты опять мне поперек дороги становишься! Ну, знай, живым не отпущу!

Кинулся на молодца старик, теперь уже не с локоток, а громадного роста. Иван едва успел снять перстень с мизинца и надеть на безымянный палец. Бились они бились, оба по колену в землю увязли. Тут Иван изловчился и так крепко ударил злого колдуна по голове, что вбил его по плечи в землю, выхватил меч и отсек напроць голову. После того пошел к золотOVER-хому домику. Девица-краса на крылечке его дожидалась.

— Ой, как я рада, что вижу тебя живым-здоровым! — проговорила она и зарделась, залилась румянцем.

И опять Ивану-батыру легко и радостно стало на душе.

— Теперь и ты, и сестры твои навсегда избавились от злого колдуна, и мы с моими названными братьями выведем вас из подземного царства.

Засуетилась красавица, захопотала. Достала из укладки золотое яичко и, когда они вышли на улицу, перебросила яичко с руки на руку. В ту же минуту не стало домика-дворца с золотой крышей.

Подала яичко Ивану:

— Как только перебросишь яичко с руки на руку, станет златоверхий дворец со всем, что в нем есть, там, где тебе понадобится.

В скором времени зашли они к средней и младшей сестрам и все четверо добрались до места, где висел ременный трос. Иван чуток надставил конць ремня и сказал:

— Сперва пусть по очереди поднимут вас, прекрасные девицы, а потом и я поднимусь.

Первой привязал он к ремню младшую сестру и подергал ремень. Орлы вытащили девицу. Глядят — не наглядятся.

— Там остались мои две сестры, опускайте ремень,— сказала девица.

Когда вытащили среднюю и старшую сестру, медный орел шепнул:

— Лучших невест нигде не сыскать. Я на младшей женюсь, тебе, средний брат, средняя сестра, а золотой орел на старшей женится, если оставим Ивана в подземном царстве.

С теми словами выхватил он меч и пересек ремень.

Упал ремень к ногам батыра, и понял Иван, что предали его орлы. Подумал-подумал, как быть, и пошел куда глаза глядят. Шел, шел и пришел в большую деревню. Попросился в крайней избе:

— Люди добрые, пустите отдохнуть прохожего человека!

В избе застал одну старуху. Плачет хозяйка, голосит:

— Горе-печаль нас, добрый молодец, извели вконец. Уж который день без воды сидим, от жажды изнываем.

— А чего так? — спрашивает Иван. — Озеро рядом, а без воды сидите?

Пуще прежнего заплакала старуха и сквозь слезы пожаловалась:

— Поселился, видишь ты, в нашем озере двенадцатиголовый змей. Кто ни придет за водой, всех пожирает. Вот и живем да смерти ждем, боимся за водой идти.

— Дай-ка мне ведра, по воду схожу, погляжу, какой такой змей!

Взял ведра, пришел к озеру и только успел зачерпнуть воды, как забурлила вода, поднялась большая волна и показалось из воды чудовище с двенадцати головами.

— Три дня добычи дожидался,— зарычал змей,— и вот дождался!

Раскрыл змей все двенадцать пастей и кинулся на Ивана. Встретил его молодец ударом меча и отсек сразу три головы. Закипел жаркий бой — смертная

игра. Долго бились. Удалось Ивану отсечь еще три головы, и почувствовал он: иссякли силы, ослабела рука. А змей по колени его в землю втоптал. Вот-вот совсем одолеет. Тут вспомнил про кольцо, которое подарила ему девица-душа. Сдернул перстень с мизинца, надел на безымянный палец и сразу стал втрое сильнее прежнего. Утроились силы, и страх перед змеем пропал. Рубит мечом, и катятся одна за другой змеиные головы. Отсек двенадцатую голову, и рухнуло бездыханное чудище наземь.

Встретили Ивана-батыра все жители деревни от мала до велика. Обнимают и прославляют его:

— Проси, добрый молодец, чего хочешь, за то что избавил нас от змея, спас от неминуемой смерти.

— Кабы пособили вы мне из подземного царства выбраться на белый свет, так то и была бы мне награда,— проговорил Иван.

— В этом поможет тебе лишь птица Амарт,— посоветовал самый старший старик.— Живет птица Амарт на двадцатисаженной сосне. Придется идти к ней.

Распрощался молодец с народом и отправился в путь. Подошел к сосне, а в ту пору большая змея подползла к огромному гнезду на сосне. Из гнезда со страхом глядели на змею птенцы. Пожалел их Иван, поднял камень и убил змею. Обрадовались птенцы, защебетали:

— Спасибо, добрый человек, избавил нас от смерти. Скоро прилетит наша мать, птица Амарт. Она отблагодарит тебя.

В ту пору пошел по лесу страшный шум, и все кругом потемнело. Закрыла своими крыльями птица Амарт солнце. Птенцы запищали:

— Зачем нас надолго одних оставила? Напала на гнездо большая змея, съела бы она нас, если бы добрый молодец не защитил.

Тут и заметила птица Амарт Ивана-батыра.

— Чем отблагодарить тебя, добрый молодец, за доброе дело? — спросила она.

— Помоги мне подняться из подземного царства на белый свет,— попросил Иван.

— Поднять-то я тебя подниму. Дорога знакомая, но дальняя, а ты больно тяжелый. Заготовь двенадцать пудов мяса и двенадцать ведер воды. Когда станем

подниматься, ты смотри: поверну ежели голову направо, кидай мне в рот мясо, а налево поверну — пить давай. Без того сил не хватит вынести тебя на белый свет.

Воротился Иван в деревню, рассказал, чего требует птица Амарт. Народ с радостью помог ему. Погрузил Иван припасы на спину птице Амарт, сам сел на нее. Взмахнула птица десятисаженными крыльями и полетела. Повернет голову направо, Иван кидает ей в рот мясо, налево повернет голову, он пить дает. Летели, летели, все припасы стали к концу подходить, а птица Амарт чаще и чаще поворачивала голову то вправо, то влево. Под конец ни мяса, ни воды не осталось, и в эту самую пору вылетела птица на белый свет, упала вместе с Иваном наземь и проговорила:

— Если бы пришлось еще хоть немного подниматься, сбросила бы тебя, молодец, так я ослабела от голода и жажды. А теперь прощай. Ступай, куда тебе надо, а я к деткам тороплюсь.

Поблагодарил Иван птицу Амарт и тронулся в путь. Идет да радуется: «До чего же хорошо на белом свете! Радостно идти по родимой обжитой земле, не то что в подземном царстве!»

Шел долго ли, коротко ли и добрался до золотого дворца, где золотой орел жил. А там пир горой. Все три орла свадьбу играют, собираются трех сестер-красавиц к венцу вести.

— Знаете, как за измену и предательство карают? — крикнул Иван.

Выватил было свой острый меч, а потом остановился.

— Неохота мне на радости, что выбрался на землю, кровь проливать. Уходите прочь отсюда куда знаете, лишь бы не видеть мне изменников, черных предателей!

Убежали орлы без оглядки, скрылись неизвестно куда.

— А вы, красавицы, узнали меня? — обратился он к девицам.

Младшая и средняя сестры головами покачали:

— Что-то не припомним, кто ты такой.

А старшая сестра кинулась Ивану на шею:

— Дорогой, желанный Иванушка! Можно ли тебя забыть? Я все время о тебе помнила, плакала и на-

деялась, что не навек с тобой разлучилась! Ведь я перстень свой отдала и своим суженым назвала.

Отправил Иван-батыр среднюю и младшую сестру к их родителям, а старшую привез к своим старикам, к отцу с матерью.

Встретили их отец и мать с великой радостью.

— Ну как, сынок,— спросил отец,— нашел ли ты счастье?

— Трех пленниц из подземного царства освободил, злого волшебника убил, народу пособил освободиться от двенадцатиголового змея, красавицу невесту, верную и любящую подругу нашел. Это ли не счастье?

— Правда, сынок. Видать, не зря ты родной дом покинул да по белу свету странствовал. Невеста твоя нам с матерью по душе пришлась, и мы с радостью благословляем вас. Живите в мире и согласии, как прожили мы свою жизнь.

И завели свадебный пир на весь мир. И я на том пиру был, обо всем этом узнал и сказку рассказал.

ДЕВУШКА И МЕСЯЦ

Чукотская сказка

Был среди чукчей человек с одной дочерью. Девушка — лучшая помощница отцу. Каждое лето стережет она стадо оленей далеко от своего стойбища, каждую зиму еще дальше уходит. Только изредка приезжает на своем упряжном олене-быке за едой.

Однажды ночью ее упряжной олень голову поднял, на небо глянул и говорит:

— Смотри, смотри!

Взглянула девушка на небо и видит: спускается Месяц на нартах, на двух оленях.

— Куда он? Зачем? — спрашивает девушка.

— Тебя утащить хочет! — говорит олень.

Встревожилась девушка:

— Что делать? Унесет меня к себе!

Упряжной олень копытом снег разбросал — ямка появилась. Говорит он:

— Садись скорее сюда!

Девушка села. Олень снегом ее забросал. Нету девушки — только одна снеговая кочка!

Спустился месяц с неба, остановил своих оленей, слез с нарт. Ходит, осматривает все кругом — девушку ищет. Не может найти!

К кочке подошел, на макушку поглядел — догадаться не мог, что это такое.

— Что за диво? — удивляется Месяц. — Куда девушка подевалась? Не найти мне ее! Уеду теперь, а потом опять спущусь. Тогда уж непременно найду ее и к себе утащу!

Сел на свои нарты, понесли его олени на небо.

Только Месяц уехал, упряжной олень разгреб снег.

Вышла девушка и говорит:

— Поедем скорее в стойбище! А то Месяц усмотрит — опять спустится. Тогда уж не спрячется мне!

Села она на нарты. Понесся ее упряжной олень во весь опор. Примчались в стойбище. Вбежала девушка в чум, а стца в чуме нет. Кто поможет?..

Упряжной олень торопит:

— Прятаться надо, а то прискачет Месяц вслед за нами!

— Куда же мне спрятаться?

— Я тебя превращу во что-нибудь! Может быть, в каменную плаху?

— Узнает!

— Ну, жердью в чуме сделаю!

— Узнает!

— Что же делать? Превращу тебя в светильник.

— Хорошо!

— Ну, садись!

Села девушка. Олень копытом стукнул — превратилась она в светильник. Горит светильник ярко, весь чум освещает.

Только стала девушка светильником, а Месяц опять обыскал все ее стадо и примчался в стойбище.

Оленей своих привязал, вошел в чум. Стал искать. Ищет, ищет — найти не может. Смотрит и между жердями, рассматривает всю утварь, каждый волосок на шкурах, каждый сучок над постелями, каждую частичку земли в шатре — нигде девушки нет!

А светильника не замечает, потому что светильник яркий и Месяц такой же яркий.

— Диво! — говорит Месяц. — Где же она? Видно, вернуться мне надо.

Вышел из чума, стал развязывать оленей. Развязал, уселся на нарты. Только собрался уезжать, а девушка высунулась по пояс, засмеялась, крикнула:

— Вот я! Вот я!

Бросил Месяц оленей — опять в чум. А девушка снова превратилась в светильник.

Принялся Месяц искать. Ищет между сучками и между листьями, между шерстинками и между комочками земли — нигде девушки нет!

— О, что за диво! Где же она? Куда пропала? Видно, ни с чем придется вернуться!

Только вышел из чума, стал развязывать оленей, а девушка высунулась по пояс из полога, смеется, кричит:

— Вот я! Вот я!

Кинулся Месяц в чум, снова принялся искать.

Долго искал, все перерыл, а найти не может...

От поисков устал он, похудел, ослабел. Еле-еле погами переступает, еле-еле руки поднимает.

Тут уж девушка перестала бояться его. Приняла свой прежний облик, выскочила из чума, бросила Месяц на спину, связала ему руки и ноги.

— Ого! — говорит Месяц. — Убьешь ты меня! Ну что ж, убивай, потому что я сам виноват — с Земли тебя утащить хотел. Только перед смертью положи меня в полог, дай обогреться, потому что озяб я...

Удивилась девушка:

— Как это ты озяб? Ты вечно на воле живешь, чума у тебя нет. Бездомный ты, оставайся и теперь снаружи! Какой еще полог тебе?!

Стал Месяц спрашивать девушку:

— Если я вечно бездомный, отпусти меня наружу! Я буду забавой твоему народу. Отпусти меня — я буду заметой твоему народу! Отпусти меня — я буду превращать ночь в день! Отпусти меня — я твоему народу измерю год! Сперва я буду Месяцем старого быка, потом Месяцем рождения телят, потом Месяцем вод, потом Месяцем листьев, потом Месяцем тепла, потом Месяцем обдирания рогов, потом Месяцем любви у диких оленей, потом Месяцем первой зимы, потом Месяцем укорачивающейся ночи...

— А когда выпущу, когда сильным станешь, когда

окрепнут у тебя руки и ноги — не будешь за мной при-
езжать?

— О нет, не стану! Забуду! Куда там — очень уж ты
смышленная! Никогда больше не сойду с небесного пу-
ти! Отпусти — засвечу для людей!

Отпустила — засветил.

КАК ПТИЦЫ ОГОНЬ ДОБЫВАЛИ

Шорская сказка

Было это, когда добрый Уль-
гень горы и реки, деревья и тра-
вы сотворил, людьми, зверями,
птицами, рыбами землю и воду
поселил. Птицам в их гнездах
тепло и уютно жилось, перьями
и пухом они были одеты. Зве-
рям в берлогах и норах тоже
вольготно было, их шерсть гус-
тая от холода укрывала. О ры-

бах и говорить нечего. У всех еды было вдоволь, добы-
вать ее было легко, словом, всем хорошо жилось.

Одному человеку было плохо: он голым был, в жи-
лище его огня не было, чтобы согреться возле него в
зимние холода, мясо или коренья на нём сварить или
зажарить. Холодно и голодно людям было. И стали они
птиц просить — умолять:

— Вы, птицы, вокруг всей земли летаете, в небо — к
солнцу и звездам — поднимаетесь, горы огнедышащие
переваливаете, — только вы и можете добыть и принести
нам огонь.

Птицы во все концы земли разлетелись, в небо взви-
лись.

Журавль, в небесное жилище Ульгения поднявшись,
сказал:

— Тобою созданные люди на земле от мороза ко-
ченеют, от голода погибают, дай огонь им!

Ульгень разгневался и на людей, и на журавля, да-
же искорку огня из своего очага отказался дать, как
журавль ни упрашивал, выгнал его из жилища, а сам
спать улегся.

Подождал журавль, пока Ульгень хорошенько за-

снет, потихоньку к очагу подобрался, длинной своей ногой из очага пылающий уголек выхватил, в длинном клюве зажав, стремглав на землю опустился, огонь людям принес..

Другая птица — орлица, над высокими горами пролетая, на скалу подоблачную отдохнуть присела. Лишь коснулась своими когтями скалы, камень от нее отломился, вниз покатился и, ударившись о другой камень, искры высек; от которых сухие деревья загорелись. Орлица, осколок скалы в когтях зажав, в долину к людям вернулась, сказала:

— Если два камня друг о дружку ударить, искры посыплются, огонь можно разжечь.

С тех пор и научились люди из камня огонь высекать.

КАК ОДИН ЭВЕНК НА НЕБЕ ПОБЫВАЛ

Эвенкийская сказка

Давно это было. Плыл на карбасе по реке купец с работниками к эвенкам торговать. Поднялся в тот день ветер-верховик, погнал большие волны, разбил карбас и людей по воде разбросал.

Купец и люди утонули. Один только работник остался. Он за доску уцепился. Погнал его ветер в море. И прибило работника к острову. Вышел работник на остров. А на острове не то чтобы деревцо, даже трава не росла. Посмотрел он вдаль, а земля далеко за морем осталась.

Идет и думает: «Помирать, наверное, придется». Холодно стало. Видит, лежит на камнях сохатый ободранный. Шкуры и внутренностей нет. «Дай,— думает,— в него залезу. Все теплее будет». И залез.

Долго лежал. Слышит сквозь сон, будто два орла прилетели. «Сейчас съедят»,— думает. Сели они. Чует, те орлы досю куда-то понесли. Долго он, как в люльке,

у лося в утробе качался. Потом орлы на землю, видать, его положили и улетели куда-то.

«Будь что будет,— думает.— Вылезу...» Вылез. Видит, что это уже не остров, а какая-то другая земля. Кругом лес с деревьями до неба. Широкая дорога по нему тянется. «Дай,— думает,— по ней пойду». И пошел. Долго шел. Потом человек-великан ему повстречался. спрашивает его великан:

— Ты откуда?

— Сам не знаю...— отвечает ему тот.

— А я знаю... Ты с земли на небо пришел. Ну, иди, стало быть, жить к нам,— сказал и дальше пошел.

Идет гость по дороге. Долго шел. Видит, между деревьями чумы каменные стоят. На площади ямы глубокие вырыты. Возле них стоят люди-великаны. Они лосей ободранных в ямы сбрасывают. Лося сбросят — орлы их обратно из ям достают. Достанут, на землю положат. У лося на мясе крупинки золота блестят. Люди-великаны золото с лося соберут и обратно в яму зверя бросают. Орлы их снова достают.

Человек помогать им начал. Они его с собою жить взяли. Целый год работал. Потом невесту-великаншу себе в жены взял. Только недолго с нею жил. Заболела она и померла вскорости. Собрались люди-великаны вокруг покойницы. Гроб ей сделали. Покойницу туда положили. Говорят ему:

— Рядом с ней ложись.

— Да что вы? Я же не помер,— возражает эвенк.

— А у нас на небе закон такой. Не ляжешь — силой положим.

Долго не соглашался человек с земли, но делать было нечего — лег в гроб вместе с женой. Гроб заколотили и к яме понесли. Думает: «Пропал теперь». Принесли к яме. Что-то крикнули по-своему три раза и в яму сбросили. Полетел гроб. Перевертывается, об стенки ямы стучит. Долго летел. А когда на дно ямы упал — разбился.

Смотрит эвенк кругом, а ничего не видит. Темнота кромешная. Шарит руками около себя. Кости человечьи обглоданные нащупал. Слышит, где-то в стороне женщина плачет. Думает: «Пойду куда глаза глядят». Встал и пошел. О камень споткнулся. Видит, из темноты два огромных красных глаза показались. На него прямо идут. Свистят. Он за камень спрятался. Чудови-

ще проползло туда, где женщина плачет. А он сидит за камнем и слушает, что дальше будет. Женщина еще раз крикнула, а потом тихо стало. Только слышно, как у чудовища на зубах кости человечьи хрустят. Потом и оно куда-то исчезло.

Эвенк дальше пошел. Земля сначала под ногами ровная была. Дальше камни попадаться начали. «Дай,— думает,— камней в карманы наберу. Кто нападет — защищаться буду».

Набрал камней и дальше пошел. Долго шел. Видит — вдали, в темноте, звездочка маленькая блестит. На нее направился. Чем ближе подходил, тем звездочка больше становилась. Вот уже под ногами светлее стало. Отдохнуть решил. Те камни из кармана выбросить хотел. Глядит: а это не камни, а куски золота. Обрадовался. В карман положил.

Встал и снова пошел. Вот уже звезда солнцем стала. Светло, как днем, сделалось. Оглянулся назад, а сзади туча черная стоит. Вперед глянул — реку увидел, по которой плыл. Смотрит на реку. По середине реки русские люди в карбасе плывут. Он кричать начал, чтобы к берегу пристали. Не слышат. Плывут. Тогда снял свою белую рубаху и на палку прицепил. Машет ею. Увидели с карбаса. К берегу повернули. Пристали и кричат:

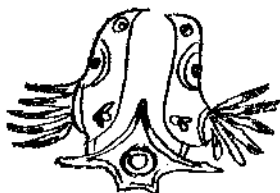
— Смотри! Знакомый! Откуда ты? Ведь мы о тебе три года, как вести не имеем.

Эвенк рассказал, как с ним дело было. Они его с собой взяли. До чума довели и дальше поплыли.

Раздал он золото бедным эвенкам и себе оставил. С тех пор хорошо жить начал. В работники к купцам потом Ак-сагыш.

АК-САГЫШ И КАРА-САГЫШ

Тувинская сказка

Давным-давно жили два брата: Ак-сагыш и Кара-сагыш. Не было у них ничего, кроме двух коней: белого у Ак-сагыша и черного у Кара-сагыша.

Ездили братья на своих конях и кормились тем, что давали им добрые люди.

Однажды застал их в степи большой туман. Долго блуждали братья, сильно проголодались.

— Давай съедим твоего коня,— сказал брату Кара-сагыш,— а на моем вместе будем ездить.

Голодные братья быстро расседлали белого коня, зарезали его и наелись досыта. Потом они стреножили коня Кара-сагыша и пустили пастись. Сами легли спать, положив под головы седла.

Дождлся Кара-сагыш, когда Ак-сагыш уснул, и усккал от него на своем коне.

Проснулся утром Ак-сагыш — нет брата. «Наверно, Кара-сагыш ушел искать коня» — подумал он и стал ждать. Ждал, ждал — не дождался и сам отправился искать. Но ни коня, ни брата, не нашел.

Запечалился Ак-сагыш, да делать нечего — пошел один куда глаза глядят.

Шел, шел и поднялся к верховьям реки Кара-Суг.

Смотрит, стоит чум из конских голов и коры. Заглянул Ак-сагыш в чум — никого нет. Залез он под топчан и стал ждать, кто же придет?

Вечером в чум ввалились медведь, волк, лисица и кабан.

— Хороший день выдался сегодня у меня,— заревел медведь.— Вдоволь я полакомился кедровыми орехами. А чем вы поживились, друзья?

— А я накопил своей серебряной палкой столько корней, что и съесть не смог,— похвалился кабан.

— Ты смотри, береги свою палку, а то, не ровен час, украдет кто-нибудь,— предупредил кабана медведь.

— Не украдут, я спрятал ее в надежное место — под бревно возле чума,— ответил кабан.

Потом лисица похвасталась:

— У меня тоже удачный был день. Много наловила я сусликов.

— Я тоже не отстал от вас,— сыто проорчал волк.— У Караты-хана попиrowал. Там люди и скот гибнут от жажды. Вода куда-то исчезла.

— А как же найти воду?— спрашивает лисица.

— Я знаю,— ответил кабан.— Черный валун, величиной с корову, завалил родник Караты-хана. Только моей серебряной палкой можно столкнуть его под гору.

— Не болтай лишнего, хоть дверь и закрыта,— остановил его медведь.

Поговорили звери и заснули. Выбрался потихоньку Ак-сагыш из чума, нашел серебряную палку и отправился к Караты-хану.

Зашел Ак-сагыш прямо в ханскую юрту. Дали служанки Ак-сагышу сыворотки и стали гнать его из юрты.

— Не гоните меня, я хочу помочь вашей беде,— говорит Ак-сагыш.

Услышал хан и сказал:

— Ну что ж, попробуй, простой смертный. Пустишь воду, спасешь скот — награжу тебя. Отдам за тебя свою дочь, выделю скот из своего стада, добро из своего добра. А не сможешь — прощайся с жизнью.

— Ладно,— согласился Ак-сагыш и пошел к роднику.

Положил он под огромный валун серебряную палку и легонько скатил его под гору.

Звонко зажурчала вода родника и разлилась широко вокруг.

Скот жадно двинулся к воде, топча и толкая друг друга.

Сдержал свое слово Караты-хан: выдал за него свою дочь, выделил скот из своего стада, добро из своего добра.

Однажды после долгих скитаний пришел к Ак-сагышу голодный и усталый Кара-сагыш. Ак-сагыш обрадовался, стал его угощать.

— Как это ты сделался таким богатым?— завистливо спросил Кара-сагыш.

Рассказал ему все Ак-сагыш. Разгорелись от жадности глаза у Кара-сагыша: «Чем я хуже Ак-сагыша?

Тоже хочу быть богатым»,— и побежал искать чум зверей. Разыскал его и спрятался под топчан.

Вечером в чум ввалились медведь, волк, лисица и кабан.

— Расскажите, друзья, кто чем поживился сегодня?— спрашивает медведь.

Кабан говорит:

— Мою серебряную палку кто-то украл. Попадись он мне — разорвал бы его. За весь день с трудом выкопал один корешок. Пусто в брюхе у меня.

Потом лисица пожаловалась:

— Я тоже сегодня голодная. За весь день только одного маленького мышонка и съела.

— Я тоже ничего не нашел сегодня, кроме одной обглоданной кости,— зло прорычал волк.— У Каратыхана теперь много воды и весь скот здоров. Кто-то подслушал нас и помог воду пустить. Попадись он мне — загрыз бы его.

Слушает всех медведь, сам помалкивает. Стали звери его расспрашивать.

— У меня сегодня тоже был плохой день,— нехотя начал медведь.— Попался мне всего один кедр с шишкой на макушке. Только я до вершины добрался, как налетел сильный ветер и сшиб меня с кедра. И шишку не достал, и бока помял. Все болит!— заревел медведь и грохнулся на топчан, да так, что доски затрещали.

Испугался Кара-сагыш и выскочил из-под топчана. Голодные звери схватили его и хотели загрызть. В это время раздался выстрел. Это был Ак-сагыш, прибежавший искать пропавшего брата.

Все звери в страхе разбежались.

Кара-сагыш сидел на земле с разинутым ртом, чуть живой от смертельного ужаса.

— Никогда не завидуй и не жадничай,— сказал ему потом Ак-сагыш.

КАК ВЕТЕР К ВЕЛИКОЙ ГОРЕ ХОДИЛ

Якутская сказка

Жили у голубого озера гордый якут с дочкой и добрый якут с сыном. Совсем рядом их юрты стояли, а никогда они друг к другу в гости не ходили. Встретятся, бывало, на берегу, добрый якут почтительно кланяется, а гордый якут и не смотрит на него. Добрый якут сядет на улице курить лицом к юрте соседа, а тот спиной повернется. Добрый якут идет ловить рыбу на ближний берег, а гордый якут — на самый дальний. Так и жили.

Однажды пробежал мимо глубокого озера большой Ветер. Посмотрел он на людей, как они в неладу живут, и думает: «Дай-ка попробую их одинаковыми сделать».

Подкрался Ветер к тому месту, где гордый якут с дочкой рыбу ловили, да как подует! Полетела вяленая рыба в ту сторону, где добрый якут с сыном рыбачили, и попала на их берегу. А Ветер забрался на сопку и смотрит, что люди дальше будут делать. Собрали добрый якут с сыном рыбу, перенесли ее в лодку и гордому якуту повезли. Увидел он, что соседи рыбу везут, велел дочери в другую сторону смотреть и не разговаривать.

Подплыли отец с сыном к берегу, вытащили из воды лодку и говорят:

— Принимай, сосед, рыбу, которую от тебя Ветер унес.

А гордый якут с дочерью как немые стоят. Обидно стало добрым соседям за такое неуважение, высыпали они из лодки на берег рыбу и обратно поплыли.

Подождал гордый якут, пока соседи к своему берегу пристанут, а потом побежал к оставленной на берегу рыбе и всю ее в воду побросал.

Увидел это Ветер и еще пуще рассердился. «Подожди,— думает,— я сейчас собою твою гордость».

Только сел гордый якут в лодку, чтобы снова сеть закинуть, Ветер как рванет по озеру волной. Ударила

высокая волна в лодку и выбросила ее у самой рыбалки доброго якута. Подбежали отец с сыном к гордому соседу, а он еле дышит. Положили его на крепкую сеть и в юрту понесли. Прибежала дочь, забилась в угол, плачет и разговаривать ни с кем не хочет. Стали добрый якут с сыном за больным ухаживать. Дрова и воду носят, чай варят, по ночам у очага дежурят, а Ветер потихоньку вокруг юрты ходит и ждет, что же дальше будет?

В одно прекрасное утро здоровым гордый якут стал. Поднялся он на ноги, поманил за собой свою дочь и на рыбалку повел, даже спасибо соседям за заботу не сказал. Тяжело вздохнули отец с сыном, а Ветер в этот день совсем злым стал. Лег он на высокий камень и ждет, когда якут с дочкой домой пойдут. Только они к юрте подошли. Ветер как выскочит из-за камня, как закрутит столб черной земли. Сорвал он юрту гордого якута, деревянный остов в щепки превратил, а оленьи шкуры за сопки унес.

В это время добрый якут с сыном с работы шли. Посмотрели они на то место, где юрта соседа стояла, и ахнули. Глубокая яма там образовалась. Жалко им стало гордого якута с дочкой, которые без крова остались, подошли они к ним и говорят:

— Идите в нашу юрту, а мы себе другую поставим.

Опять не поблагодарил гордый якут доброго соседа, даже теплым взглядом его не порадовал, вошел в чужую юрту и по-своему хозяйничать стал. Увидел Ветер, что добрый якут с сыном из прутьев юрту собирает, а гордый якут идет и по-прежнему нос кверху поднимает, и решил Ветер к великой Горе сбегать, совета попросить: какой силой заставить людей породниться?

Много дней и ночей бежал по долинам Ветер, пока до великой Горы не дошел.

Остановился у Горы и спрашивает:

— Скажи мне, великая Гора, вся ли земля тебе видна?

— Как есть вся,— отвечает Гора.

— Посоветуй, великая Гора,— продолжал Ветер, — чем людей породнить можно?

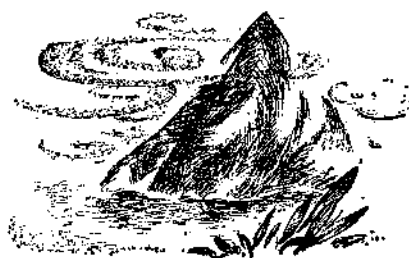
— Дружбой,— говорит Гора.

— А как эту дружбу найти?

— Беги на свою старую землю, колыхни от края до края большие и малые деревья в тайге, подними в

широких реках и морях седую воду, разгони в небе черные тучи и дай дорогу ясной заре. Тогда увидишь, как дружба рождается.

Пропел большой Ветер великой Горе свою благодарность и обратно побежал. День бежит, два бежит— что ни дальше, тем больше силы чувствует. Влетел в широкую тайгу и уняться не может. Ходит из конца в конец и все, что есть на земле, поднимает. Смотрит и не верит: гудит земля, столько его сила дел наделала, что поверить трудно. Обходит Ветер долины и любит-ся. Олени, что рассеявшись по тайге бродили, в одно стадо перешли. Люди все вместе у большого костра сидят, одну работу выполняют. Шумит Ветер и вместе с людьми молодеет. Подошел он рано утром к глубокому озеру, а там много народа ясную зарю встречать вышли. Гордый якут с добрым соседом новый дом рубят, а их веселые дети вместе большую сеть к озеру несут. Посмотрел большой Ветер на равных в счастливой доле людей, радостно ему стало, и запел он над миром могучую песню: как великая Гора научила его пронести по земле небывалый ураган, от которого развеялась рознь и навечно воссияла дружба.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван меньшой — разумом большой (русская сказка)	3
Солдат и смерть (русская сказка)	23
Кот и лиса (русская сказка)	33
Про бедного парубка и царевну (украинская сказка). Перевод Г. Петникова	36
Катигорошек, Вернигора, Вертидуб и Крутиус (украинская сказка). Перевод Г. Петникова	44
Разумная дивчина (украинская сказка). Перевод Г. Петникова	53
Легкий хлеб (белорусская сказка)	56
Кот Максим (белорусская сказка). Обработка А. Якимовича, перевод Г. Петникова	59
Синяя Свита Наизнанку Сшита (белорусская сказка). Обра- ботка А. Якимовича, перевод Ел. Благиной	66
Фархад и Ширин (узбекская сказка) Перевод И. Шевердиной	69
Вода бессмертия (узбекская сказка)	76
Девять лодырей (узбекская сказка). Пересказ и обработка Ш. Сагдуллы, перевод А. Мордвилко	77
Счастье Кадыра (казахская сказка)	82
Жадный Карахан (казахская сказка)	87
Бай-музыкант и Алдар-Косе (казахская сказка)	91
Чонгурист (грузинская сказка). Перевод Э. Джалиашвили	93
Сварливые старухи и разумная девочка (грузинская сказка). Перевод Э. Джалиашвили	94
Две пощечины (грузинская сказка). Перевод Э. Джалиашвили	95
Башмачник (азербайджанская сказка). Перевод Э. Ибрагимова	96
Семь гранатовых прутьев (азербайджанская сказка). Перевод Л. Пороцкой	101
Пастух (азербайджанская сказка)	102
Ель — королева ужей (литовская сказка). Перевод С. Мар Старый Мороз и молодой Морозец (литовская сказка). Обработка М. Булатова	107
Ежик (литовская сказка) Пересказ А. Любарской	112
Субботняя вода (молдавская сказка). Перевод А. Столовой	114
Два брата и нужда (молдавская сказка). Перевод А. Еродского	115
Барин и крестьянин в суде (молдавская сказка). Перевод В. Чиркова	126
Ежова шубка (латышская сказка). Перевод С. Бажановой, Ч. Шкленика	128
Хорошие советы (латышская сказка). Перевод С. Бажановой, Ч. Шкленика	129
Лисьи сани (латышская сказка). Перевод С. Бажановой, Ч. Шкленика	132
Чолпон — утренняя звезда (киргизская сказка). Обработка К. Эшмамбетова, перевод Д. Брудного	134
Как мальчик спас свой город (киргизская сказка). Перевод Г. Шариповой	138
Ум, Богатство, Счастье (киргизская сказка). Перевод М. Богдановой	145
Птица Кяхка (таджикская сказка). Обработка М. Булатова	146
Стрелок и его друзья (таджикская сказка). Пересказ А. Лю- барской	149

Как падишах стал ткачом, а дочь пастуха — женой падишаха (таджикская сказка). Пересказ А. Любарской	157
Сорок разбойников (армянская сказка). Перевод А. Иоаннисиан	161
Про козу (армянская сказка). Перевод А. Иоаннисиан	169
Что посеешь, то пожнешь (армянская сказка). Перевод Я. Хачатрянца	172
Келье-батыр (туркменская сказка). Перевод и обработка О. Эрберга	173
Сорок небылиц (туркменская сказка). Перевод и обработка О. Эрберга	179
Умный Ахмед (туркменская сказка). Перевод и обработка О. Эрберга	182
Молодой кузнец (эстонская сказка)	184
Хитроумный (эстонская сказка). Перевод Е. Поздняковой	190
Сироткин жернов (эстонская сказка). Перевод Е. Поздняковой	198
Лошадь, вол и осел (абазинская сказка). Перевод В. Тугова	201
Мудрость (абхазская сказка). Обработка Н. Микава	205
Красавица Езензулхар (аварская сказка)	206
Семеро братьев (алтайская сказка). Литературная обработка А. Гарф и П. Куцияка	214
Алтын-сака и старуха Убыр (башкирская сказка). Обработка М. Булатова	220
Снег и заяц (бурятская сказка). Перевод А. Преловского	223
Мальчик Бебеле (еврейская сказка)	224
Как Фухт-Бей заработал у ведьмы жеребенка (ингушская сказка). Пересказ М. Ватагина	227
Трудовые деньги (кабардинская сказка). В пересказе М. Булатова	236
Стрелок и Царкин-хан (калмыцкая сказка). В пересказе М. Булатова	239
Джанай-посол (каракалпакская сказка)	256
Смекалка не хуже силы (карачаевская сказка). Рассказал М. Булатов	258
Матти-весельчак (карельская сказка). Обработка М. Булатова	261
Война из-за ржаного зернышка (сказка народа коми). Обработка Н. Белинович	264
Как смывленный пахарь барса проучил (лезгинская сказка). Рассказал М. Булатов	273
Зайчик (мансийская сказка). Запись и перевод В. Чернецова	276
Лиса и медведь (мордовская сказка). Обработка М. Булатова	277
Как могучий орел вернул ненцам солнце (ненецкая сказка)	278
Кто настоящий храбрец (осетинская сказка). Обработка М. Булатова	280
Камыр-батыр (татарская сказка). Перевод Г. Шариповой	283
Хозяин воды (тофаларская сказка). Запись и литературная обработка М. Ошарова	288
Березовая девушка (тувинская сказка). Перевод М. Хадаханэ	290
Харючи (тунгусская сказка)	291
Как батрак с попом рассчитался (удмуртская сказка). Литературная обработка В. Савельева	293
Тигр и человек (удгейская сказка)	301
Находчивая девушка (уйгурская сказка). Пересказ М. Ватагина	303
Серебряная книга (хакасская сказка). Литературная обработка А. Коптелова	304

Толстый Колькат (хантыйская сказка). Запись и литературная обработка В. Пукначева	303
Злая женщина и чудовище (чеченская сказка). Обработка М. Булатова	313
Батыр и Чиге-Хурсухал (чувакская сказка)	323
Девушка и месяц (чукотская сказка). Обработка М. Булатова	335
Как птицы огонь добывали (шорская сказка). Запись Н. Ды- ренковой, литературная обработка А. Смердова	338
Как один эвенк на небе побывал (эвенкийская сказка)	339
Ак-сагыш и Кара-сагыш (тувинская сказка)	342
Как Ветер к великой Горе ходил (якутская сказка). Запись В. Кривошеина	345

Дорогами сказок: Сказки народов СССР. [Сост.
Д 69 И. Баранова]. — Т.: «Ёш гвардия», 1987. —
352 с.: ил.

Настоящий сборник сказок поведет читателя причудли-
выми дорогами в возмущающий мир таинственной древней и всегда
новой сказки, в увлекательной форме, используя фольклор-
ные традиции разных народов, поведает нам о вечных темах
добра, красоты, любви.

Публикуется по изданиям прошлых лет.

ББК 82.3(2)

ДОРОГАМИ СКАЗОК

Сказки народов СССР

Редактор Т. Горбонос
Художник Л. Садыкова
Худ. редактор Р. Зуфаров
Техн. редактор У. Ким
Корректор З. Наджатова

ИБ 2205

Сдано в набор 4.03.87 г. Подписано в печать 22.05.87 г. Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Литературная». Бумага типографская. Печать высокая. Уч. изд. л. 18,82+0,72 (вкл.). Усл. печ. л. 18,48+0,42 (вкл.). Заказ 605/117. Тираж 500 000. (4-й завод—100 000.) Цена на бумаге № 1—1 р. 90 к., на бумаге № 2—1 р. 80 к. Договор 17—87 г.

Набрано в Ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент, ул. Ленина, 41.

Отпечатано с матриц в типографии № 2 ТППО «Матбуот» по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Янгйуль, ул. Самаркандская, 44.

1р. 80к.

Ёш гвардия